

Ярослав Гашек

4

Ярослав
Гашек

ЯРОСЛАВ
Гашек

Собрание
сочинений
в пяти
томах

4

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА ● 1966

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
П. Богатырева.

Оформление и иллюстрации
художника И. Семёнова

Рассказы
1910–1913

СПАСЕН

Неважно, за что должны были повесить Патяла. Какие бы на его совести ни лежали преступления, он не мог не улыбнуться, когда вечером накануне казни к нему в камеру явился надзиратель с бутылкой вина и изрядным куском телячьего жаркого.

— Это все мне?

— Да, да,— соболезнующе сказал надзиратель,— покушайте хорошенько в последний раз. Сейчас принесу вам салат из огурцов,— я не мог унести все сразу. Захватите еще и булочки и сразу вернусь.

Патял уселся поудобнее за стол и, ухмыляясь, принялся уничтожать телятину. Как видим, это был циник, но, впрочем, совершенно здравомыслящий человек, стремившийся взять от жизни все, что она может дать в эти оставшиеся ему считанные часы.

Одна только мысль портила ему аппетит: люди, сегодня утром сообщившие ему, что его ходатайство о помиловании отклонено, а выполнение приговора отложено всего на двадцать четыре часа, чтобы приговоренный мог как следует подготовиться к успешному проведению казни и привести в порядок все свои земные дела, люди, которые будут вешать его и смотреть на его смерть,— все эти люди завтра, и послезавтра, и еще много-много лет будут жить и по вечерам как ни в чем не бывало возвращаться к своим семьям, а его, Патяла, уже не будет на свете.

Размышляя таким образом, он меланхолично уплетал телячье жаркое, а когда ему принесли салат и булку, вздохнул и выразил желание покурить.

Осужденному купили табаку и глиняную трубку. Надзиратель сам поднес ему спичку и кстати напомнил о бесконечном милосердии божьем. Если на земле все потеряно, то не все потеряно на небесах...

Осужденный попросил порцию ветчины и литр вина.

— Сегодня вы получите все что хотите,— сказал надзиратель,— для людей в вашем положении мы ничего не жалеем.

— Тогда прихватите еще двойную порцию ливерной колбасы и порцию зельца. Кроме того, я не отказался бы от литра черного пива.

— Все получите, сейчас распоряжусь,— любезно сказал надзиратель.— Отчего не порадовать вас? Жизнь слишком коротка, надо брать от нее все что можно.

Когда надзиратель принес заказанное, Патял объявил, что вполне удовлетворен.

Однако не тут-то было.

— Послушайте,— сказал он, очистив все тарелки,— мне что-то захотелось жареного зайца, сыра — того, что называется горгонзола, сардинок в масле и еще каких-нибудь других деликатесов.

— Пожалуйста, все, что вам угодно. Честное слово, душа радуется, глядя на ваш аппетит. Надеюсь, вы до утра не повеситесь? Я вижу, вы порядочный человек. К тому же какая вам польза, Патял, вешаться раньше, чем этого хотят власти? Говорю вам как честный человек — вы на это не способны, нет. И думать об этом не стоит! Выпейте-ка лучше еще пива — кружку или, может быть, две? Пиво нынче превосходное, под горгонзолу само в глотку льется. Так я принесу вам две кружки, а сардины и жареного зайца, дорогой друг, лучше запивать вином.

Вскоре запахи всех этих лакомых яств наполнили камеру. Обставленный блюдами, Патял налегал то на сыр, то на сардины, запивая их и пивом и вином — что попадало под руку.

Ему вдруг вспомнилось, как еще на воле он вот так же сытно и приятно ужинал, сидя на веранде загородного ресторанчика. Листва деревьев поблескивала в свете луны, а против него, как сейчас надзиратель, сидел тол-

стый ресторатор — владелец этого райского уголка, болтал без умолку и все потчевал Патяла...

— Расскажите мне что-нибудь смешное,— попросил Патял, и надзиратель принялся рассказывать ему анекдот, как он выразился, самого свинского содержания.

Потом Патял сказал, что хочет каких-нибудь фруктов и конфет или легкого печенья с чашкой черного кофе.

Его желание было исполнено. Когда он покончил с десертом, в камеру вошел тюремный священник, чтобы принести узнику последнее утешение.

Священник был веселый, простой в обращении и приятный мужчина, как, впрочем, и все окружавшие Патяла люди, которые так заботились о нем, но осудили его на смерть и завтра повесят. Лица их дышали бодростью, с ними приятно было иметь дело.

— Утешь вас бог, мой милый,— сказал тюремный пастырь, хлопая Патяла по плечу.— Завтра утром вы с этим разделаетесь, так что не впадайте в отчаяние. Исповедайтесь и смотрите весело на божий мир. Уповайте на господу, ибо он радуется каждому покающемуся грешнику. Бывают люди, которые всю ночь мечутся по камере и стонут, если не исповедуются; знаю, тут нет ничего приятного, и голова прямо-таки лопается. А вот тот, кто исповедался, спит последнюю ночь сном праведника. Ему-то легко! Повторяю, голубчик, и вам полегчает, если вы очистите душу от грехов.

Патял внезапно побледнел. Его тошнило, все внутренности переворачивались, а рвоты не было. Тело сводили страшные судороги, он извивался и корчился, на лбу выступил холодный пот.

Священник не на шутку испугался.

Прибежали надзиратели и отнесли Патяла в тюремную больницу. Тюремные доктора качали головой. К вечеру у больного появился сильный жар, а после полуночи доктора объявили его состояние угрожающим и единогласно поставили диагноз: острое отравление.

Тяжелобольных не казнят, поэтому в ту ночь на тюремном дворе не ставили виселицу.

Вместо этого Патялу промывали желудок, и анализ остатков непереваренной пищи показал, что ливерная колбаса была испорчена и содержала яд.

В магазин, где была куплена колбаса, нагрянула комиссия и обнаружила, что колбасник не соблюдает санитарных правил и хранит колбасу не на холоде. Комиссия составила протокол, и дело было передано прокурору, который привлек торговца к ответственности за антисанитарное хранение продуктов.

В числе тюремных врачей, лечивших Пятяла, был молодой добросовестный доктор, который не отходил от постели больного и старался спасти ему жизнь, так как случай был редкий, сложный и интересный. Днем и ночью молодой врач ухаживал за Пятялом и спустя две недели похлопал его по спине и сказал:

— Спасен!

На следующий день Пятяла повесили по всем правилам, ибо для этого он был уже достаточно здоров.

Колбасник, по чьей вине на две недели затянулось земное существование Пятяла, был приговорен к трем неделям заключения, а доктор, спасший Пятялу жизнь, удостоился похвалы судебных властей.

НЕПРИЛИЧНЫЕ КАЛЕНДАРИ

I

С девяти часов вечера и до часу ночи, когда привели и пихнули в одиночку последнего пьяного, начальник полицейского участка Алеш страшно скучал. Он думал о том, что до шести утра, когда его сменят, придется просидеть над протоколами и дежурным журналом, потому что, как назло, никто из полицейских его смены не играет в «козыри».

Пока что он прилег на койку, закурил трубку и начал разговор с подчиненными о политике. В такие минуты он бывал непреклонен и чужд всяким колебаниям, ну, попросту этакий австрийский Катон*! Он ругнул Италию и выразил ей свое недоверие, а полицейские, лежавшие на койках, благоговейно слушали его, потому что сами отнюдь не отличались такой определенностью взглядов.

— Тройственный Союз* развалится, в этом можно не сомневаться. Из-за Триеста и Тридента* мы еще не оберемся неприятностей.— Алеш вздохнул и стал искать спички. Когда ему подали коробок, он снова закурил трубку и объявил, что в Милане, в Турине и даже в Риме итальяшки то и дело демонстративно сжигают австрийский флаг. Они еще поплатятся за такие выходки, будет им новая Кустоцца*.

Алеш разглагольствовал все с большим пылом, а молодой полицейский Павелка тем временем захрапел. Начальник разбудил его, крича, что Австрии грозят международные осложнения и каждый австрийский гражданин обязан...

В этот момент с улицы вошел полицейский Декл и, рапортуя, вытянулся в струнку. Начальник недовольно встал, принимая рапорт.

— Ich melde gehorsam, nix Neues,— докладывал Декл.— Непристойный календарь konfisziert. Изъято сто двадцать экземпляров.— Тут официальное выражение исчезло с лица Декла, и, победно усмехнувшись, он продолжал:— Великая похабщина, господин вахкомендант, потеха, да и только! Такие скромные картинки, просто загляденье!

И он положил пакет на стол. С начальника скуку как рукой сняло.

— Дайте сюда эту гадость!

Полицейский развернул пакет и подал один экземпляр начальнику. Вокруг тотчас столпились все подчиненные.

— Здорово!—сказал один, глядя на обложку.—Ишь, какие бедра!

— Вот видите,— сурово сказал Алеш,— и на такие вещи смотрит молодежь, еще даже не доросшая до школы.— Но тут голос его смягчился.— Ого-го, та, другая... Ну и глазки! И совсем голая!

— Погодите, дальше еще хлестче будет,— заметил Декл.

— И эта недурна...

— Не спорьте, приятель, вон та картинка, рядом, куда задористей. У той бабы бедра покруче... а что за поза, ишь как развалилась на кушетке! Ах, негодян, какие вещи рисуют!

— Вы, господин начальник, прочтите стишок под рисунком. Очень недурно.

— Складный стишок да какой двусмысленный! И что за бесстыдники пишут такие вещи и дают в печать! Дети идут в школу и по дороге видят в киоске такой календарь! Как бишь это называется, черт дери?

— Порнография, господин начальник,— подсказал Павелка.

— Ужасные вещи... но до чего здорово нарисовано!— сказал полицейский Мика.— Вот, например, эти панталоны...

— И подпись неплоха: «Нравлюсь я тебе больше в панталонах или без них, мой дорогой?»

— По-моему, без них лучше. Как вы думаете? — весело обратился начальник к подчиненным.— И чего только эти похабники не выдумают!

— Осмелюсь обратить ваше внимание, господин вахкомендант, на предпоследнюю страницу... вот, здесь... балерина в ванной. Совсем голая, и слуга подает ей простыню...

— Отлично... М-да. Я говорю, надо беспощадно конфисковать такие вещи. Полагаю, что, если обойти все киоски, найдется еще что-нибудь подобное. То-то порадуетесь завтра наш комиссар Пероутка.

II

— Осмелюсь доложить, господин полицейский комиссар, вчера в киосках были конфискованы календари непристойного содержания. Вот один экземпляр. Особо обращаю ваше внимание на предпоследний рисунок «Балерина в ванной». И потом вот это: дама на кушетке... Рисунок на обложке несомненно нарушает закон об общественных приличиях... и, по-моему, понравится господину старшему комиссару. Я разрешу себе отправить ему один экземплярчик. Соблаговолите обратить внимание на непристойности, отчеркнутые красным карандашом... Странички с особо выдающейся похабщиной я заложил бумажками, чтобы вам не искать... Вопиющее неприличие вы увидите на тридцатой странице. Хороша также серия «За стенами гарема»; здесь не только порнографический текст, но и отличные рисуночки: одалиски лежат на тигровых шкурах, а бедняга-евнух сторожит их.

— Послушайте,—сказал полицейский комиссар Пероутка, с интересом рассматривая календарь.— Надо показать это и господину советнику. Он на этот счет тоже любитель.

III

Календари имели успех. Два взял старший комиссар и три — советник юстиции. Делопроизводители взяли по одному, остальное разошлось среди сотрудников управления. Полицейские бдительно разыскивали и изымали из киосков пресловутые календари.

Так благодаря тому, что столь зловредное чтение не попало в ненадлежащие руки, общественная нравственность была спасена.

ВЕНА, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ, РЫЦАРЮ БИЛИНСКОМУ *

Я, нижеподписавшийся, движимый патриотическим чувством, позволю себе предложить высокоуважаемому министру финансов законопроект об обложении населения налогом со смерти и похорон.

Необычайное оживление, которое наблюдается в наши дни в строительстве похоронных бюро, подало мне мысль, каким образом можно улучшить состояние финансов, введя государственную монополию на смерть. Поскольку людям свойственно умирать, новый закон обеспечил бы государству постоянный годовой доход, обладающий приятным свойством возрастать во время войн или эпидемий.

Предлагаемый законопроект гласит:

«§ 1. Каждый подданный Австро-Венгерской империи независимо от пола становится после смерти собственностью министерства финансов и обязан заплатить налог от двух до двадцати четырех крон, в зависимости от обстоятельств, при которых произошли его смерть и похороны.

§ 2. Налог взимается при жизни покойного, согласно параграфу 6. Если покойный по не зависящим от него причинам не успел заплатить при жизни налог со смерти и погребения, родственникам его не возбраняется ходатайствовать перед министерством финансов о снижении установленного налога. Прощение облагается гербовым сбором в сумме две кроны.

§ 3. Обложению налогом со смерти подлежит каждый подданный Австро-Венгерской империи независимо от

пола и возраста, в том числе и те лица, к коим не относится параграф 4 закона об обложении налогом с похорон.

§ 4. Обложению налогом с похорон подлежит независимо от пола и возраста каждый подданный Австро-Венгерской империи, погребенный в обычном порядке. Если же налогоплательщик был погребен заживо, то его ближайшие родственники имеют право подать прошение о льготах, упомянутых в параграфе 2.

§ 5. Налог с погребения подданные Австро-Венгерской империи обязаны уплатить при жизни, согласно пунктам «а» — «ж» параграфа 9. Лица несовершеннолетние, слабоумные и состоящие под опекой не обязаны сами вносить налог. За каждое из таких лиц налог уплачивают ближайшие родственники, а при отсутствии таковых — община, к коей оно принадлежит.

§ 6. В зависимости от установленного законом размера налога сей последний взимается:

- а) с лиц физически здоровых,
- б) с больных,
- в) с лиц, имеющих физические недостатки.

Налоги взимаются:

- а) с лиц здоровых — налоговым управлением,
- б) с лиц больных — врачами, принесшими государственную присягу, безразлично где и когда,
- в) с лиц, имеющих физические недостатки — полицейскими органами.

§ 7. Налог со смерти должно отличать от налога с погребения. В тех случаях, когда налогоплательщик не был похоронен, труп его не найден и он считается пропавшим без вести, то — даже если он при жизни не уплатил налога с погребения — его родственники или община обложению этим налогом не подлежат.

§ 8. Налог со смерти взимается даже в тех случаях, когда данное лицо объявлено пропавшим без вести.

§ 9. Сумма налога со смерти и похорон взимается в следующих размерах:

- а) здоровый новорожденный младенец в возрасте до одного года платит 2 кроны;
- б) дети от 1 года до 5 лет 4 кроны;
- в) дети от 5 до 14 лет 6 крон;
- г) лица от 14 до 20 лет 8 крон;
- д) от 20 до 30 лет 16 крон;

- е) от 30 до 40 лет 18 крон;
ж) от 40 лет и старше 24 кроны.

При одновременном взимании налога со смерти и с похорон сумма соответственно удваивается.

§ 10. Обложение налогом распространяется на все земли Австро-Венгерского государства * и производится согласно параграфу 9. Лицам, поименованным в пунктах от «а» до «ж» этого параграфа, разрешается выплачивать налог в рассрочку с тем, чтобы в целом сумма не превышала двадцати четырех крон со смерти и двадцати четырех— с похорон.

Первый взнос взимается не позднее восьми дней с момента рождения ребенка. Соккрытие факта рождения карается в зависимости от обстоятельств штрафом от десяти до двухсот крон или лишением свободы на срок до трех недель.

§ 11. Лицо, своевременно не заявившее о своей смерти или похоронах, обязано заплатить штраф в размере удвоенной суммы налога, то есть — девяноста шести крон. Эта мера наказания может быть заменена тюремным заключением сроком до двух недель с лишением питания в течение четырех суток».

Надеюсь, что высокоуважаемое министерство финансов благосклонно примет представленный с нижайшим почтением вышензложенный проект и тем самым повысит доход нашей империи.

С почтением

Ярослав Гашек

КАМЕНЬ ЖИЗНИ

В лето от рождества Христова 1460-е игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии возносил тайные молитвы всевышнему и всемогущему подателю разума о ниспослании духа святого, который помог бы ему, игумену Леонардусу, отыскать философский камень и эликсир жизни.

Перед ним пылал огонь, нагревавший пузатую реторту, где, шипя, варилось какое-то снадобье, а рядом стояли тигли, которым предстояло принять в свои недра расплавленное вещество, чтобы можно было выпарить твердый осадок.

Игумен Леонардус умиленно взывал к милосердному господу, моля его взглянуть на своего смиренного служителя, который, не покидая путей благодати, не обращаясь за советом к дьяволу и не призывая на помощь нечистую силу, ищет философский камень и жизненный эликсир.

А из соседней трапезной доносился исступленный вопль монахов, оглашавших строгие готические своды хоровым чтением: «Pater noster, qui est in coelis...»¹.

Дружно скандируя каждый слог, они старались перекричать друг друга, голодные и сердитые, так как игумен ради их же спасения сильно ограничил их всех, кроме самого себя, в пище и питье.

Открыв дубовые двери в трапезную, отец Леонардус с просветленным лицом произнес:

¹ «Отче наш, иже еси на небесех...» (лат.).

— Молитесь до захода солнца!

Потом вернулся в свою алхимическую лабораторию, преклонил колена на скамеечке перед распятием и, словно в экстазе, стал молиться:

— Господи боже, спаситель мой, ниспошли луч света на раба твоего, просвети его мысли, чтобы найти ему жизненный эликсир, во спасение христианам, и философский камень. И укажи мне, господи, не грех ли будет опустить ныне в эликсир сей пепел от сожженного еретика, который держал у себя черного кота, ходившего на двух ногах и сожженного нами вместе с его одержимым бесовской силой хозяином в честь и славу твою в день храмового праздника у ворот штальгаузенских. А я поступлю по воле твоей.

Бог не послал знамения. И отец Леонардус сварил пепел сожженного еретика-чародея вместе с пеплом его кота. Потом, тихо вторя завываниям монахов, читающих в соседней трапезной «Отче наш», вылил содержимое реторты в тигли, поставил их на таган и с благодатным умилением принялся выпаривать осадок.

Снова спустился сумрак, и отец Леонардус пошел в трапезную, предоставив огню в каменном очаге кипятить kloкочущую и шипящую массу.

В трапезной он проникновенным, отечески ласковым голосом сказал монахам несколько слов о божьем милосердии, а затем отпустил их отдыхать, приказав им всем, прежде чем возлечь на свои жесткие ложа, подвергнуть грешную плоть взаимному душеспасительному бичеванию. Наконец, преклонив колена перед неугасимой лампадой, зажег факел и вышел во двор.

Он пошел осматривать монастырское хозяйство, этот славный игумен-хлопотун. Навестить поросят в хлеву: как они себя чувствуют? Вчера они выглядели очень плохо.

Отец Леонардус подозревал, что монахи, тяготясь наложенным на них постом, добрались до каши из отрубей, предназначенной свинкам, и питают ею свои грешные утробы, гнева бога и обкрадывая бедных тварей. За последнее время свинки заметно похудели. Это были уже не прежние славные круглые бочонки, такие розовые, аппетитные, что отец Леонардус пел во славу их псалмы, воздавая хвалу создателю. Этих милых божьих созда-

ний было сорок — ровно столько, сколько монахов. Ясное дело, если сорок монахов, богохульствуя, съедали пищу, приготовленную для сорока свиней, как же можно было ждать, чтобы бедняжки весело похрюкивали на дворе святой обители, оживляя отголосками живой жизни и молодости угрюмую монастырскую тишину?

Пламя факела озарило бедные создания красным светом. Узнав своего пестуна, они захрюкали так печально, что у доброго игумена сжалось сердце.

— В каком виде, о братья, предстаете вы предо мной? — скорбно воскликнул старец, глядя на их исхудалые тела; он прослезился и вздохнул.

Потом, увидав пустые корыта, послал проклятие по адресу монахов и пошел звонить в колокол.

Когда монахи опять собрались в трапезной, он обратился к ним с такою речью:

— Вы бичуете бранные тела свои, а сами обкрадываете свиней и нарушаете посты? Бог накажет вас. На колени, негодяи!

Как бы вознесенный над толпой, с лицом, озаренным лучами неугасимой лампы, он воскликнул:

— Покайтесь, жалкие свиньи!

И под пение монахов, затянувших «*Misericordia!*» («Помилуй нас!»), спустился в погреб, где, скрипнув зубами, испил чару вина.

Вернувшись в трапезную, он объявил монахам, что пошлет их пешком в Рим, к папе Иннокентию III — просить прощения у главы христианского мира.

Потом велел всем идти спать.

А сам пошел в темную каморку, где производил свои опыты, и, сунув факел в очаг, стал рассматривать оставшееся после выпаривания вещество. Оно было тяжелое, с металлическим блеском.

Отец Леонардус побледнел; нет, это не философский камень: в старинной книге, принадлежавшей сожженному чародею, сказано, что философский камень должен быть прозрачен и невесом. А ведь землю для своих опытов он взял с того холма возле Штальгаузена, где прежде была каменоломня и в великую пятницу, говорят, появляется светлое сияние.

Он упал на колени и заплакал. Устремив взор на распятие и ударив себя в грудь, промолвил смиренно:

— Вижу, боже, спаситель мой, что я не достоин твоих милостей!

Потом взял оказавшийся в тиглях зернистый порошок, вынес его во двор и там высыпал.

После этого монахи еще несколько дней постились и худели, так как заботливый игумен, хлопоча о душевном их спасении, следил, чтобы они не трогали каши, предназначенной свиньям.

А свиньи удивительно раздобрели. Трудно даже себе представить, чтобы можно было так быстро разжесться после такой длительной голодовки. И чем больше худели монахи, тем быстрее поправлялись свиньи. Это прямо бросалось в глаза.

И вот однажды отец Леонардус увидел, что свиньи чего-то ищут во дворе, что-то жуют. Подошел поближе: оказывается, они подлизывают получившийся вместо философского камня и выброшенный им во двор порошок.

Он вошел в часовню и пал на колени. Ему сразу стало ясно, что господь смилостивился над ним, и он открыл камень жизни — не жизненный эликсир и не философский камень, а питательное средство, животворящий, бодрящий экстракт.

В тот же день он пошел с несколькими монахами на служивший лобным местом холм возле Штальгаузена — за землей, необходимой для добычи камня жизни.

Когда этого камня был приготовлен порядочный запас, игумену Леонардусу стало жаль своих бедных, истощенных монахов. Ему захотелось, чтобы они тоже потолстели, как свиньи: он велел добавить в предназначенную для них черную кашу истолченного в порошок камня жизни и, лакомясь поросенком, с радостью наблюдал, как охотно они ее поедают.

К утру все сорок монахов померли в страшных мучениях, и отец Леонардус остался один.

Камень жизни был не что иное, как сурьма. Ее открыл в 1460 году игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии Леонардус, назвав ее в шутку по-латыни «антимонием» (то есть средством «против монахов»).

Сам отец Леонардус и в дальнейшем всю жизнь разводил свиней, которым сурьма не только не вредит, но от которой они толстеют, — так что по желанию германского императора ему был пожалован графский титул.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ХАМА, СЫНА НОЯ

(Отчет «Из зала суда»,
написанный доисторическим репортером)

В окрестностях Арарата вызвал необычный интерес публики судебный процесс Хама, сына Ноева, о деле которого мы в свое время подробно сообщали. Поскольку, однако, мы хотим, чтобы и те читатели, которые тогда не следили за этим делом, были в курсе событий, излагаем его вкратце повторно.

Известный меценат праотец Ной после катастрофы 1 октября, когда из-за прорыва запруд на горных водоемах возник потоп, приплыл на своем ковчеге к Арарату и приобрел у здешних властей земельный участок. Здесь он занялся разведением винограда на основе новейших агрономических достижений. 12 сентября прошлого года, в три часа дня, Ной с тремя сыновьями, Симом, Хамом и Иафетом, отправился в свои винные погреба дегустировать вино. При этом ему пришлось выпить довольно много, и когда он вернулся домой, вино оказало на него свое действие. День был жаркий, и Ной, выйдя в сад за домом, лег в тени грушевого дерева. Он был в одной рубашке. В этот момент появился его беспутный сын Хам и принялся стаскивать с него эту рубашку через голову. Подоспели сыновья Сим и Иафет и прогнали непутевого Хама. Тем временем за забором сада собралось много соседей, в том числе дамы, которые с негодованием наблюдали возмутительное зрелище. Был

вызван полицейский, который задержал хулигана и отвел его в полицию, где после допроса Хам был подвергнут предварительному заключению и против него возбуждено дело о нарушении общественных приличий. Вчера, 7 января, он предстал перед судебной коллегией под председательством советника юстиции Мелехенеха.

Судебное заседание пришлось перенести в большой зал суда присяжных, потому что зал коллегии не вместил всю собравшуюся публику, среди которой было много дам.

Двое конвойных ввели обвиняемого Хама. Предварительное заключение никак не отразилось на нем, и, как заявил журналистам господин Ной, его беспутный сын не похудел, а скорее пополнил в тюрьме.

Председательствующий начал судебное следствие допросом подсудимого, который отвечал громким голосом. В ходе допроса выяснилось, что Хам еще до потопа привлекался к суду за святотатство: он украл жертвенного быка и съел его с группой своих приятелей. В другой раз он был под судом год назад за оскорбление личности. Его адвокат в этой связи предложил констатировать в протоколе, что воспитанию Хама с детства не уделялось должного внимания.

Господин Ной решительно возразил против этого. «Правда, во время потопа, когда прорвались горные водоемы, у меня не было времени воспитывать сына так, как мне хотелось бы»,— признал господин Ной. Тем не менее он старался привить Хаму высоконравственные принципы, подчас прибегая для этого даже к розге. К сожалению, после потопа Хам попал в дурную компанию, стал дружить с уцелевшими хулиганами и уже в четырнадцать лет грубо бранился и говорил непристойности.

На вопрос, как именно он бранился, Ной ответил: такими словами, как «сволочь», «паскуда» и тому подобное. Зато Сим и Иафет были образцовыми сыновьями.

Защитник задает Ною вопрос, посылал ли он Хама в школу.

Ной отвечает отрицательно, ссылаясь на потоп: дороги еще не просохли, кроме того, при потоке утонули все учителя сельских школ, уцелел только один учитель городской школы, да и тот с перепугу помешался.

З а щ и т н и к. Почему же вы, свидетель, не взяли для Хама домашнего учителя?

Ной. Домашние учителя тоже все утонули. (*Волнение в зале.*)

Защитник. Вы интеллигентный человек, господин Ной, и должны были внушить Хаму основы морали.

Ной (*патетически*). Достопочтенный суд! Всеми миру известно, сколько трудов стоило мне спасти человечество от гибели, сколько ночей я бодрствовал в молитвах, сколько дней ловил зверей для своего ковчега. (*Оборачивается к защитнику Хама.*) Как вы думаете, господин адвокат, легко доставить тигров на ковчег? И одновременно еще заботиться о воспитании этого разгильдяя?

Хам (*вскочив, отцу*). Ты старый пропойца!

Председательствующий делает ему замечание. Цинично улыбнувшись, Хам садится.

Председательствующий (*Ную*). Ну, хорошо, господин Ной, но одну вещь необходимо выяснить: не замечали вы когда-либо у подсудимого признаков врожденной душевной неуравновешенности?

Ной. Могу заверить высокий суд, что Хам родился в совершенно здоровой семье. Его дед Мафусаил *в возрасте шестисот семидесяти лет перешел через Гималаи и всегда был в здравом уме и твердой памяти. Что касается моей супруги, то она вполне здорова и родила Хама в 328 лет, тоже будучи психически вполне нормальной.

Затем продолжался допрос Хама.

Председательствующий. Послушайте, подсудимый, четвертая заповедь еще не так давно опубликована, чтобы вы могли забыть ее. Полиция повсюду расклеила плакаты с текстом всех десяти заповедей. На предварительном следствии вы показали, что умеете читать, ибо мать от нечего делать выучила вас грамоте (*шум в зале*), а сейчас вы отрицательно качаете головой, уверяя, что не знаете четвертой заповеди. Вообще вы запутались в ваших отговорках. Отвечайте кратко: задирали вы отцу рубашку или нет?

Хам. Да, я сделал это, потому что папаша неисправимый пропойца. (*Буря негодования в зале.*)

Ной (*закрывая лицо, восклицает с волнением*). Мои опозоренные седины!

Председательствующий (*строго*). Послушайте, подсудимый, будь господин Ной даже совсем незна-

комым вам человеком, и то недопустимо называть его так. А ведь он вам отец!

Госпожа Ной (*кричит подсудимому с галереи*). Ты негодяй!

Председательствующий (*продолжает*). Итак, подсудимый, расскажите нам все откровенно. С каким умыслом вы задирали отца рубашку?

Хам. Без всякого умысла.

Председательствующий. Послушайте, подсудимый, родному отцу ни с того ни с сего не задирают рубашку. Безусловно, вы совершили это с обдуманым намерением. Расскажите нам откровенно, каков был ваш умысел, это облегчит вашу участь. Нельзя же предполагать, что вы так вдруг, не подумав, начали стаскивать с отца рубашку, воспользовавшись его глубоким сном.

Общественный обвинитель. А вы знали, что кругом было много прохожих?

Хам. Знал!

Защитник. Скажите, господин Хам, не были вы тогда в состоянии опьянения?

Хам. Я-то не был, а папаша был пьян в стельку. Это случается с ним уже не в первый раз, и вот, опасаясь, чтобы ветер не задрал отцу рубашку, я предпочел совсем снять ее с него. (*Оживление в зале.*)

Председательствующий. Воздержитесь от глупых шуток, подсудимый, здесь они совершенно неуместны. Ваш отец — человек примерного образа жизни и не заслужил такой хулы. Гордиться надо таким отцом!

Госпожа Ной (*кричит подсудимому*). Пропишут тебя в библии, хулиган!

Защитник (*обращается к Симу и Иафету*). Скажите, господа, почему вы ушли, оставив отца под деревом? Видя, что он заснул в одной рубашке на открытом месте, вы могли бы прикрыть его... ну, хотя бы носовым платком. А вы оставили его обнаженным вплоть до прихода судебной комиссии. (*Сильное волнение в зале.*)

Свидетель Сим. У нас не было носовых платков. Мы тоже были в одних рубашках. Так мы пришли с виноградников.

Защитник. Гм, странные нравы!

Иафет. Категорически возражаю против бестактных замечаний господина адвоката! Нам не по средствам купить себе еще одну пару штанов, а выходные мы не надели, потому что был будний день.

Свидетели удаляются. Хам саркастически усмехается.

Общественный обвинитель. Не смейтесь, подсудимый, дело серьезное. С несомненностью установлено, что ваши братья — хозяйственные и бережливые люди, которые живут по средствам. В отношении вас доказано обратное. У вас, например, три пары штанов, и вы публично носите их даже в будни. Вы легкомысленны, вы уже двести пятьдесят лет нигде не работаете, отец кормит вас вот уже пятую сотню лет. Во время потопа вы тайком помогали самым худшим подонкам попасть на ковчег, и, для того чтобы им нашлось место, вы бросили за борт несколько пар редких доисторических животных, которые, таким образом, вымерли. Полиция и местная управа дали о вас самый отрицательный отзыв. Вы ведете непристойные разговоры, пристааете ко всем девушкам...

Зачитывается заключение судебно-медицинской экспертизы, из которого явствует, что Хам — психически неполноценная личность со склонностью к сексуальным извращениям.

Защитник. На основании заключения экспертизы ходатайствую о том, чтобы подсудимый Хам был передан в клинику для душевнобольных.

Общественный обвинитель возражает.

Госпожа Ной кричит с галереи:

— За решетку его упрячьте, подонка!

Суд удаляется на совещание и через полчаса возвращается. Председательствующий объявляет, что суд удовлетворил ходатайство защиты, и тем самым судебное разбирательство откладывается на неопределенное время.

Так пока закончился интереснейший судебный процесс, к которому мы, несомненно, еще вернемся.

Попутное замечание: в интересах гигиены публика на галерее не должна бы плевать на головы внизу сидящих. В каком положении оказываются люди, которым приходится уносить на волосах вредные микробы?! Надеемся, этого замечания будет достаточно для того, чтобы внизу были повсюду расставлены плевательницы.

В ЗАБРОШЕННОЙ УБОРНОЙ

Временами человеку становится так грустно, когда он видит, как все приходит в упадок, как угасает былая слава...

Такое уныние наводит заброшенная уборная на бывшем военном полигоне у Дейвиц, под холмом, где проходит дорога к святому Матею, за мостиком через Дейвицкий ручей, который когда-то был еще достаточно полноводным и уносил по направлению к Королевскому заповеднику все избытки того, что вытекало из отхожего места. Ах, это было давно, когда на Дейвицкой равнине слышались барабанная дробь, фыркание и топот коней, когда грохотали выстрелы винтовок и трепетали на ветру сигнальные флажки!..

Давно исчезли воинские части, равнина уже не синет мундирами, осталась здесь только эта заброшенная уборная — несколько досок, сбитых вместе, чтобы не оскорблять взгляда прохожего ее внутренним видом, где две перекладины, прикрепленные на небольшом расстоянии одна от другой, вполне отвечали своему назначению. Сейчас канава под перекладинами, выкопанная в свое время саперами, наполовину заполнена высохшей черной листвой сливовых деревьев, стволы которых торчат вокруг, а верхушки с любопытством заглядывают внутрь.

Мучительно и грустно вспоминать...

Когда же слива начинает цвести, в заброшенную уборную падают белые цветы; вокруг расцветают одуванчики и маргаритки, как будто сама природа стремится

ся порадовать одинокий нужник и прогнать свежими цветами дух тоски и уныния, каким веет от этих печальных мест.

А осенью и весной, когда по утрам и к вечеру в долине Влтавы и над Дейвицкой равниной стелется туман, тоска, возносящаяся над заброшенной уборной, достигает предела. Раскачиваемые ветром гнилые доски нарушают своим надсадным скрипом вечернюю тишину, и тем печальней кажется это место, чем большей была когда-то его слава.

Только при появлении экскурсантов, направляющихся к святому Матею или в долину Шарки, заброшенная уборная временно снова начинает выполнять свои прямые обязанности. Но эти посещения очень кратки. К вечеру посетители исчезают, наступает тихая ночь, тоскливая и печальная, а за ней — еще более печальные утро и день.

Так и стоит уборная заброшенной, скорбно глядя на пустой полигон.

Где те времена, когда она прислушивалась, как подходят к ней одна рота за другой, как замолкают последние выстрелы винговок, раздается топот многочисленных ног, лаконичная команда капралов: «Hosenriemen ab!»¹ и в уютную уборную вступают солдаты, подготовившиеся и полные решимости, хорошо знающие, что приказ есть приказ. Это было чудное мгновение отдыха, хотя и очень краткое, так как новая рота уже стояла внизу за ручьем и снова звучало долгожданное «Hosenriemen ab!».

Затем шаги воинских частей затихали, и появлялись одиночные беглецы. Они наслаждались спокойствием и тишиной под открытым небом и, уходя, записывали карандашом на досках свои впечатления, сопровождая их соответствующими рисунками.

Временами забредали сюда и вражеские разведчики с белыми полосками на фуражках; недавние «неприятели» мирно устраивались рядком на перекладине, обмениваясь мнениями.

Боже мой! Безвозвратно миновало то веселое, шумное времечко, как и все, что унес с собой поток...

¹ Расслегнуть ремни! (нем.)

Однажды мимо заброшенной уборной проходил, прогуливаясь, майор в отставке господин Цеттель.

Уборная стояла грустна, печальна и безутешна. Слез не роняла: их не было у нее. Была она безжизненна и суха, как разбитый молнией пень последнего дуба в вырубленном лесу.

На сливовом дереве, ветви которого свешивались внутрь строения, сидела ворона. И она так подходила к этому скорбному месту, что господин майор в отставке с еще большей печалью предался созерцанию Дейвицкой равнины и заброшенной уборной.

Чтобы лучше разглядеть окрестности, господин майор поднялся на холм. Задержавшись на вершине, он начал пристально всматриваться сквозь прозрачный утренний туман в расстилающуюся перед ним равнину.

Всего несколько лет назад гарцевал он здесь на коне перед воинскими частями. Всюду синели мундиры, визжали рожки, звучала команда, слышались крики, ругань... Лошади носились, как бешеные. А ныне!.. Одна заброшенная уборная, вокруг которой некогда царило такое оживление.

Господин майор спустился вниз с таким тяжелым чувством, с каким вспоминают об умершем друге, ушедшей молодости или растраниженных деньгах.

Господин майор торопился. Грусть оказала определенное физиологическое воздействие на его организм. Поспешно, расстегнув пиджак, вошел он в заброшенную уборную.

Там, на перекладине, скорчился совершенно обыкновенный штатский человек, судя по всему, бродяга.

Господин майор в отставке Цеттель в ужасе всплеснул руками и... рухнул без чувств в канаву, которую когда-то выкопали саперы. Разорвалось его военное сердце, не выдержало, что какой-то простой «штафирка» удовлетворяет свою физиологическую потребность в заброшенной воинской уборной.

Находчивый бродяжка быстро осмотрел его карманы и с часами и кошельком в руках весело отправился в путь.

А дух господина майора в отставке и поныне сидит темными ночами на перекладине заброшенной уборной и плачет навзрыд...

В ГАВЛИЧКОВЫХ САДАХ

I

Художник Йозеф Павлоусек, колорист-декоратор согласно вывеске над дверью, а по существу. обыкновенный маляр, от которого большую часть недели несет кле-ем, совершал свой туалет: был праздник, и он ожидал гостей.

Его супруга Мария, грубоватая и полная женщина, сливала грязную воду в уборную, что делала лишь по большим праздникам. В обычные дни она выливала помои прямо в раковину и по этой причине постоянно ругалась с соседом, отставным солдатом, исчезавшим в праздник на целый день.

Свояченица пана Павлоусека, тридцатилетняя барышня Брейхова, с невыносимо сентиментальным выражением на бледном лице, сушила на веревке, протянутой над печкой, белые перчатки, негромко напевая противным голосом:

Приди к нам, Еничек,
Люблю тебя...

Маляр, который в это время брился, положил бритву на кухонный стол, где уже лежали гребень и одежная щетка, и засмеялся: «Подожди, явится сейчас твой Гонза, можешь не пищать. Впрочем, скажу я тебе...»

И, не зная, что сказать, опять засмеялся: «Подожди, дождешься своего Гонзу!»

Его супруга вернулась в кухню, поставила лохань и начала одеваться с той безвкусицей, которая отличает некоторые слои населения.

«Краски должны кричать» — таков был принцип маляра, и краски на платьях его жены не кричали, а вопили в полном смысле слова.

Свояченица обожала небесно-голубой цвет, и платья этого цвета стоили ей многих жертв, так как сестра ее, пани Павлоускова, не раз награждала ее пощечинами, требуя, чтобы и она носила платья кричащего красного цвета с желтой лентой на юбке.

И сегодня разразился скандал, когда Брейхова стала надевать свое голубое платье.

— Разоделась, как на маскарад! — кричала Павлоускова, в то время как маляр прищипливал ей желтый бант на красную юбку.

— А ты вырядилась, как пугало, — отрезала ей сестра. — Индюк увидит — позавидует.

— Ну-ка, наподдай-ка ей, языкастой, — убеждала Павлоускова мужа.

— Сдается мне, что я вас обеих прибую, если не перестанете лаяться, — сказал вдруг воинственным голосом маляр. — Ах вы... всю неделю лаетесь да еще и сегодня, в праздник, кидаетесь друг на друга, словно вас с цепи спустили. Всю жизнь мою отравляете! — вскричал маляр, плюнув со злости. — Гну спину на вас, таскаю с собой на прогулки, сегодня хотел повести в Гавличковы сады, а вы не даете мне покоя, дуры!

— Много ты на нас гнешь спину, — усмехнулась Павлоускова. — Являешься домой под утро с этой своей работы в пивной «У Флеков» *! Слышишь, Маржка, это он-то на нас гнет спину!

Брейхова молча кивнула головой и подошла к кувшину у окна напиться воды.

Павлоусек закурил трубку и проворчал: «Ну и дуры!..»

Брейхова накрыла скатертью стол и вытащила из шкафа зонт от солнца.

— Лень тебе вытащить и мой, — орала Павлоускова на сестру. — Только и знаешь задарма хлеб жрать!

— Разве я не хожу шить и не приношу денег домой?

— Только последние полгода, а когда ты болела полгода назад, кто тебя кормил-поил? А доктор и лекарства сколько денег стоили?

— Если вы будете лаяться, я с вами не пойду в Гавличковы сады,— не выдержал маляр.

Послышался стук в двери, и появились гости.

Это был Ян Боусек, похожий на бочонок, сорокалетний толстяк с очаровательной плешью, немало претерпевший в жизни; он имел лавку, обанкротился, был арестован за подлог, потом завел справочное бюро, попал под суд за мошенничество, позже сделался лакеем, а теперь стал коммивояжером, так как обладает даром красноречия; слывет человеком с юмором, знает немало затрепанных анекдотов, умеет рассказывать скабрёзности и весьма любим в кругу своих знакомых.

Пан Боусек и есть Еничек барышни Брейховой, краснеющей, когда он пожимает ей ручки и шепчет, чтобы слышали и остальные, что она словно молодая девушка.

А остальные смеются. Остальные — мясник пан Кареш и его молодая супруга Фанинка; у них-то и проживает пан Боусек, и они-то со своими грубыми шуточками и дополняют это необразованное общество.

Женщины целуются и раздражаются громким смехом, словно служанки, пришедшие на танцы или в пивную.

— Так, так, ребятки,— говорит пан Боусек и садится на стол, женщины тянут его со стола, и при общем смехе и визге пан Боусек падает на пол, стягивая за собой и скатерть.

— Настоящее привидение,— смеется пан Боусек, с комическим видом обертывая свое тучное туловище скатертью.

— Оставьте ваши шуточки до пещер в Гавличковых садах,— говорит ему пани Карешова.

— Нет,— с серьезным видом отвечает пан Боусек.— Там я буду представлять тигра.

— А как вы это будете делать? — спрашивает барышня Брейхова.

— А вот так,— и издает такой рык, что все, смеясь, затыкают уши.

Ну и забавный человек этот пан Боусек!

— Отправились,— говорит пан Павлоусек, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Во славу бедняги тигра,— шутит пан Боусек, поднимаясь с пола,— можем, пожалуй, двинуться в новый Риграк¹.

— Новый Риграк,— смеется пани Павлоускова,— и откуда только у вас берутся эти шуточки?

— Все сам, уважаемая, божий дар, которого нигде не купишь.— И он хлопает себя по животу.— Кого господь бог наградил богатством, а кого слепотой и нищетой.

— А вас чем? — спросила пани Карешова.

— Волосами,— ответил пан Боусек, показывая на свою плешь.

— Ну так двинемся, господа, в Гавличковы сады,— предлагает маляр.

— Пойдем, пойдем, раз уж там бывали князь Виндишгрец* и миллионер Грэбе, так и без нас не обойдется,— смеется мясник,— вот мы туда и пойдем.

— Так идемте, господа,— говорит пан Боусек.— Все готово. Деньги при мне, спички при мне, ключ — вот он, и брюхо при мне.

— Ой, я больше не могу,— взвизгивает барышня Брейхова.

Общество, преисполненное веселья, спускается по лестнице.

— Высоковато,— кричит пан Боусек, задирая голову.— Не хотелось бы мне оттуда свалиться.

— Целую ручку,— обращается он на улице к какой-то даме.

— Вы ее знаете?

— Откуда? — смеется пан Боусек и через несколько шагов повторяет свою «шуточку».

— Без вас мы бы умерли со скуки,— говорит барышня Брейхова.

— Я думаю! — самоуверенно отвечает он и обращается к мальчишке, который гоняет игрушечную утку:— Послушай, она у тебя мужчина или женщина?

Так, при общем смехе и веселье, дорога убегает незаметно.

¹ Р и г р а к — просторечное название Ригеровых садов* в Праге.

В самом конце Виноград, недалеко от Вршовиц, простираются эти достойные восхищения Гавличковы сады, бывшее владение немца Грэбе, который все деньги, выколотенные из чешского люда, вложил в свое сказочное предприятие, превратив склон холма над Нусельской долиной в самый приятный парк Праги. Сюда были вложены сотни тысяч, позже вилла Грэбе с роскошными садами была сдана внаем княжеской чете Виндишгрец, и, наконец, Виноградский совет купил эти сады у наследников и сделал их общедоступными. И теперь каждый может дышать драгоценным воздухом, бывать здесь, где аромат цветов и хвойных и лиственных деревьев, расположенных в самом живописном порядке, переносит вас на лоно природы, из шумного города в деревенскую тишь, чтобы вы могли полюбоваться (какое это невыразительное слово!) волнующей зеленью деревьев и лужаек. Все это так много говорит тем, кто любит природу и не выбирает деревья на дрова, а лужайки под покос. И каждый может слушать птиц, любоваться скалами, пещерами, фонтанами, озерами, разумеется, искусственными, но настолько искусными, что они в мельчайших подробностях повторяют причуды природы и длинные скалы и пещеры.

Перед входом кучками стояли мальчишки, которых не пускали без сопровождения взрослых, потому что недавно вдруг было установлено, что молодежь не достаточно воспитана.

— Сударь, возьмите меня с собой!

— Сударь, проведите меня!

— Не Франту, сударь, а меня!

Как они клячат и кричат, чтобы только проникнуть через вход, охраняемый строгим сторожем.

— Доставим радость ребятишкам? — сказал пан Босек, когда все общество оказалось в толпе у входа (в воскресенье за вход дополнительно взимали 20 геллеров в пользу детей бедняков). — Ну так прихватим ребят с собой, пусть они им там покажут, раз их не пускают.

— Сударь, возьмите меня с собой!

— Сударь, проведите меня!

— Идемте, ребята,— предложил пан Боусек, и трое ребяташек с самым благовоспитанным видом двинулись за ними.

— Эти с вами? — спросил сторож у входа.

— Разве не видно? — гордо ответил пан Боусек под общий смех всей компании.

И вот они в парке.

— Ребята,— сказал коммивояжер,— натворите им там что-нибудь! А теперь убирайтесь.

Ребята кинулись прочь, боязливо озираясь, не видит ли их сторож.

— В случае чего скажите, что потеряли отца,— кричал им вслед маляр.

— Да здесь полно народу,— сказал пан Кареш.

Они подошли к доске объявлений, где было написано, до какого времени сады открыты.

— «В мае месяце,— читала по слогам Фанинка,— с шести утра до девяти вечера».

— Так останемся здесь до девяти,— предложил маляр.

— Смотрите,— воскликнула Павлоускова,— здесь всюду господские скамейки с гнутыми спинками!

— Если у кого блоха заведется, то может о спинку почесаться,— громко острил пан Боусек, чтобы и те, кто не принадлежал к их обществу, могли восхищаться его душевным богатством.

Кто-то, по виду приказчик, с волосами, начесанными на лоб, засмеялся.

— И вы в новом Риграке? — закричал ему Боусек.— Ну и красотища здесь, братцы. И народу больше, чем на нашей улице. А скамеек сколько! Пойдем присядем.

— Вон там жили князь с княгиней,— сказала барышня Брейхова.

— Да? Господин князь с княгиней? — удивился для вида Боусек.— И все это ему принадлежало? Так он жил как в раю. В такой красотище.

Вышли на террасу и залюбовались виноградом.

— Ну и пили здесь! — шепнул мясник маляру.— Всем этим господам неплохо жилось.

— Ну, таким-то как раз все не по душе,— заметил Боусек, услышавший их шепот.— Мы придем сюда на виноград,— заявил он во всеуслышание.

— А Градчан отсюда не видать,— сказала Павлоускова, глядя вниз в долину.

— Градчаны с другой стороны, дура! — поправил маляр.— Посмотрите вниз, ну и садитесь!

— Я и удивляюсь, что там домов не видно,— проговорил мясник,— тогда бы им хоть что-то окупилось. Представляю, сколько в эти сады вбухали денег.

— Смотрите! — воскликнула Карешова, показывая на какую-то точку в Нусельской долине.— Вон там мы в прошлом году покупали редиску. За две сотни целый воз.

— Ничего интересного, одни деревья, пойдемте лучше в пещеры.

— Я боюсь,— сказала барышня Брейхова,— там темным-темно.

— А в погребке вам не страшно? — смеялся Боусек.

— Так погреб не пещера.

Они стали спускаться вниз к пещерам и на миг задержались возле проволочных вольеров, в которых раньше держали серн.

— Вот где дров! — сказал мясник, показывая на лесок перед ними.

— Словно мы где-нибудь в деревне,— засмеялся Боусек.

Сойдя вниз, они не преминули пройтись по газону, и так уже достаточно затоптанному посетителями.

— Что, у вас глаз нет? — сердился сторож с зеленой повязкой на руке.

— Ну-ка, тресни этому парню! — со злостью закричал мясник.

— Оставь его в покое, раба божьего,— унимал его маляр,— он уже совсем одурел на своей службе.

— Подумаешь, газон,— заметила Фанинка.

— Ну и плеватьницы! — шутил Боусек, указывая на желоба для стока воды.

— Этот Грэбе был, наверное, сумасшедший,— сказала Павлоускова,— одни пещеры и камни чего стоили.

Они подошли к бассейну перед искусственными скалами и принялись зонтиками и палками стучать по трубам, извергающим воду.

Женщины внезапно разразились смехом и, что-то шепча, показывали на скульптуру в центре бассейна.

— И как этот парень не простудится,— смеялся Боусек,— все время у воды и совсем голый!

— А эти бабы смеются,— сказал мясник барышне Брейховой, указывая на женские скульптуры.

— Так полезем наверх!

По винтовой лестнице они начали подниматься вверх, причем пан Боусек кричал:

— Не щипайте меня, что вы делаете?

— И отсюда Градчан не видать,— было первыми словами супруги мясника, когда все поднялись наверх.

— Ну, а теперь в пещеры!

И вот они идут по каменной лестнице между скал, и пан Боусек приговаривает:

— Как раз для моего брюха.

Женщины боялись, но дали себя уговорить и вошли внутрь пещеры, смеясь над паном Боусеком, который уселся на мраморное возвышение и начертал свое имя на мраморном столике.

— Распишитесь и за нас,— сказала Брейхова, ударяя зонтиком по сталактиту, в то время как мясник рассказывал, что камни эти из моря.

— А здесь оставили дыру,— заметил Боусек, показывая на отверстие в скале.

Все посмотрели на отверстие, затянутое проволокой, как паутиной.

— Здесь князь держал кроликов,— серьезно заметил коммивояжер.

— Скучища смертная, пошли отсюда,— произнесла Брейхова, и все выбрались наружу, только Боусек задержался и, выйдя, со смехом сообщил, что он устроил небольшой водоемчик. И что-то зашептал мяснику, который, захохотав, назвал Боусека шельмой.

Они забрались во вторую пещеру, где их удивление вызвала женская скульптура в центре небольшого водоема.

Боусек сунул ей в рот окурочек и принялся рычать, представляя тигра.

— Во времена Грэбе здесь была вода,— глубокомысленно заявил мясник, показывая на бассейн.

Маляр отколупнул кусок штукатурки, и все в веселом настроении направились к озеркам, а когда подошли к ним, Боусек воскликнул: «Наздар!»¹.

¹ Н а з д а р — чешское приветствие.

И уже без всякой причины все разразились смехом.
— С ума сойти можно,— сказала Карешова,— провести наверх воду и сунуть в нее листья.

— Это водяной лук,— говорил Боусек, показывая на папоротник.

— Грэбе ходил сюда мыть ноги,— заметил маляр и, вырвав лист, бросил его в воду.

Наконец все стали спускаться, ступая прямо по траве назло сторожу.

Вышли на главную аллею, ведущую к фруктовому саду.

— Туда идти незачем,— сказал Боусек,— там сейчас ничего нет, только груши да яблони.

— А может, есть клубника?— предположила Павлоускова.

— Да она еще зеленая,— ответил мясник.

— Меня уже жажда мучает,— сказал Павлоусек,— бегают здесь человек неизвестно зачем, лучше пойдем хватим пивка.

— Стоящие слова,— смеялся Боусек,— этой всей ерундой не напьешься.

— Пошли во Вршовицы, в пивную,— предложил мясник,— пусть женщины потанцуют, раз уж праздник.

Все направились к выходу, и Боусек, указывая на публику, серьезно произнес:

— Ну что они тут нашли?! Хоть бы смиховское пиво было...

И степенно покинули парк.

А птицы пели, деревья источали аромат, и дамы поднимали пыль подолами юбок.

МОНАСТЫРЬ В БЕЦКОВЕ

С господами монахами из монастыря в Бецкове я познакомился четыре года назад. Это были весьма приветливые францисканцы *, и мне хочется рассказать, как они меня приняли.

В Бецков-на-Ваге я пришел в поисках остатков куманов * среди тамошних жителей. Нет необходимости рассказывать все подробности: правдой здесь было только то, что именно под этим предлогом я проник в монастырь. Короче говоря, почтенного настоятеля я попросту разыграл.

Подойдя к монастырю, я постучал в калитку и подал свою визитную карточку, на обратной стороне которой было написано: «Обращаюсь к вам, ваше преподобие, по поводу куманов, следы которых я разыскиваю в Поважье». Под этим скромно стояло: «Прошу о ночлеге и о разрешении познакомиться с монастырским архивом».

Привратник пригласил меня войти и пошел доложить настоятелю Эусебиусу.

Через минуту пришел настоятель. Он подал мне руку и растерянно заявил, что о куманах ему ничего не известно (то есть он знал о них ровно столько же, сколько и я), что же касается архива, то он в полном моем распоряжении. А в монастыре я могу остаться, сколько захочу.

Затем мы направились в трапезную, где господа монахи играли в шахматы. Настоятель представил меня святым отцам, и один из них, отец Либерат, отвел меня в комнату с роскошным видом на Ваг.

Отец Либерат открыл окно и, указывая вокруг, произнес:

— Это все наше!

А там были обширные урожайные равнины, на которых повсюду золотились хлеба, зеленые луга, синие леса — и все это принадлежало францисканцам из Бецкова.

Святой отец начал толковать о благословении божьем. При этом глаза его пылали вдохновением, а лицо светилось салом.

Затем он пригласил меня в свою келью, где роза и базилик источали на окнах сладостный аромат. Он открыл какой-то сундучок, вынул оттуда банку сардинок, открыл ее и предложил мне. А из другого сундучка была извлечена бутылка коньяку.

Некоторое время мы мирно попивали коньяк, курили трубки и беседовали о самых различных вещах: о половодье, которого напрасно опасались, ибо оно было предотвращено молитвами; о прекрасном лете, об урожае, о том, какие хлеба уродит всемогущий бог, какими замечательными будут сено и клевер...

Потом он повел меня наверх, на монастырскую колокольню, и, указывая на группу строений внизу, сообщил, что все это монастырские хлева, где содержится четверста голов крупного скота и триста свиней. А немного подалее — помещение для молодняка, еще дальше — овчарня с четырьмястами голов овец. А еще чуть подалее, к лесу, — птичник, где вскармливаются молодые фазаны.

Монастырские леса охраняют восемь лесничих с двумя помощниками. Зверя там не счесть: лани, олени, дикие кабаны, зайцы.

С воодушевлением описав все это, любезный отец Либерат сложил молитвенно руки и воскликнул: «Велико милосердие божье!»

Между тем нас уже искали, чтобы пригласить к ужину.

Вокруг длинного стола сидело двенадцать человек. И пока мы, встав, читали краткую молитву, чтобы бог милостиво послал нам хороший аппетит, монахи уже начали носить кушанья.

Воздадим же честь и хвалу монастырской кухне! Всемогущий бог, счастливо направляя руку монахов-кухарей в Бецковском монастыре, в своей бесконечной доброте послал нам куриный суп с аккуратно нарезанными желудочками и лапками, бутылочку мадеры и сразу вслед за ней фазана, начиненного каштанами.

Милосердие божье проявилось еще ошутимее, когда были принесены молодые гусята с салатом.

Радость горела в очах отцов монахов, и перед появлением жареной форели мы поблагодарили еще раз в краткой молитве милосердного бога. Форель была превосходна. Мы в полной мере оценили неисчерпаемую доброту господина, который сотворил все эти прекрасные вещи, чтобы францисканцам в Бецкове жилось хорошо.

Бог создал также и вино. А какое вино водилось в Бецковском монастыре!.. Мы не успевали себе наливать.

Так, в дружеском разговоре незаметно шли часы. Мы покуривали трубочки, а отец настоятель начал рассказывать веселые истории. Слово за слово... Тут отозвался отец Фортунат и стал выкладывать один за другим соленные анекдоты. Причем обязательно с предисловием:

— До чего испорчен этот свет, прямо и сказать невозможно. Вот мне сообщил как-то кучер, когда я ехал на праздник в Тренчинскую епархию, будто ему некий проезжий пан рассказал этакое бесстыдство. Негодник так сквернословил... А содержание таково...

И пошел, и пошел... Кое-что для наглядности дополнялось жестами. Тут принесли изысканнейший коньяк.

Солнце уже поднималось над Бецковым.

Черт знает почему, но мне не хотелось спать. И когда господина монахи начали расходиться по своим кельям, я вышел из монастыря и направился в поле.

На лугах уже кипела жизнь. В утреннем полумраке крестьяне косили траву для монастырского скота. На краю леса какой-то старичок поправлял косу.

— Дай бог здоровья! — приветствовал он меня.

— Как живется? — спрашиваю старика.

— Эх, не хочу грешить! Как мне может житься хорошо? — отвечал крестьянин. — Как может житься хорошо? — тоскливо повторил он. — Целый день батрачу на благородных панов из монастыря. А паны платят мне двадцать крейцеров в день без харчей. Да я еще должен выкроить долю для римского папы.

Он перекрестился и продолжал отбивать косу в утренней тишине, когда туман поднимался над Вагом, а в Бецковском монастыре сладко храпели двенадцать францисканцев.

ТРАГИЧЕСКАЯ КОНЧИНА ГИМНАЗИСТА ПЕТИШКИ

Целый месяц я редактировал провинциальную газету «Држевицкие известия» с юмористическим приложением «Зоренька», где мог выступать любой человек, вообразивший, что обладает писательским талантом. Вероятно, каждый, кто прочтет мою исповедь — вопль души несчастного, затравленного человека, — поймет и простит меня, грешного. Пишу эти строки в уверенности, что найдется даже хороший человек, который пожалеет меня, а быть может, и поплачет над моей горькой судьбой. Почему я ушел из этой газеты? Скорее я должен спросить: за что меня вывели из редакции за город, за что сковали мне руки и за что жандармы доставили меня в краевой уголовный суд?

За что? За то, что я убил гимназиста Петишку. Убил его в редакции в служебное время, а труп вместе с рукописями сжег по частям в редакционной печке. А когда догорела последняя рукопись Петишки и последний палец его руки, я хладнокровно выпил четвертинку водки (ибо четвертовать этого жалкого гимназиста было не так-то легко!), закурил сигару и отправился признаваться. Я прошу только, чтобы никто не истолковал моих поступков дурно. Такой, как она здесь записана, услышат мою исповедь и господа присяжные, и перед судом я не буду защищаться иначе. Теперь я только хочу, чтобы читатели внимательно прочли эти строки, которые объяснят им, за что я убил гимназиста Петишку.

Как я уже упомянул вначале, «Држевицкие известия» имели юмористическое приложение «Зореньку». «Држе-

вицкие известия» не только орган городской управы и окружного самоуправления, но еще и частный орган самого городского головы. Жалованье от города я получал, правда, небольшое — всего сто двадцать крон в месяц, но за удачную брань в адрес личных врагов городского головы или господ гласных или за сенсационное разоблачение частной жизни этих людей я всякий раз получал особый гонорар. За каждую строчку, в которой я смешивал с грязью оппозицию, я получал по десять геллеров, а за фразу, гласившую, например: «Известно, что этого урода зовут Губачек и что упомянутый отвратительный индивидуум владеет лавкой в нижней части города», — за такую фразу платили по целой кроне. Как видите, в деньгах я не нуждался, а в бранных словах недостатка не было. Однако, чтобы в газете не слишком часто мелькали наименования домашних животных, я использовал в своих репортажах и других представителей фауны — крабов и омаров, саранчу, тлю, крокодилов, павианов и тому подобное; я так ловко манипулировал этими названиями, что подвергшиеся нападению лица не успевали присылать опровержения: «Неправда, что я африканский крокодил, в действительности меня зовут Петр Рoubичек, и родом я из Пршибрама. Неправда также, что я павиан, на самом деле я живу в этом городе с 1882 года. Вранье, будто я...» и т. д. Я охотно помещал подобные опровержения под рубриками «Нам пишут» и «Поправки», сопровождая их соответствующими примечаниями, вроде: «Поскольку речь идет о пане Рoubичеке, действительно нужно говорить не об африканском крокодиле, а об австралийском, и пан Рoubичек правильно различает оба эти вида, утверждая, что он не африканский крокодил. В отношении же того, что его называли павианом, следует иметь в виду не хохлатого павиана, а обыкновенного — собакообразную обезьяну самого низшего типа...»

Таким путем я завоевывал все больше симпатий, и люди меня уважали. К сожалению, мое счастье длилось недолго. Как раз начались каникулы, и из окружного города вернулся сын городского гласного Петишки, ученик второго класса гимназии. В тот же вечер меня навещил в редакции старый пан Петишка и как бы мимоходом заметил, что его Веноушек — чрезвычайно умный и

сообразительный мальчик, светлая голова. И хотя ему только четырнадцать лет, он проявляет, дескать, необычайное писательское дарование. Особенно удаются ему миниатюры. Когда Веноушку было шесть лет, он сам придумал поздравление к дедушкиным именинам. В девять лет он писал уже стихотворения — очень милые стишки с патриотическими концовками, где Пршемысловичи * побеждали татар. В пятом классе Веноушек написал стихотворение в честь директора:

Дай Вам бог, пан директор, много счастья найти,
И да будут для Вас всюду розы цвести,
Никогда не сойдете Вы в жизни с пути,
Мы просим Вас дальше нас к знаниям вести.

— Я прибавил к этим строчкам пять бутылок мозельского и копченого поросенка, и директор был прямо в восторге.

Потом папаша Петишка заявил, что Веноушек когда-нибудь обязательно прославится.

— До сих пор он все время писал для себя. И прекрасные вещи, смею заметить, — ведь я разбираюсь в литературе, потому что выписываю «Май» *. Его миниатюры полны глубоких мыслей, полны жизни и несомненно послужат украшением вашей газеты, если вы их напечатаете. Мальчик пишет под псевдонимом «Ян Трнита из Чимелиц». Аристократ, так сказать *. Что же касается правописания, то он старается избегать орфографических ошибок.

После такого предисловия он положил передо мной миниатюры гимназиста Петишки («Яна Трниты из Чимелиц») и ушел, дружески пожав мне на прощание руку. Я взял первую миниатюру и прочитал:

Из греческой истории. Когда Павсаний * одержал победу неподалеку от города Аримена, случилось, что он влюбился в дельфийскую прорицательницу * и послал ей восемь рабов с золотой утварью. Рабы, однако, продали золотую утварь и убежали в Малую Азию, где основали хозяйство и стали выращивать на полях жито и ячмень. Между тем Павсаний, узнав о вероломстве рабов, послал за ними военный корабль, который был захвачен в пути персидским флотом. Узнав об этом, Павсаний приказал бичевать море *, а сам отправился в Дельфы.

В Дельфах он посетил храм, но был изгнан жрецами, когда попытался проникнуть в святилище жрицы. С той поры Павсаний угасал телом и духом. Последними его словами перед смертью был совет грекам искать спасения в единстве. Так и мы, чехи, должны быть едины!

Во второй миниатюре говорилось: *Смерть пономаря церкви св. Троицы в Праге*. В Новом Месте * в эпоху шведских войн жил пономарь Мелихар. Когда офицер Отовальский * — изменник, недостойный сын нации, — разрушил стену, чтобы шведы могли проникнуть в Прагу, пономарь св. Троицы Мелихар первым забил в набат. Поскольку у него не было помощника, то звонил он один. Вскоре, сраженный шведской пулей, он испустил свой благородный дух; звон этот стал его собственным заупокойным звоном, но все же поднял студентов на борьбу со свирепыми шведами. По окончании Тридцатилетней войны он был торжественно погребен. Каждый год в день его смерти на башне древнего костела сами собой звонят колокола.

Из третьей миниатюры я узнал: *Молодой может, старый должен!* Лежал на смертном одре старый крестьянин Вацлав, и велел он позвать к себе своих внуков и сказал им с глубоким чувством, прежде чем скончался на руках сыновей: «Молодой может, старый должен!» Не прошло и года, как пророчество старого крестьянина Вацлава сбылось, ибо сначала умер самый младший его внук Роберт, сразу вслед за ним Кристиан, потом Юзеф, затем Вацлав и вскоре после Бржетислав. Не прошло и года, как умерли все внучата, и бедная осиротевшая бабушка могла смело произнести над могилками детей: «Молодой может, старый должен!»

В четвертой миниатюре я прочел: *Весна в деревне!* Едва засветит солнце, по деревне растекается весна и веселая жизнь, ибо жуки вылетают из своих норок и снуют по траве. Иногда и бабочка перелетит селянам дорогу, а в окрестностях деревень крестьяне выращивают хлеб. На башне церковушки гнездятся порой птицы, разглядывают селян и заботятся о птенцах. А потому я зываю ко всем усердным земледельцам: «В деревне весна, весна пришла!»

Пятая миниатюра гласила: *Не пропускай уроков!* В одном большом городе два мальчика решили пропу-

стить уроки, чтобы не писать письменной работы по арифметике. Неподалеку от города был пруд, и мальчики пошли купаться. Но плавать они не умели и едва не утонули; только с большим трудом их удалось спасти. А письменную по арифметике им все равно пришлось писать, потому что учитель перенес ее на другую среду. Отсюда ясно видно, какой опасности подвергают себя недобросовестные школьники.

Уважаемые сограждане! Вы не можете себе представить, в каком душевном состоянии я находился, прочитав пятое произведение гимназиста Петишки.

Вечером пришла его тетя и принесла двадцать новых миниатюр.

На другой день утром явился отец Веноушка Петишки и вручил мне еще десять миниатюр.

В полдень сестра Веноушка принесла новый труд гимназиста и с воодушевлением прочитала мне его вслух. Это был трактат на тему: *«Почему учащиеся средних школ выкалывают птичкам глаза»*. Автор живыми красками изображал, как нужно поступать, если вы хотите выколоть птицам глаза, и потом описывал, как в старости вы будете терзаться угрызениями совести.

— Веноушек пишет еще большой рассказ,— сказала мне сестра писателя,— и зайдет к вам, чтобы прочитать начало!

Что мне оставалось делать? Я купил револьвер.

На другой день несчастный гимназист действительно пришел и доверчиво протянул мне руку.

Заперев за ним дверь, я спросил:

— Вы собираетесь писать большой рассказ?

Он кивнул.

— Вы будете много писать, неустанно писать и присылать ко мне родственников, чтобы они читали мне ваши произведения?

— Да!

Это было его последнее слово. Стоит ли распространяться? Я застрелил его с наслаждением. Пусть общественность решит, правильно ли я поступил. *Я убил нового Кв. М. Выскочила!* *.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ПАНА КАУБЛЕ

В третьем городском районе пан Каубле был отцом бедняков. В течение последних двадцати лет он всецело посвятил себя благотворительной деятельности. Без его решающего слова не раздавались бесплатные талоны на уголь, он являлся членом муниципалитета и благотворительной комиссии.

На всех трех дверях его квартиры были прибиты таблички с надписью:

ОКАЗЫВАЕТ ПОМОЩЬ МЕСТНОЙ БЕДНОТЕ!

Таблички эти не стоили ему ни геллера, потому что дома у него их был целый склад, и он выдавал их всем, кто платил ежегодный благотворительный взнос по 20 крон. Нищим из этой суммы никогда не перепало ни геллера — все съедали административные расходы. Референт по вопросам нищеты получал 2 400 крон в год, помимо того, был еще чиновник, получавший 1 600 крон, и рассыльный, которому платили сотню в месяц. Остатки уходили на различные расходы, вроде представительных поездок членов благотворительного отдела на съезды в защиту бедноты. Нищим, таким образом, не оставалось ничего.

В домах же, где прежде подавали милостыню, теперь им предлагали полюбоваться табличкой у входа:

ОКАЗЫВАЕТ ПОМОЩЬ МЕСТНОЙ БЕДНОТЕ!

Но не помогло и это. Была созвана конференция по борьбе с уличным попрошайничеством. Местная газета

предварительно провела анкету на тему: «Как ограничить нищенство».

В редакцию поступила масса писем, в которых сообщалось о широких масштабах нищенства в других городах. Стало ясно: не остается ничего иного, как созвать конференцию по борьбе с попрошайничеством.

За неделю до конференции отец бедняков пан Каубле начал ходить по своему району, останавливать нищих и убеждать их бросить свое занятие. На некоторых нищих он обратил и внимание полиции. В плодотворной деятельности провел он всю неделю, собираясь выступить на конференции с каким-нибудь проектом по ограничению или искоренению нищенства.

В конференции принимал участие референт полиции. Прибыл и начальник округа, который во время речи бургомистра уснул. Полицейский чиновник в продолжение всей речи старательно чистил ногти; представитель городского прихода капеллан Блага уже в пятый раз читал устав какого-то общества пожарников, подвернувшийся ему под руку.

Речь пана бургомистра производила тягостное впечатление. Он то и дело повторял: «Итак, мы стремимся уничтожить нищенство. Итак, мы стараемся не допускать нищенства. Итак, мы боремся с ним. Итак, я исхожу из того принципа, что ему надобно дать резкий отпор». Он говорил уже более получаса и наконец заявил: «Кто из присутствующих имеет какое-либо конкретное предложение, прошу выступить».

Поднялся отец бедноты третьего квартала пан Каубле.

Лицо его, когда он окинул взором озабоченные физиономии участников конференции, просияло.

Он готовился выложить им все, что накопилось у него на душе за последнюю неделю и о чем он размышлял ночами, лежа в постели. Когда покоишься на мягких перинах, так приятно подумать о нищете ближних.

До начала конференции пан Каубле выпил литр вина, и теперь приятное тепло разлилось по всему телу, коснувшись и его души. Он мягко заговорил о судьбе вдов и сирот.

Начальник округа спал по-прежнему, референт из полиции зевал.

— Вдов и сирот необходимо защищать,— отчаянно взывал отец бедняков пан Каубле,— берегите сирот и вдов от гибели. Господа,— его голос зазвучал так громко, что стены ратуши задрожали,— господа, надобно что-то сделать для них. Разом избавить их от нищеты. Господа, я твердо намерен учредить благотворительный фонд.

Начальник округа проснулся. Шестьдесят жаждущих и восторженных глаз смотрели на пана Каубле.

— Лучший наш человек,— прошептал пан бургомистр соседям.

— Да, именно фонд,— еще громче воскликнул отец бедняков,— фонд, с помощью которого пусть хоть одной вдове, да будет оказана помощь! Жертвую в фонд шарманку.

Кругом воцарилась тишина.

— Наш лучший человек сошел с ума,— прошептал пан бургомистр, а пан Каубле с сияющим взором продолжал, извлекая из кармана лист бумаги:

— Я, Антонин Каубле, отец бедняков третьего района, владелец домов и недвижимости, председатель благотворительного общества «Антонин Каубле» и т. д., имею честь довести до сведения общественности, что передаю в фонд бедняков нашего города одну шарманку системы «Гаррадай». На вспомоществование может претендовать слепая вдова гражданина города в возрасте не моложе шестидесяти лет, представившая доказательства абсолютной безупречности, набожности, честности и полной неспособности к тяжелой работе. Документ, подтверждающий возраст, свидетельство о смерти мужа, его приписное свидетельство, справка о прививке принимаются вместе с ходатайством местным городским благотворительным отделом или учредителем фонда, отцом бедняков паном Каубле. Шарманка предоставляется в пожизненное пользование, а облагодетельствованная обязана раз в неделю молиться во время утренней мессы за семью пожертвователя.

Когда отец бедняков умолк, вновь наступила тишина, нарушенная наконец бургомистром.

— Разрешите, пан Каубле?

Бургомистр встал.

— От имени всего благотворительного отдела благодарю пана Каубле за его самоотверженный поступок, преследующий цель умерить нищету бедняков. Выражаю вам благодарность от имени всего города, от имени бедствующих сограждан наших. Благодарю вас, горячо благодарю!

Он закончил весьма сердечно, а начальник округа, подойдя к пану Каубле, демонстративно протянул ему руку и сказал:

— Я тоже должен поблагодарить вас, уважаемый пан Каубле. На вашем примере я убедился, что самоотверженность здешних членов муниципалитета безгранична. Будьте уверены, я не забуду вашего благородного выступления в пользу местной бедноты.

Для благородного пана Каубле наступили дни безоблачного счастья. Сообщение о его благодеянии было обнародовано в газетах, а через несколько дней на главной улице в витрине торговца музыкальными инструментами появилась шарманка, снабженная четкой надписью: «Фонд отца бедняков пана Антонина Каубле».

Затем пан Каубле позволил сфотографировать себя, стоя возле шарманки и опираясь на нее рукой. По его заказу с этой фотографии сделали художественную открытку. Тут его популярность возросла еще больше. Он был совершенно счастлив, и гордость его росла. Начальник округа мило ему улыбался. Не оставалось сомнений, что при ближайшем удобном случае он добьется ему награды.

Все это происходило незадолго до того, как город почтила своим присутствием царственная особа. Пан Каубле с чувством собственного достоинства шел на всеобщую аудиенцию.

«Преподнесу свою художественную открытку с шарманкой на память царственной особе»,— последнее, что он успел подумать, входя в зал для аудиенции.

Потом в голове его все пошло кругом: царственная особа остановилась перед ним, улыбаясь.

— Антонин Каубле, hochgnädigster Herr¹,— заикаясь, пролепетал он, как истинный чех, по-немецки и, про-

¹ Милостивый государь (нем.).

тягивая открытку, добавил: — Антонин Каубле mit dem Flaschinet, Vater der Armen¹.

— Я всегда был отцом самых бедных,— благосклонно произнесла царственная особа, сделала несколько шагов в сторону адъютанта и сказала ему что-то. Адъютант подошел к пану Каубле и, подавая ему золотой, сообщил официальным тоном:

— Аудиенция окончена!

А царственная особа добавила приветливо:

— Только не отчаиваться, и шарманка может прокормить человека, старый солдат!

Отец бедняков, пошатываясь, вышел из двери, а через час по всему району разнеслась весть, что пан Каубле вдребезги расколотил свое пожертвование в пользу бедняков.

¹ С шарманкой, отец бедняков (нем.).

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Норберт Попелец, государственный прокурор, ехал в родные места, в которых не был столько лет. Выражение его лица приобрело сентиментальный оттенок, и на железнодорожных станциях он грустно потягивал пиво, которое подавали в вагон. Ехал он до Противина, где решил выйти, чтобы оттуда уже отправиться в родные места, так много значившие для него в дни юности, в Скочице, Рожице, Водняны, в Тын-на-Влтаве и т. д.

Он пытался представить себе тех милых людей, которых он знал в молодости, вообразить, как будет разговаривать с ними. Когда поезд подъезжал к Писеку, он уже узнавал окрестности. Гержмань все так же скрывалась в зелени, туда он когда-то мальчишкой ходил к дяде за орехами и возвращался обратно через Рожице, где у него жил еще один дядюшка, большой картежник. Сразу вспомнились и другие подробности. В Рожицах был пруд, и там однажды браконьеры убили лесничего Мркву.

Его воспоминания прервал господин, сидящий напротив.

— А пруды уничтожили,— произнес он вдруг.

Государственный прокурор выглянул в окно и увидел, что рожицкого пруда нет и в помине. И он принялся громко сморкаться, пытаясь скрыть волнение.

И уже до самого Противина он не прятал носового платка, потому что от нахлынувших впечатлений у него щекотало в носу. Он вдруг ясно представил себе тетушку Гобзикову, представил, как она держит его на коленях

и от нее чудесно пахнет навозом. Потом ему вспомнился мясник Пиштолка, который, снимая шкуру с теленка, напевал: «О, приди, Святой дух!» В Противине он сошел с поезда, уселся в вокзальном ресторане и принялся размышлять, кого он посетит первым. Наконец он решил, что заглянет к дядюшке Кодейшу, жившему у речки Бланице. В местечке ему сказали, что у Кодейшовых небольшая лавчонка и что старая Кодейшова ослепла. Показали, где они теперь живут, и вскоре он уже беседовал с дядюшкой Кодейшем.

— Помните меня?

— Нет, не припоминаю.

— Да я же Норберт Попелец, государственный прокурор из Праги.

— Извините, не знаю такого.

— Я Попелец, сын Попелца, у которого за речкой был трактир, а вы мой родной дядюшка.

— Попелец... трактир... знаю, знаю, а что ты тут подельваешь?

— Да вот приехал взглянуть на старых знакомых, может, уже напоследок.

— Да, вид-то у тебя неважнецкий, — заметил старый дядюшка. — Твой папаша был парнем хоть куда, да треснули его кувшином по башке — и крышка. Нам тебя деть некуда. У нас две комнаты, и в одной мы сами спим. Так когда ты едешь?

Государственный прокурор кусал губы и ничего не отвечал.

— К тетке можешь и не заглядывать, напрасное дело. Старуха слепа и тебя не увидит, а может, еще и отругает.

— Ну, так будь здоров, — сказал со злостью государственный прокурор.

— С богом, руку тебе подать не могу, она в повидле. Вымазал, когда упали с прилавка деньги, — сказал дядюшка.

Когда государственный прокурор уходил, у него было такое чувство, словно в этой грязной лавчонке ему надавали пощечин. Он повернул обратно, раздумывая, куда бы направиться теперь. И вспомнил о своей сестре Овсаржке, которая вышла замуж за трактирщика, хозяйничавшего теперь в заведении его покойного папаша.

Он прошел Блинице и, свернув влево от дороги, вошел в простенький домик с вывеской «Противинское пиво». Едва переступив порог, он тут же узнал в статной, рослой женщине свою двоюродную сестру; заказав кружку пива, он сел, раздумывая, как бы сказать ей, что он ее брат.

— Вы меня не узнаете? — спросил прокурор наконец после долгого размышления.

— Я никогда господина не видела, может, как-нибудь в Будейовицах на рынке. Что-то припоминаю. Вы покупали там воздушный шарик.

— Да нет, вы ведь Овсаржова, урожденная Попелцова?

— Я-то это я, а вы не писарь Розводовиц? Он тоже смотрит как-то странно.

— Нет, я государственный прокурор Норберт Попелец, сын Йозефа Попелца, бывшего хозяина этого трактира, ваш двоюродный брат.

— Беда только, старика нету дома. Поехал корову купить, и сегодня мы не готовим. Поесть можно в верхнем трактире.

Она ушла, оставив государственного прокурора в одиночестве. Ему было ясно, почему она так говорит: боится, что придется угощать.

Наконец она вернулась, сообщив, что пива нет и новую бочку начнут, когда приедет муж. И тут же снова скрылась. Вскоре она вновь появилась — с ведром воды и, засучив рукава у кофты, молча принялась мыть пол.

Государственный прокурор заплатил, на прощание сестра повторила:

— В верхнем трактире обед наверняка получите.

И вот он снова на улице родного местечка. Вокруг все было таким чужим, неприятным и оскорбительным, что государственный прокурор с досадой стукнул палкой по земле. Потом совершенно механически, словно по принуждению, отправился к «верхнему» трактиру.

Над дверью он прочел: «Ян Волешиник, трактирщик».

«Волешиник, Волешиник, — повторял про себя государственный прокурор, — Волешиник уже тогда был стариком

и звали его «прилизанный», потому что у него был пробор в волосах. Неужели это он?»

В углу трактира сидел старый дед; это и был «прилизанный», все тот же пробор в седых волосах. «Ему по крайней мере должно быть лет девяносто», — подумал государственный прокурор.

— Дедушка, помните вы старого Попелца, сын которого учился в Праге?

— Ну как не помнить этого проходимца, — сказал дед, — а сын его, говорят, что-то там делает в судах. Хорош был цветочек! С Марженой Гроссовой, еврейкой из Гержмани, имел сына. Теперь этот парень приказчиком у дядюшки Леви в Писеке.

— Но позвольте, кто это вам все сказал, дедушка? — растерянно спросил государственный прокурор.

— Да несколько лет назад все о том твердили. Ченек Мазовиц я тоже знал; тот завел шашни с одной мамзель из замка. Мне-то все известно. Да, да, Мазовицы были кумовья с Попелцами. Ну и семейки были. Одна хлестче другой. У старого Попелца был на меня зуб, я, видите ли, продавал пива на три гекталитра больше, вот он и выдал меня, сказал, что прячу вора. И чего только этот стервец на меня не наплел. А этот парень, его заморыш, что в Праге учился, тоже хорош мерзавец. Наш мясник видел его как-то в Праге, когда имел одно дельце в суде. Два стражника по бокам, а между ними молодой Попелец. Господь бог ничего не оставляет без наказания. Господь бог всемогущ и всевидящ.

Государственного прокурора бросало то в жар, то в холод. Он выпил немного пива и почувствовал огромное желание что-нибудь разбить.

А деда нельзя было остановить:

— И вся семейка Попелцов такова. У одного из Попелцов, племянника того, что жил в Праге, был домишко за лесом. Как раз позавчера его увели стражники: лес воровал. А Кодейш, старый гуляка, дядюшка Попелца, этот краденый лес скупает.

В трактире набирался народ, главным образом старики, смотревшие на государственного прокурора, как ему показалось, довольно подозрительно.

— А скажите, — сказал наконец один из них, — вы не тот пражский Попелец?

— Да что вы? — врал уже напрапалую господин Норберт Попелец, — я торговец Гекса из Будейовиц. И, уплатив деньги, он поспешил скрыться.

— Тоже хорош гусь, — сказал один из посетителей после его ухода. — Это он лет пять назад подделал деньги и заработал пять лет.

А государственный прокурор, который уже не мог вспомнить, под каким именем он выступает в суде, полный ярости, шел по грязным улочкам родного местечка прямо на вокзал. И когда он ехал обратно к Писеку и дальше — к Праге, с его лица уже исчезло сентиментальное выражение, и первую кружку пива, поданную в вагон, он выплеснул в окно в направлении родных мест.

СОЛИТЕР КНЯГИНИ

У добрейшей княгини Мехлинской завелся паразит. Пока еще не было установлено, поселился ли в теле этого ангела ленточный солитер или цепень невооруженный: вид определится, как только паразит из нее выйдет.

Хуже то, что домашний врач Мелихар до сих пор тщетно ломал голову, как бы объяснить княгине, хотя бы по-французски, чем страдает ее светлость.

Как сказать об этом ангелу с прелестными аристократическими ручками, которые никогда тупельки не развязали, которые оттого и были аристократическими, что никогда ничего не делали? Княгиня была из чистокровной англосаксонской семьи и выделялась непомерно высоким ростом, рыжими волосами и бледностью, а также ангельской добротой, так как устроила приют для четырех княжеских слуг, которые отличились особой почтительностью за время службы у княгини и, ввиду недостаточной пенсии, померли бы с голоду.

И вот добросердечная княгиня устроила для них приют, где эти старики теперь жили, одетые в больничную форму, состоящую из ужасного белого суконного халата с ярко-голубым воротником. Говорили, будто на красных суконных штанах у них сзади вышит княжеский герб. Но это неправда. Княжеский герб был только на плоских фуражках с розовым козырьком. Как только эти люди появлялись на деревне, с ребятами приключался родимчик.

Ангел-княгиня сама часто спускалась вниз, в деревню, и наделяла бедных детей розами. Побуждаемая сво-

им нежным и чутким сердцем, она никогда не ограничивалась одним благодеянием, и ежели послала какой-нибудь бедной больной женщине букетик красных орхидей, то можно было быть уверенным, что при случае опять пошлет орхидеи в деревню.

Вся округа знала о ее добрых делах

Когда в имении умирала старая беззубая батрачка Пешлова, княгиня послала ей пять килограммов грецких орехов. Как Пешлова увидела лакея с орехами, так и отдала богу душу.

В другой раз княгиня решила как-нибудь особенно одарить пастуха Тонду, пасшего общинных свиней. Она послала к нему двух лакеев, которые совсем сбились с ног, пока его нашли. Но в конце концов поймали, притащили, несмотря на его отчаянный рев, в замок, где его умыли, и княгиня подарила ему набор красок для рисования. Тонда съел три краски, а остальные бросил: не понравилось.

Услышав однажды, что старый Клабец, живя в пастушьей хижине, страшно нуждается, княгиня послала ему целый ананас.

Клабец променял у еврея ананас на водку, но это несколько не отвратило княгиню от благотворения. Наоборот, когда в результате ливней снесло в реку два домика, она велела лакею отнести лишившимся крова два блюда клубники со сметаной. Когда умер пономарь, она не поленилась — послала жене его коробку конфет, настоящих итальянских «освежающих», чтоб бедной вдове было чем освежиться.

Никто не уходил из замка с пустыми руками. Кто уносил крыжовник, кто смородину, кто финики — так горячо старалась княгиня смягчить их нужду. И всякий раз, как кому-нибудь совсем уж нечего было есть, он мог быть уверен, что помощь близка. Если великодушная княгиня не пошлет ему пять бутылок керосину, то уж конечно пошлет спиртовку.

Для школьной библиотеки она выписала «Sport im Bild»¹, а так как читальня находилась в чешской общине, согласилась прибавить еще журнал «Bosnische Post»²,

¹ «Спорт в иллюстрациях» (нем.).

² «Боснийская почта» (нем.).

выходящий в Сараеве. А первый ученик получил от нее книгу «Horses, dogs, birds, cattle. Accidents and Ailments. Published by Ellman, Sons and C^o, Slough, England»¹.

Короче говоря, сущий ангел, хоть, к сожалению, с солитером.

«Как ей об этом сказать?» — ломал себе голову доктор Мелихар, когда очаровательная княгиня спросила, считает ли он ее положение серьезным.

— Отнюдь нет, ваша светлость, — ответил он. — Речь идет о довольно незначительном нарушении... Ваша светлость, вы когда-нибудь обращали внимание на пруды, где поднимаются со дна и плавают на поверхности водяные лилии? Ну хоть на прудок в замковом парке?.. Там находятся особого рода плоские личинки, от которых происходят ленточные черви (plathelminthes).

Княгиня уставилась на него с испугом.

— Да, ленточные, или так называемые «паренхиматозные». Они делятся на три вида: цестодозы, трематодозы и акантоцефалезы... Это маленькие созданыца, расселяющиеся повсюду без разбора в виде солитеров, вертячек и обыкновенных глистов. Если ваша светлость изволит пройти к замковому пруду, то, как я уже сказал, увидит там исходную форму своего паразита.

Добрая княгиня не поняла, так как в невинности своей не представляла себе, что такое солитер.

— Я не совсем вас понимаю, милый доктор!

— Ваша светлость, — сказал доктор, умиленный наивностью княгини, — соблаговолите принять во внимание, что солитеры встречаются исключительно в аристократических кругах. Я знал графов, князей и даже одного герцога, которые имели удовольствие, подобно вашей светлости, растить солитера, но после надлежащего ухода тот выходил вон.

— Как это — вон? — наивно спросила княгиня.

Доктор откашлялся.

— Чистым все чистое... — торжественно промолвил он. — Выходил совершенно так же, как выходит драгоценный страсбургский пирог; вместе с содержимым желудка, сопровождаемый — как это было в случае с гер-

¹ «Лошади, собаки, птицы, скот. Болезни и лечение. Издание Эльман, сыновья и комп. Слау, Англия».

цогом — нежным паштетом из бекасов и речных раков. Я знаю случаи, когда солитер имели кардиналы, следившие за его выходом из тела, держа молитвенник в руке. Один европейский государь каждый год растит в своих внутренностях солитера, который пользуется необычайным почетом среди населения. Оскорбление солитера карается там, как оскорбление величества... Чтобы не упустить момент выхода солитера из тела вашей светлости, я дам специальные инструкции вашим горничным.

Когда доктор ушел, добрая княгиня велела позвать своего исповедника.

— Ваше преподобие,— благоговейно сообщила она,— у меня солитер.

Лысый старичок всплеснул руками.

— Быть не может, княгиня! Вы — сама невинность, вы — роза. При чем же тут солитер? Но если он все же есть у вас, княгиня, значит, он вам послан богом для вашего испытания. Верьте в милость божию, в бесконечную доброту господню — и с солитером будет покончено. Богу угодно было посетить вас крестом любви своей, и он же избавит вас от сего испытания.

— Ваше преподобие, я слышала, что солитеры бывают у кардиналов.

— И у архиепископов, и у папы, княгиня. Св. Иоанн боролся с солитером в пустыне, а папа Иоанн XIII перевез его в Авиньон. Он — эмблема смирения, и, как сказано в писании, грешники его лишены.

Между тем солитер производил в теле доброй княгини свои чудеса.

Каждый день доктор заливал его отваром папоротникова корня (*polypodium filix ma*), отваром коры гранатового дерева, крепким резедовым чаем. Каждый день княгине приходилось глотать от трех до пяти тыквенных зернышек, потом она глотала нафталин и, наконец, пила касторку.

Все это — отличные, превосходные слабительные, и добрая княгиня чем дальше, тем больше укреплялась в убеждении, что бог любит ее, раз послал ей такое испытание.

Наконец через две недели розовый солитер очутился в элегантном сосуде со спиртом.

Как констатировал доктор, это был именно солитер. Княгиня радовалась его длине, так как эта длина доказывала, что бог очень любит ее.

Теперь княгиня опять получила возможность творить добро — занятие, которое в последнее время запустила из-за борьбы с солитером.

И вот в один прекрасный день она снова отправилась в деревню.

Она ехала в карете, заботливо оглядывая окрестность. Остановилась перед избой старосты, спросила его, нет ли в деревне больных.

Тот назвал старого Матея, дом № 132, передавшего имущество своим детям и жившего на их иждивении... Княгиня велела лакею спросить, что со стариком. Лакей доложил, что Матей страдает солитером.

Это сообщение потрясло княгиню. Как это может быть? Самый обыкновенный человек, вроде вот этого Матея, имеет солитера, составляющего удел возвышенных душ?!

Дома княгиня опустилась на колени в часовне и воскликнула:

— Боже мой, возможно ли, возможно ли?

С этого дня она стала чахнуть, и кончилось тем, что золотое сердце ее перестало биться. Перед смертью она завещала передать своего солитера, заспиртованного, в школьную коллекцию, а самому старому служащему в имении отказала флакончик дорогих духов. Кроме того, распорядилась, чтобы каждый раз в годовщину ее смерти всех бедных детей деревни наделяли крыжовником и чтобы бедноте позволяли в этот день безвозбранно собирать в княжеских лесах землянику и грибы. И 3 января добрая княгиня скончалась.

Царство ей небесное и вечный покой! Но как будет с крыжовником, земляникой и грибами в день ее смерти— 3 января,— этого не могу сказать.

СУП ДЛЯ БЕДНЫХ ДЕТЕЙ

Князь Роберт был очень гуманный человек. Он решил устроить в деревне, находившейся возле его замка, бесплатную раздачу супа для бедных школьников, не пожалел средств на постройку павильона и выписал из Вены походную кухню. Когда ее доставили, княгиня на коленях умоляла мужа отказаться от своей затеи. Но князь ответил:

— Ни в коем случае, княгиня... Я сам буду варить этой голытьбе картофельный суп.

Отговаривал его и брат княгини, граф Мангард, доказывая, что это — занятие, недостойное князя.

Но князь Роберт закричал, что будет во что бы то ни стало сам варить картофельный суп и выкинет за дверь всякого, кто вздумает лезть к нему со своими советами.

Князь Роберт был очень гуманный, но в то же время очень вспыльчивый человек.

И вот в один прекрасный день павильон и походную кухню убрали свежими сосновыми ветвями, вход в павильон украсили надписью: «Награди, господь!», в сосновые ветви вплели флажки, двухцветные ленточки, и дворецкий во фраке и цилиндре подошел к печке и принялся ее растапливать. Таково было желание князя Роберта.

Сам он смотрел в окно, с нетерпением ожидая, когда дворецкий снимет цилиндр — в знак того, что вода закипела и пора его светлости чистить картошку. Это было тоже предусмотрено составленной князем программой.

Наконец князь вышел из замка и важно, торжественно проследовал к павильону, возле которого стояла походная кухня. Там был и сельский староста, занятый тем, что тыкал кулаками под ребра бедных ребят, которые даже в это мгновение, не обращая внимания на его светлость, продолжали ковырять в носу.

Староста знал порядок. Он велел всем двадцати трем бедным школьникам деревни кричать князю «ура», кинул на них быстрый взгляд — умыты ли — и дал знак стражнику Пазоуреку; тот зажег фитиль у одной мортиры и перебежал к другой. Грянули два выстрела, и князь выступил из закружившихся над мортирой облаков дыма. Дети оглушительно заорали. Князь приветливо махнул рукой и сел перед походной кухней. Два лакея подали ему картофелину. Взяв ее руками в белых перчатках, он очистил ее и бросил в котел с кипятком. Дети не могли кричать от радости, так как охрипли. Его светлость приступил к чистке второй картофелины. Когда он бросил и ее в котел, снова раздался радостный рев. Князь Роберт встал и промолвил:

— Ви, детка, имеют радост, кушайте суп и радуйтея, что я вас варил. Ви, детка, должна помнийт, что я для вам к нас, я быть ваш мать, я вас...

Раздался новый радостный рев — в знак того, что прекрасная речь его светлости доставляет юным слушателям искреннее удовольствие.

— Ви, детка, знайт: то есть лучший монумент вам, что я варю,—торжественно продолжал князь.— Ви делайт ам-ам хорошего суп, а я вас сам картошить. Молийтс богу об мэйне!

Вслед за тем каждый из двадцати трех бедных учеников получил от его светлости крону. В заключение князь подошел к старосте, снял перчатки и отдал их ему со словами:

— На памейт о первый ам-ам хорошего суп, который я картошил. Молийтс богу об мэйне!

Егерь подвел князю коня, и его светлость отбыл рысью в заповедник, а дворецкий и лакеи гордо удалились в замок.

Староста сунул перчатки в карман, посмотрел на бедных ребят, потом на сельского стражника Пазоурека, потом опять на перчатки — нет ли тут чего,— наконец

обратился к члену общинного управления Вержине с такими словами:

— Ну, а кто ж теперь суп-то для этих голодранцев доварит?

— Пазоурек с ребятами пускай дочистят картошку,— ответил Вержина.

— Вари суп, Пазоурек, а вы, девчата, принимайтесь чистить картошку,— распорядился староста и ушел с первым и вторым членами общинного управления.

Стояла невероятная жара. Пазоурек стал ругать детей, свирепо вращая глазами:

— Показал бы я вам, как ходить сюда за супом! Балует вас его милость!

С основательностью старого солдата он, не вынимая трубки изо рта, опустил в кипящую воду разложенные на столе продукты. Тем временем девочки уже почистили всю картошку, и он принялся хлопотать вокруг котла, стирая рукавом обильный пот со лба. Вдруг он перестал мешать в котле; его озарила какая-то мысль. Поглядев на кувыркающихся в траве перед павильоном ребят, он крикнул одному из них:

— Эй, Малина, пойди сюда!

Ничего не подозревающий Малина подошел

— Слушай, сорванец!— заявил ему Пазоурек.— Я видел, ты вчера на общинном поле горох воровал. За это штраф полагается. Давай сюда крону и позови брата своего Пепика... Пепик, паршивец, ты знаешь, что брата твоего Карела чуть в тюрьму не посадили? Он вчера горох воровал. За это — штраф. Он крону от князя получил и ты тоже. Благодарите бога, что у нас князь такой добрый. А то кто бы за вас, прохвостов, штрафы платил? Так вот, крона с Карела да крона с тебя, Пепик,— как раз и выйдет что полагается. Только смотрите: коли я вас опять в горохе увижу, сейчас же запру в хлев при управлении. Штаны долой — и задам трепку! Воровать — великий грех, дети! Но я вас прощаю. А теперь, Пепик, сбегай за поллитровкой, а Карел пускай суп помешает.

И он спокойно расположился возле котла на лужайке. Вскоре Пепик принес поллитровку. Выпив как следует, Пазоурек собрал вокруг себя ребят и долго беседовал с ними о необходимости уважать начальство.

— Потому оно — от бога, сукины дети! — сказал он в заключение и послал за второй поллитровкой.

Солнце стояло уже высоко, и Пазоурек снял сапоги, потом, привольно раскинувшись на траве, уснул, между тем как ожидающие княжеского угощения занялись игрой в «разбойники».

Крик их не будил Пазоурека. К тому же скоро вокруг все затихло, так как «разбойники» убежали в заповедник.

В полдень князь, возвращаясь с прогулки домой в замок, увидел всеми оставленную походную кухню и пустой павильон.

Из котла валил пар, слышалось клокотанье, и на поверхность время от времени всплывали сапоги общинного стражника Пазоурека. Князь разбудил его пинком, так как хотя был человеком гуманным, но очень вспыльчивым.

А с дороги над косогором, укрывшись в кустах терновника, брата Малина, ликуя, любовались сапогами и всей картиной в целом, как художник любит свое произведение, удостоенным первой премии.

По-видимому, это зрелище возместило им потерю двух крон.

Князь тотчас отменил бесплатную выдачу супа. А когда его шурин, граф Мангард, человек исключительно добросердечный, встретил в лесу общинного стражника Пазоурека и с любопытством осведомился, как они варили в первый и последний раз картофельный суп, Пазоурек откровенно признался:

— Ах, ваша милость! Это было ужасно. Вонь стояла такая — ну не продохнешь!

ЗАБАСТОВКА ПРЕСТУПНИКОВ

Само собой разумеется, что виноваты во всем были социал-демократы. Это их газеты непрестанно твердили о классовой юстиции! Это их ораторы требовали, чтобы признанное теоретически равенство граждан перед законом осуществлялось на практике! Их претензии временами заходили так далеко, что, когда одна баронесса в ювелирном магазине случайно запихнула в карман несколько драгоценных камней, они потребовали, чтобы ее судили как обыкновенную воровку, как будто у баронесс не существует в таких случаях клеptomании.

Подобно этому, их органы не только не вступились за некоего сиятельного графа, когда тот объявил себя банкротом, облегчиз тем самым карманы своих кредиторов и служащих на парочку миллионов, а, наоборот, еще отважились потребовать, чтобы его сиятельство сел на скамью подсудимых. Когда же этого не произошло, они начали подстрекать народ против юстиции и судов.

Так дело дошло до того, до чего должно было дойти. Преступникам стало казаться, что суды к ним несправедливы, что они поступают с ними не так, как следовало бы. Тогда-то и произошло событие, которое оказалось уникальным в мировой истории и которое имело для государства, как увидят читатели, весьма серьезные последствия.

В один прекрасный день, или, вернее, в одну прекрасную ночь, без ведома и разрешения полиции на улицах появились огромные плакаты, в которых преступники провозглашали всеобщую забастовку. Это было их по-

следним незаконным актом. После него — ни единого. Забастовка должна была продолжаться до тех пор, пока законы, устанавливающие равенство граждан, не будут проведены в жизнь до последней буковки.

Лояльного гражданина должно было больно задеть то обстоятельство, что власти на первых порах недооценили этого движения. Полицейские и судебные чиновники брали отпуска и, радостно потирая руки, твердили, что постараются, чтобы требования забастовщиков не были удовлетворены: ведь такого чудесного времени не дождешься уж до самой смерти. Чиновники прокуратуры целыми днями сидели по кофейням и от нечего делать читали газеты. Но и на газетах уже начали сказываться первые последствия забастовки: редакторы, эти прирожденные преступники, оказались солидарными с остальными злоумышленниками и не погрешали даже против самого ничтожного параграфа закона. Это было так обидно, что господин верховный прокурор, прочитав социал-демократические «Право лиду»*, «Зарже»* и «Копршивы»*, ударил ими об стол и проворчал:

— Они стали почти такими же скучными, как «Пражске уржедни листы»*.

С той поры он начал страдать тяжелым неврозом. Когда же кончился квартал и он, составляя отчет, должен был в рубрику «количество обвиняемых» написать нуль, в рубрику «количество поданных жалоб» — опять нуль и в рубрику «количество осужденных» — снова нуль, он всплеснул руками и... повесился.

Невроз начал быстро прогрессировать — невроз на почве скуки и бездействия. Здание земского уголовного суда опустело, вход в него затянуло паутиной. Стали происходить ужасные вещи. Все репортеры ежедневных газет, ведущие отдел «Из зала суда», получили расчет. Они решили прибегнуть к взаимопомощи — создали «Общество поддержки семей арестантов» и приступили к публичному сбору средств. Согласно уставу, семья заключенного имела право в течение всего времени его заключения получать пособие в размере двойного дохода арестанта. Читатели отдела «Из зала суда» засыпали новое Общество своими пожертвованиями; их примеру последовали издатели газет. Вскоре Общество могло сообщить, что будет выплачивать пособие не в дву-

кратном, а в десятикратном размере. Но даже это не могло разрушить сплоченную организацию преступников.

Наибольшее же несчастье обрушилось на «Народни политику»*. Поскольку сия газета, как известно, никогда не печатала ничего иного, кроме сообщений о преступлениях, она стала выходить совсем без текста, с одними объявлениями. Когда же стало ясно, что тираж из-за этого катастрофически падает, издатели решились на великий гуманный акт, провозгласив, что если где-нибудь совершится преступление и преступник будет осужден, они выплатят невинной несчастной семье осужденного пособие в размере 100 000 крон. Но это тоже не помогло.

Наконец один крупный чиновник прокуратуры напал на мысль, которая, по его мнению, должна была выручить из беды. Он запросил в епархии список всех епископов и по алфавиту начал проводить у них домашние обыски, а также строгие ревизии всех книг и касс их предприятий. Но результат оказался прямо удручающим: даже епископы и те перестали воровать!

Адвокаты по уголовным делам оказались без работы: не было клиентов. Заботясь о будущем и понимая, что на каждый случай газеты набросились бы, как хищники, и что это была бы великолепная реклама, самые прославленные и самые дорогие из них известили, что впредь будут защищать своих доверителей совершенно бесплатно. Молодые же адвокаты, которые только еще собирались прославиться, оповестили через газеты, что тем, кто обратится к ним за помощью, они будут выдавать денежную награду. Но у этих молодых адвокатов денег было маловато, поэтому предлагаемая ими премия была весьма мизерна, организация же преступников была крепкой, в результате опыт полностью провалился.

В полицейском управлении царило беспросветное отчаяние. Вся дирекция ловила в канцелярии мух, а стражникам специальным решением директора полицейского управления было приказано заняться ловлей блох, чтобы не утратить навыков хватания.

Но господин директор попытался и иным путем исправить положение. Газеты принесли известие, что он

провел важную конференцию с руководителями немецкого казино. На другой день должны были начаться демонстративные выступления немецких националистов. Предполагалось, что в связи с этим удастся арестовать парочку-другую членов национально-социальной партии, и дело будет в шляпе.

Выступления состоялись. Но на них никто не обратил внимания. Все срывалось! Дирекция была в отчаянии. Если говорить правду, это отчаяние имело еще и другую причину. В полицейском управлении было решено предавать суду и тех полицейских, которые погрешили бы против закона, с излишней суровостью обращаясь с населением или без достаточных оснований хватая людей. А полицейское управление того города, о котором идет речь, имело уже опыт, что такого рода случаев в беспокойные времена может набраться — черт знает почему — по крайней мере сотня. Но все надежды оказались напрасными, и у господина директора зародилось даже ужасное подозрение, что все его подчиненные сами принадлежат к организации преступников.

Тогда его осенила спасительная мысль — обвинить полицейских в том, что они вошли в контакт с преступниками. Увы, доказательств не было. Единственный довод, который он мог привести, сводился к тому, что раньше преступления совершались, а теперь вдруг прекратились. Но за это нельзя все-таки привлекать к суду.

Авторитет чиновников уголовного суда стремительно падал. Все знали, что жалованье-то они получают, а делать ничего не делают. И если кто-нибудь из них, заходя в трактир, говорил, что он советник уголовного суда, люди шарахались от него, и на лицах всех посетителей бедняга читал: еще один из тех дармоедов, которые обжирают нас, налогоплательщиков, и ничего не делают. Чиновники прокуратуры, так те вовсе не отваживались показываться на улице.

В парламент между тем было подано настоятельное требование, чтобы все упомянутые учреждения были ликвидированы, поскольку им просто нечего делать.

Это было последней каплей, переполнившей чашу. За дело взялось правительство. Все арестованные, осужденные на длительные сроки заключения, получили

амнистию и были выпущены на свободу. Так как они ничего не знали о забастовке, была надежда, что они невольно станут штрейкбрехерами. Но у забастовщиков около всех тюрем были расставлены свои пикеты, которые ввели освобожденных в курс дела и предупредили против штрейкбрехерства. Правительство потерпело полное фиаско, больше того, ситуация стала еще более напряженной, так как оказались излишними и все тюрьмы с их смотрителями, надзирателями и стражниками.

Одно время серьезно подумывали даже о том, чтобы выплачивать преступникам государственную пенсию; аграрники предложили даже установить для этой цели специальную государственную дотацию, но по зрелом размышлении эта идея была отвергнута.

Между тем приближалось роковое заседание парламента, на котором должен был обсуждаться законопроект о ликвидации уголовных судов, государственной прокуратуры, полиции, тюрем и тюремных управлений...

Но за день до этого перед дворцом наместника внезапно, как из-под земли, возникла тысячеглавая толпа, которую возглавляли четыре персоны. Господин президент уголовного суда нес высокий щит с прикрепленным к нему огромным щитом с надписью: «Дайте нам работу!» Возле него, подобно мрачному богу подземного царства, шел господин верховный прокурор, который воздвигал над толпой гигантский транспарант «Долой безработицу!». Выразительная голова господина директора полиции была затенена лозунгом «Только труд облагораживает человека!». Господин президент коллегии защитников вытирал вспотевший лоб, сгибаясь под тяжестью плаката «Верните нам наших преступников!». За этими четырьмя катилась волна судебных советников, секретарей, следователей, прокуроров, полицейских чиновников, адвокатов,— короче говоря, представителей всех званий, пострадавших от забастовки преступников.

Указанные четыре персоны сложили свои транспаранты и направились во дворец наместника. Стоящие в карауле полицейские стражники, которые не участвовали в шествии, поскольку нынешнее положение вполне их устраивало, с нескрываемым любопытством разглядывали необычных демонстрантов.

Наконец на крыльце дворца появилась депутация. Президент верховного суда схватил свой шест и зама- хал им в знак того, что хочет сообщить присутствующим результаты переговоров. Наступила гробовая тишина. Тогда господин президент прерывающимся от бешен- ства голосом, сопровождаемым яростной жестикуляци- ей, провозгласил:

— Он нас не принял!!.

— Не принял! Этот!..— зазвучало в толпе, и тысячи сжатых кулаков поднялись к окнам наместника.

Грянул гром угрожающих криков и ругани. Несколь- ко камней полетело прямо к покоям его превосходитель- ства.

Стражники почувствовали, что не вмешаться сейчас было бы преступлением, поскольку же преступления оказались теперь не в моде, они вмешались... Такой свалки не видывала даже Прага! Верховный прокурор расколол свой шест и плакат о головы стражников, гос- подин директор полиции занялся выдергиванием перьев из полицейских касок, как какой-нибудь член националь- но-социальной партии... Позорное побоище завершилось арестом пятисот человек — сплошь крупных государст- венных чиновников и известных адвокатов.

Столбцы «Народни политики» были на другой день заполнены, суды снова оказались по горло завалены работой.

В подавляющем большинстве нарушители были оп- равданы как «действовавшие в состоянии мгновенного психоза». И только несколько менее значительных пер- сон были присуждены к денежному штрафу в размере от пяти до десяти крон.

В тот же день закончилась и забастовка преступни- ков. Они поняли, что очень легко могут быть заменены другими. А приговоры тем, кто их заменил, убедитель- но показали, что равенства всех граждан они так и не добьются. Забастовка была проиграна.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Старый Шима, прослуживший в банкирской конторе «Прохазка и К^о» пятнадцать лет, набрался наконец смелости и постучался в кабинет банкира Прохазки, чтобы попросить с нового года прибавки в двадцать крон.

И вот Шима сидит перед господином Прохазкой, потому что тот, выслушав просьбу, кивнул на стул. Шеф ходит по кабинету, жестикулирует и говорит:

— Я мог бы немедленно выставить вас вон после такой наглой просьбы, но у меня есть с полчаса свободного времени, и я хочу поговорить с вами по душам. Вы хотите, чтобы я увеличил вам жалованье на двадцать крон в месяц, то есть на двести сорок крон в год. И вы отваживаетесь просить меня об этом в такое время, когда над денежным рынком навис дамоклов меч всеобщего финансового краха?! Разве вам не известно, что акции Альпине-Монтан * упали с 772 до 759.60, а акции Бедржиховских заводов * котируются не по 940, а по 938? Акции Зброевки * тоже катятся вниз, дорогой Шима. С 728 они упали до 716.40. Это поистине ужасно, а вы хотите двадцать крон прибавки!

Прохазка всплеснул руками и взволнованно продолжал:

— Ценные бумаги на бирже крайне неустойчивы. Даже наиболее надежные из них — акции австрийского кредитного банка — в последние дни упали; в итоге вместо 664.90 они котируются на пять крон ниже, а вы требуете двадцать крон прибавки. На акции транспорт-

ных компаний регистрируются только мелкие сделки, акции государственных дорог упали на целых двенадцать крон! Венгерскому правительству не удалось получить во Франции заем в сто миллионов, а вы требуете двадцать крон прибавки! Германия собирается продавать металлургические заводы, идут разговоры о распродаже австрийских государственных имений, а вы приходите ко мне и говорите, как о чем-то само собой разумеющемся: «Я пятнадцать лет служил вам верой и правдой, господин шеф, и, принимая во внимание финансовые затруднения, всеобщую дороговизну, десять человек детей и дырявые сапоги, осмелюсь просить двадцать крон прибавки ежемесячно».

Несчастный, вы сами не знаете, насколько вы правы. Финансовые затруднения действительно приняли угрожающий характер. Акции Южной дороги понизились на целых пять крон, а у меня их... впрочем, не мне говорить вам об этом, дружище. Не забывайте, что даже на акции Буштеградской железной дороги и то не предвидится солидных дивидендов: курс литеры А Буштеградской дороги уже упал с 2515 до 2426, а литеры Б — с 1004 до 976. Да вы, голубчик, просто спятили, прося прибавки! Ведь это же прямо безумие! Побывайте-ка на пражской бирже! Продается уйма ценностей, а чего они стоят? И спросу никакого. Курсы всех акций катятся вниз! Устойчивых бумаг нет! Акции кредитного банка, на которые я раньше заключил сделки по 760, теперь котируются по 750.75. Что вы на это скажете, а? Вы все еще хотите прибавки, старина? Вы все еще настаиваете на своей просьбе, несмотря на то, что даже швейцарское правительство не может рассчитывать на заем в два миллиона, необходимый ему до зарезу? Да, друг мой! Биржевые бюллетени свидетельствуют о близком крахе, можно с ума сойти от баланса этого года! Румыния, Турция, Болгария, Греция не могут получить ни гроша в кредит, а вы хотите, чтобы я прибавил вам жалованье!

Испания, Португалия и Италия нигде не могут разместить займы. Банкирский дом «Франс-Фрер» в Лионе вследствие конфликта в Марокко потерпел на сто пятьдесят миллионов франков убытка, а вы как ни в чем не бывало приходите и говорите мне: «Господин шеф,

прошу прибавить мне двадцать крон!» Друг мой, а вы знаете, что поговаривают о слиянии Росицких угольных шахт с Бедржиховскими заводами? А вы знаете, что покупка паев рудника «Анна-Мария» приведет к снижению годового оборота на двадцать тысяч крон? Нигде нет никаких возможностей для биржевых спекуляций. Купите-ка себе акции Подольского цементного завода, и вы увидите, как вы возгордитесь. А попробуйте пойти с ними на биржу! Ага, вы качаете головой,— не пойдете, мол. Пока еще крепкий курс у акций Колинского завода искусственных удобрений, за них вы заплатите 379, а я покупал их по 382, значит, я теряю по три кроны на каждой. Вы просто удивляете меня, дружище! Сидите как чурбан! Черт вас возьми — и вместе с акциями сахарных компаний! Я утверждаю, что у них слабый курс,— вы можете разбиться в лепешку, но не получите за них больше 261.50. Мне их никто не посмеет предложить, как и акции завода доктора Кольбена *. Смею вас уверить! Я выгоню вон такого человека! А вы знаете, что Винебергское строительное общество накануне краха, что люблянские лотерейные билеты упали в цене? А вы знаете, что американский миллиардер Браун застрелился? А вы знаете, что финансисты Мюллер, Скалат, Ковнер, Гюбнер покончили с собой, что Реше, Кине, Мэн, Бюлехар повесились, что Карелт, Моррисон и Коммот и банкир Гаммерл с компаньоном утопились? А вы знаете, что повсюду банкрот на банкrote, что горят угольные шахты на Аляске и в одну из них прыгнул американский угольный король? А вы знаете, что залежи серы на Урале уничтожены землетрясением? А вы знаете, что ольденбургские пятидесятиталеровые паи понизились в цене на пятьдесят процентов, что Зальцбургская железнодорожная и трамвайная компания обанкротилась? Нет, вы не знаете этого, иначе вы не стали бы просить у меня прибавки в двадцать крон...

Банкир Прохазка хлопнул по плечу неподвижно сидящего Шиму, и тот повалился со стула на пол; конечно, ступи у бедняги уже похолодели.

От всех этих финансовых катастроф у него сделался разрыв сердца.

ПОИСКИ УБИЙЦЫ

Возле трупа нашли нож. Признали, что он принадлежал убитому (нож вывалился у него из кармана). Полицейское управление расклеило фотографию ножа по городу вместе с оповещением об убийстве в надежде, что это поможет напасть на след преступника. В тот же день, когда сообщили о весьма соблазнительной награде в 1 000 крон, начальник полиции вызвал к себе самого способного полицейского инспектора Данихелку и имел с ним продолжительную беседу.

— Без сомнения, — сказал Данихелка начальнику полиции, — здесь налицо убийство, поскольку найден труп и экспертизой установлено убийство. Так как были похищены деньги, ясно как белый день — убийство совершено с целью грабежа. — Наступила долгая тишина. Начальник полиции в душе удивлялся прозорливости своего лучшего детектива, который в столь лапидарных и логичных определениях быстро подытожил все события, невозмутимо связав их в стройную и цельную картину.

— Совершенно верно, — произнес начальник полиции, — убитого нашли, и сделать это было не так-то просто — ведь труп был прикрыт газетами, и, кроме того, он не ответил на вопрос: «Скажите, вы здесь где-то?» Так спросил убитого полицейский номер 68, который таким образом первый обнаружил убийство. Когда убитый не отозвался, полицейский номер 68 двинулся дальше и споткнулся о его труп, прикрытый газетами. Сперва он не обратил на это внимания, полагая, что в лавке

просто беспорядок. И только чиркнув спичкой, заметил, что из-под бумаги торчит рука. Он схватил ее и громко произнес: «Не валяйте дурака!» Не добившись ответа, он вышел из лавки, чтобы вызвать подкрепление, так как начал понимать, что произошло нечто необычное. Тут же он позвонил в «скорую помощь» и пожарникам. Когда подкрепление в составе полицейских номер 119 и 263 прибыло, именем закона потребовали, чтоб человек, лежащий на полу и спрятавшийся под газетами, сдался. Поскольку он не подчинился, с него сорвали газеты, и тут выяснилось, что он уже бездыханный и остывший. Тогда его стали растирать уксусом, делать искусственное дыхание и убедились, что все впустую — вернуть его к жизни было невозможно, так как у несчастной жертвы оказалась отрезанной голова, которую обнаружили под прилавком. В кармане трупа нашли нож, его я потом приказал сфотографировать. Меня известили немедленно, едва только было точно констатировано, что дело из ряда вон выходящее. Через три минуты я прибыл на машине на место событий и моментально установил, что речь идет о насильственной смерти вышеупомянутого торговца. Об естественной кончине не могло быть и речи. Оставалось самоубийство или убийство. Самоубийство я сразу исключил, потому что еще не слышал, чтоб кто-нибудь отрезал себе голову. «Господа,— сказал я,— полагаю, что здесь совершенно убийство, и нечего попусту прикладывать бедняге свинцовые примочки». Это открытие означало крупный успех полиции, и я считаю, мои действия были лучшим способом направить поиски по верному пути. Тут нельзя было терять ни минуты. Все зависело от того, как скоро констатируют убийство, потому что несчастный случай после тщательных раздумий я быстро и решительно исключил. Мы сфотографировали труп, отдельно туловище, отдельно голову, затем туловище вместе с головой, и отдали эти фотографии для сравнения с альбомом преступлений в V департаменте. Разумеется, все делалось второпях и преследовало пока единственную цель — быстро предпринять какие-то шаги. Позже я осмотрел помещение, где был найден труп, и обнаружил три пивные пробки. Пробки как пробки, от поллитровых пивных бутылок. Прислуга убитого подтвердила

мою догадку, что он пил пиво, показав, что ежедневно носила ему три бутылки. Мы взяли ее под стражу. Был арестован и дворник, утверждавший, что убийство совершено бесшумно, потому что, вернувшись домой после совершенного убийства, он не слышал ни шороха. Его мы посадили, чтоб своей болтовней он не направил органы безопасности по ложному пути. Нож, обнаруженный в кармане убитого, не носил на себе следов крови. Это маленький перочинный ножик. Тем временем я приказал опубликовать сообщение об убийстве (самоубийство или несчастный случай я исключил) во всех газетах и назначил 1 000 крон за поимку убийцы. Это — самое существенное во всей истории, дорогой пан Данихелка. Прошу вас взять на заметку еще некоторые обстоятельства для облегчения поисков. Было установлено, что в лавку убитого заходило всего пятнадцать человек, из них брюнетов шесть, блондинов восемь, один рыжий, двое шатенов, трое седых. Всего двадцать человек. Вообще дело крайне запутанное. Сначала я сказал пятнадцать. Возникает вопрос: откуда взялись еще пять? Прошу вас обратить на это особое внимание. Что касается цвета глаз посетителей, то из допроса соседей явствует, что можно твердо говорить о серых, черных, голубых, карих и зеленых глазах. Одежда была замечена серая, черная, пестрая и в полоску. Чтоб не забыть, еще одно важное обстоятельство. В лавке был найден жилет, не принадлежащий убитому. Жилет этот из коричневого сукна и, судя по всему, принадлежит убийце, потому что был весь в крови. Отсюда бесспорно: убийца или ушел без жилета, или надел другой, запасной, или купил себе где-нибудь жилет, или на нем было несколько жилетов, или он брал этот жилет взаймы, или выкупил из ломбарда, или ходит без жилета. В последнем случае он может носить туристскую рубашку с поясом или без пояса или ходить в застегнутом пиджаке. Все эти важные обстоятельства вам следует иметь в виду. Далее, на голове убитого обнаружены черные волосы, а под носом усы. А теперь, дорогой пан Данихелка, слушайте особенно внимательно. Установлено, что волосы и усы принадлежали убитому, поскольку выросли в кожу, но от нас не укрылось, что они были покрашены, и краска све-

жая. Отсюда я делаю следующий вывод: или убийца от волнения покрасил волосы и усы не себе, как собирался сделать, чтобы не быть опознанным, а отрезанной голове убитого; или, что не менее вероятно, он пытался скрыть следы своего злодеяния, преобразив убитого до неузнаваемости. Понимаете, какая тонкая хитрость! В лавке убитого обнаруживают неизвестное лицо. Следствие устанавливает, что владелец лавки исчез, и, естественно, против него возникает подозрение, что он и есть тот самый убийца. Иными словами, убитый, заманив себя в лавку, сам себя убил. Поверите ли, у меня от подобной изошренности голова кругом идет! Стало быть, мы имеем дело с убийцей, способным на все. Это не обычный преступник, а человек, заставляющий верить, что он всегда действует обдуманно и хладнокровно. Полагаю, мои соображения очень облегчат вам его поимку. Отмечу еще, что на сегодняшний день у нас посажено человек восемьдесят, к этому делу не причастных. Это облегчает вам работу среди остальных: восемьдесят индивидуумов уже можно сбросить со счета. Короче говоря, руководствуйтесь одним: убийца не пойман и ваш долг — поймать его! Он высокий, низкий или среднего роста, глаза у него могут быть любого цвета, но один цвет подлинный. Одежда тоже любого цвета, материала и фасона. На нем, скажем, может быть демисезонное пальто, но не обязательно демисезонное. Впрочем, это всего лишь предположения. Если допустить, что он мог остричься, обриться, спалить себе волосы, искупаться, переодеться, — все станет ясно, и вы наверняка его себе представите.

Пан Данихелка поклонился начальнику полиции, взял свои заметки и отправился в VI департамент на совещание с детективами, которых выбрал себе в помощники из наличного состава аппарата.

II

Гофманн, Борован, Махане, Томм и Хониг были лучшими детективами из персонала, которым располагал пан Данихелка. Они никогда не обманывали ожиданий общественности. Стоило им увидеть след человека, как

они тотчас и безошибочно определяли по отпечатку ботинка, женский он или мужской. Они поражали трезвостью суждений. На таких людей можно было положиться — они зря не хвастались, слово у них не расходилось с делом. Обычно, протаскавшись впустую весь день, говорили: «Пошли выпьем пива у Матернов» — и делали это. С блокнотами и карандашами в руках они молча дожидались Данихелку, важно восседая вокруг стола с сознанием всей серьезности дела. Данихелка пришел от начальника полиции в отличном расположении духа и без долгих слов, закурив сигару, заявил: «Приступим к обсуждению. Вам прекрасно известно, зачем вы здесь; вам также прекрасно известно, что задача не из легких, но мы с ней справимся. В течение 24 часов убийца будет пойман. Если нет, — поймаем в течение 48 часов. На худой конец в неделе тоже семь дней. Нельзя действовать опрометчиво. Даю вам, господа, двухнедельный срок и освобождаю от всяких обстоятельных докладов. Главное, прошу не пользоваться телефоном. На линии могут быть неполадки, и убийца, стоя, к примеру, случайно где-нибудь в кафе у аппарата, подслушает весь разговор. Ладно, даю вам три недели. Теперь, когда убийство констатировано, всякая поспешность будет во вред. Не торопитесь. Если нам не удастся схватить убийцу в течение четырех недель, то и никогда не поздно. Есть пятая, шестая, седьмая, короче — бесчисленное множество недель. Время безгранично. Даже если мѣнут месяцы, а мы все еще не обнаружим убийцу, не надо впадать в отчаяние. Прежде всего нам необходимо все это дело обстоятельно продумать, взвесить и соответственно распределить обязанности. То, что нам об убийце известно, скажу позже. Начну с того, что неизвестно. А неизвестно прежде всего, как он выглядит. Может, он голубоглазый брюнет со светлыми усами, может, высокий, низкий, рыжеволосый, может, бритый, может, носит усы и бороду, причем закручивает усы или подстригает бороду клинышком, а усы — на английский манер. Может, он и лысый и даже горбатый. Может, вообще пестрый. Возможно, нос у него крючковатый, орлиный, мясистый, губы тонкие или пухлые, непорочные или сладострастные. Голова у него может быть большой/или маленькой, лоб

высоким или низким, череп острым или круглым. А зубы — крупными и здоровыми, или здоровыми, но мелкими, или же испорченными, стертymi. Все это нам неизвестно, так же, как неизвестно, во что он был одет. Существует сто пятнадцать предположений относительно материала и цвета его одежды. Таково приблизительно полное описание убийцы. Но, кроме того, мы знаем, что на месте преступления он оставил суконный жилет красного от крови цвета. Первоначальный его цвет нам неизвестен, скорее он зеленый, чем черный или светлый.

Значит, важно выяснить, где убийца купил этот жилет, купил его отдельно или же вместе с пиджаком, или с брюками, или с пиджаком и брюками, является этот жилет частью полного костюма, принадлежащего убийце, или он взял его взаймы, или выкупил. Далее, собственный это его жилет или украденный. Старый или новый. Но это все детали. Начальник полиции в порядке служебной тайны сообщил мне еще одно обстоятельство, о котором я пока умолчу. Прошу только об одном: выспросите незаметно в парфюмерных магазинах и парикмахерских насчет краски для волос, кто и когда ее покупал и какого цвета. Но главное еще впереди. Убийца родился. Необходимо в первую очередь установить, где он родился и где был крещен. Это изрядно облегчит наши поиски. Может, его родители или родственники смогут указать, где он проживает, каково его основное занятие, помимо убийств, или же он специализируется исключительно в этой области. Все это, как я уже заметил, не только облегчит наше расследование, но и приведет нас к цели. Итак, я требую лишь одного: найти родителей или родственников убийцы и выяснить дату и место его рождения».

Детективы поклонились и один за другим потребовали аванс на поимку убийцы и розыски его родителей.

Когда лучший детектив Данихелка остался в комнате один, он торопливо набросал текст для нового оповещения, который отправил в типографию:

«Просьба ко всем близким и родителям убийцы немедленно сообщить его имя и местожительство в высшее полицейское управление инспектору Данихелке, на III этаж».

Покончив с объявлением, он собрался было домой — отдохнуть после столь утомительного рабочего дня и поднабраться сил, как вдруг к нему явился какой-то журналист — расспросить о подробностях дела.

Пан Данихелка принял его любезно.

— Могу вам сообщить, дружище, — заявил он, — мы уже напали на след убийцы. Следы ведут за город, хотя не исключено, что убийца скрывается в городе. Возможно, он его вообще не покидал, а направился в деревню только для того, чтобы сбить нас с толку. Но мы народ тертый, нас не удивить. Мы счастливы, что публика проявляет ко всей этой истории заслуженный интерес, и будем еще более признательны господам журналистам, если они сообщат общественности о нашем служебном рвении.

III

На семнадцатый день после этого разговора детективы Гофманн, Борован, Махане, Томм и Хониг пришли за новым авансом на розыски убийцы, его родителей и метрического свидетельства.

— Все идет как надо, — потирал руки детектив Махане, — мы с Гофманном обнаружили новый след, пан инспектор, а наш друг Томм с Борованом и Хониг выяснили, где убийца мог купить жилет. За последний квартал, по сегодняшней день, были куплены жилеты в следующих магазинах: у Балзара, Вейла, Водички, Габриеловой, Гансе, Гольдшмидта, Графа, Грегера, Гутовой, Гютиговой, Горжовского, Зинковой, Ландсфелда, Либеновой, Литтена, Мацнера, Поллака, Рубина, Руттовой, Ротбергера, Таушовой, Шиллера, Шнейдеровой, Штястного.

— А я выяснил, — сказал Хониг, — что краска для волос разных цветов, темных и светлых, была куплена у Брихты, Витека и К°, Гаека, Голоубка, Демартини, Духоня, Кордача, Пероутковой, Петржика, Прохазки, Србека, Фейгла, Фрейнда, Черного, Яноушка. У последнего еще вчера кто-то покупал краску для светлых волос.

— Что же касается места рождения убийцы, — сказал Борован, — то я в этом месяце закончу просмотр всех пражских метрик, только прошу дать нам время.

IV

Через месяц детективы Гофманн, Борован, Махане, Томм и Хониг пожаловали за третьим авансом на розыски убийцы и уточнение его имени в метрических книгах. Они просмотрели все метрические записи начиная с шестидесятых годов прошлого века и, как ни странно, не обнаружили ничего, что хоть как-то наводило бы на след убийцы.

V

Через две недели они явились за новым авансом.

— Мы на верном пути,— торжественно заявил детектив Махане,— в метрических книгах убийцей и не пахнет. Думаем, что он внебрачный подкидыш и не был вписан в метрические книги.

И взяли аванс на розыски внебрачного ребенка.

VI

Через неделю они пришли с хорошим известием. Детектив Борован нашел в канаве возле Кие выброшенные носки. Взяли аванс на розыски человека, который эти носки выкинул.

VII

С той поры минуло два года. Убийца все еще не найден. Усердные детективы получили уже бесчисленные авансы на поиски убийцы, носков, платков и прочих милых вещей, имеющих непосредственное отношение к убийце. Но полиция не отчаивается. Уверяет, что все в порядке. Публика тоже не отчаивается, видя, что поиски ведутся планомерно и все будет на должном уровне. Весь полицейский аппарат до последнего винтика действует четко и слаженно. План разработан. Самые лучшие детективы шаг за шагом распутывают это дело.

Последние слова, которые я слышал в связи с этой историей от инспектора Данихелки: «Через пять лет убийца будет в наших руках!» Что за блистательный метод! Убийца к тому времени состарится, и ему будет труднее скрываться. А может, он признается в преступлении на смертном одре.

ПРОБЛЕМА ЛЮБВИ

В компании зашел разговор о том, как любовь делает безвольными даже духовно сильных людей и как она воздействует на душу. Этакая вертеровщина, сентиментальность — явление довольно обычное. Влюбленный плачет и утирает слезы, хотя чаще всего нет никакой трагедии в его отношениях с милой. Влюбленный роняет слезы, даже если любовь омрачена только в его воображении. Я знал один такой поучительный случай и рассказал, как однажды под Черховом, на Шумаवे, встретил под сенью могучей сосны молодого сильного мужчину, который сидел на поваленном стволе и горько плакал. Этот молодой человек проникся таким доверием ко мне, что поведал о своем горе, и рассказ его я передаю здесь дословно.

«Звали ее Ирма Траутенштайн. Я никогда не видел более хорошенькой немки. Каждый день ходил я из Кубице через границу в баварский Брод-над-Лесом, где был ресторанчик ее отца. Могу сказать, что я любил Ирму. Она была образованная, беседовать с ней было интересно, и при всем том, поверьте, была она сущим ребенком. И так хорошо готовила кнедлики с копченым мясом, и сама была такая пухленькая, прелестная и соблазнительная! У отца ее было замечательное баварское пиво, а тут еще окрестные виды! Шумава с ее великолепными лесами! Набродившись по лесу, насытившись его красотой, я шел к пухленькой Ирме, поджидавшей меня с кнедликами и кружкой черного пива. Потом она провожала меня до дороги к границе, в лесу мы про-

щались, и я один отправлялся к заставе, где карманы мои осматривали австрийские пограничные таможенники. Эти парни подозревали, что я что-то такое проносу. А я нес с собой только любящее сердце, потому что кнедлики переваривались у меня еще до заставы.

Раз как-то забыл я дома носовой платок, а может, потерял его в лесу, во всяком случае, я не помню, чтобы вытирал им нос за границей. Короче, пришел я в Брод над Лесом к Ирме без платка. Я сказал ей об этом, и она дала мне платок своего отца, а потом принесла еще один, кружевной платочек.

«Возьмите его на память, только нос им не вытирайте!» — сказала она, но как сказала!

Я спрятал этот платочек с тонкими кружевами в нагрудный карман. И он согревал меня, хотите верьте, хотите нет. Согревал до самой заставы, где, как всегда, на меня набросились таможенники.

«Как видите, у меня ничего нет», — сказал я им, когда они меня обыскивали.

«Вот и неправда! — возразил один таможенник. — А это что?»

Тут он вытащил столь дорогой мне платочек.

«Ага, — сказал он еще, — мы все-таки не ошиблись, вы проносите из Баварии в Австрию кружева. Знаете ли вы, что этим вы нарушили параграф третий инструкции за номером 46—48 о вышивках, кружевах и прочем рукоделии?»

Я стоял перед ними, как грешник...

«Господа, — говорю я им, взяв себя в руки. — Вы отлично знаете, что этот кружевной платок — предмет моего личного употребления, не подлежащий обложению пошлиной».

«Но по платку этого не видно, — возразил таможенник. — Платок еще не был в употреблении, он совершенно новый, и, кроме того, при вас есть еще один, вот этот большой платок, который, я вижу, вы употребили уже не раз».

«Ах, делу легко помочь, — мужественно ответил я. — Сейчас я высморкаюсь в этот кружевной платочек».

И я дважды громко сделал это, чтоб доказать им, что вовсе их не боюсь.

«Можете идти,— сказали они мне тогда, и я пошел через черный шумавский лес по белой дороге, ведущей в гору, к Кубице. Однако, очутившись в лесу, я вдруг подумал: «Что я натворил?! Ах я несчастный, зачем я высморкался в этот платок, зачем осквернил ее рукоделие!» Поверьте, чем дольше я об этом думаю, тем мучительнее становится мне эта мысль. Вот сижу под сосной уже два часа и смотрю в ту сторону, где живет она, где она своими мелкими шажками ходит по старому дому, куда я уже не имею права вернуться, потому что запятнал наши чистые, целомудренные отношения на этой проклятой заставе, облегчив свой нос в милый платочек, который она сама сшила и подарила мне со своей детской улыбкой. Я испытываю отвращение к себе, презираю себя, мне кажется, что я недостойн этого ангела...»

Через год после этого я встретил молодого человека в Праге. Он подошел ко мне, как только увидел меня, и сказал:

— Слыхали новость? Она подала на меня в суд на алименты!

Больше я его не встречал.

ТРАГИЧЕСКОЕ ФИАСКО ПЕВИЦЫ КАРНЕВАЛЬ

В кабинет начальника полиции впорхнула, окутанная облаком парфюмерных ароматов и великолепным туалетом, знаменитая итальянская певица Карневаль, которая уже несколько недель гастролировала в местной опере. Начальник полиции не очень-то обрадовался такому визиту: если с этой бабой произошло какое-нибудь происшествие и полиция не сможет ничего раскрыть — а что она не сможет, это начальнику было ясно, — неизбежен крупный скандал.

Но по виду певицы не похоже было, что с ней что-то случилось. Она премило улыбалась и без долгих околичностей заговорила о цели своего визита.

— Господин начальник, — сказала она с ужасным произношением и множеством грамматических ошибок, — я пришла предложить вам сделку, которая для нас обоих...

— Сожалею, сударыня, но я, как государственный чиновник, никакой торговлей не...

— Дайте мне договорить, господин начальник, вы меня не поняли. Поскольку я уже довольно долго живу в вашем городе и, естественно, проявляю интерес к местным делам, могу вам сказать, что у здешней полиции прескверная репутация...

— Уверяю вас, сударыня, злословие всегда...

— Знаю, знаю, все это очень мило. Я не собираюсь решать вопрос о том, заслужена ли такая репутация, мне до этого нет дела. Меня интересует не полиция, а сделка...

— Но, сударыня, я не понимаю...

— Сейчас поймете, только не прерывайте! Коротко говоря, вашей полиции нужна реклама, понимаете, какой-нибудь сенсационный успех. Вам ясна моя мысль?

— Ясна, мадам, вполне ясна. Но где же взять такой успех? Может быть, мы сами должны красть, грабить и убивать, а потом арестовывать самих себя?

— Вздор! Итак, вы признаете, что вам пригодилась бы сенсация и реклама? Согласны? А думаете, мне она не нужна? Певица без рекламы просто немислима. И вот я придумала, как помочь себе и вам.

Начальник полиции не сводил глаз с заезжей дивы.

— Понимаете,— продолжала она,— у меня с собой на двести тысяч крон драгоценностей. Что вы скажете, если они вдруг будут украдены? Публике, разумеется, кража драгоценностей на такую сумму будет импонировать больше, чем мой голос и мое искусство. Все газеты ухватятся за сообщение о неслыханно дерзкой краже и начнут всячески склонять мое имя. Это будет моей прибылью от сделки...

— А нашей? — осведомился начальник.

— Сейчас скажу. Похититель драгоценностей, разумеется, бесследно исчезнет...

— Но я полагаю...

— Ничего не полагайте, господин начальник. Если вор не оставит никаких следов, тем великолепно проявит себя полиция. Ибо на третий день вам удастся найти драгоценности и вернуть их мне. И тогда газеты и публика снова будут писать обо мне, но на сей раз уже и о вас и вашей славной полиции. За три дня найти украденные драгоценности стоимостью почти в четверть миллиона, да к тому ж принадлежащие знаменитой Карневаль,— это, верьте мне, такой успех, о котором заговорят всюду. Учтите, что вам для этого даже не придется приложить никаких усилий. Ну, по рукам?

— Да,— ответил начальник полиции несколько неуверенно, потом продолжал торопливо.— Но перед тем, как заявлять нам о пропаже драгоценностей, спрячьте их где-нибудь понадежнее, потому что нам придется тщательно обыскать вашу квартиру.

— Ах, милый начальник, я вижу, вы уже опьянены своей будущей славой. Не думаете ли вы, что ваши поли-

цейские в самом деле способны найти драгоценности? Ну, не будем спорить об этом. Завтра с утра я объявляю о пропаже, а уже днем все газеты растружают о ней. Всего хорошего, милый начальник!

— Целую ручку, мадам! Само собой разумеется, никто не должен знать...

— Не беспокойтесь. От этого было бы еще хуже мне, чем вам.

— Всего хорошего, сударыня!

Наутро певица Карневаль против обыкновения встала в шесть часов утра: в восемь ей нужно было быть у начальника полиции для того, чтобы известие о грандиозной краже попало в утренние газеты. Позавтракав, она причесалась и оделась, потом под каким-то предлогом услала свою камеристку на улицу.

— Надо соблюдать уговор. Уберу-ка я драгоценности,— сказала она себе.— Правда, я уверена, что эти олухи их не найдут, но все-таки...

Она взяла ключик, наклонилась к большому саквоюжу, открыла его и начала рыться там.

Вдруг красивый ротик певицы раскрылся в изумлении, глаза расширились, она стала яростно выкидывать из саквоюжа платья, белье и разные предметы женского туалета, пока саквоюж не опустел. Тогда из уст певицы вырвался душераздирающий вопль: драгоценности нет, они в самом деле украдены!

Когда камеристка вернулась в гостиницу, ей показалось, что там все сошли с ума: беготня, суматоха, у входа двое полицейских, которые сначала даже не хотели впустить ее. Дива лежала в обмороке, двое врачей тщетно старались привести ее в чувство.

Наконец она очнулась. Директор гостиницы стоял рядом с ней, ломая руки, в отчаянии клялся, что никогда еще ничего подобного не случилось в его отеле. Не слушая его, не заботясь даже о своем туалете, который был в полном беспорядке, певица села в экипаж и помчалась к начальнику полиции. Тому уже все было известно. Карневаль вела себя, как обезумевшая. Начальник вызвал чиновника, которому она продиктовала страшно длинные показания и наконец немного успокоилась. Когда чиновник ушел, начальник с любезной улыбкой подошел к певице.

— Должен отдать вам должное, сударыня. И в восхищении! Никак не ожидал, что ваше актерское мастерство чуть ли не превосходит вокальное!

Дива взглянула на него так, словно с луны свалилась.

— Что вы имеете в виду?

— Вы так блестяще разыграли свою роль! Это возбуждение, бледность лица...

Певица, которая из-за всех треволнений совсем забыла о сделке с начальником, теперь поняла, о чем речь.

— О боже мой, господин начальник, не думаете ли вы, что я разыгрываю комедию? Драгоценности в самом деле украдены! О господи, он мне не верит!

И она расплакалась.

Начальник в восторге захлопал в ладоши.

— Превосходно, мадам, превосходно! Никогда не видел такой блестящей игры...

— Да поймите же наконец, господин начальник, что я в отчаянии! Драгоценности в самом деле исчезли, ваши люди все обыскали и не нашли их.

— Ну, понятное дело, ведь вы последовали моему совету!

— Великий боже, он все еще не понимает! Клянусь вам, драгоценности украдены!

— Сударыня, не трудитесь, здесь, кроме нас, никого нет, можно не притворяться.

— Какое там притворство! Сколько раз надо вам повторять, что я не играю комедии! Драгоценности похищены!

Начальник взял певицу за руку.

— Сударыня, позвольте поцеловать вашу ручку. Я уверен, что до сих пор никто не имел такой возможности оценить ваше актерское дарование, как я. Какая естественность!..

Певица оттолкнула его и, как безумная, выбежала вон.

Все газеты поместили сенсацию о краже, некоторые замечали при этом, что, конечно, драгоценности утрачены навеки, полиция их никогда не найдет. На сей раз начальник полиции не злился, а усмехался.

На третий день утром город был поражен новой сенсацией: драгоценности найдены! Газеты выражали на-

дежду, что гастрольные выступления дивы, прерванные пережитыми тревожными волнениями, будут возобновлены. Прочитав газету, певица удивилась, что узнает об этом последней, и, уверенная в том, что драгоценности найдены, отправилась в полицию.

— Поздравляю, мадам, поздравляю,— встретил ее начальник.— Все удалось превосходно!

— Так отдайте мне мои драгоценности.

— Мадам, видимо, расположена шутить?

— Какие могут быть шутки! Давайте мои драгоценности!

— Вы лучше меня знаете, где они

— Если я тотчас не получу драгоценностей, вы пожалеете об этом, господин начальник.

Физиономия начальника окаменела.

— Можете быть уверены, я сумею найти выход.

Жителям города казалось, что они сошли с ума. Газеты опубликовали заявление Карневаль, что полиция не нашла драгоценностей. Никто не понимал, что это значит, но к вечеру все стало ясно. Вечерние газеты вышли с заголовками на всю страницу:

СЕНСАЦИОННЫЙ УСПЕХ НАШЕЙ ПОЛИЦИИ!

ЗНАМЕНИТАЯ ПЕВИЦА КАРНЕВАЛЬ —

МЕЖДУНАРОДНАЯ АФЕРИСТКА!

ОНА АРЕСТОВАНА.

И другие заголовки помельче:

ФИКТИВНАЯ КРАЖА.

КУДА ОБМАНЩИЦА СПРЯТАЛА ДРАГОЦЕННОСТИ?

НАГЛОСТЬ АФЕРИСТКИ.

МНИМЫЕ ПОДАРКИ

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ПОКЛОННИКОВ.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРИ АРЕСТЕ.

Репутация певицы Карневаль была погублена навсегда. А начальник полиции получил крупный орден.

Вот что бывает с человеком, когда он попытается убедить публику, что полиция на что-то способна.

ПАДЕНИЕ КАБИНЕТА БИНЕРТА

Ничто так не взволновало частно-служащего пана Юречка, как падение кабинета Бинерта *, ибо он, Юречек, был политик и любил политические перемены как в своем отечестве, так и за пределами его. В последнее время внимание его было приковано к греческому государственному деятелю Венизелосу *, к мексиканской революции, к военным судам в Македонии, к ситуации в Аргентине и к положению либералов в Англии. И вдруг к этой международной политической путанице приплюсилось еще сообщение о позиции поляков по отношению к Бинерту!

— Бинерт падет,— сказал пан Юречек, когда был в гостях у своей невесты барышни Блажены.

Дело было около пяти часов дня, когда декабрьский туман, подобно морю, затоплял улицы, а свет керосиновой лампы, затененной красным бумажным абажуром, подчеркивал интимность девичьей комнатки барышни Блажены.

Маменька отправилась на базар купить гуся, да заглянула по дороге к тетушке, поляки в своем клубе дискутировали о водных путях *, Гломбиньский * требовал, чтоб поляки встали в оппозицию, а пан Юречек гладил колени барышни Блажены.

Тогда-то и пошатнулось положение Бинерта и всего его кабинета, однако барышня Блажена осталась девой, поскольку изложение вопроса о перестройке правительства, о котором пан Юречек толковал барышне Блажене, было прервано появлением маменьки.

Горячая ладонь пана Юречка оставила, вслед за Гломбиньским, фессалийские горы * и покушение на Вензелоса, честь барышни Блажены осталась незапятнанной, а кабинетный кризис был предотвращен.

Затем в порядок дня заседания государственного совета был включен вопрос о носках, и перестало быть политическим секретом, что пану Юречку подарят к рождеству дюжину пар длинных шерстяных носков.

Пан Юречек поблагодарил маменьку, а когда домой пришел его будущий тесть, он поговорил с ним о международном положении и о позиции доктора Крамаржа *.

Говоря о последнем, пан Юречек многозначительно подмигивал барышне Блажене, которая нежно толкала его ногой под столом. Затем он ушел, обещав барышне Блажене явиться завтра непременно, если маменьки не будет дома.

Ее вправду не было дома в назначенный час, как и сказала барышня Блажена.

Пан Юречек был встречен вопросом, как дела кабинета Бинерта.

— Плохи,— отвечал он.— Поляки непреклонно настаивают на своем.

И сам он непреклонно настаивал, чтоб барышня Блажена села к нему на колени.

— Значит, правительство пошатнулось? — спросила барышня.

— Несомненно,— отвечал пан Юречек, тяжело дыша, как если бы был на месте Бинерта.— Ожидают смены кабинета.

В это же самое время поляки решили участь правительства. Начались переговоры о водных путях, а пан Юречек великодушно позволил барышне Блажене не зажигать лампу.

Затем произошло то, о чем потом растрезвонили нескромные газеты. Около пяти часов дня пало министерство Бинерта, и барышня Блажена стала ждать смены кабинета, потому что с момента этого падения пан Юречек у них носу не казал.

Если Бинерту поручат составить новый кабинет, может быть, явится и пан Юречек.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Его высочество владетельный князь Оксенгаузенский * впал в слабоумие, настолько явное, что это заметили даже его министры, которые и сами отнюдь не были титанами ума. Не станем рассказывать о том, как долго кабинет министров, обсуждая этот вопрос, ходил, как говорится, вокруг да около, пока решился признать, что его высочество князя Аладара XXI постигло умственное расстройство, которое нельзя характеризовать иначе, как полный маразм, и что вследствие этого он больше не способен управлять княжеством.

Только министр двора был в душе не согласен с этим заключением, но не стал возражать, опасаясь, как бы коллеги чего доброго не объявили идиотом и его — в доказательствах не было бы недостатка, — и потому проголосовал вместе со всеми; решение было вынесено единогласно.

Для того чтобы установить регентство, нужно было подкрепить свидетельством врача-специалиста то, что было уже ясно любому профану. Премьер-министр взял на себя нелегкую миссию поговорить с придворным лейб-медиком его высочества. Вызвав медика к себе, он сказал:

— Дорогой господин медицинский советник, я пригласил вас, чтобы обсудить состояние здоровья его высочества. Мои коллеги того мнения, что несомненные и богатые душевные дарования нашего высокородного князя в последнее время...

— ...развиваются сверх всяких ожиданий?.. Вы совершенно правы, ваше превосходительство!..

— Вы угадали мою мысль, господин медицинский советник. Эти редкостные дарования его высочества развиваются не только сверх всяких ожиданий... но и в совершенно неожиданном направлении... гм... гм... Одним словом, все это просто поразительно. Вчера я имел честь сопровождать его высочество на прогулке. По дороге нам попались силки, расставленные птицеловом. Его высочество стал расспрашивать меня об их устройстве. Я объяснил ему, что птицы прилипают к веткам, намазанным клеем, и так попадают в руки птицелову. Его высочество со свойственной ему благосклонностью выслушал мои объяснения, а потом соизволил осведомиться: «А что, если прилипнет сам птицелов? Тогда он падет в лапки к птичкам?»

— Гени-аль-ная острога! Гениальная! — смеясь, воскликнул лейб-медик. — Вот видите, ваше превосходительство, его высочество становится все остроумней.

«Этот тип тоже впал в слабоумие», — подумал премьер-министр и не стал больше задерживать лейб-медика.

Неторопливо шагая восвояси, лейб-медик размышлял о том, что означает этот разговор. Премьер-министр как будто недоволен его ответом... Что же нужно премьеру? Лейб-медика вдруг осенило: да, да, несомненно! Эти люди замышляют что-то против его высочества. Они хотят, чтобы он, лейб-медик, дал неблагоприятное заключение о повелителе. Кто знает, что здесь готовится! А что, если после Турции и Португалии пришел черед княжества Оксенгаузен *? И это министры его высочества! Но он, лейб-медик, раскроет их гнусный заговор. Он изобличит их!

На другой день лейб-медик узнал, что в Оксенгаузен прибыл из Берлина знаменитый невропатолог профессор Гшейдтле и был принят лично князем, а после этого имел долгую беседу с премьер-министром. Лейб-медик решил идти ва-банк. Он надел парадную форму и отправился с визитом к приезжей знаменитости.

— Как жаль, — сказал он после нескольких приветственных фраз, — что знакомством с вами, уважаемый профессор, мы обязаны такому прискорбному обстоятельству.

Профессор посмотрел на лейб-медика с удивлением, но потом сказал:

— Ах да, вы ведь личный врач его высочества и, конечно, в курсе событий. Поистине это весьма огорчительно. Но что поделаешь! Его высочество безнадежен. Я полагаю, что ваш и мой диагноз совпадают: о выздоровлении не может быть и речи. Его высочество по воле божией навсегда останется слабоумным. Править княжеством он, конечно, не способен. Или вы иного мнения?

— О нет, отнюдь нет, уважаемый профессор,— ответил лейб-медик, у которого даже дыхание перехватило.— А как долго наша столица будет иметь честь видеть вас в своих стенах?

— Я уезжаю сегодня вечером, господин медицинский советник.

Но вечером профессор не уехал. Когда он уже садился в экипаж, кто-то положил ему руку на плечо и арестовал именем закона.

— За что? — недоумевал профессор.

— За оскорбление достоинства его княжеского высочества, которое вы допустили в разговоре с лейб-медиком.

И бедняга профессор был посажен в тюрьму. Прокуратура, восхищенная своей распорядительностью, расстрезвонила о случившемся по всему городу. Прокурор явился к министру юстиции с докладом. Когда он повторил злополучную фразу профессора о слабоумии князя, министр прервал его гневным возгласом:

— Скажи он это о вас и о лейб-медике, это была бы самая бесспорная истина в мире!

Прокурор вернулся от премьеры в полном недоумении.

Кабинет министров собрался на экстренное заседание и констатировал, что внутривполитическая обстановка сильно осложнилась.

— Не можем же мы на основании отзыва одного профессора отправить его высочество на покой,— сказал премьер.— Нужны заключения других ученых. Но если они признают, что князь здоров, то оскандалимся мы. Если же они решат, что его высочество — идиот, придется упечь в тюрьму другого осла — лейб-медика;

а иначе весть о его диагнозе распространится по всей стране. Что же, спрашивается, делать?

— Надо избавиться от лейб-медика.

— Легко сказать. А как?

— Давайте посадим его в тюрьму,— предложил министр юстиции.

— За что?

— Вот еще! Уж если нам надо кого-нибудь посадить, повод всегда найдется.

— Вызовем его сюда.

— Это идея!

Но посланный вернулся ни с чем. Лейб-медик велел передать, что считает кабинет министров сборищем заговорщиков и государственных изменников и не желает с ними разговаривать.

Министра юстиции это привело в восторг.

— Вот он и попался! — воскликнул он. — Этого мне и нужно. Разве не оскорбление его высочества — утверждать, будто князь может почтить своим доверием изменников и заговорщиков?

В тот же день лейб-медик был посажен в тюрьму и даже оказался в камере по соседству с берлинским коллегой.

Само собой разумеется, что эти два ареста стали величайшей сенсацией в столице. Кабинет министров развил бешеную деятельность: он разослал телеграфные приглашения различным медицинским светилам, которые могли бы дать заключение об умственных способностях Аладара XXI. Но светила, прочтя в газетах о том, что произошло в княжестве Оксенгаузен, воздержались от поездки, решив, что это попросту ловушка, чтобы заманить людей и арестовать их под предлогом оскорбления его высочества.

Кабинет министров был в отчаянии, а князь день ото дня дурел. Прошла неделя. Его высочество уже нельзя было выпускать из тесного круга самых близких людей, ибо и постороннему стало бы ясно, в каком он состоянии.

Спустя две недели кабинет министров снова собрался обсудить положение. Министр иностранных дел доложил о безуспешных переговорах с заграничными ме-

дицинскими светилами, присовокупив, что таким путем ничего сделать не удастся.

Премьер-министр подумал и сказал:

— А нужно ли, собственно, что-нибудь делать?

— То есть как так?

— Наш венценосный князь впал в слабоумие, это факт, но этот факт уже не нов, а в княжестве все идет своим порядком. Разница лишь в том, что его высочество не занимается государственными делами. А разве так уж нужно, чтобы он занимался?

Никаких светил в Оксенгаузен больше не приглашали. Его высочество Аладар XXI остался князем Оксенгаузенским.

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ *

Председатель, князь Виндишгрец *, открывает заседание в одиннадцать часов двадцать пять минут.

Барон Габерсдорфер предлагает решить сегодня судьбу законопроекта о борьбе с дороговизной. Предложение принимается.

Катшалер Ян, зальцбургский кардинал, выражает удивление, почему столь ничтожный вопрос, как законопроект о борьбе с дороговизной, должен обсуждаться именно сегодня, когда более уместно было бы утвердить закон против новшеств в католической церкви.

Граф Волькенштейн-Тройсбург, тайный советник, камергер, бывший посланник, кавалер ордена Золотого Руна, владелец огромного имения Тройсбург и родового поместья Волькенштейн, считает вопрос о дороговизне несвоевременным. Как он убедился при покупке персидских ковров, предметы роскоши ничуть не вздорожали. Куда важнее было бы утвердить закон, запрещающий всякие сокращения в титулах членов верхней палаты. Допустимо ли, чтобы в газетах рядом с его именем стояли какие-то т. с., к., б. п. и к. о. З. Р., в. и. Тр. и р. п. В.? «Т. с.» может означать не только тайный советник, но также и «тупая скотина».

Барон Прандау-Хиллебрандт, тайный советник и председатель высшего придворного суда, присоединяется к предложению предыдущего оратора и выражает свое возмущение беспрестанными жалобами на дороговизну.

Т. Г р а с б ё к, аббат Вильхерингского монастыря в Верхней Австрии, заявляет, что ему ничего не известно о дороговизне. Окрестные селяне и по сей день приводят в монастырь телят как дар христианской любви и посылают своих детей в монастырскую школу.

Граф Ян Стадницкий, землевладелец, тоже ничего не знает о дороговизне. Он ежегодно проводит пять месяцев в Париже; устрицы в этом году там даже подешевели на один франк за гросс. Шампанское в той же цене, что и в прошлом году.

Бен. Корчиан, аббат райградский, полагает, что в дороговизне виноваты немущие, совращенные социалистами и желающие все получать бесплатно.

Князь Кевенхюллер-Метш, тайный советник, камергер и посланник в Париже, присоединяется к мнению графа Яна Стадницкого, что устрицы в Париже в этом году подешевели.

Доктор Грабмауер, заместитель председателя имперского суда (с места).— Фазаны тоже подешевели!

Граф Кюфштейн.— Простите, господин доктор, вы, очевидно, говорите о ваших фазанах, но ни в коем случае не о трансильванских. Те в этом году подорожали.

Председательствующий, князь Виндишгрец подтверждает, что действительно в этом году трансильванские фазаны вследствие дождливой погоды поднялись в цене.

Граф Лео Пининский, бывший галицийский наместник.— Наилучшие фазаны — это фазаны из-под Магуры.

Гильберт Хельмер, аббат в Тепле (с места).— У них мясо белее!

Председательствующий, князь Виндишгрец, подтверждает, что у них мясо действительно белее, чем у трансильванских.

Барон Хэхельберг-Лаудон, каноник из Вены.— И вкуснее!

Князь Траутсмандорф-Вейнсберг, камергер и тайный советник, полемизирует с предыдущим оратором. Самые вкусные фазаны — это чешские, из его заповедника в Грошовом Тыне, фаршированные трюфелями.

Барон Маркус Пасетти.— Позвольте, excellence, фазанов с ветчиной и шампиньонами под соусом из мадеры подают на стол при дворе!

Князь Траутсмандорф-Вейнсберг охотно соглашается, что фазан, приготовленный по этому рецепту,— самый вкусный, и требует, чтобы члены верхней палаты выразили доверие правительству вставанием.

Дебаты о дороговизне продолжают.

Князь Альфред Монтенуов, обер-гофмейстер, как главный оратор, высказывает опасение, что нынешняя дороговизна для неблагонадежных, беспокорных элементов есть только предлог пограбить. Порядочный человек никогда не жалуется на то, что цены на продовольствие растут. Для порядочного человека не существует самого понятия дороговизны. У кого не хватает денег, тому не следует есть трижды в день.

Фр. Марат, генерал, великий магистр Ордена крестоносцев в Праге, считает, что общая дороговизна— выдумка, рассчитанная на то, чтобы служащие требовали увеличения жалованья. В экономиях Ордена крестоносцев людям, работающим в усадьбе, платят по восемьдесят геллеров в день. Если означенные люди не в состоянии содержать на эти деньги семью в пять человек, то это их личное дело, в которое правительство предпочитает не вмешиваться, ибо уважает гражданскую свободу. (*Аплодисменты.*)

Принц Бед. Шаумбург-Липпе удивлен утверждениями о существовании дороговизны. Фирма Бенц, имеющая автомобильный завод в Маннгейме, снизила цены на автомобили на пять процентов.

Барон Фр. Молль.— Марка «мерседес» лучше и дешевле!

Граф Фринтс фон Фалькенштейн.— «Бенц» выиграл пробег Париж — Лион — Брюссель — Страсбург — Ницца — Париж!

Барон Фр. Молль.— Господин граф, марка «мерседес» победила в состязании Бирмингам — Лондон!

Председательствующий, князь Виндишгрец, говорит, что прежде всего нужно поддержать отечественную промышленность. Заинтересованные лица пусть

обращаются в министерство торговли, где они получают проспекты лучших отечественных фирм. Он подтверждает, что автомобили упомянутых марок действительно подешевели.

Дворянин Горайский.— Скаковые лошади тоже подешевели. Я купил за двадцать тысяч крон чистокровного английского скакуна.

Доктор Маттуш, главный управляющий земского банка, говорит, что слухи относительно общей дороговизны преувеличены, потому что даже деньги подешевели. Сегодня землевладелец получает меньшую земельную ренту.

Граф Хардегг.— Сильно вздорожали только старые испанские вина.

Пробст Шмолн.— И черепахи.

Князь Роган.— Создадим комиссию, чтобы выработать предложение об отмене пошлины на старые испанские вина и на черепах, и представим его правительству!

Предложение принимается. Затем производятся выборы. В комиссию по вопросу об импорте черепах и испанских вин избираются граф Голуховский, барон Шей и граф Веттер фон Лилле.

Законопроект о борьбе с общей дороговизной отклоняется во втором и третьем чтении.

МЯТЕЖ В АВСТРИЙСКОМ ФЛОТЕ

Не стану отрицать, у меня есть кое-какие дела с полицией; соседи считают меня удалившимся на покой коммерсантом, тогда как в действительности я давно разыскиваемый мошенник.

В ресторане, где я постоянный гость, ко мне относятся с почтением, а одного полицейского комиссара, который когда-то усердно меня выслеживал, я даже ссужаю деньгами для игры в карты. В этом же ресторане бывает сыщик из политической полиции. Мы трое — я и эти двое господ из полиции — хорошие друзья, видимся каждый день, и у нас нет секретов друг от друга.

Недавно агент политической полиции не пришел на обычную партию в карты. На другой вечер он явился, но поздно и был явно чем-то расстроен.

Он рассказал, что полиция напала на след антимилиитаристически-социалистически-коммунистически-анархистского заговора, и они производили обыск у одного человека.

— Дело очень серьезное, господа! — заметил он и, вздохнув, продолжал:— В последнее время определенные органы в Вене получили сообщение, что моряки военного флота совершили в Португалии переворот *. Потом пришло сообщение, что и в Бразилии моряки военного флота пытались поднять мятеж *. Начали с артиллерийского обстрела — и порядок полетел ко всем чертям. А там пришла и третья бумага — с приказом взять под на-

блюдение австро-венгерский флот — гордость нашей монархии. Я твердо верю, что недалек тот час, когда этот флот завоюет нам колонии на Южном полюсе, как когда-то австрийские мореплаватели открыли в Арктике Шпицберген и Землю Франца-Иосифа *. Однако присоединение Южного полюса к Австро-Венгрии потребует от нашего флота высокой дисциплины. И вот представьте себе, господа: на юге нашей монархии, под Триестом, матросы с одной канонерки... — наш приятель наклонился и продолжал шепотом: — ...ходили пить вино к трактирщику, у которого был брат, а у брата приятель, который породнился с человеком, чья сестра встречалась с другим молодым человеком, живущим в одном коридоре с социалистическим агитатором!

Сыщик перевел дух и продолжал:

— Дело, в сущности, очень простое: ведь тот молодой человек безусловно встречался со своим соседом, социалистическим агитатором; знаете, как это бывает, — слово за слово, то да се... А потом сестра этого молодого человека... виноват, сестра того человека вышла замуж за молодого человека и тем самым породнилась с приятелем того, первого человека... виноват, я хотел сказать, с братом приятеля первого человека... ...к которому, — закончил он уже шепотом, — ходили выпивать матросы с канонерки.

Как видите, политическая полиция до всего доберется, — передохнув, продолжал сыщик. — Итак, первый человек, поскольку сестра молодого человека вышла замуж за социалистического агитатора, теперь тесно связан с противозаконным движением, так как его приятель, чей брат породнился с первым человеком, живет в одном коридоре... э-э, нет, я, кажется, сбился. В коридоре живет не он, а приятель его брата... нет, опять не так... Извините, господа, я сегодня слишком устал, лучше завтра dokonчу эту историю.

Он пожал нам руки и ушел, все еще взволнованный. На следующий вечер он продолжал:

— Вчера, господа, я рано ушел, потому что очень утомился за день. Сегодня опишу вам дальнейшие обстоятельства этого дела... Я забыл упомянуть, что у арестованного хозяина распивочной, куда ходили матросы,

было семь сыновей и один из них женился на дочери пражского привратника, с которой познакомился в Вене. Это обстоятельство играет важнейшую роль во всем деле.

У снохи арестованного есть кузен в Праге. К этому кузену мы и нагрянули с обыском, о котором я еще расскажу. Все это дело кажется страшно запутанным, но на самом деле оно проще простого: налицо злостный умысел — внести разложение в наш флот. Это видно из того, что арестованный в Праге кузен снохи арестованного трактирщика, собираясь проникнуть в военный флот, поддерживал знакомство с матросами пражского пригородного пароходства. Но я разгадал его зловещие замыслы!

Мы обнаружили, что он втерся в доверие к капитану «Збраслава» и — представьте себе, какова дерзость! — ездил на этом судне до самых Давлей*. Подчеркиваю также, что он пытался подкупить рулевых на пароходах «Хухле» и «Браник» и расспрашивал у них об устройстве штурвала. Его знали все машинисты и кочегары пражского пароходства, потому что он угощал их пивом с единственной целью — выведать, как устроен пароходный винт.

И разве не подозрительны, например, его вопросы о численности команды на отдельных пароходах, таких, как «Вышеград» и другие! Не ясно ли, что этот человек готовился к антивоенной пропаганде в военном флоте? Зачем бы ему иначе ходить в кино, где показывали хронику «Парад военно-морского флота»? И почему, скажите на милость, этому подозрительному субъекту понадобилось породниться с тем самым арестованным трактирщиком?.. Вернее, наоборот: почему у трактирщика оказалось семь сыновей и одному из них вздумалось жениться на кузине человека, который разъезжал на судах пражского пригородного пароходства, готовясь к подрывной деятельности в военно-морском флоте? Человек, который не гнушается за литр пива выманить у рулевого на «Збраславе» секрет управления рулем, — что стал бы делать такой человек, доведись ему попасть на дредноут флота его императорского величества? Уж он бы не пожалел всего своего состояния, чтобы, например, узнать, как на наших кораблях дают задний ход. Состояния у не-

го, правда, нет, но все же хватает денег угощать сигарами машинистов винтовых пароходов на Влтаве, лишь бы они ему растолковали, как приводится в движение судовой двигатель.

И не важно в принципе, о чем идет речь: о миноносце, канонерке или пригородном пароходе «Пршемысл». Важно то, что этот злоумышленник разлагает команду, осматривает винты и рули и даже учится плавать!

Сыщик сделал значительную паузу, перевел дух и продолжал:

— Все это мы точно установили, прежде чем арестовать этого субъекта. Двое сыщиков задержали его, как раз когда он ступил на палубу «Збраслава», чтобы отправиться в Модржаны. Заметьте, что Модржаны лежат на том же меридиане, что и австрийский морской порт Пулье... Итак, его задерживают и доставляют в полицию. При нем находят три письма. Он, конечно, уверяет, что ни в чем не виноват. Но это ему не помогло; мы взяли за письма. И вы подумайте, каков негодяй! Внешне невинные заказы на цыплят, масло и сушеные овощи. При этом он заявляет, что у него нет никаких родственников в Триесте, а на вопрос о местожительстве дает адрес и объясняет, как пройти, — квартира, мол, на третьем этаже, дверь без визитной карточки. И все это так спокойно и нахально, смотрит прямо в глаза, просто ужас!

Мы его для виду отпустили домой, а мне было приказано рано утром явиться к нему на квартиру с обыском. Ладно, взял я с собой еще двух сыщиков, и мы пошли. Адрес сходится, дом номер такой-то, третий этаж, дверь без визитной карточки. «Хозяина нет дома», — отвечает прислуга. «Ага, — говорю я, — упорхнула пташка!» Вскрываем письменный стол, забираем письма, вытаскиваем все платье из гардероба, связываем в узлы, и инспектор Шпачек уже собирается их унести, как вдруг пташка возвращается в гнездо... Шпачек потянул нас за полы и говорит: «Господи боже мой! Это же не та квартира, коллеги, мы попали к его милости судь!» Скандал! Ну, мы с извинениями ретируемся — мол, ошиблись дверью! И что бы вы думали? Настоящий-то виновник, оказывается, живет рядом!

Политический сыщик утер пот с лица и закончил:

— А теперь, господа, вы ясно видите, как тяжела полицейская служба. Все наши старания пошли прахом. Изъяли мы у него корреспонденцию и продолжаем розыск. И вот как раз сегодня из Вены приходит телеграмма — дело временно прекратить на том основании, что к арестованному не могли ходить моряки, потому что он вовсе не трактирщик, а приказчик в овощной лавке, к тому же глух от рождения... А тот тип, чью корреспонденцию мы изъяли, тоже не имеет прямого отношения к делу, потому что человек, который ходил вынюхивать на пароходы, оказывается, умер десять лет назад.

Полицейский агент мрачно выпил пиво и утер усы. Мятеж во флоте австрийской империи был полностью подавлен!

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ГАЗЕТЫ «НАРОДНИ ЛИСТЫ» *

Якуб Фенцель читал «Народни листы» пятьдесят лет, с тех пор, как они начали выходить, и не платил при этом ни кроны. Все пятьдесят лет они просто приходили в городок на его адрес. Впервые он получил их, когда ему исполнилось сорок девять лет. Теперь пан Фенцель — девяностодевятилетний старец, самый старший младочех на земном шаре, которому уже правнук читает вслух статьи о Крамарже. «Народни листы» по-прежнему приходят на его адрес, а администрация газеты до сих пор не напоминала ему о плате. Может, это было простой случайностью, возможно, какой-то ошибкой в списке подписчиков,— трудно сказать.

Но правда выходит на свет божий даже в редакции газеты «Народни листы»,— и в конце концов выяснилось, что упомянутый пан Фенцель за все пятьдесят лет не уплатил за газету ни геллера. А выяснилось это только накануне пятидесятилетнего юбилея «Народних листов», из которого неутомимый пан Кочий * сделал настоящую американскую рекламу.

Пан Фенцель читал или, вернее сказать, заставлял читать себе вслух все статьи, авторы которых удивлялись, что «Народни листы» еще выходят, и все рекламные письма, гордо подписанные людьми, получившими предложение от редакции «Народних листов» высказать свои мысли по поводу пятидесятилетнего юбилея этого органа печати.

— Милый Тоничек,— сказал пан Фенцель своему правнуку,— мы тоже должны им написать.

Долго обдумывал свое письмо наш девяностодевятiletний младочех и наконец продиктовал своему правнуку следующее:

«Уважаемая редакция! Я стар, стою на краю могилы и, как девяностодевятiletний искренний сторонник младочешской партии, пятьдесят лет $\text{f}30$ дня в день получаю «Народни листы». Я потерял жену и детей, и у меня остались только «Народни листы». От всей души поздравляю вас и желаю лишь одного — чтобы вы еще пятьдесят лет посылали мне «Народни листы». Передайте доктору Крамаржу мое поздравление и просьбу прислать календарь. Остаюсь с сердечным приветом пятидесятилетний подписчик «Народних листов», девяностодевятiletний

Якуб Венцель,
бывший звонарь в Бытоухове».

Разумеется, письмо было опубликовано в «Народних листах». Редакция передала письмо администрации, чтобы оформить посылку календаря и подписку на следующие пятьдесят лет.

И только тут администрация обнаружила, что сей стойкий девяностодевятiletний младочех, получая регулярно «Народни листы», за все пятьдесят лет не внес за них ни кроны. И пока читатели «Народних листов» изучали заголовок, набранный плакатными буквами:

ДЕВЯНОСТОДЕВАТИЛЕТНИИ СТАРЕЦ
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ БЫЛ ПОДПИСЧИКОМ
ГАЗЕТЫ «НАРОДНИ ЛИСТЫ»!!!

администрация подсчитывала, сколько задолжал ей этот непоколебимый младочех за полвека.

Получалось следующее: по 8 геллеров в день — значит, за 50 лет, то есть за 18 250 дней, — 146 000 геллеров; другими словами, пан Венцель, самый старейший на свете младочех, был должен газете «Народни листы» 1 460 крон.

Понимаете ли вы, что такое 1 460 крон, когда администрации «Народних листов» дорог каждый геллер? Но это еще не все! За двадцать лет капитал удваивается! Итак, к 1880 году долг был равен 584 кронам; от 1880 до 1900 года еще 584 кроны, умноженных на два, следо-

вательно — дважды по 584 и еще столько же, итого — 2 336 крон. За такую сумму можно сделаться безупречным младочехом! Далее, с 1900 по 1911 год пан Фенцель за свои политические убеждения обязан был выплатить газете «Народни листы» 292 кроны. Правда, за его полувековую верность «Народним листам» проценты с этой суммы ему простили. Вот так-то и возрос его долг с 1 460 крон до 2 628; да и то еще, ввиду юбилея д-ра Крамаржа, ему простили проценты с процентов. Бодрый старец, который в свои девяносто девять лет нашел в себе силы реорганизоваться, вполне заслужил эту скидку.

— За календарь, пан Кочий,— сказал главный администратор «Народних листов»,— мы возьмем с Фенцеля, принимая во внимание его искреннюю преданность младочехам, только одну крону, значит: две тысячи шестьсот двадцать восемь плюс одна равно две тысячи шестьсот двадцать девять крон; выпишите счет на две тысячи шестьсот двадцать девять крон!

Итак, верный девяностодевятiletний младочех получил письмо, в котором администрация газеты «Народни листы» деликатно уведомляла о том, что пан Фенцель должен за подписку и за календарь 2 629 крон; в том же письме пану Фенцелю предлагалось рекомендовать и усердно распространять «Народни листы» среди окружающих. За каждого нового подписчика ему было обещано вознаграждение в пятьдесят геллеров.

К счастью, письмо это перехватил правнук пана Фенцеля Антонин Миржичка.

— Послушайте, дедушка, вы хоть когда-нибудь платили за «Народни листы»? — спросил он старика будто невзначай.

— Никогда, мой мальчик,— ответил тот.— Мне посылали их, а я читал. Я младочех и младочехом останусь. А после прочтения, дорогой мальчик, они служили еще и моему дряхлому телу. Да, Тоничек, «Народни листы» освежают душу и очищают тело.

Тогда правнук девяностодевятiletнего младочеха отправился в Прагу, намереваясь лично поговорить с д-ром Крамаржем.

К д-ру Крамаржу его не допустили и направили в администрацию газеты.

Пан Кочий, терпеливо выслушав пана Миржичку, узнал, что у старика Фенцеля нет за душой ни геллера, но что он преданный младочех и что сам Миржичка тоже искренний младочех.

И тут в голове сообразительного пана Кочия родилась превосходная идея.

— Знаете, пан Миржичка, две тысячи шестьсот двадцать девять крон — немалый капитал, но мы все простим пану Фенцелю, если он приедет в Прагу. Он может оказаться весьма полезным нам и нашей партии. Как только вы получите от нас телеграмму: «Привозите пана Фенцеля», — немедленно везите старика; да скажите ему, что его хочет видеть народ.

Под председательством д-ра Крамаржа провели совещание, на котором по предложению пана Кочия приняли следующее решение: снять помещение на Вацлавской площади, недалеко от редакции газеты «Ческе слово», и установить в нем большой стеклянный шкаф. Над входом прибить доску с надписью:

«ПАНОПТИКУМ ГАЗЕТЫ «НАРОДНИ ЛИСТЫ»

В стеклянный шкаф поместить подшивки газеты «Народни листы», стул, стол и пана Фенцеля, а на шкафу написать:

«ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ПРАГИ!

Девяностодевятилетний старец Якуб Фенцель пятьдесят лет состоит подписчиком «Народних листов»! Самый старый звонарь Чехии — в то же время и самый старый читатель газеты «Народни листы»! Не пьет, не курит, читает только «Народни листы»! Знает все подшивки на память! Подписывается на следующие пятьдесят лет! Чехи! Следуйте примеру старейшего младочеха! Подписка принимается здесь!»

Снаружи решили наклеить плакаты того же содержания с обозначением входной платы:

«20 геллеров для подписчиков газеты «Народни листы», 40 геллеров для остальных. Каждый, кто подпишется здесь, на месте, получает эти деньги обратно и фотографию д-ра Крамаржа!»

Итак, все было готово. Паноптикум газеты «Народни листы» ждал старого младочеха. Отправили телеграмму: «Выезжайте с паном Фенцелем. Кочий».

Пан Фенцель и его правнук сели в поезд. Пан Миржичка сообщил прадеду о желании народа видеть самого старого младочеха. Недалеко от станции Лысая-на-Лабе пан Фенцель заснул в поезде. Правнук начал его будить, но старый Фенцель не двигался — он скончался между второй и третьей остановкой от переполнившего его чувства гордости: подумать только, его хотел видеть народ! Пану Кочию пришлось закрыть паноптикум газеты «Народни листы», но в следующем номере газеты появилось сообщение:

«Вчера в поезде недалеко от станции Лысая-на-Лабе скончался в возрасте девяноста девяти лет пан Фенцель из Бытоухова, искренний приверженец нашей партии. Он был в течение пятидесяти лет подписчиком газеты «Народни листы». Пан Фенцель ехал в Прагу, чтобы в пятьдесят первый раз подписаться на газету «Народни листы». Пример, достойный подражания!»

— Но он остался нам должен две тысячи шестьсот двадцать девять крон,— не преминул заметить неугомиый пан Кочий.

СМЕРТЬ САТАНЫ

Я шел в половине седьмого утра с маскарада. Был туман, резкий холод пронизывал до костей. Но, несмотря на это, я решил пройтись несколько раз взад и вперед по острову. Это называется—полезная прогулка. В то же время я порядочно клевал носом. Прагу, постепенно выступавшую из паров и туманов, видел смежающимися глазами, как сквозь сон. Вдруг я стукнулся обо что-то головой — как мне показалось, о сук. Я сердито взглянул вверх. То, что я увидел, повергло меня в ужас. Я наткнулся шляпой не на сук, а на лакированный ботинок, штиблету. Выше виднелись черные брюки. Сомнений не было: передо мной повесившийся! На мгновение мне стало плохо. Но я собрался с духом и посмотрел на самоубийцу внимательней. Прежде всего я заметил, что у него только один ботинок. Вторая штанина кончалась не лакированным ботинком, а копытом. Я посмотрел еще выше. Вывалившийся наружу длинный темно-красный язык, на голове пара могучих рогов, между фалдами элегантного фрака ниспадает косматый хвост. Да, сомнений не было: висящий передо мной самоубийца — не кто иной, как черт!

На скамейке, стоявшей у ног самоубийцы, лежал толстый конверт с надписью: «Тем, кто найдет мой труп».

Нашел труп я. Так что я взял пакет, вскрыл его и прочел:

«Прежде всего должен поблагодарить пражскую полицию. Где бы ни случилось убийство или какое-нибудь другое преступление, она всегда заботилась о том, чтобы

виновный не понес наказания от властей, а попал бы в мои руки. Свидетельствую ей свою признательность. Знаю, что если она найдет (найдет ли только!) мой труп, то не сумеет установить мою личность до скончания веков. Поэтому сразу заявляю: я — черт! А относительно моей смерти: я совершил самоубийство.

Что же касается мотивов, то достаточно будет перечислить события последней ночи. Чтобы проверить, насколько пражане до сих пор меня боятся, я отправился в маскарад, где, как я слышал, представлены все слои пражского населения. Надел фракный костюм, но в остальном сохранил свой обычный облик, чтоб посмотреть, какое буду производить впечатление.

Как только я вошел в зал, все схватились за животики.

— Отличная маска! — сказал кто-то.

Я думал, что всех испугаю, а они засмеялись.

«Напрасно я не замаскировался», — пришла мне мысль. Но я все-таки надеялся, что кто-нибудь меня испугается и убежит. Не тут-то было. Все открыто выражали мне свою симпатию, полагая, что я замаскирован.

В конце концов я подошел к одной старой даме, видимо, страшно набожной и явившейся в маскарад просто потому, что не нашла ни любовника, ни женишка в другом месте.

Между нами произошел довольно оригинальный разговор.

— Мадемуазель, — сказал я, заметив, что моя маска нравится ей, — я должен разъяснить одно недоразумение: вы ошибаетесь во мне.

— Ничуть не бывало, — нежно промолвила она в ответ. — Я ошиблась только в одном человеке. Это был юрист-практикант Штовичек, который обручился со мной и был таков. А больше ни в ком.

— Но во мне вы все-таки ошибаетесь, — сказал я.

— Нет, нет, — возразила она, кинув на меня огненный взгляд. — Я сразу увидела, что у вас есть характер.

— И все-таки, мадемуазель. Маска моя — вовсе не маска, а действительность. Я в самом деле черт.

— Я не принадлежу к тем, кто придает значение званиям. У меня приличное состояние, и если ты хочешь, милый, чтоб я была твоя...

Я убежал. Мне стало страшно. Даже люди набожные больше не боятся меня, и эта монахиня 3-го ордена св. Франциска * уже готова взять меня в мужья.

Но через некоторое время я успокоился. Она не боится меня именно благодаря своей набожности. Наверняка дома у нее — святая вода, ладанки и всякое такое. Я обратился не по тому адресу. Я создан не для того, чтобы меня боялись люди добродетельные, а на страх грешникам. К ним мне и надо обратиться. Тогда посмотрим.

Вскоре я нашел подходящего субъекта. Он сидел за столиком с двумя девицами, с которыми обращался более чем непринужденно. Можно даже сказать, бесстыдно. Это было то, что нужно.

— Скверные безбожники! — грозно загремел я. — Неужто вы не боитесь, что я возьму вас?

— Сделайте одолжение, — ответила одна из девушек. — Возьмите нас ужинать.

— Не напоминайте о суете, находясь перед князем ада! — сказал я.

Взрыв смеха был мне ответом.

— Это вы ловко! — заметил мужчина.

— А в аду, наверное, очень славно. По крайней мере, нет стариков и старух, которые все время отравляют жизнь.

— Вот как? — опешил я.

— Ну, конечно, — ответила она. — Что там, в аду? Скрежет зубовой... А у стариков и старух нету зубов. Верно?

Я был изумлен, но еще хранил кое-какую надежду.

Ну, конечно, таким людям море по колено. Как же им меня бояться? Они просто не верят в меня. Что ж удивительного, что я им не imponирую? Надо найти человека грешного, но чтоб он верил в мое существование и в муки ада.

Долго ходил я по залу напрасно. Но в конце концов нашел-таки, что искал. Там был — но, конечно, замаскированный — один из высших сановников церкви и в то же время человек светский. Я подошел к нему и сказал:

— Достойнейший монсеньер!

Он сделал вид, что не слышит.

Я, недолго думая, потянул его за рукав.

— Я обращаюсь к вам, монсеньер.

— Вы, очевидно, принимаете меня за кого-то другого.

— Нет, нет,— возразил я.— Ошибки быть не может. Я хорошо вас знаю.

Я назвал его имя, а также имя той, которую он искал.

— Кто вы такой?— спросил он с удивлением и не без испуга.

— Вы видите, ваше преосвященство. Я не надевал маски. Это моя действительная наружность. Я черт.

Прелат громко засмеялся.

— Вы забываете, сударь, с кем говорите. Очень рад, что есть люди, которые верят в ваше существование. Но если я живу за ваш счет, это еще не значит, что я тоже верю в вас. Однако если нас приходит пугать то пугало, которое мы сами выдумали, то это уж дерзость...

— Достойнейший монсеньер!— воскликнул я почти в отчаянии.— Вы не верите в меня?

— Даже в голову не приходит,— ответил веселый священнослужитель.

— Осмелюсь спросить: почему? — простонал я.

Монсеньер приступил к объяснению. В свое время я читал брошюры, где доказывалось, что меня, в сущности, нет, но тут я увидел, что писанием атеистических произведений должны бы заняться именно сановники церкви. Он так убедительно и подробно доказывал мне невозможность моего существования, что мне самому начало казаться, будто я не существую. Напрасно я всего себя ощупывал, мне не удалось увериться в том, что я не только призрак. Душевное состояние мое после этой беседы не поддается описанию. Словно колючий шип, терзал мне сердце мучительный вопрос: «Существую я или не существую?» И в конце концов я решил: если вся моя жизнь — только мечта, только сон, так лучше разом с ней покончить. Пусть я даже в самом деле существую, но вижу одно: в настоящее время я себя изжил. Я никому не imponирую, никто меня не боится. Никто в меня ни чуточки не верит. Кончено. Как только выйду отсюда, так повешусь. О смерти своей не жалею: она — логический вывод из всего, что я в последнее время испытал».

В АДУ

Среди множества душ, заключенных в пятом отделении — для наиболее закоренелых грешников, находилась и душенька начальника полиции Гофбауэра.

Начальник пятого отделения ротмистр черт Пршецехтел на совещании дьяволов не мог ею нахвалиться. Поэтому ей были уже предоставлены кое-какие поблажки: в котел с кипящей серой ее погружали, например, только раз в месяц. Остальные дни она летала над котлами и следила, не высовывают ли иные грешные души голову либо руки и ноги, чтоб немножко охладить.

О всех таких попытках душенька Гофбауэра немедленно сообщала надзирателям, и те сейчас же вытаскивали означенные души раскаленной сетью, сплетенной из платиновой проволоки, и отправляли их под электрический молот, который ковал их, доводя до белого каления. Потом через них пропускали электрический ток, натирали их навозной жижей из-под доминиканских монахов и бросали в котел, где стонали иезуиты. А душеньке-доносчице милостиво разрешалось целую минуту рассматривать грамм родниковой воды, запаянной в стеклянной трубке, которая висела над входом в помещение, где находились котлы с расплавленной серой.

Остальные грешные души не любили душу Гофбауэра и, когда она летала над котлами, брызгали в нее кипящей серой. Когда же Вельзевул, как он обычно делал раз в тысячу лет, приехал инспектировать пятое отделение ада и спросил у них, получают ли они ежедневно надлежащую порцию сулемы с мышьяком, они, восполь-

зовавшись случаем, пожаловались ему на душу Гофбауэра.

Но Вельзевул, которому поведение душеньки-доносчицы очень нравилось, уже пятый раз почтил ее длинным разговором и пообещал, что если она будет вести себя так еще десять тысяч лет, то получит кусок льда для облизывания.

А жалующихся он велел побросать в котел каноников. В конце концов получилось так, что ни одна грешная душа не хотела больше разговаривать с душой начальника полиции, кроме души грешника профессора естествознания Нарцисса. Эта попала сюда благодаря какому-то химическому соединению, поднявшему в воздух полгорода вместе с самим изобретателем. Черти сторонились ее, боясь ученых разговоров, и она сблизилась с душенькой господина Гофбауэра, которая хоть и с кислой миной, все же разрешила ей болтать что угодно. Впрочем, и душа профессора пользовалась льготами, потому что ей было поручено составлять смесь из легкоплавких металлов, в которую опускались менее грешные души. Обе души развлекались теперь как могли, и — особенно в последнее время — все таинственно перешептывались да шушукались.

Душе профессора естествознания пришла гениальная идея — как получить тайком несколько капель воды. Она уверяла свою подругу, что исходит из мысли блаженного Августина, утверждающего, что грешники вступают в ад в первое мгновение такими, какими были при жизни. Управление ада сразу бросает их в кипящую серу и смолу, а в последнее время также и в расплавленный асфальт. Но почему бы их не дистиллировать? Может быть, из них удалось бы добыть немного воды? Есть же в аду электрический молот. Почему нельзя изобрести аппарат для дистилляции грешников?

Главное, нужно заинтересовать этой мыслью ротмистра черта Пршецехтеля, а дальше все пойдет как по маслу. Душенька начальника полиции была исполнена решимости поговорить об этом с ротмистром — начальником отделения. И приступила к делу.

— Ваше превосходительство, — начала она тонким голоском, — мне кажется, что вновь прибывающие грешники недостаточно мучаются.

Его превосходительство нахмурился.

— Никто не смеет так говорить,— строго промолвил он, обмахиваясь расшитым хвостом.— Мы их мучаем согласно старым порядкам и обычаям.

— Ваше превосходительство,— продолжала душенька-доносчица,— неплохо было бы вновь прибывающих грешников дистиллировать. Душенька профессора Нарцисса утверждает, что это очень стóящее мучение. Оно позабавит вас: грешники будут вопить громче, чем в папеновых котлах* с серой и смолой или асфальтом. Новые грешники будут сильнее чувствовать адское мучение, если их начнут медленно дистиллировать. Они станут громче рыдать и вопить.

Начальник похвалил душеньку за то, что она так хорошо заботится о своих новых товарищах, и позвал к себе душеньку профессора. Та разъяснила ему устройство дистиллятора. План понравился начальнику, и он приказал изготовить дистиллирующий прибор для свеженьких грешников, в чем приняли участие души грешных монтеров.

Первый опыт был произведен над толстым испанским епископом. Чудак толковал что-то о святой инквизиции, но, не обращая на это внимания, над ним завинтили крышку дистиллятора.

Затем под ним развели костер, и испанский епископ начал дистиллироваться. Сквозь шум костра из котла послышалось:

— *Miserere mei domine, sicut magnam misericordiam tuam*¹.

— Здесь это тебе не поможет,— иронически заметила душенька профессора, в то время как душенька начальника полиции смотрела с нетерпением, скоро ли из дистиллятора закапает выделенная влага.

Рядом черти-надзиратели били по морде какую-то строптивую грешную душу. Понемногу из трубы аппарата начала крупными каплями капать жидкость. Обе душеньки уже подставили было ладони, как вдруг прибежал начальник отделения. Душеньки со страха разбрызгали жидкость вокруг, причем несколько капель упало на черта-ротмистра, который с ужасным воплем пре-

¹ Помилуй меня, боже, по великой милости твоей (лат.).

вратился в горящую фосфорную свечку. Раздался страшный грохот, и все провалилось в тартарары. Из испанского епископа путем дистилляции была получена святая вода.

*

Бошилецкий приходский священник проснулся у себя на диване. Экономка совала ему под нос пузырек с нашатырем.

— Очнитесь, ваше преподобие!

В соседней комнате слышалось пение собратьев из других приходов. Его преподобие выслушал сообщение экономки о том, как он допил последнюю бутылку, оставшуюся после торжественного обеда в честь освящения храма господня, как свалился потом под стол и как его отнесли на диван. Но, плохо поняв ее, он сейчас же опять уснул.

КАК ПАН МАЗУХА МСТИЛ ЗА ПОРУГАННУЮ СУПРУЖЕСКУЮ ЧЕСТЬ

Пан Мазуха был господин чрезвычайно рассудительный. Догадавшись наконец, что супруга изменяет ему с неким паном Хаберой с Черной улицы, дом № 8, он решил отомстить за поруганную супружескую честь.

В силу своей рассудительности он обдумывал этот шаг две недели и пришел к выводу, что удовлетворение следует получить без пролития крови и как можно более деликатным способом. Еще две недели он обдумывал, употребить ли ему благородно хлыст, или положиться только на собственные руки. В конце концов он решил публично, на улице, дать пощечину пану Хабере. Это было самым дешевым способом получить удовлетворение, так как не требовало никаких финансовых жертв, что имело бы место, если бы он вздумал покупать кавалерийский хлыст.

Еще неделя протекла в наблюдениях за тем, куда пан Хабера ходит гулять. Пан Мазуха установил, что пан Хабера — если у него не было назначено свидание с пани Мазуховой, — в четыре часа ходит в кафе «Унион» на проспекте Фердинанда, где сидит до половины седьмого, а потом, после променада, уходит в ресторан Глаубиц на Малой Стране.

Итак, седьмого февраля пан Мазуха вышел мстить за поруганную супружескую честь. Он отправился прямоком в кафе и, расспросив, где сидит пан Хабера, подсел к его столику напротив и стал со смущением рассматривать атлетическую фигуру соперника. Он не предвидел таких

широких плеч. «И мускулы же у него, поди»,— грустно подумал он и как можно любезнее обратился к пану Хабере, когда тот отложил какой-то французский журнал: — Простите, журнал вам больше не нужен?

— О, пожалуйста.

«Ах ты мерзавец,— подумал пан Мазуха.— Знал бы ты, кто сидит перед тобой!»

«Но если б он это знал,— продолжал он рассуждать, прикрывшись журналом,— то, пожалуй, еще рассердился бы. А такой верзила, если уж он посмел разбить мое супружеское счастье, способен разбить об мою голову поднос с графином и стаканами. Но я не могу этого так оставить, я должен хоть морально унижить подлеца!»

С наигранным презрением пан Мазуха положил журнал на свободный стул и громко произнес:

— В этих французских журналах сплошь супружеские измены. Маркиза де Белло имеет связь со скульптором Вайо. И чего этот маркиз не отхлещет голубчика по физиономии! Фу! Я бы схватил негодя на бульваре и дал бы ему пару затрещин. Так следует наказывать прелюбодеяния! Зачем покупать револьвер!

Посетители начали оглядываться, пан Мазуха умолк, зато заговорил пан Хабера:

— Незачем ходить за примерами в Париж, в самой Праге делаются вещи, от которых волосы дыбом встают. Я бы мог порассказать!

— Я тоже,— многозначительно заявил пан Мазуха, не совладав с собой. Однако его рассудительность тотчас взяла верх, и он прибавил: — Я тоже не сомневаюсь в этом. Тем не менее мне это кажется весьма неприятным обстоятельством, милостивый государь, наши законы недостаточно строги. Лучше всего расквитаться лично...— Тут он опять заволновался. Встать лицом к лицу с таким мерзавцем, публично дать пощечину и сказать: «Вы разбили мое супружеское счастье и теперь ставьте себе холодный компресс на щеку».

— Это не так просто,— серьезно возразил пан Хабера.— У меня большой опыт в этом деле. Когда я был в Брно, в меня влюбилась жена одного директора. Позже она сбежала от мужа с кем-то другим и укатила в Румынию. Но этот директор, еще когда у нас с ней была связь, застал нас однажды на загородной прогулке. Он завязал

со мной ссору, полез было ко мне, но жена спасла его. Она бросилась передо мной на колени, и я дал ему уйти с миром. Между нами говоря, он был человек глупый, ограниченный в самом широком смысле слова. Потом я разыскал его в Брно, он держался кротким барашком. Я принес ему пенсне, которое сбил у него тогда с носа. Но, поверьте, если бы не жена, которая так молила меня, ему пришлось бы худо. Я бы отделал его как следует. Так-то... А вы женаты?

— Я не женат,— нетвердо сказал пан Мазуха.

— Простите,— приветливо сказал пан Хабера,— я еще не представился: тенор Хабера.

— А я... я...— выдавил из себя пан Мазуха,— меня зовут Войтех Славичек.

Расплачиваясь за чашку кофе с молоком и рогалик, пан Мазуха уронил слезу на крону и растерянно вышел, пожав руку пану Хабере.

НАСЛЕДСТВО ШАФРАНЕКА

После всех необходимых формальностей выяснилось, что наследство Франтишка Шафранека составляет ровно семь геллеров. Вот и все богатство, оставшееся после этого доброго человека. Но самым неприятным было то, что у Шафранека не оказалось наследников, и государству пришлось принять эту сумму на хранение. Семь геллеров положили в государственный депозит, и власти принялись за усиленные поиски наследников.

Нотариат развил бешеную деятельность. Прежде всего был назначен управляющий наследством. На основании своих полномочий он составил ясное, исчерпывающее извещение и напечатал его во всех газетах и журналах, заплатив за это по тарифу объявлений. Позаботился он и о том, чтобы сообщение о Шафранеке появилось в местной хронике газет.

Объявление гласило:

Семнадцатого июня с. г. в городской больнице скончался подмастерье печника Франтишек Шафранек, шестидесяти семи лет от роду, по имеющимся сведениям, холостой. Лица, претендующие на наследство покойного, приглашаются в нотариат окружного суда.

Словом, управляющий наследством пан Камейка рьяно взялся за дело. Поиски неизвестных родственников Шафранека он начал со всей обстоятельностью, на какую только способны австрийские учреждения.

Мелкий судейский чиновник Камейка уже зарекомендовал себя кое-чем, однако ему еще никогда не выпадала честь быть управляющим наследством. «Сделаю все

возможное,— решил он.— Черт меня подери, если я не закончу это дело самым успешным образом».

Пока Камейка трудился не покладая рук, семь геллеров, положенные в депозит, покоились вместе с другими суммами в сейфе государственного банка, около которого прохаживался солдат с ружьем.

Камейка не дремал. За короткий срок он поместил до пятидесяти объявлений в пражских и провинциальных газетах, что обошлось казне в шестьсот крон. Писарь Шмидт был завален работой по отправке повесток всевозможным Шафранекам, которые неожиданно-негаданно получали вызов в суд. В одной только Праге оказалось пятьдесят восемь Шафранеков.

С таким материалом уже можно работать. Наблюдать трепет этих бедняг, вызванных в суд, где их допрашивали со всей строгостью и обстоятельностью, было истинным удовольствием.

Впрочем, Камейка немало намучился с Шафранеками! Некоторых приходилось чуть ли не за шиворот тащить в суд, или, выражаясь официальным слогом, доставлять туда под конвоем. Так было с Алоисом, Бенном, Артуром, Вилемом, Карлом, Антонином Шафранеками и с Филоменой Шафранековой. (Эта баба страшно скандалила, когда полицейские подняли ее в шесть часов утра.) Двум Шафранекам — Михалу и Богуславу — эта история стоила должности, ибо полицейские явились за ними на службу, чем наниматель был весьма шокирован.

Впрочем, все это пустяки, лишь бы была соблюдена юридическая процедура.

Когда с Прагой было покончено, Камейка вооружился адресной книгой и взялся за Пльзень. Там оказалось двадцать Шафранеков. В Клатовах их набралось десять.

Короче говоря, судебные учреждения по всей Чехии были завалены делами одних Шафранеков. В Младой Болеславе было допрошено четверо, в Колине — восемь, в Горжицах — один. «В Высоком Мыте — ни одного Шафранека», — констатировал Камейка. А спустя несколько дней он, придя домой, торжествуяще объявил жене: «В Будапеште — восемь!» Все Шафранеки были допрошены в местных судах, и Камейка потирал руки:

— Черт меня подери, если я не доведу это дело до успешного конца!

За лето в окружном суде было заведено шестьсот двадцать девять новых папок. Для литеры «Ш» пришлось приобрести новый шкаф и нанять дополнительно специального писаря. К осени неутомимый Камейка переключился на Моравию.

— Нельзя терять ни минуты,— говорил он своим подчиненным.— Сперва Брно, за ним Оломоуц — и все пойдет как по писаному. Строжайший порядок: один округ за другим. Потом на очереди Силезия. Да, господа, рука судебных органов достигает далеко!

В шкафу под литерой «Ш» прибавилось еще пятьсот шестьдесят шесть дел. Писарям ночью мерещились Шафранеки.

В один прекрасный день Камейка объявил с видом победителя:

— А теперь возьмемся за Вену. Надо заручиться содействием тамошних полицейских властей. Дорога каждая минута. Телеграфируйте, нет ли там Шафранеков.

Шафранеки нашлись. Венская полиция препроводила в распоряжение пражского суда одного Шафранека, одного Шафранека и одного Шафрана. Волею судеб это оказались почтенные коммерсанты, которые не знали, что и думать, когда их ночью схватили и отвезли в Прагу. По этому поводу был даже запрос в парламенте.

Камейка сиял.

— Все идет как по писаному,— повторял он.— Вот увидите, я отыщу этих наследников. Пора, однако, обратиться за помощью в наши консульства за границей.

В канцелярии окружного суда прибавилось еще сто семьдесят два дела. Консульства проявили не меньшее рвение, и через полгода Камейка мог похвастаться поистине замечательными результатами. В Германии нашлось триста четырнадцать Шафранеков, во Франции— два, в Англии — девять, в России — тринадцать, в Турции — один Шафранек-бей. В Испании не оказалось ни одного, зато в Америке — восемьдесят человек. Из Австралии не поступило ответа, из Пекина ответ был отрицательный. Токио с энтузиазмом сообщало, что о таком имени там и не слыхали.

— Господа,— с удовлетворением заявил Камейка своим подчиненным,— все идет как нельзя лучше. Не

пройдет и двух лет, как мы отыщем наследников. А до тех пор я прошу вашего неослабного внимания! Писать во все суды, расследовать, искать, не давая себе ни минуты отдыха. Расходы пока что составляют всего лишь одиннадцать тысяч крон — это сущий пустяк по сравнению с важностью юридической процедуры.

Розыски продолжались. Но однажды Камейка торжественно вошел в канцелярию и обратился к писарю Шмидту:

— Прошу официально зарегистрировать мою претензию на наследство Франтишка Шафранека. Не улыбайтесь, господа, я в своем уме. Будьте любезны допросить меня по всем правилам. Имя и фамилия? Отвечаю: Ян Камейка. Состояли ли в родственных отношениях с покойным Франтишком Шафранеком? Отвечаю, господа: состоял. Я вижу, вы удивлены... Да, господа, мы наконец достигли желанной цели. Мамаша моя носила в девичестве фамилию Шафранек. Я обнаружил это вчера, перебирая наши семейные документы. Ее младший брат, которому не повезло в жизни, работал в Унетцах печником. Это лицо и есть покойный Франтишек Шафранек, оставивший наследство. Заявляю о своих правах и прошу завести дело.

Прошло около пяти лет, пока были выполнены некоторые мелкие формальности, и Камейка вступил во владение наследством. Из государственного депозита ему были выданы семь геллеров, он их позолотил и стал носить в виде брелока к часам.

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Князь Фридрих, властитель Вальдецкого княжества *, ехал в своей карете, окруженный ликующей толпой. Вдруг на его колени упало письмо, ловко брошенное чьей-то рукой.

Князь Фридрих очаровательно улыбнулся и принялся читать:

«Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»

Князь Фридрих перестал улыбаться.

Как писали на другой день газеты, его высочество почувствовал недомогание, и торжество было тотчас прекращено; князь Фридрих отправился к себе во дворец. Он проследовал в кабинет и стал внимательно изучать оскорбительное послание. Прочитав по меньшей мере в пятидесятый раз: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!» — и запомнив это наизусть, он удивленно воскликнул: «Этот негодяй даже не подписался!»

Он шагал по кабинету и повторял: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»

Через полчаса князь приказал созвать государственный совет.

— Господа, — заявил он, расстроенный, четырьмя тайными советниками, — сегодня, в день празднования тридцатилетия моего правления, неизвестный злоумышленник швырнул в мою коляску следующее пись-

мо: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!»

Тайные советники побледнели, а барон Карл пробормотал:

— Ваше высочество, это письмо предназначалось не вашему высочеству!

Князь Фридрих рассердился.

— Дорогой барон,— воскликнул он,— я полагаю, вам известно, что титул «ваше высочество» в целом княжестве ношу только я один, и нет человека, который посмел бы этот титул присвоить! А так как в записке сказано: «Ваше высочество! Вы величайший дурак на земле!» — значит, письмо адресовано мне! Я думаю, что все мы сойдемся в этом мнении. В интересах государства необходимо разыскать злодея, который отважился оскорбить меня, ибо я считаю это государственной изменой. Я передаю это дело в ваши руки и надеюсь, что государственный совет также выразит мне сочувствие и осудит на завтрашней сессии постыдный поступок субъекта, не постеснявшегося нарушить покой своего монарха...

До глубокой ночи длилось заседание государственного совета, к которому был привлечен и шеф полиции.

На следующий день на сессии парламента председатель с трепетом огласил собственноручное послание князя Фридриха, апеллировавшего к верности своего народа. Парламент незамедлительно выработал адрес с изъяснением преданности князю, хотя никто не понимал, что же, собственно, происходит.

Смутная тоска висела в воздухе. Шеф полиции между тем не дремал: он потребовал аудиенции и получил из государственного архива сие мерзкое письмо.

— Что вы собираетесь предпринять? — спросил его канцлер.

Шеф полиции только потирал руки.

— Терпение, вы будете изумлены моей методой расследования!

Письмо отправили в государственную типографию, и уже после полудня по всей столице были расклеены плакаты, выпущенные полицейским управлением:

НАГРАДУ В 1 000 МАРОК
ПОЛУЧИТ ТОТ, КТО УКАЖЕТ СЛЕДЫ ЗЛОДЕЯ,
КОТОРЫЙ НАПИСАЛ И БРОСИЛ В КАРЕТУ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ
СЛЕДУЮЩЕЕ ПИСЬМО:

А под этим уведомлением была помещена точная репродукция письма:

*«Ваше высочество!
Вы величайший дурак на земле!».*

К вечеру каждый житель Вальдецкого княжества знал, что князь Фридрих — величайший дурак на земле.

На следующий день шеф полиции ушел в отставку.

СЕРДЕЧНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ИМЕНИНАМИ

Дня за два до именин Алоиса Гольдшмидта, владельца экспедиторской фирмы, в укромном уголке кабачка «У курьего ока» встретились два бухгалтера и конторщик Гольдшмидта, дабы составить текст поздравительной телеграммы. Именинник, развернув рано поутру свою любимую газету, должен был там прочесть:

«Многоуважаемого шефа, пана Алоиса Гольдшмидта, домовладельца и главу экспедиторской фирмы Гольдшмидт и К^о...»

Поздравители заказали уже по третьей кружке пива, а бумага, лежавшая перед ними, все еще оставалась чистой.

— Я тут припомнил одно старое пожелание,— проговорил бухгалтер Дуфек:

Пусть тихо ваша жизнь струится,
Как ручеек в лесной тени.
Как не иссякнет в нем водица,
Да не иссякнут ваши дни.

Бухгалтер Миховский возразил, что в этом «тихо пусть струится» старик наверняка углядит намек на свою привычку кричать в канцелярии: он ведь тупица и в поэзии ничего не смыслит.

Конторщик Рыбарж робко заикнулся, что ему где-то вроде попадалось приветствие: «Да цветет как вешний цвет ваше предприятие, вам желаем многих лет — свежести и счастья».

— Не пойдет,— оборвал Дуфек,— старикашка обо-

злится на эту «свежесть». Всякий знает, что не везет ему у баб, стар стал, мошенник. Ни одна теперь за ним не бегаёт.

— Можно бы дать в газеты такое объявление,— прервал его пан Миховский: — «Много счастья вам при жизни, дай господь здоровья вам; что в мечтах лелеет сердце, мы того желаем вам». Да ведь в мечтах у него, бесстыжего, только прелести пани Вольфовой.

— Говорят, он даже бывает у нее,— скромно вставил конторщик.

— Бывает! Как не бывать! Вы, голубчик, его еще не знаете, а уж мы с Дуфekom могли бы кой-чего о нем порассказать. Он ведь и за моей покойницей-женой ухлестывал. Однажды я, как честный человек, возьми да и скажи ему с глазу на глаз, что моя оскорбленная честь требует удовлетворения. Так знаете, что он сделал? Подкинул к жалованью четыре сотенных и назначил меня главным.

— Я слышал, что он и с дочерью кладовщика шурымуры крутил.

— И крутил — что правда, то правда. Все время сережки дарил ей. Одни сережки, ничего больше. А кладовщик эти сережки своим знакомым перепродавал... Два года тянулась эта канитель, а потом девка получила отставку. Да, что ни говори, у нашего шефа губа не дура.

— Зато больше он ни в чем ни бельмеса не смыслит,— вмешался Дуфек,— лишь книжками об стол трахать умеет.

— Намедни подходит он ко мне,— вздохнул конторщик.— «Вы, говорит, осел, Рыбарж, ну, сознайтесь, разве я не прав?» — А сам косится на меня, словно заботать хочет. Что тут поделаешь, скажи на милость, пан бухгалтер? Я и поддакнул. Да, дескать, вы совершенно правы, господин начальник. Тут он похлопал меня по плечу и добавил: «Вот и славно, что соглашаетесь». Выпивши был.

— Это он с похмелья,— кивнул пан Миховский.— А что, если нам так написать: «Мир, здоровье вашей чести, грусть обходит ваш порог, пусть вам счастье не изменит, хворь не знает к вам дорог».

— Со здоровьем этим тоже можно впросак попасть,— рассудил пан Дуфек.— Он вон как десяток си-

гар в день выкурит да налижится вина,—кто тут поручится, что его кондрашка не хватит? Коли помрет, шефом станет поверенный Домек. То-то милый, просто золотой человек этот Домек.

— И то сказать, в семье ведь тоже покой нужен, пан Дуфек. А у шефа вместо семейной жизни — марокканская война. Старуха с детьми против него стоит, дома он и пикнуть не смеет. Вот и отводит душу в канцелярии. Тут ему ничем не потрафишь, все у него дармоеды, а само... Эх!..

Пан Миховский махнул рукой и повернулся к конторщику.

— Так, давай шевели мозгами, голубчик. Я в вашем возрасте такие стихи закатывал — любо-дорого. Теперь уж не то: давно не упражнялся. А в стихах, как на бильярде, руку набить надо. Э, да вы что-то уж и пить перестали? А ну-ка, поднесите ему еще кружечку, да и нам заодно. Глядишь, поздравленьице душевней получится.

Конторщик взял карандаш, придвинул бумагу и с отчаянием уставился на нее. И вдруг вскричал: «А ну-ка, найдите мне рифму к слову «конкуренция». Я хочу начать так: «Пусть злоба конкуренции...»

— Голубчик, ну кто же начинает с конкуренции! Старец наш тут же спятит! И так уж, между нами говоря, дела у нашей фирмы — швах. Пристрастился старикан к картишкам, не доведут они его до добра.

— Нет, лучше все-таки с лесного родничка начать,— решительно заявил пан Дуфек, обращаясь к конторщику.

После пятой кружки пива поэтическое воображение пана Миховского разыгралось и, устремив отсутствующий взгляд в пространство, он забормотал:

— «Сегодня — того дня — нас — вас».

А конторщик не сдавался:

Пусть над тобою будет небо,
Как над ручьем лесная сень,
И где бы ты, наш славный, не был,
Пусть райским будет каждый день.

В сильном смущении он прочел стихи всей комиссии, после чего пан Дуфек изрек:

— Перечеркните весь этот бред. И не смейте тыкать господину шефу. Воткните куда-нибудь розы. Не-

ужто нет у вас ни капли поэтического таланта, голубчик? Спросите себе еще пива.

На носу у молодого человека выступили капельки пота; дрожащей рукой он начертал:

Пусть ярко розы будут цвести
Вокруг вас ныне, ваша честь.

— Ну, с меня хватит!— взорвался пан Дуфек.— Давайте сюда бумагу, осел несчастный!

И пан Дуфек вывел крупными буквами:

МНОГОУВАЖАЕМОГО ШЕФА, ПАНА
АЛОИСА ГОЛЬДШМИДТА, ДОМОВЛАДЕЛЬЦА И ГЛАВУ
ЭКСПЕДИТОРСКОЙ ФИРМЫ ГОЛЬДШМИДТ И К^о, СЕР-
ДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮТ С ДНЕМ АНГЕЛА И ЖЕЛАЮТ
ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО ГЛУБОЧАЙШЕ ПРЕДАННЫЕ
СОСЛУЖИВЦЫ.

— Ну, а теперь, коли со старцем покончено, махнем-ка еще по кружечке,— с чувством глубокого удовлетворения провозгласил Миховский. От тягостного настроения не осталось и следа, его сменило буйное веселье, закончившееся тем, что конторщик, с трудом добравшись среди ночи домой, выпалил хозяину, открывшему дверь:

Пусть ярко розы будут цвести
Вокруг вас ныне, ваша честь..

СЛУЖЕБНОЕ РВЕНИЕ ШТЕПАНА БРИХА, СБОРЩИКА ПОШЛИНЫ НА ПРАЖСКОМ МОСТУ

Каждый, кому когда-либо приходилось вступать на пражский мост, наверняка сознавал всю значительность этого момента.

Строго официальные лица чиновников в будке и перед ней; осанистая, полная достоинства фигура полицейского у проезжей дороги; наконец, таблица, бесстрастно перечисляющая пошлины, взимаемые как с людей, так и со скотины,— все это уже приводит вас в священный трепет.

А стоит чуть-чуть повнимательнее взглядеться в лица неподкупных блюстителей порядка, перед которыми бесцельно даже женское очарование, и у вас возникает непреодолимое желание поцеловать руку, протянутую за крейцером.

Самоотверженная любовь, преданность магистрату и служебное рвение сначала умиляют вас. Но когда вы вспомните, что этих людей в плоских фуражках охраняет закон, строго карающий за всякое оскорбление должностного лица, вы не выдержите и, сняв шляпу перед неутомимыми Брутами* города Праги, сунете им в руку крейцер.

Одно время среди этих Брутов выделялся Штепан Брих, сборщик пошлины на мосту Франца-Иосифа. Как ястреб, оглядывал он неусыпным оком трепетных горожан, желавших пройти через мост. Брих не ведал ни шуток, ни проволочек. Стоило кому-нибудь из этих болванов штатских (с военных не брали пошлины) высунуть

хотя бы кончик носа за черту, обозначенную простертой рукой Штепана Бриха,— к нему не было никакого спихождения и никакие оправдания не могли помочь. Или он платил крейцер, или его попросту можно было считать погибшим.

Штепан Брих делал знак рукой, и дежурному полицейскому уже все было ясно.

Он приближался, положив руку на кобуру револьвера, а Штепан Брих, указывая на смельчака, не пожелавшего сразу заплатить пошлину, произносил всего лишь два слова: «Взять его!» Полицейский хватал ослушника за шиворот и деловито осведомлялся: «Похорошему пойдешь или со скандалом?»

Обычно провинившийся избирал первый способ.

В полицейском участке его просили раздеться, а потом долго обыскивали, обмеривали, фотографировали, допрашивали и, наконец, отводили в камеру. После этого день, самое большее — неделю устанавливали, проживает ли такой-то там-то, не водится ли за ним каких-нибудь грешков.

В конце концов задержанного отпускали или, если он выражал недовольство этой законной процедурой, отправляли в уголовное отделение на Карловой площади.

Оттуда злоумышленника по этапу пересылали на место жительства. Это считалось сравнительно легким наказанием за преступление, которое несчастный попытался совершить против финансового отдела пражского магистрата.

И на все это с удовлетворением взирал Марат * пражских мостов — сборщик налогов Штепан Брих.

Однажды к будке сборщика подошел советник магистрата, член финансового отдела Пойзл и попросил:

— Приятель, пропустите меня бесплатно! Я спешу на Смихов, а бумажник забыл дома!

Ну, разве Штепан Брих не знал своего начальства? Знал, любил и почитал, и вот любовь к начальству пришла в столкновение со служебным долгом.

Как только советник магистрата переступил границу, обозначенную протянутой вперед рукой Бриха, последний поймал господина Пойзла за полы пиджака.

— Вернитесь или заплатите крейцер,— сухим, официальным тоном сказал Штепан Брих.

— И не подумаю! — обозлился советник.

Тогда Штепан Брих кивнул полицейскому, поджидавшему жертву, как паук муху, и произнес только два слова: «Взять его!»

Когда после обычного своего присловья: «По-хорошему или со скандалом?» — полицейский повел советника в тюрьму, на глазах нашего Брута показались слезы, и Штепан Брих впервые за всю свою жизнь заплакал.

Спустя две недели в помещении финансового отдела магистрата отмечалось скромное, но славное торжество.

По требованию самого господина советника Пойзла — его-таки пощадили и не отправили домой по этапу — магистрат за верную службу наградил Штепана Бриха бронзовой медалью.

Получив награду, Штепан Брих стал еще бдительнее.

В ночь на 3 мая сего года он спокойно стоял у Национального театра. Вдруг какой-то человек мелькнул в окне будки и быстро побежал через мост.

Полицейский куда-то ушел с поста — должно быть, сопровождал в участок очередного правонарушителя. Не растерявшись, Штепан Брих бросился вслед за негодяем, крича:

— Стой! Плати крейцер!

Неизвестный, словно не слыша, мчался вперед. Штепан Брих ринулся за ним, нарушая ночную тишину воплем: «Патруль, держи его! Пусть уплатит крейцер!» Так добежали они до Малой Страны, миновали Уезд, площадь Радецкого, Вальдштейнскую улицу, обогнули Хотковы сады — впереди трусил выбившийся из сил незнакомец, и только немного позади сопел Штепан Брих, не перестававший вопить: «Уплатите крейцер или буду стрелять!»

Они были уже за Дейвицкими воротами, на пути к Подбабе.

Когда взошла луна, убежавший оглянулся и вдруг увидел плоскую форменную фуражку, перекошенный рот и выпученные глаза чиновника магистрата.

В смертельном страхе свернул он к реке и, спасая свою жизнь, прыгнул в воду. Еще один всплеск — и Штепан Брих уже плыл за беглецом.

С криком: «Уплатите крейцер!» — он настиг незнакомца на середине реки и мертвой хваткой вцепился в его одежду. Большая волна накрыла обонх...

Спустя три дня из Влтавы около Клецан выловили двух утопленников, сжимавших друг друга в страстных объятиях. В судорожно сведенном кулаке одного из них был зажат крейцер. Это был Штепан Брих, который успел-таки за секунду до смерти вытащить крейцер из кармана своей жертвы.

С тех пор жутко бывает по ночам на берегах Влтавы между Подбабой и Подгорьем. Едва пробьет полночь, из воды то и дело доносится:

— Уплатите крейцер!

Это и на дне реки не унимается дух Штепана Бриха.

ИСПОВЕДЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗМЕННИКА, ИЛИ ТАЙНА ПЕТРШИНСКОГО БАСТИОНА

Лет пятнадцать назад на Петршине *, за калиткой номер два, находился пороховой склад.

Позднее склад был ликвидирован. Теперь во всем бастионе не найти ни крупинки взрывчатки, поэтому спустя двадцать лет после ликвидации склада военное управление милостиво разрешило гражданским лицам ходить через калитку номер два по дороге, ведущей через территорию военных властей к Страгову *.

Разумеется, военные власти приняли ряд мер к тому, чтобы ни один непосвященный не узнал тайны Петршинского бастиона и при случае не выдал этой тайны какой-нибудь иностранной державе.

А если шпион и пройдет по дороге, связывающей Петршин со Страговом, то он может не сомневаться, что за ним наблюдают со всех сторон,— на этой дороге всегда дежурят шесть часовых.

Дело в том, что это место чрезвычайно важно по стратегическим соображениям. Если сюда проникнут вражеские войска, то в их руках окажутся фуникулер на Петршин и лифт на вышке, предназначенной для обозрения окрестностей.

Я говорю — если они осмелятся сюда проникнуть. Но этого не случится, потому что под крепостными стенами, над стенами, у ворот на будках часовых — короче говоря, всюду — висят таблички: «Rauchen strengst verboten» («Курить строго воспрещается»). Ни один солдат враждебного государства не отважится войти на

территорию бывшего склада: ведь подобные таблички красноречиво свидетельствуют о том, что здесь хранятся взрывчатые материалы. Вражеские войска отошли бы через Коширже, и фуникулер с вышкой остались бы в руках славной австрийской армии.

Почему я все это рассказываю? Потому что меня мучают угрызения совести, ибо я доверил иностранной державе тайну бастиона номер шесть.

Я, австрийский подданный, сообщил иностранной державе, что за калиткой номер два на Петршине уже двадцать лет нет порохового склада и что таблички «Курить строго воспрещается» — всего лишь военная хитрость.

Ах, если бы на этом все и кончилось!

Так нет же! Я выдал иностранной державе, что на этом стратегически важном объекте находятся два сломанных пожарных насоса и три расшатанные лестницы, что там есть склад, где лежит восемь килограммов овса и два драных соломенных матраца, и что все это охраняют две роты солдат и часовые с заряженными ружьями.

Да, все это я предательски сообщил Италии.

Угрызения совести не дают мне спать. Столь позорно изменив своему гражданству, совершив государственную измену, я считаю себя извергом человечества. Я начертил также, где офицеры играют в теннис, и нарисовал карту, из которой можно понять, что будка, у которой стоит часовой, таит в себе не крепостное орудие, а писсуар, и что труба, мрачно взирющая на вас, — не жерло пушки, а просто труба для стока нечистот.

Если б я еще сделал это невольно, но ведь я поступил сознательно!

Эти сведения выпытал у меня во время прогулки по Петршину синьор Бамбино Витторе из Милана, который учил меня итальянскому языку.

— Друг мой, — доверительно осведомился он, — а что там, за крепостными стенами?

Я посмотрел ему в глаза и, словно загипнотизированный его железной волей, рассказал все.

Рассказал о пороховом погребе без пороха, о двух сломанных пожарных насосах и трех расхлябанных лестницах, о складе с двумя драными соломенными мат-

рацами и восемью килограммами овса. О том, как день за днем, год за годом все это охраняют солдаты с заряженными ружьями. Я нарисовал ему карту бастиона. И наконец — наконец я заявил, что бастион является ключом к фуникулеру и вышке.

— Зачем вы это записываете? — спросил я его, видя, что он делает какие-то пометки в записной книжке.

— Просто так, синьор,— ответил он и дьявольски усмехнулся.

На другой день я пришел к нему на урок, но его хозяйка сообщила, что синьор Бамбино Витторе внезапно уехал. Сердце у меня екнуло. Я вспомнил, как он странно вел себя, и почувствовал первые угрызения совести.

Через неделю я получил от него письмо из Милана, которое повергло меня в смятение, ибо в письме говорилось: «Grazie molto, signore!» («Премного благодарен, сударь!»)

Через две недели, сидя в кафе, я прочел в «Трибуне» *, что работник итальянского генерального штаба Витторе Бамбино по возвращении из-за границы был назначен в военное министерство.

В последнее время ходят слухи о возможной войне между Австрией и Италией.

Что ж, дела Италии не так уж плохи! У Бамбино есть мои планы бастиона номер шесть на Небозизке *.

Италия владеет ключом к фуникулеру на Петршине, а мне остается, подобно Иуде, печально скитаться по Австрийской империи, пока меня не повесят.

ХВАЛА БОГУ

Был ясный, погожий день, когда аббат Петр вывел на прогулку своих питомцев Вратислава и Богумира, чешских дворян из Богдалице, в возрасте десяти и двенадцати лет.

Остановившись на лесной лужайке, отец Петр указал ребятишкам на горы и широкую долину, расстилавшуюся у их ног.

— Здесь, дети мои, видим мы воочию всю премудрость творения божия. Видим заводы, горы, леса. Серебряными змейками выются ручейки, в лесах распевают пташки. На склонах гор расцвел осенний вереск... Учитесь, дети мои, любить творца всего сущего. Кстати, мы можем присесть... Гм, да... Мысленным взором я созерцаю прекрасное утро на острове Куба, вижу там табачные плантации, тоже созданные рукой творца.

Тропическая природа богато одарила прекрасный остров. Пospel обильный урожай первосортного табака. Бог создал негров, чтобы они трудились над его дарами. Всевышний направляет их руки, дабы они сушили благоуханный лист и делали из него сигары. С Кубы их развозят по всему свету через моря и океаны. Везут их и к нам, и бог хранит корабли и оберегает жизнь моряков. Наконец корабль подходит к берегу, и ящики аккуратно выгружают на пристани. Вот смотрите, дети, у меня в руках как раз такая сигара — труд усердных негров. Видите, я ее зажигаю? Я делаю это с величайшей благодарностью к творцу за то, что он уберег от всяческих бед плантации Гаваны...

Да,— продолжал отец Петр, затягиваясь и выпуская клубы дыма,— вы слышите, как благоухает сигара? Видите, как дым возносится подобно жертвенному фимиаму? Знайте же, что я курю единственно в знак приязни к чернокожим земледельцам, что возносят хвалу господу за хороший урожай.

Да, дети мои, во всем видна рука творца. Куда ни глянь, всюду зришь следы его благодати. Посмотрите, как пестро разукрасилась природа, как играет всеми красками осенняя листва. А ярче всего пылают огненные плоды рябины. Вседержитель помнил о нас в своей неизреченной мудрости. Вот она, дети мои, премудрость божия! Но, дети мои, бог не одними лишь красками радует людей, призывая их воздать ему хвалу. Спаситель и покровитель душ человеческих знает наши бранные нужды. Он велит зреть овощам и сочным плодам и даже вот эти прекрасные ягоды рябины поставил на службу человеку. Люди издавна страдают недугами телесными и духовными. Слабое тело ослабляет и дух человеческий. И вот премудрый уже давно указал нам различные плоды, растения и травы. Из них приготавливаются лекарства и настойки. Люди, руководимые божественным промыслом, сделали и из рябины такой благословенный, укрепляющий дух напиток.

Отец Петр с набожным видом достал из кармана объемистую сулею * с рябиновкой. Запрокинув ее и глотая золотистую влагу, он блаженно улыбался. Потом отложил сулею и продолжал:

— Да, дети мои, безграничное милосердие божие наводит нас на глубокие размышления. Лучше всего предаваться им на лоне природы. Ибо и самая малая букашка на земле поет хвалу создателю. Поглядите на эту благодать кругом. Вот на лужайке благоухают цветы, летают всякие мотыльки и мошки. Дальше, у ручья, великое множество тварей божиих. Пташки на ветках, белки на деревьях, лисички в норах. Все это дело рук вседержителя. Он свыше указывает нам свою любовь и приходит на помощь бедным людям. Потому и населил он леса и поля многими бессловесными тварями. Живут они на пользу человека и к вящей славе божией.

Взять хотя бы зайца, которого вы хорошо знаете.

Господь своим милосердным соизволением помогает охотнику подстрелить его, после чего заяц служит отличным кушаньем. Особенно его спинка, если пожарить ее в сметане. Это такая вкусная штука, что поистине я вижу в сем доказательство совершенства божия и полного ничтожества человека перед его могуществом. Ибо без его милостивого пощужения разве мог бы я вынуть из кармана этот кусок жареного зайца? Я спрашиваю вас: мог бы грешный человек совершить такое помимо божественного промысла?

Когда я вкушаю сие,— продолжал патер, разрезая зайца и отправляя огромные куски в рот,— я чувствую во всей полноте заботу всевышнего о чадах своих. Я объемлю духовными очами всю природу, дело его рук всемогущих.

Отец Петр запил зайца глотком рябиновки и заключил:

— Недолговечна жизнь человеческая, и несчастен род людской. Но он был бы еще несчастнее, если бы господь бог отнял у него сон. Воистину можно гимны слагать о том, как мирно смыкает усталые вежды человек. Под открытым небом бог ниспосылает ему освежающий сон, и человек засыпает на лоне божественной природы с благодарственной молитвой на устах.

Отец Петр скрестил руки под головой и моментально захрапел. Ребятишки, не шелохнувшись, внимали руладам, которые их пастырь выводил носом во славу божию.

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ЦЕНЗОР СВОБОДА

На цензора Свободу опять накатило. Утром у него разболелись мозоли, и после полудня он принялся за прещать все без разбору. Наконец вечером начался дождь и лил весь день. И раз уж сама природа гневалась на чешские газеты, цензора Свободу давно не отпускала «delirium confiscationicum canonicum»*.

Вникая в тайный смысл текста, он всюду находил покушение на общественный порядок и спокойствие, на религию — на все, что призван охранять цензорский карандаш.

И, памятуя о том, что его собственная фамилия — Свобода, ожесточенно черкал, черкал, черкал, черкал.

Черкал, черкал, черкал, черкал, сплевывал и черкал, черкал, черкал, и черкал, и черкал, и черкал и снова... черкал и черкал...

Ведь за это черкание, черкание, черкание, черкание и еще раз черкание он получал шесть тысяч крон жалованья в год. Что ж, люди добывают средства к жизни всякими способами — честными и нечестными...

Это была страшная борьба с печатным текстом.

Он выбирал отдельные слова из целого номера и запрещал их. Брал подряд «но», «не», «нисколько» — и на все это налагал запрет: словно «но» наводит на всякие мысли об известных учреждениях, а «не» и «нисколько» представляют собой открытое нарушение спокойствия и порядка.

Покончив с текстом журналов, он перешел к объявлениям. Тут ему бросилось в глаза: «Покупайте трости у фирмы Тулка!»

«Эге! — подумал он. — Знаю я вас, приятели! Трости, демонстрации...».

Он это объявление изъял.

Потом изъял объявление о сербской лотерее, а также объявление «Чешская первосортная мука победит», поскольку в нем содержался вызов по адресу других наций.

Дальше стояло: «Солдатик! Приходи нынче на вечеринку в «Каплуны».

Само собой разумеется, и это объявление подверглось запрету: ведь оно касалось армии.

Дальше взгляд его привлекло большое объявление:

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ КИРПИЧ
отпускает Центральное правление
товарищества
«КИРПИЧНИК»

Прейскурант высылается по первому требованию
Адрес для телеграмм: Ц. п. т. К.

Что такое «Ц. п. т. К»?

За этим что-то кроется! Склонившись над объявлением, он целых полчаса прикидывал так и этак, наконец взял листок бумаги и написал:

«Ц — цензор,

п — подлец (или паразит, пьяница, потаскун),

т — тупица (или трус, тряпка, тюфяк),

К — каналья (или кляча, крыса)».

«Так они тоже против меня? — решил он. — Ну, покажу я им Ц. п. т. К! Дорого они мне за это заплатят!»

И, взяв карандаш, перечеркнул целиком все объявление Центрального правления товарищества «Кирпичник» — Ц. п. т. К.

Это был последний взмах его цензорского карандаша, так как тут номер журнала кончался.

Он с гордостью поглядел на дело рук своих: истреблено три тысячи слов, конфисковано за три часа двадцать восемь номеров журналов, запрещено пять теат-

ральных пьес, дюжина плакатов, шестьдесят два извещения о браке и девять заметок о школе.

Он сидел, довольный, окруженный трупами врагов, как вдруг страшная мысль пронизала его мозг: а ведь в газетах, наверно, будут писать, что все это конфисковано «Свободой»!

И слово «Свобода» запестрит в газетах и проникнет в самые отдаленные лачуги, и он не сможет наложить на него запрет. Не сможет запретить Свободу!

Какой ужас! При одной мысли об этом у него захватило дыхание, голова закружилась. И он, твердо решившись, позвал служащего Петрасека.

— Послушайте, Петрасек! Вот вам пять крон. Сходите купите мне бритву.

Через четверть часа Петрасек принес отличную бритву.

Цензор Свобода заперся в кабинете. Когда через два часа, после тщетных попыток достучаться, дверь была взломана, глазам вошедших представилось страшное зрелище.

На гряде конфискованных журналов валялась голова, которую добросовестный цензор оттяпал сам себе бритвой, а рядом лежал лист бумаги, на котором было написано:

«Запрещаю Свободу».

Ему были устроены прекрасные похороны за счет государства.

ЧАГАН-КУРЕНСКИЙ РАССКАЗ

У монгола Сакаджи из племени халхасов в Чаган-Курене было пять верблюдов, двенадцать лошадей, восемнадцать быков и пятнадцать баранов. Был у него также свой бог — Уисон-Тамба. Он стоял у него перед кибиткой на деревянной подставке. У бога была физиономия пьяницы. По обе стороны от истукана стояли два маленьких истуканчика с высунутыми в знак почтения языками. Однажды с севера пришла большая вода и унесла бога Уисон-Тамбу, двух верблюдов, трех лошадей, пятерых быков и четырех баранов.

Сакаджа остался на некоторое время без бога. И, прекрасно обходясь без него, сам съедал чашку жареного проса, которую до того ежедневно приносил в жертву Уисон-Тамбе. Прежде ее съедал старичок лама, нищенствующий служитель Уисон-Тамбы, ходивший по кибиткам и кравший просо у господ бога, пользуясь при этом всеобщим уважением.

В то время по Чаган-Курену странствовал миссионер Пике. В одежде монгольского пастуха, с желтой шишечкой на шапке, он ездил по долине реки Пага-Гола, проповедуя католическую веру и страдая от насекомых под названием «ту-лакци», то есть красных вшей, сильно докучавших ему в его миссионерских трудах.

При этом он принимал от всех, кому проповедовал новое учение, не только сапеки — мелкую монету грубой чеканки, но и унции серебра; кроме того, вел бойкую меновую торговлю, приобретая собольи шкурки по поручению

крупных торговцев в Пекине, и выполнял функции «яочанг-ти», то есть «вымогателя налогов».

На доходы от молитв он откупал долги пастухов в этом богатом травой крае и на основании императорских законов наживал проценты с процентов, а также весьма успешно занимался всевозможными интригами, умело сочетая их с истинной верой и западными молитвами.

В то время как даже самым крупным хищникам, грабившим монгольский народ, не удавалось содрать со своих жертв более трехсот процентов, достопочтенный отец Пике брал не меньше пятисот, так как кроме долговых обязательств пускал в ход и нового бога, во славу которого звенело серебро.

Пике отличался необычайным красноречием. За несколько лет перед тем в стране ортушей на него напали разбойники. Достопочтенный отец Пике обратил их в христианство и обобрал до последней сапеки, собственноручно повесив на шею каждому медный крестик. С тех пор ортушские разбойники стали нападать на караваны во имя нового бога.

Позже, когда миссионер Пике, покинув долину реки Пага-Гола, перенес свою деятельность в страну халхасов, торговые операции его пошли менее удачно. Он вернулся бы на прежнее место, если бы река, разлившись, не отрезала его от страны обетованной, принудив остаться там, где уже до его прихода царил бешеная конкуренция между служителями культа. Китайские священники и ламы из Сок-по-ми обчистили страну на год вперед, и в ней, кажется, не осталось кибитки, где можно было получить хоть сапеку. Только в скрытой холмами долине Гобильхану не появлялись посланцы бога Фо и бога Самчимичебату. Там-то как раз и жил Сакаджа— без бога.

Когда достопочтенный отец Пике явился в эту долину, гостеприимный Сакаджа пригласил его к себе в кибитку и угостил чаем с овсяными лепешками, печеными в золе.

— Храни тебя бог,— сказал миссионер, утолив голод.— Пошли он тебе мир и счастье!

— У меня нет бога,— ответил Сакаджа.— Мой бог Уисон-Тамба уплыл от меня во время дождей. Но я продам коней и куплю себе в Голубом городе нового бога.

— Сын мой,—возразил отец Пике.—Уисон-Тамба не был истинным богом, и потому его унесла вода. Так повелел всевышний, предвечный и всемогущий. Но без бога тебе быть нельзя, и ты поступишь правильно, если продашь не одного, а трех коней и приобретешь бога, втрое более могущественного, чем Уисон-Тамба, ибо предвечному угодны такие жертвы...

И долго, до поздней ночи, пока на озере не крикнула ночная птица юэн, беседовал достопочтенный отец Пике с Сакаджей о презрении к суете мирской.

Когда же они утром встали с верблюжьих войлочных подстилок и Сакаджа совершил преклонение перед Прастарым, то есть Солнцем, отец Пике начал так:

— Сын мой милый, ты вчера говорил мне, что у тебя после наводнения осталось девять коней. Какой тебе толк от этих девяти коней, если ты не имеешь смирения и усердия к единому истинному богу, пославшему тебе знамение и предостережение в виде наводнения, которое унесло ложного бога? Будь у тебя хоть тысяча коней, какой в этом толк, если нет над тобой милости господней?! Но у тебя только девять коней. Продай их, сын мой, и полученное серебро вручи мне. Ибо суетно алкать призрачного богатства. Отврати сердце свое от любви к мирскому, прилепись душой к вещам невидимым, готовься со своими конями в дорогу. Я поеду с тобой в Голубой город и сам обращу их в наличные, чтобы удержать тебя от греха суетности.

Продав в городе коней, отец Пике сунул деньги к себе в пояс, и Сакаджа по возвращении попросил его поставить на пустой столб нового бога.

— Еще не время, сын мой,—возразил достопочтенный муж.— Ибо ты еще потакаешь своим мирским желаниям и держишь трех верблюдов. Собирайся завтра в дорогу, ибо я продам их, милый сын мой. Пусть не насыщается око твое их лицезрением и не наполняется слух звуками их шагов.

И продали они верблюдов в Голубом городе; и ответил, пряча унции серебра к себе в пояс, отец Пике Сакадже на вопрос о том, поставит ли он ему сегодня бога на пустой столб:

— Воздержись от чрезмерного любопытства, ибо этим можно прогневить бога. Знай, милый сын, что еще

не пришло время: ты хвалился в харчевне «Трех совершенств», что держишь еще тринадцать быков. А ведь даже самые прекрасные быки — суета и тщеславие. Ты холишь их, пася в степи и невоздержанно стремясь к тому, чтобы они тучнели и благоденствовали. В душе твоей дремлет столько низменных влечений, что тебе необходимо покаяться. Покаяние примирит тебя с богом. Не возлагай надежд на предметы земные, сын мой. Продай быков своих, ибо, кто питает истинную любовь к богу, тот равнодушен ко всем житейским радостям.

И продал он быков, и осталось у Сакаджи только одиннадцать баранов.

— Я окрещу тебя, милый сын мой, — сказал торжественно отец Пике, — и, как только мы съедим этих баранов, пойду дальше проповедовать истинную веру.

Сакаджа был окрещен, и они стали каждый день кушать баранину, беседуя о новом учении.

— Святой отец, — сказал как-то Сакаджа, указывая на деревянный крест, сделанный отцом Пике после обряда крещения и установленный им на пустом столбе. — Ты говоришь, что это только знамение, которое ты, как посланник божий, поставил мне на столб. Я великий грешник, и мне мало этих двух сколоченных крестнакрест досок. Мне бы хотелось, чтобы ты остался у меня как посланник божий. Чтобы в доме моем было побольше этой новой веры.

— Это невозможно, сын мой: южные страны Хиахопо и У-фу-т'ен до сих пор лишены радостей правой веры.

— Святой отец, — печально промолвил Сакаджа, — если я не могу иметь бога на столбе, то хочу, чтобы возле меня хотя бы был ты — его посланник.

Ночью, когда достопочтенный отец Пике уснул, благочестивый Сакаджа задушил его и зарыл перед своей кибиткой, под столбом со знаменем новой веры, озарившей его монгольскую душу. В поясе достопочтенного отца Пике он нашел в пять раз больше унций серебра, чем тот выручил за его верблюдов, быков и коней.

На каждой из этих унций почилла благодать божья.

Благочестивый Сакаджа накопил в пять раз больше верблюдов, коней и рогатого скота, чем у него было до прихода достопочтенного отца Пике. Он спокойно сидел у столба, под которым зарыл посланника божьего, желая

иметь его всегда под рукой, отменно толстел, приняв новую веру, и давил на себе вшей, чего не делал прежде, когда верил в переселение душ.

Одного только не мог он понять. Почему миссионер, приехавший к нему через год после погребения distinguished отца Пике под столбом, так быстро поспешил на юг, когда Сакаджа, сияя от радости, вышел ему навстречу со словами:

— Услышь мою просьбу, святой отец, войди ко мне в кибитку. У меня под этим вот столбом уже есть один посланник божий.

Святой отец не проявил сочувствия к этой внушенной благочестивым рвением коллекционерской страсти набожного Сакаджи и ничем на нее не откликнулся. А Сакадже не удалось снять его с коня пулей.

И остался Сакаджа при одном только посланнике божьем.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ С КОТОМ

Однажды пан Густолес, споря со своим соседом Кржичкой, сказал:

— Ваша партия — дивная партия! Как только какому-нибудь злодею удастся вырваться из петли, вы тотчас выставляете его кандидатом в депутаты от вашей партии.

В ответ на это Кржичка заявил:

— Мы с вами, господин Густолес, еще рассчитаемся.

Густолес обладал не только большой политической прозорливостью, но и черным котом, который всегда сидел на пороге его мелочной лавочки. Жители всей округи любили этого кота и относились к нему с большим уважением за его отменное поведение и веселый нрав, который, как известно, залог здоровья. Никому и в голову не приходило, что ярый противник этого красивого существа живет рядом и что он не кто иной, как Кржичка, который после упомянутой ссоры на политической почве с Густолесом сказал своему восьмилетнему сыну:

— Пепичек, как только ты увидишь эту черную тварь дурака Густолеса, наступи ему на хвост.

Разве найдется хоть один ребенок, который откажется бы исполнить такое поручение?..

Пепичек пошел в лавку, наступил коту на хвост и вдобавок оплевал его всего. У одной старушки, которая наблюдала эту сцену, сердце разрывалось на части.

Затем Пепичек убежал, а кот в первый момент никак не мог понять, что все это значит. Но, поразмыслив,

он пришел к выводу, что мальчишка причинил ему боль, а когда брызгался жидкостью изо рта, это было неприятно. К вечеру кот утвердился во мнении, что его оскорбили, и решил, что с мальчишкой надо держать ухо востро.

В награду за свое мужественное поведение Пепичек получил от отца крейцер; кроме того, отец обещал подарить ему еще два крейцера, если он будет продолжать в том же духе. Кот Густолеса олицетворял для Кржички всю враждебную партию, ибо был собственностью его политического противника. Таким образом, Пепичек наступил на хвост не коту, а всей враждебной политической партии и плевал не на кота, а на всех сторонников этой партии, членом которой оказывался и черный кот.

Пепичек весело отправился на новую политическую битву.

И вот кот лежит перед дверью и вроде бы дремлет. Однако на самом деле он притворяется. В этом его не стоит упрекать, так как он не ходил в школу и не знает, что притворство — грех.

Итак, кот невинно притворяется, и Пепичек снова наступает ему на хвост и плюет на голову. Вдруг кот с фырканьем вскакивает и впивается Пепичку в ногу. Затем он бросается ему на голову, дико мяучит и шипит, кусает за ухо, спрыгивает, торжественно задрав хвост, убегает от ревущего мальчишка и спокойно садится на порог лавки, уютно мурлыкая.

Когда Пепичек, сборванный и окровавленный, вернулся домой, Кржичка закричал: «Наконец-то я тебя уличил, Густолес!» — и повел Пепичка в полицейский комиссариат, где полицейский врач, осмотрев его, составил протокол, а полицейский комиссар отдал распоряжение схватить кота и подвергнуть его ветеринарному осмотру.

Двое полицейских отправились исполнять приказ и арестовали кота именем закона. Но так как кот пытался убежать, фыркал и царапался, то полицейские вынуждены были послать за казенным ящиком, в который они заперли кота, допустившего перед этим открытое насилие над полицейскими и укусившего за палец одного из них. Кроме того, фырканьем кот явно оскорбил пред-

ставителей власти, хотя и не удалось установить, что именно он хотел сказать.

Таким образом кота привезли в ветеринарное отделение, и полицейские подали на него следующий рапорт:

«Когда мы за ним пришли, он фыркал, царапался и кусался. Мы вынуждены были, ввиду его отчаянного сопротивления, запереть его в ящик. Кроме того, он пытался сорвать с нас револьверы...»

Протокол был подписан и отправлен государственному прокурору.

Прокуратура усмотрела в поведении Густолеса преступление против статьи, предусматривающей наказание за недостаточный присмотр за животными.

Ему ставилось в вину, что его кот не был привязан на цепь и ходил без намордника.

Густолес обязан был привязать кота, тем более что в городе происходили выборы, во время которых животные могут легко заразиться бешенством.

Далее, между Кржичкой, отцом мальчика, подвергшегося нападению, и Густолесом, собственником черного кота, напавшего на сына Кржички, уже в течение длительного времени существовали напряженные отношения на политической почве. Прокуратура считает доказанным, что кот Густолеса совершил нападение умышленно, чтобы нанести увечья сыну политического противника своего хозяина, что ему и удалось осуществить. Так как, согласно действующему в Австрийской империи закону от 8 января 1801 года, котов надлежит относить к числу слабоумных особ, за которых отвечает своим имуществом и своей жизнью их владелец, то вся вина падает на Густолеса.

Тем временем в ветеринарном отделении было исследовано душевное и телесное состояние кота, и протоколы этого исследования поступили в распоряжение государственного прокурора. Документы гласили следующее:

«Франтишек Густолес № 2145/65.

Подвергнутый исследованию обладает широкими костями, хорошо упитан, но страдает воспалением надкостницы, так что его укусы могут быть небезопасными для жизни.

По этим причинам желательно, чтобы исследуемый был уничтожен.

Д-р М. Кашпарек».

Государственная прокуратура послала эту бумагу на предмет исполнения в полицейский комиссариат, где она была зарегистрирована и подшита к делу, касающемуся Густолеса.

Тем временем кот был возвращен хозяину. Но каково же было изумление несчастной семьи Густолеса, когда в пять часов утра четыре полицейских явились к нему домой, арестовали горемыку и увели с собой. В полицейском участке к пану Густолесу, не очень ласково доставленному туда, строгий полицейский пристав обратился с вопросом:

— Вы Франтишек Густолес?

— Так точно, ваше благородие.

У одного молоденького полицейского навернулись слезы на глаза.

— Дайте сюда дело, касающееся Франтишка Густолеса, и не хнычьте.

Подали дело.

— Выслушайте приказ градоначальника, касающийся вас, Густолес, от 15 июня 1911 года за № 275/289:

«Франтишек Густолес, согласно ветеринарному заключению за № 2145/65, подлежит немедленному уничтожению. Настоящее решение, согласно § 5 закона об эпидемиях скота от 12 февраля 1867 года, обжалованию не подлежит.

Градоначальник Ваничек».

— Как видите,— сказал несчастному полицейский пристав,— изменить ничего нельзя. Напишите ваше завещание и не хнычьте. Приговор будет приведен в исполнение, как только из Вены подтвердят его и распорядятся о способе умерщвления.

Хотел бы я знать, как выпутался Густолес из этой ситуации.

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ КАТОЛИК ДЕДУШКА ШАФЛЕР В ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Крейцер да крейцер — глядишь, и гульден наберется. И так дальше, в зависимости от того, насколько ты бережлив и умеешь пользоваться любым обстоятельством для приумножения своих доходов. Блестящие маленькие глазки дедушки Шафлера смотрели на удостоверение о праве участвовать в выборах и избирательный бюллетень именно с этой мыслью. Как человек верующий, он решил продать свой голос христианским социалистам *.

— Слава Иисусу Христу! — произнес он, входя в канцелярию христианско-социалистической партии. — Я на счет выборов...

Молодой капеллан, заведующий канцелярией, пошел ему навстречу, ввел его в комнату и усадил на стул. Кроме двух старушек, которые за три кроны молились в углу с восьми часов утра и до четырех дня (срок окончания выборов), там не было ни одной христианской души.

В другом углу, под плакатом, собака капеллана, полусидя, полулежа, бесстыдно вылизывала себя, подняв заднюю ногу торчком вверх и дотягиваясь нескромным языком до интимных местечек под ней.

Капеллан с утра жег в помещении ароматические монашки *. В этом церковном благоухании чистые скатерти на обоих столах производили впечатление напрестольных покровов. Свет проникал сюда, смягченный занавесами.

весками, так что все помещение напоминало ризницу маленького деревенского костела. В отличие от полных народа избирательных помещений других политических партий здесь царила таинственная тишина, как в заброшенном монастыре.

Пробило одиннадцать, а дедушка Шафлер был первым избирателем.

Капеллан, возведя очи к небу, сказал дедушке Шафлеру:

— Брат во Христе! Вы пока единственный противостояли натиску.

Дедушка Шафлер кивнул головой. Коли так, он будет настаивать на двадцати кронах.

— Все ненавистники Христа объединились и дружно ринулись в атаку на церковь Христову и на избранных ее. Словно вернулись времена преследования первых христиан... Давайте ваш избирательный листок, дедушка, я его заполню.

Дедушка Шафлер почесал в затылке.

— Ваше преподобие, поверьте, я искренний христианин-католик. И что делают социалисты, знаю тоже. И моя мозолистая рука не предаст господа нашего Иисуса Христа. Но времена тяжелые, ваше преподобие. Я нетрудоспособный старик, и двадцать крон мне ох как пригодятся. Я желаю подать свой голос за католика. Но окажите снисхождение, ваше преподобие, не извольте сердиться: дешевле двадцати крон не могу за это взять.

Капеллан нахмурился.

— Вы не должны этого требовать, дедушка. Это великий грех. У других партий множество платных агитаторов и агентов, они отпускают сотни тысяч на распространение пасквилей и предвыборных листовок. А мы идем в бой, вооруженные только своими убеждениями. Для нас день выборов — это день публичного исповедания веры; и не станете же вы, дедушка, исповедовать свою веру за двадцать крон! Вы должны явить доказательство, что в стране святого Вацлава * еще есть люди, сохранившие свою веру и не стыдящиеся публично признаться в этом посредством избирательного бюллетеня! Я дам вам пять крон; больше мы не можем.

— Ваше преподобие, поверьте мне: я искренний католик. Я читаю наши католические газеты. Но что делать, когда такая страшная дороговизна? Я бы с радостью принял за господа нашего Иисуса Христа мученический венец, да вот хочу тут купить у Штихи, мерзавца косоного,— может, знаете? — козу. Прошлый год он за нее пятнадцать гульденов просил, а нынче уж восемнадцать просит. Видно, недаром господь наказал его мальчишкой хромым! И всюду так, ваше преподобие. Я, ваше преподобие, с удовольствием доказательство дам, о котором вы говорите, насчет того, что в стране святого Вацлава — это как раз мой святой — еще есть люди, которые не стыдятся святую веру при помощи избирательного бюллетеня признать, но... дайте хоть шестнадцать крон, ваше преподобие!

— Послушайте, дедушка, искренний католик не должен так говорить. Сомкните ряды свои вокруг знамени креста, если вы еще не стыдитесь этого знамени, и воскликните: «Святой Ян Непомуцкий *, святой Вацлав, патроны чешской земли, святые покровители чехов, помогите тем, кто борется за наследие ваше! Пресвятая дева Мария, заступница христиан, да поможет заступничеством своим и нам, борющимся за дело Христово!» Даю вам, дедушка, шесть крон: это мое последнее слово!

— Ваше преподобие! Я знаю, социалисты требуют отделения церкви от государства и свободы брака, а платят, слышно, по пятнадцати крон за голос. Достойный! Если это ваше последнее слово, я перейду к социалистам. Для бедного католика пятнадцать крон хоть бы от кого не вредно получить. А господь бог милостив: он знает мою бедность и простит меня, что я против него голосовал,— ведь ему известно, какой я искренний христианин-католик.

— Подумайте, дедушка, что вы говорите! Господь бог никогда вам этого не простит. И неужели вы думаете, что социалисты в самом деле дадут вам пятнадцать крон? Вы проголосуете против господа бога, а денег все равно не получите. Попадете в ад — и только. Но мы этого не можем допустить. Вы наш честный сторонник. Даю вам десять крон. Вера должна вести

вас к избирательной урне. Вот вам десять крон — и дайте ваш бюллетень.

— Ваше преподобие, накиньте хоть пару крон, чтоб двенадцать мне получилось. Ведь я всюду исповедую господа Иисуса Христа, я искренний католик, но мне надо пиджак, сапоги себе купить...

— Приближается священное мгновение. Вот вам, дедушка, еще крона.

— Тогда, ваше преподобие, хоть водочки поднесите. Для куражу!

Через полчаса в канцелярии христианско-социалистической партии снова царила тишина.

Собака по-прежнему себя вылизывает, старухи по-прежнему молятся, в комнате по-прежнему запах костела.

Дедушка Шафлер отголосовал, доказав, что в стране святого Вацлава еще есть люди, сохранившие святую веру и не стыдящиеся публично исповедовать ее при помощи избирательного бюллетеня, — в том случае, если это приносит им одиннадцать крон.

НЕМЕЦКИЕ АСТРОНОМЫ

Немецкий ученый Вольфганг Гюбер занимался на своей даче в местечке Шпицдом в Альпах вычислением расстояния до неизвестной планеты, находящейся между орбитами Марса и Юпитера. Для своей работы он получал пособия от германского правительства, а также от одного торговца углем, которому не жалко было ни лишней звезды, ни лишних денег.

Вольфганг Гюбер хотел обогатить немецкую науку. Обсерваторию в Шпицдоме построил на собственные средства один состоятельный мясник, который знал из астрономии только то, что на небе существует Большая Медведица, напоминающая тот самый воз, на котором он возит на станцию своих поросят. Но суть дела заключалась в том, что немцам нужно было открыть какую-нибудь новую звезду, а потом и целое созвездие, с тем чтобы всю эту галактику могла оккупировать одна германская раса.

И вот Вольфганг Гюбер вычислял звездными ночами расстояние до неизвестной планеты, увидеть которую было бы невозможно даже через сильнейшие телескопы. Он трудился уже шесть лет, но до сих пор не имел оснований сказать: «Неизвестная звезда, которую я ищу, невидима даже через сильнейшие телескопы, находится на расстоянии стольких-то миллиардов километров от самой отдаленной планеты, открытой французскими астрономами, и на расстоянии стольких-то миллиардов километров от самой далекой звезды, открытой американцами, шведами и англичанами».

Наконец, измерив неизвестную ось вращения неизвестной планеты, Гюбер, взяв за основу некий «х», после двухлетних вычислений установил, что позади самых отдаленных звездных систем, позади самого далекого светила существует звезда, которую никто не видит, и что она находится от самой отдаленной из известных человечеству звезд на расстоянии 687 миллиардов миллиардов 999993 миллионов 846823 тысяч километров 500 метров 82 сантиметра и 1,348956732246 миллиметра.

После этого все немецкие газеты напечатали сообщение о том, что известному немецкому ученому Вольфгангу Гюберу после долголетних наблюдений, вычислений и измерений удалось открыть в самом конце вселенной неизвестную звезду, о существовании которой никто раньше и не подозревал.

Через полгода профессор Гюбер точно вычислил период обращения, наклон экватора и эклиптики, а также сжатие вышеупомянутой звезды, которую назвал «Планета кайзера Вильгельма II». Таким образом, имя Вильгельма II долетело до самого конца бесконечной вселенной, и немецкие учителя начали говорить детям на уроках физической географии: «Вселенная начинается нашей планетой, над которой властвует кайзер Вильгельм Второй, и кончается звездой, невидимой нашему глазу, которая называется «Планета Вильгельма Второго»; так что даже до этой звезды на самом конце вселенной долетает германское слово и германская песня. Поистине, милые детки, «Deutschland über alles»¹.

Профессора Гюбера стали чествовать как величайшего апостола идеи германизма.

Но, к сожалению, и у него нашелся противник. Его соперник был тоже ученый, чьей слабостью, однако, было — добиваться славы даже ценой срывания лавров со своих господ коллег.

Честолюбие этого человека зашло так далеко, что он однажды появился в Гейдельбергской обсерватории и всерьез вступил в дискуссию с директором обсерватории, утверждая, что профессор Гюбер допустил в своих вычислениях ошибку. Он, конечно, не сомневается

¹ Германия превыше всего (нем.).

в существовании «Планеты Вильгельма II», ибо немцы, безусловно, имеют полное право на господство во вселенной, но он убежден, что профессор Гюбер мог легко ошибиться в вычислениях долей миллиметра.

Каждый астроном поймет, что значит опубликовать данные с ошибкой пусть только в одну миллионную долю миллиметра. Честный человек немедленно покончит с собой, как только его ошибка будет доказана, потому что все равно он конченный человек и даже нищий на улице не станет с ним здороваться.

Следовательно, если ученый Отто Дингльс утверждал, что его коллега Гюбер сделал ошибку в вычислениях, он должен был в этом тщательно убедиться.

Он, видимо, был твердо убежден в своей правоте, ибо через полгода опубликовал трактат под названием «Немного истинны астрономической науке!»; в этом трактате он очень грубо напал на научный труд Вольфганга Гюбера.

Прочитую этот выпад дословно: «Профессор Вольфганг Гюбер в своем труде ошибся на 0,00003205109812 миллиметра, что я и докажу в ближайшем будущем. Грустно, что приходится проверять вычисления моего уважаемого коллеги, но истина мне дороже, чем чувство коллегиальности».

Эта выходка вызвала в астрономических кругах большое волнение.

Профессор Вольфганг Гюбер немедленно отправился в Гейдельберг, чтобы лично потребовать от своего коллеги Дингльса объяснений и доказательств, каким образом тот обнаружил ошибку в 0,00003205109812 миллиметра.

Подобные вопросы немцы предпочитают решать в ресторане, за кружкой пива. Вольфганг Гюбер и Отто Дингльс, крайне взволнованные, отправились вместе в ресторан «Zur Stadt Dresden», где просидели за кружкой пива два часа, не проронив ни слова.

Первым заговорил Дингльс:

— Уважаемый коллега, вы еще ничего не заказали к завтраку? Уверяю вас, здешняя кухня превосходна. Разрешите заказать для вас бифштекс?

— С удовольствием, дорогой коллега!

В глубоком молчании они доели завтрак, после чего господин Гюбер промолвил:

— Разрешите мне рассчитаться, а потом мы можем пойти в кафе, где и обсудим наше дело.

— Как угодно, коллега.

— В таком случае подсчитаем: два бифштекса по одной марке тридцать пфеннигов. Дважды одна марка тридцать — будет три марки шестьдесят. Затем мы выпили по пяти кружек пива, каждая по двадцать восемь пфеннигов; пять умножить на двадцать восемь равняется: пятью восемь — тридцать пять, и дважды пять будет десять — не так ли, дорогой коллега? Прибавим три — получится тринадцать. Итак, если не ошибаюсь: двадцать восемь умножить на пять равно одной марке тридцати пяти пфеннигам. Соблаговолите проверить.

Господин Дингльс взял карандаш и стал подсчитывать:

— Два бифштекса по одной марке тридцать пфеннигов равняется: дважды ноль будет ноль, дважды три будет пять, дважды один — два. Выходит, две марки пятьдесят, а не три марки шестьдесят, дорогой коллега. Затем пять кружек пива по двадцать восемь пфеннигов; двадцать восемь на пять будет: пятью восемь — сорок восемь, и дважды пять — десять. Итого десять марок сорок восемь пфеннигов...

Так они сидели, склонившись над бумагой, и путались в цифрах, пока наконец, измучившись, не позвали официанта, который все мигом подсчитал. Отправляясь в кафе, Вольфганг Гюбер заявил:

— Теперь я вам докажу, что это вы ошиблись в подсчетах на 0,00003205109812 миллиметра.

Официант посмеялся вслед ученым мужам, ибо он при столь незначительном заказе обсчитал их на две марки.

«Судебный процесс по делу Хама, сына Ноя»

«Печальная участь вокзальной миссии»

КОГДА СНОСИЛИ СТАРЫЕ СТЕНЫ

I

Собираясь сносить часть старой городской стены, чтобы на этом месте построить новую окружную больницу, муниципалитет привлек к работе пятнадцать арестантов. Поблизости от стены, в старом городском рву, лежали в траве трое безработных и недовольно поглядывали на преступников, освещенных ярким солнцем. Кирки взлетали в загорелых руках и с размаху яростно вонзались в старинную крепостную кладку. В этой разрушительной деятельности таилась какая-то неосознанная жажда мести. В холщовой арестантской одежде, запыленной и грязной, заключенные выполняли работу за жалкую поденную плату 12 геллеров в день, в то время как город вносил в казначейство 1 крону 20 геллеров за каждого из них. Таким образом, государство зарабатывало на этих пятнадцати арестантах ежедневно 16 крон 20 геллеров. День за днем, час за часом наказанные преступники работали на совесть, лишь бы побыть на свежем воздухе, которого здесь было вдоволь, несмотря на тучи пыли, поднимавшейся от древней каменной кладки, когда она крошилась и рассыпалась.

Рядом за стеной благоухал сад, там играли и пели дети. Когда арестанты в десять часов утра на несколько минут делали перерыв, чтобы съесть кусок хлеба и запить его водой, к месту работ доносился шум фонтанов, шепот свежей листвы, человеческие голоса и веселые детские восклицания.

Через несколько минут надзиратель закуривал новую сигару и приказывал продолжать работу разрушения. И

снова дробились камни, бешеные удары по твердой кладке громко раздавались в городском рву.

Потом часы отбивали полдень, и тогда арестанты с инструментами на плечах шли через весь город обедать в тюрьму окружного суда. Они двигались под наблюдением надзирателя по двое в ряд, точно соблюдая расстояние в три шага между парами. В половине второго они возвращались на свое место и до восьми часов вечера неустанно долбили кирками старые стены.

В восемь часов заключенные уходили в тюрьму — ужинать. Наступал отдых и развлечения, состоявшие из будничных разговоров и проклятий судьбе. Кто-нибудь рассказывал, как и почему он попал в окружной суд. Ведь большинство арестантов было послано сюда из переполненной тюрьмы земского верховного суда. Потом арестанты засыпали один за другим во всех пяти тюремных камерах.

Перед сном каждому хотелось выкурить сигаретку или хотя бы пожевать щепотку табаку. Такого блаженства они не испытывали уже по несколько месяцев.

В шесть часов утра они вставали, чтобы в половине седьмого быть у старых стен. Часов в восемь сюда ежедневно прибывал городской архитектор. Поговорив немного с надзирателем, он всякий раз утверждал, что таких прочных стен нет нигде во всей Чехии.

В девятом часу проходил на службу городской голова. Чтобы не попасть в ратушу слишком рано, он направлялся через сад. Городской голова давал надзирателю денег на две пачки самого плохого табаку для арестантов. Надзиратель же, строго соблюдая правила, запрещающие курить заключенным, покупал на эти деньги короткие сигары для себя. Это был человек совестливый, утверждавший, что эти деньги жгут ему пальцы и что он хочет от них избавиться.

После десяти часов всего приятнее было в городском рву. По дну его тонкой струйкой бежал почти пересохший ручеек, на зеленый склон отбрасывали свою тень деревья с высокого земляного вала.

Там росла густая трава. В нее ложился в десять часов тюремный надзиратель, закуривал сигару и тупо смотрел на белоснежные облачка, плывущие по ветру в синеве неба.

Резкие удары кирок по стене, грохот камней, сотрясение почвы, когда рушились и катились большие глыбы,— вся эта оживленная работа убаюкивала надзирателя, этого совестливого человека, и его необоримо тянуло ко сну.

Он бросал еще один взгляд на арестантов и пересчитывал их с угасающим сознанием выполненного долга. Заключенных было пятнадцать. Он удовлетворялся тем, что слышит грохот камней, шорох падающего щебня, удары по стенам и на часок засыпал с сигарой во рту.

Потом он встревоженно вскакивал, торопливо перебежал несколько метров через ров и снова стоял позади арестантов, с официальной миной пересчитывая фигуры в грязной холщовой одежде.

Так шел день за днем. Горожане уже перестали ходить сюда, как в первое время, когда пятнадцать человек арестантов, ломающих древние стены, последний памятник старины некогда прославленного города, казались первоклассным новым зрелищем, на которое стоит поглядеть, чтобы впоследствии можно было обо всем этом рассказать.

Здесь было чересчур много пыли, которая разносилась по окрестностям. И в конце концов рождалось какое-то тоскливое, тяжелое чувство, приводившее в растерянность горожан, когда они слышали произнесенную украдкой робкую просьбу:

— Ваша милость, не дадите ли вы мне сигарету?

Зрители смущенно отходили, провожаемые доверчивыми взглядами узников, и больше не появлялись в этих местах.

И все же у арестантов была своя постоянная публика — трое безработных из города по фамилии Корчак, Грудокол и Страба, которых муниципалитет не принял на работу, поскольку нашлись дешевые рабочие руки арестантов.

Уборка урожая еще не начиналась, и эти трое не могли наняться к горожанам, у которых были земельные участки в предместьях. Работы нигде не было, и безработные ожидали, что муниципалитет наймет их сносить стены. Но когда стены начали ломать, Корчаку и его товарищам отказали на том основании, что рабо-

чей силы и без них достаточно. Разозленные, они отправились взглянуть на рабочих.

И с тех пор они с ненавистью глядели на арестантов, из-за которых не получили работы.

Лежа в траве, они громко кричали им и нарочно разговаривали о воровстве, преступниках и дармоедах. В бессильной злобе оборванцы насмехались над заключенными, осыпали их ругательствами.

II

Среди арестантов, ломавших старинные стены, был молодой человек по фамилии Громок. Он работал здесь уже две недели. Его отправили сюда прямо из тюрьмы окружного уголовного суда за то, что он не стерпел каких-то издевательств старшего надзирателя отделения.

Этот парень из удальства разбил камнем среди бела дня два фарфоровых изолятора на телеграфном столбе. Громека увидел жандарм, оказавшийся в это время поблизости, и молодой человек, как и следовало ожидать, был арестован. При аресте он оторвал пуговицу на мундире жандарма. Такое публичное сопротивление представителям власти строго наказывается. Но до тех пор поведение Громека было безупречно, и потому он получил лишь четыре месяца тюремного заключения. Он, однако, не стерпел издевательств надзирателя и попал за это в список тех, кого, заковав в кандалы, под конвоем жандарма отправляют по этапу в окружную тюрьму.

Громок замечал злорадные взгляды, слышал оскорбления по поводу своих оков. Он работал здесь в холщовой арестантской одежде под палящими лучами солнца, работал, как машина, целых две недели, сперва совершенно равнодушный ко всему окружающему, но вдруг ему пришло в голову сбежать.

Он убежит куда угодно. Он не думал о доме. Ему только страстно хотелось хоть на мгновение, на короткий срок избавиться от этой постылой, однообразной жизни. Он побежит далеко, через поле, через леса, до березовой рощицы, что видна отсюда со стен, а потом еще дальше, туда, где горизонт замыкает тем-

ная кромка холмов, и затем все дальше и дальше, без всякой цели.

Он убежит далеко. Надзиратель уснет перед обедом в траве, а он, Громок, пристроится к тем, кто работает с краю, отойдет в сторону и побежит. Завтра же он так и сделает.

На рассвете в камере как раз зашел разговор о бессмысленности побега. На тебе ведь арестантская одежда, и ты никуда в ней не скроешься, тебя сразу же узнают, а если ты вытерпишь и отсидишь в тюрьме свой срок, то рано или поздно выйдешь на волю, и тогда эти несколько недель отсидки покажутся пустяком. Тебя снова доставят в окружной уголовный суд, снимут оковы с твоих рук и вернут обычную одежду.

Громок ничего не сказал на это. «Какие они глупые! — думал он. — Не хотят воспользоваться такой возможностью бежать! Ну и пусть довольствуются здешней тюремной баландой!»

Арестанты шли к стенам. Громок весело насвистывал марш.

— Эй, кто там свистит? — рявкнул надзиратель. — Замолчать! Идти, как положено, — на три шага друг от друга!

Было отличное утро, когда птицы поют наперебой и под солнечными лучами начинают благоухать цветы.

Грубый окрик надзирателя загремел над садом, через который шли арестанты. И Громоку еще ярче представилась вся заманчивость побега.

Арестанты сошли к подножию стен, подталкивая друг друга и подсмеиваясь над надзирателем, который с трудом спускался за ними, потому что сапог жал ему ногу.

После этого они стали на свои места, поплевали на ладони и дружно, как один, вонзили кирки в затвердевшую кладку. Так начинался один из нудных, бесконечных дней, который не станет лучше ни от яркого солнца на синем небе, ни от аромата цветов, ни от пения птиц.

Громок разбивал стену с самого края, поглядывая на городской ров, обрамленный зеленью. Не так давно их вели там, когда в садах был какой-то праздник. Он выйдет низом на дорогу, которая ведет к тем холмам,

где видна березовая рощица — нежные пятна зелени на белых столбиках.

Он побежит туда, а потом все дальше и дальше. Он еще подумал, будут ли его ловить остальные арестанты. Не прерывая работы, он завел разговор с одним из заключенных, рассказал, как слышал от опытного человека в окружном уголовном суде, что если арестанты видят бегство своего товарища и не ловят его, то их сажают в одиночку.

Собеседник лишь махнул рукой.

— С ума он спятил, — сказал арестант Громеку, — никакой арестант другого ловить не станет. Если какой дурак и устроит побег, так его все равно поймают. А потом увидишь, как здорово ему влетит. Надзиратели накинут на него одеяло и избыют пойманного ключами, надают пинков, зуботычин, он попадет в темный карцер без постели, его заставят как следует попоститься, ноги закуют в кандалы. Но арестант арестанта ловить ни за что не станет. Попробуешь беглого ловить, а тут, пожалуй, подумают еще, что ты заодно с ним, тоже хочешь бежать, а если, скажем, наскочишь случайно на жандарма, так тот крикнет: «Стой!» — да и выстрелит в того, кто ловит. Так-то! Кто хочет сбежать, пусть бежит, но его потом избыют до бесчувствия, вот и все! Надзирателю отвечать придется, и он будет мстить. А уж если такого беглого посадят во второй раз, ему не больно-то станут верить, и будь он хоть ангел небесный, на него ополчится весь суд.

Громок ничего не ответил, удовлетворенный тем, что другие арестанты ловить его не станут. В той стороне, куда он побежит, ходит мало народу, а потом все будет по-другому.

Уже прошел городской голова в ратушу. Через час, когда в замке громко пробьет десять, после перерыва, по ту сторону рва спокойно уснет надзиратель, развалившись в траве, и дымок угасающей сигары будет куриться над спящим. И тогда он, Громок, сбежит.

Время тянулось бесконечно медленно. Наконец надзиратель отправился на противоположную сторону рва и разлегся в траве, озабоченно пересчитав арестантов.

Вскоре после десяти Громок отшвырнул кирку и побежал по дну рва в сторону дороги.

Арестанты вскрикнули.

Надзиратель спокойно спал, поскольку не пришло еще время ему проснуться.

Громек был уже на дороге. Он тревожно оглянулся. Пока никто его не преследовал. Он свернул в сторону и помчался без шапки, упавшей с головы, в гору, к березовой роще.

И тут на поворот дороги выскочили из кустов три фигуры. Это были обозленные безработные Корчак, Грудокол и Страба, голодные, оборванные.

Как всегда, они лежали в траве напротив стены и смотрели на ненавистных арестантов. Они видели все и теперь в ярости продирались через кусты, чтобы выйти беглецу наперерез.

— Стой, негодяй! — крикнул Страба.

Громек опрометью мчался вперед. Кровь прилиwała к голове. Не замечая препятствий, он бежал уже не по дороге, а напрямик через поле, как испуганный заяц.

Грудокол схватил камень и бросил в Громека, но промахнулся. На бегу безработные набрали на дороге камней и перескочили через канаву в поле. Тяжелые ботинки Громека вязли в мягкой пашне, а босая тройка нагоняла его.

Потом в Громека бросил камень Корчак. Камень разбил затылок Громеку. Шатаясь, он сделал несколько шагов и упал ничком в ячмень.

Грудокол и Страба кинулись на беглеца со звериной яростью, внезапно вспыхнувшей в них, и стали бить его острыми камнями. Так побивают камнями кошку.

Уже бежал народ, надзиратель ревел во всю глотку: «Держите его!», — размахивая обнаженной шашкой.

И пока толпа добежала, троица, сама того не ведая, убила Громека.

СПОСОБ ГОСПОДИНА ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

Друг против друга сидели двое, всем своим видом обнаруживая разделяющую их бездну. За столом — надворный советник и полицмейстер того города, где совершались описываемые события, а в кресле у стола — плохо одетый мужчина с зачесанными за уши волосами и солодкой от сигары за правым ухом. На коленях у него лежала потертая кепка. Он медленно, веско говорил:

— Поставим точки над «и». Мне известно, господин полицмейстер, что, узнав о моем желании видеть вас и предложить вам свои услуги, вы с большой неохотой согласились принять меня. Вы считали, что у вас и без того довольно сыщиков, изучивших Панкрац, и было бы бесполезно толковать об их успехах... Короче говоря, это совершенно никчемный народ. Мысль, конечно, правильная, но именно поэтому вы сделали бы ошибку, не приняв меня. Знаете, какой репутацией пользуется здешняя полиция? Об этом всюду идут толки: ее поведение объясняют то простой нерасторопностью, то наличием у нее тайного сочувствия к преступникам.

— Не может быть! — воскликнул полицмейстер.

— Факт, — возразил Ян Поберта. — Но не в этом дело. Речь идет о другом. Мне понятно ваше отчаяние. Происходит убийство днем — полиция ничего не обнаруживает, происходит оно ночью — опять ничего. Убивают

мужчину — убийц след простыл, убита женщина — виновных нет. Ну, куда это годится?

— Вы забываете о последнем случае, — робко возразил полицмейстер. — Мы нашли убийц, установили их личность, их наружность, место, куда они уехали, имеем их снимки — словом, нам известно все. Только их бегству тотчас после совершения злодеяния мы помешать не могли.

— Да, господин полицмейстер, это правда, — сказал Поберта. — Но вы забываете, что одного из убийц черт занес в Прагу, и получилось опять плохо, так как негодяй доказал свое алиби. И вот, видя все это, я подумал, что благородство украшает человека. Заплатим добром за зло, сказал я себе: спасем полицию.

— Вы хотите спасти полицию? — воскликнул полицмейстер.

— Ну да, — скромно и солидно ответил Ян Поберта. — Нас собралось несколько известных старых практиков, и мы решили выручить здешнюю полицию, предоставив ей кое-какие факты, способные заткнуть рот недоброжелателям и насмешникам.

— Вы? — повторил свой вопрос изумленный полицмейстер.

— Да, да. Я и мои товарищи готовы помочь полиции выйти из неловкого положения. Конечно, не даром, но цена умеренная, а способ замечательный.

— В чем же он заключается? — осведомился полицмейстер.

— Пожалуйста. О каждом сенсационном преступлении вы немедленно дадите знать мне. В свою очередь, я тотчас сообщаю вам, куда направить выделенного для данного случая члена нашей организации. Вы выдаете ему паспорт, проездные и некоторую сумму на первое время, пока он не устроится на чужбине. Все это я передаю ему, а вам вручаю предметы, которые послужат уликами. Кроме того, поставляю свидетелей, подтверждающих его присутствие в соответствующий момент на месте преступления и так далее. После этого вы сообщаете печати и населению, что напали на след. И как только этот человек окажется за границей, объявляете, что преступник — не кто другой, как он. Даете

приказ об аресте и так далее. Так как у него будет паспорт на другое имя, задержать его не удастся, но вам будет принадлежать честь обнаружения убийцы. Так уже делалось. Но самое главное то, что этот человек больше никогда не вернется и полиция не опозорится публично, как получилось в прошлый раз.

— Что же,— промолвил полицмейстер.— Это неплохо. Я подумаю.

— Когда мне прийти за ответом?

— Жду вас завтра в три.

Когда на другой день Ян Побрета опять пришел к полицмейстеру, они быстро договорились обо всем. И полицмейстер вздохнул свободно. Конец позору и скандалам! А газеты пускай лопнут с досады...

Через две недели произошло убийство из-за угла. Полиция и на этот раз не сумела задержать убийцу, но установила, кто совершил преступление. Она опубликовала описание примет, фотоснимки, назначила вознаграждение тем, кто обнаружит местопребывание преступников. Правда, все это она сделала, когда последние были уже далеко за границей. Население все же успокоилось, так как уже некого было бояться. Однако не прошло и месяца, как было совершено убийство с целью ограбления. Бандиты были опять опознаны, изобличены, фотографии опубликованы, было объявлено вознаграждение тем, кто их обнаружит,— словом, все как в первый раз.

Но видно, тут сам черт решил подставить полицмейстеру ножку. Через некоторое время приходит к нему какой-то неизвестный и — ни много ни мало — заявляет, что явился с повинной. При расследовании убийства с ограблением полиция пошла, мол, по ложному следу.

— Послушайте, мой милый,— с раздражением ответил полицмейстер.— Не говорите глупостей. Полиции в точности известно, кем совершено это убийство. Все улики налицо и поразительно совпадают.

— Сколько бы их ни было и как бы они ни совпадали, полиция идет по неправильному пути.

— Это почему? — вскипел полицмейстер.

— Да потому, что убийца — я и пришел к вам с повинной.

Услышав это, полицмейстер чуть не отдал богу душу. Но тотчас овладел собой, вызвал чиновника и велел ему снять показания с преступника. А сам скорей послал за полицейским врачом.

— У меня тут душевнобольной, доктор!

— Душевнобольной?

— Ну да, человек, страдающий навязчивой идеей, будто не кто другой, как он, совершил последнее убийство с целью ограбления.

— А этого не может быть?

— Абсолютно исключено. Личность преступника установлена. Это не он.

— Значит, перед нами тяжелый случай психоза.

Только теперь, объявив сознавшегося убийцу сумасшедшим, полицмейстер вздохнул свободно. Опасность миновала!

Вскоре после этого было совершено преступление, о котором заговорил весь город: в одном банке произошла дерзкая кража; воры похитили не менее двухсот тысяч крон золотом и, кроме того, еще некоторую сумму мелкими банкнотами, общую стоимость которых в точности установить не удалось.

На этот раз полицмейстер оплатил организации Яна Поберты даже билет на экспресс, чтобы только поскорей получить возможность опубликовать сообщение, что преступники ему известны.

Повторилась старая история... Но главный сюрприз ждал полицмейстера впереди.

Через две недели он получил от Яна Поберты из Северной Африки письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый господин полицмейстер!

Как это ни грустно, нам надо расстаться. Надеюсь все же, что оставляю по себе добрую память, так как был полезен. Но в дальнейшем вам пришлось бы все время прибегать к помощи лжи, а это очень неприятно. Знаю, что первую возникшую опасность вы сумели отклонить, упрятав явившегося к вам с повинной действительного виновника в сумасшедший дом. Но при этом

от пережитых волнений вы чуть не захворали. Я понял, что должен что-то для вас сделать. Сами того не зная, вы не погрешили против истины, опубликовав сообщение, что виновник нашумевшей кражи в банке я, Ян Поберта. Банкноты и золото я захватил с собой, но не хочу с вами расстаться, не поблагодарив за любезность, с которой вы способствовали моему бегству и оплатили проезд. Жаль, что наша коммерческая связь на этом обрывается, но полагаю — вам будет нетрудно установить новую, если вы будете к моим коллегам столь же предупредительны, как ко мне.

С приветом
Ян Поберта».

ПОМОЛВКА В НАШЕЙ СЕМЬЕ

(Из записок хорошего мальчика)

Наша старшая дочь Лидка всегда доставляла нам много хлопот. Уже не раз, отправляясь на прогулку с мужчинами, она проводила с ними целую ночь, хотя эти господа просили у мамы разрешения лишь немного пройтись с ней. Как-то раз явился к нам пан Сыроватка, один чиновник, хороший, приличный человек, направился к мамаше с папашей и попросил отпустить с ним Лидку на прогулку. При этом он усердно сморкался и говорил, что он честнейший человек, а характер у него — чистое золото. Мамаша сказала: ладно, пусть Лидка идет, но в восемь вечера она должна быть дома, потому что она два раза не станет греть Лидке ужин, да и вообще приходить поздно девушке неприлично, начнутся всякие разговоры. В ответ пан Сыроватка опять стал сморкаться и кричать, что он честный человек, а не какой-нибудь подлец. Тут уж вмешался папаша: «Подлец не подлец, а доставьте ее обратно в целости и сохранности. Я и без того сыт всем по горло». Но что он мог поделать! Если что-нибудь говорила мамаша, нам с папашей приходилось держать язык за зубами, даже если мы правы, а мамаша порола всякую ерунду.

Так вот пан Сыроватка увел Лидку на прогулку. Мамаша перекрестила Лидку, а пан Сыроватка дал мне десять геллеров как вознаграждение за то, что все уладилось. И вот уже половина девятого, а Лидки нет и нет, потом пробило десять, дом закрыли и наконец один-

надцать. Мамаша рыдала, а папаша съел Лидкин ужин и теперь расхаживал по комнате и кричал, что он его, этого пана Сыроватку, привлечет к ответственности и утром отправится к нему на службу. Мамаша причитала, что наверняка с ними что-то случилось, может, Лидка сломала ногу или спину, может, утонула, а может, потеряла самое дорогое, что унаследовала от матери.

Я спросил, что это такое, и получил от папаши подзатыльник, а мамаша попросила меня помолиться за Лидку. Я сказал, что ангел-хранитель не оставит Лидку, что я видел такую картинку, где ангелочек переводит через пропасть слепую девушку с корзинкой цветов.

Но папаша проворчал, что теперь главный ангел-хранитель для Лидки — пан Сыроватка и он не хотел бы, будь он девушкой, чтобы пан Сыроватка провожал его ночью с прогулки.

Когда пробило двенадцать, мамаша больше не говорила «моя дорогая Лидушка», а только называла ее «эта шлюха и негодяйка», а папаша кричал: «Все они сластолюбцы, девушке сегодня страшно идти с кем-нибудь на прогулку».

Мы не спали до трех ночи. В два часа заскрипел шкаф, мамочка перекрестилась и сказала: «С нами крестная сила, неспроста это». Одна только младшая сестра, Маржена, радовалась, потому что однажды была бита, когда пришла домой в девять часов вечера вместо семи. В три часа папочка наконец разделался с бутылкой рома и стал говорить: «Что случилось, то случилось, теперь уже дела не поправишь, утром я переломаю ему ноги, всех вас поколочу, а сам повешусь». И тут же захрапел за столом, а мамаша погасила лампу, чтобы в папаше этот ром не вспыхнул. Мы отправились спать и спали до восьми утра. В половине девятого вдруг открываются двери, вваливается пан Сыроватка и сразу кричит: «Не пугайтесь, барышня Лидушка боится идти домой».

Папаша сел на постель, плюнул и говорит: «Вы пришли к нам и увели ее на прогулку. Теперь оставьте ее и убирайтесь с богом». Мамаша, как была в нижней юбке, притопнула на папашу, сказала, чтобы он лучше молчал и не совался, и напустилась на пана Сыроватку, который все сморкался и говорил, что он честный

человек, просто их застигла буря, град, ливень, как из ведра, смыло мост, и им пришлось остаться в гостинице на ночь, так как поезд не шел; что там есть небольшая гостиница, правда, довольно дорогая.

Мамаша ударилась в слезы: «Господи боже, гостиница, ах, вы распутник и безнравственный человек, верните мне ее такой же чистой, как она была». Пан Сыроватка дрожал и, заикаясь, говорил, что действительно Лидушка из-за этой дороги вся в грязи и что в гостинице не было ни лакея, ни щетки.

Папаша кричал с постели: «Ну и хорошенькая гостиница!» Мамаша рыдала и все твердила о белой лилии, а пан Сыроватка все время вопил: «Милостивая пани, успокойтесь, я честный человек и спал в другом месте».

Мамаша схватила пана Сыроватку, тряханула хорошенько и закричала: «Мне все это уже знакомо, у меня есть кое-какой опыт!» А пан Сыроватка только сморкался, теребил платок в руке и говорил, что это были лишь дружеские отношения, как, скажем, дружба между ним и папашей Лидки. Папаша в ответ кричал с постели, что благодарит за такую дружбу. Мамаша вновь прикрикнула на папашу, чтоб он заткнулся, схватила пана Сыроватку, заставляя поклясться перед этим невинным ребенком, то есть передо мной, что он женится на Лидушке, и притащила меня за ухо к пану Сыроватке, который весь красный кричал, что жениться на Лидушке не может, он уже женат и разведен. Услышав об этом, папаша закричал, чтобы ему дали пистолет, хотя его, может, и увезут за это в тюрьму на Панкрац. Мамаша схватилась за нижнюю юбку, она так делает всегда, когда хочет грохнуться в обморок, пан Сыроватка грыз ус, и в это время вбежала Лидушка, вся в грязи и зареванная, упала на колени у папашинной постели и закричала, что она это сделала в первый и в последний раз, что пан Сыроватка — честный человек и спал в соседней комнате. Пан Сыроватка тут же завопил: «Вы совершенно правы, барышня, а я-то об этом забыл. Господи боже, милостивая сударыня, ну и клопов там было! Целую ручку».

И, не успев договорить, схватил шляпу и был уже в коридоре. Лидушка бросилась было за ним, но мамаша ее схватила, оттаскала за волосы и крикнула, что она

шлюха и позор для всей семьи; теперь нужно искать жениха, а это дело трудное, ведь все станет известно.

Так Лидушка принялась искать жениха и нашла одного, про которого папаша говорил, что он «простофиля». Но это был не простофиля, а продувной парень, и звали его Вавроушек. Он носил пенсне на черном шнурке и всегда у нас так наедался, что, казалось, готов был лопнуть.

Однажды приходит он к нам и просит разрешить ему отправиться в воскресенье с Лидушкой на прогулку. Папаша ничего не ответил, только насвистывал, а мамаша сказала, что Лидка не любит ходить на прогулки. Но Лидушка сказала, что еще не была в Ржичанах и хотела бы как-нибудь туда заглянуть.

Потом мамаша обратилась к ним с большой речью, так что пан Вавроушек даже вытащил платок из кармана и начал так же сморкаться, как и пан Сыроватка, и утверждать, что он честный человек и характер у него — чистое золото. Я слышал, как папаша ворчит: «Один такой уже нам говорил, что у него серебряный характер, а другой — что характер золото, ну что ж, помогай бог!» И мы все-таки отпустили ее на прогулку, потому что отец сказал, что пан Вавроушек простофиля, и наказали быть им в половине девятого дома, чтобы не пришлось разогревать ужин.

И вот десять, половина одиннадцатого, мамаша уже не находит себе места и говорит: «Хотя бы не было, как в прошлый раз». В двенадцать часов папаша держал в руках расписание поездов и вслух рассуждал: «Так, последний поезд идет из Высочан в одиннадцатый час, подожду еще полчаса, а потом выброшусь в окошко». И отправился в кухню, прикончил там бутылку рому, а когда пробил час ночи, начал петь: «Вот тебе, девушка, дукат за ночку с тобой...»

Мамаша даже на него не прикрикнула, а только рыдала и говорила, что Лидка плохо кончит. Папаша улегся в постель и начал похрапывать, мы тоже легли спать, и мамаша перед сном сказала: «Утром я им все выскажу!»

Утром в девять они наконец благополучно заявили. Наш простофиля привел Лидушку за руку и сказал: «Уважаемая сударыня, у меня характер — чистое золото,

и я честный человек. Против моей воли начался проливной дождь, пошел град, разразилась страшная буря, сверкали молнии, гром бил направо и налево, и мы остались в гостинице, но все было по-честному, я спал на левой стороне кровати, а Лидушка на правой».

Папаша больше не мог молчать, поднялся с постели и говорит: «Так это опять в той отвратительной гостинице, где Лидка была в последний раз с паном Сыроваткой?»

Мамаша набросилась на папашу и принялась его честить. Лидка грохнулась у двери в обморок, а пан Ваврошек завопил: «Ну и в хорошенькую компанию я попал!» — и кинулся к двери. Лидка редела целых четырнадцать дней, никто с ней не промолвил ни слова, только папаша приговаривал: «Я тебе найду жениха», — и носился бог знает где, пока однажды не явился домой хорошенько набравшись и не сказал: «Наконец я нашел тебе жениха, ему нужна хорошая хозяйка, он хочет начать свое дело и приобрести трактир. — Глаза у папаша при этом так и сверкали. — Очень милый человек и, как я узнал, недавно переехал в Прагу, завтра в воскресенье я его приведу, и без долгих слов отпразднуем помолвку. Запечешь каплуна, а я немного выпью для куража».

И вот папаша привел его, мы садимся к столу и ждем Лидку, которая в соседней комнате делает новую прическу.

Наконец Лидка является, жених смотрит на нее, она на него, Лидка бледнеет, он бледнеет тоже, хватается шляпу и скрывается за дверь. Он был старшим официантом в той гостинице, где Лидка всегда скрывалась с паном Сыроваткой или с паном Ваврошеком, когда их застигал на прогулке тот страшный град.

ИНТЕРВЬЮ СВЯЗАННОГО ОФИЦЕРА

Очевидно, читателям известно, как совсем недавно в поезде, совершив нападение на храброго офицера, двое парней связали его и обобрали до нитки. Однако у офицера хватило присутствия духа, чтобы по приезде в Прагу оставаться в поезде до тех пор, пока он не убедился в своей полной безопасности, не увидел, что эти субъекты уже удрали и ему ничто не угрожает. Вполне естественно, что меня как журналиста крайне заинтересовал этот храбрец, ибо нынче многие спорят о храбрости, причем люди, как правило, трусливые. Кроме того, как не воспользоваться случаем и не побеседовать с известными людьми, которые тем или иным путем прославили себя в обществе!

По этой причине я и отправился взять интервью у связанного офицера.

(Изъято 9 строк.)

— Что бы осталось от меня, поступи я легкомысленно? Труп, да что там, просто хладный труп.

— Итак, вы изволили ехать в поезде из Лысой-на-Лабе?

— Так точно, я хорошо помню, что я ехал по этой дороге.

— Вы были вооружены?

— Как обычно. Правда, у меня в кармане еще был револьвер, но, к сожалению, я не могу вам его показать: его тоже у меня украли, тоже похитили. Они хотели прихватить и саблю, вот она, можете записать, самая

обыкновенная офицерская сабля. Будьте уверены, они и саблю забрали бы, но я с такой строгостью на них посмотрел, что даже сегодня вижу их изумление, вижу, как перепугал их мой взгляд. Они сразу почувствовали, что мой взгляд не предвещает им ничего доброго.

— А почему вы не закричали?

— Почему не закричал? Просто я хранил полнейшее хладнокровие, и к тому же во рту у меня торчал кляп. Ого, если бы вы знали, скольких трудов стоило этим ребятам засунуть мне его в рот! Вы бы умерли со смеху. Они, видно, думали, что я собираюсь проглотить его. И тогда они разжали мне моим же ножом зубы и сунули кляп прямо мне в глотку, причем скорчили такую физиономию, будто делают это впервые.

— Вы можете мне рассказать, как все было по порядку, как все случилось?

— С величайшей охотой, и вы сами убедитесь, что значит для человека хладнокровие и знание стратегии. Сажу я в купе первого класса, как вдруг появляются в дверях двое юнцов, так сказать, почти дети, и один из юнцов меня спрашивает: «Это Высочаны?» Я сказал: «Да, малыш, сейчас будут Высочаны!» Вдруг ко мне бросается младший, хватя себя за карман и кричит: «Руки вверх, иначе быть вам сыном смерти!» А другой сидит, трясется от страха.

А вы думаете, и тот, младший, не перепугался насмерть? Он тоже дрожал, ах, ну и потеха была наблюдать за этими ребятами... Такие трусишки!

— И что же изволили делать вы?

— Я поднял руки вверх, но видели бы вы, какой страх охватил эту парочку! Поверьте, это была не шутка. Как эти мальчишки дрожали! Я не на шутку перепугался, что они вообще хлопнутся в обморок.

— Так, значит, вы соизволили поднять руки?

— Ну да, мне не хотелось лишать их этой маленькой радости, а когда я наконец пришел в себя, эти ребяташки еще дрожали от страха, причем у одного револьвер был уже в руках, а руки у него буквально тряслись, и он так боялся подстрелить меня или себя, что вы сами невольно пожалели бы этого малого. Правда, сол-

дат не имеет права испытывать чувства жалости к неприятелю, самое большое — это проявить великодушие. И я его проявил. Я проявил и великодушие и благородство; что, по-вашему, я поступил неправильно? Этот парнишка даже не умел обращаться с моим револьвером, он надоедливо размахивал им перед самым моим носом, разумеется, от страха, как бы себя не подстрелить. И он производил такое грустное и жалкое впечатление, эта букашка, что я просто потерял сознание. А когда я на минуту пришел в себя, видели бы вы, как они, эти мальчишки, связывали мне ноги! Они явно привыкли связывать телят, а не людей и думали, что, если свяжут мне ноги, так тем самым полностью меня обезвредят.

— А где же у вас все это время были руки?

— Я же говорю вам: я поднял их, где же им еще быть? Ведь я сделал это ради ребятишек. Кстати, несмотря на то, что я человек суровый и непреклонный, солдат до мозга костей, я просто обожаю ребятишек и страшно люблю с ними возиться.

— Почему же вы не позвали на помощь?

— Да говорю же вам, что у меня во рту торчал кляп. Вы бы умерли со смеху, если бы видели, как комично они возились с этим кляпом.

— Разрешите спросить, что же было потом?

— Спрашивайте, что угодно, я все расскажу вам с достоверностью, именно так, как все приключилось. Так вот, когда они мне связали ноги, то связали и руки, и вы бы видели, с каким трудом! Сами понимаете, откуда у такого ребенка возьмется сила?

— А потом они отняли у вас деньги?

— Ничуть не бывало, деньги они отняли у меня гораздо раньше. И, по-моему, они вообще в глаза не видели такой суммы, как двадцать крон. Они тут же разделили их между собой.

— Я еще что-то слышал о часах...

— Верно, они у меня взяли часы, но только потом их вернули, когда я попросил их не лишать меня часов, ибо это память о моем отце, который отличился в военном походе против итальянцев в 1866 году. Видно, у них было не злое сердце, они расплакались вместе

со мной. Это уже когда во рту у меня не было кляпа.

— А что же потом?

— Потом они привязали меня за ноги к вешалке, и тот, что помоложе, сказал: «Ну будьте здоровы, пан офицер, и не сердитесь на нас, нам хочется заглянуть в какой-нибудь кинематограф!»

— И сигареты у вас тоже взяли?

— Ну что вы, как вам это могло прийти в голову! Что эти мальчики станут с ними делать? Вот вам и вся история.

— Извините, а какой же кляп воткнули они вам в глотку?

(Изъято 5 строк.)

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ВОКЗАЛЬНОЙ МИССИИ

Княжна Юлия была очень добродетельна, что немало значит при нынешней испорченности нравов. В восемнадцать лет, неиспорченная сердцем, она умела так говорить о проституции и борьбе с нею, словно княжне самой пришлось испытать все страдания падших женщин в домах с дурной репутацией. Ее мать, княгиня Больдери, собрала вокруг себя цвет самых нравственных дам — дворянок и мещанок; и очень часто в присутствии невинной Юлии они обсуждали вопрос о том, как уберечь девушек от домов позора. В первую очередь речь шла о неопытных девушках, которые даже не подозревали, какие козни готовятся им в большом городе, и которые понятия не имели, что грозит им со стороны общества, собравшегося вокруг княгини Больдери.

Дело в том, что жена коммерции советника Вальштейна предложила, чтобы деревенских девушек еще на вокзале предупреждали об опасностях, которые подстерегают их в городе. Этим она сослужила плохую службу старой баронессе Рихтер. В час прибытия поезда из Табора баронесса отправилась на вокзал и, повстречав какую-то статную девушку, только что вышедшую из вагона, обратилась к ней со словами: «Куда ты идешь, есть ли у тебя работа, деньги, есть ли родственники в Праге?» Девушка посмотрела на нее, как на сумасшедшую, а потом решительным тоном заявила: «От-

стань от меня, старая ведьма, а то я тебя так двину!..» Продолжения добрейшая баронесса не слышала, потому что упала в обморок. С тех пор она заикается.

Когда баронесса, заикаясь, доложила у княгини Бальдери о результатах своей миссии, госпожа Запп, та самая госпожа Запп, которая прославилась своей книгой для юных девиц о вреде и греховности танцев, предложила организовать на вокзалах охранную миссию. Дамы, которые пожелают в нее вступить, должны носить знаки отличия. Что же лучше можно было выбрать для этого, как не образ самой добродетельной девы, которую когда-либо рождал мир,—образ девы Марии с младенцем, зачатый столь чудесно? Пригласили отца Захария из кармелитского монастыря*. Он одобрил эту идею и нарисовал ленту, а на ней крест, в центре которого должно было находиться изображение матери божьей, как символ девственности. Были выбраны цвета папы римского — желтый и белый — символ веры. В целомудрии папы никто, разумеется, не сомневался. Было ясно, что девушек надо спасать в католическом духе, особо подчеркивая преимущества благочестия, ибо даже и самый навязчивый сводник отступит перед девушкой добродетельной, перебирающей четки, которая ни на что не обращает внимания и без конца молится, повторяя одну из прекрасных литаний: «Спаси нас от соблазна, господи!» А если к тому же девушка стара, горбата и крива, то она тем паче избежит рук сводников, ибо в ней зреет вера в вечное блаженство, а религиозные убеждения спасают от домов позора и от моральной испорченности.

Итак, была создана вокзальная миссия. Советница Вальдштейн первая удостоилась чести получить повязку, которая сразу объясняла, почему эта дама так долго прохаживается по вокзалу и осматривает каждого. Советница Вальдштейн вышла спасать неопытных девушек, приезжающих в Прагу.

Для этих девушек приготовили две комнаты, обставленные скромно, но с тонким пониманием того, в чем нуждаются невинные души неопытных деревенских девиц.

Куда бы ни взглянула девушка, отовсюду на нее смотрел изможденный лик распятого Спасителя, а если

б она бросила взгляд на потолок, то и там увидела бы нарисованный крест.

Повсюду среди крестов, напоминающих, что она должна хранить свою невинность хотя бы ради Того, кто для нее пожертвовал собою, были начертаны надписи, категорически призывавшие: «Не сотвори прелюбодеяния!» Правда, княжна Юлия, всегда тактичная и хорошо воспитанная, в невинности своей предложила написать: «Пожалуйста, не творите прелюбодеяний!» или: «В случае прелюбодеяния обращайтесь в правление общества». Добрая, невинная княжна Юлия! Значение слова «прелюбодеяние» было ей столь же далеко, как для пастуха с Апеннин далеко значение слов «радиоактивность» и «Гауч»*.

Итак, советница Вальдштейн прогуливалась по вокзалу, поджидая поезд. Как только на перрон ступила первая девушка с чемоданом в руке, госпожа Вальдштейн бросилась к ней со всем присущим ей пылом. Сердце госпожи советницы было преисполнено энтузиазма, и поэтому она даже не заметила, что в суতোлке повязка упала у нее с рукава. В мгновение ока выхватила она у девушки чемодан, но в эту минуту подоспел полицейский, арестовал ее и при большом стечении народа повел в участок.

Госпожа Вальдштейн сначала подняла крик, потом начала растолковывать и объяснять, что она не воровка, а представительница вокзальной миссии. Чем дальше они шли, тем больше она запутывалась и, наконец, в полуобморочном состоянии принялась проповедовать, упрямившая полицейского отказаться от подобного образа жизни и остерегаться сводников.

В участке все выяснилось, но это не помешало одному журналу, резко критиковавшему буржуазию, поместить заметку под названием «Странный случай клеptomании». Позднее статья была опровергнута, но все равно это был позор. Жена коммерции советника Вальдштейна вышла из вокзальной миссии. Ходили слухи, что она вложила деньги, полученные в наследство от матери, в большой публичный дом в Усти-на-Лабе, который приносит ей пятьдесят процентов прибыли.

Неудача не смутила самоотверженных дам, наоборот, она вызвала в них такое стремление к самопожерт-

вованию, что княгиня Больдери сама отправилась на вокзал и с триумфом привела девушку, живо заинтересовавшуюся благотворительной организацией.

Девушку в сопровождении дам ввели в убежище миссии. До десяти часов вечера ее наставляли, рассказывая о моральной испорченности, которая грозит юным девицам в городе. Невинная княжна Юлия простилась с первой жертвой вокзальной миссии словами: «Не прелюбодействуйте, от всего сердца прошу вас!» Девушке вручили ключ от комнаты и сообщили, что она может оставаться здесь до тех пор, пока не найдет работу.

Девушка прожила там неделю. Первые два дня она вела себя прилично, а потом начала водить мужчин в свою комнату, в это священное пристанище.

Это был страшный удар для отца Захария из кармелитского монастыря, он узнал об этом, явившись к девушке рано утром, чтобы в свободную минутку подготовить ее к близящемуся празднику пасхи, который так много значит для пылких религиозных душ.

Какой ужас! В довершение парень, находившийся в комнате юной девицы, вышвырнул досточтимого отца, и печальная весть о падении нравов дошла до ушей той, которая всеми силами боролась против безнравственности,— благородной княгини Больдери.

Но никто не знает, какая готовность к самопожертвованию кроется в сердцах таких дам. Теперь спасти девушек отправилась на вокзал графиня Сольвар, но так как эта почтенная дама была очень близорука, то привела с собой горбатую бабку, которой всю дорогу в экипаже твердила: «Благодарите бога, девушка, что я спасла вас от рук сводников!»

Стоит ли отчаиваться из-за столь невинной ошибки! Добродетельная княжна Юлия попросила у своей матушки княгини разрешения самой встречать на вокзале приезжающих девушек.

О благородная невинная княжна! Когда она ждала поезд, к ней подошел элегантный молодой господин и с интересом начал расспрашивать, что означает повязка на рукаве и каковы задачи вокзальной миссии. Добрая княжна раскрыла ему свое девственное

сердце. Он, молодой и эlegantный, представился ей князем имярек, и они разговорились очень дру- жески.

Бедная, невинная, юная и добродетельная княжна Юлия! Он похитил ее, несчастную жертву вокзальной миссии, невиннейшую лилию, чудесный бутон добродетели. Мерзавец продал ее за сто крон в один пльзеньский публичнй дом.

Перо падает из рук моих. Печальная участь вокзальной миссии трогает до слез, и пишешь, плача, как это делает мой друг Гаек *, когда составляет некролог о своем шефе.

СКАЗКА О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ОДНОГО ПОРЯДОЧНОГО МИНИСТРА

Я убежден, стоит пану прокурору прочесть заглавие моей сказки, он грозно нахмурится и скажет:

— Слово «порядочный» следовало бы вычеркнуть: нельзя, чтобы народ уверовал, будто на свете могут существовать и непорядочные министры. Но если это слово вычеркнуть,— жди запроса в парламенте, станут допытываться: а что, разве оскорбительно назвать министра порядочным?..

Я прекрасно понимаю, случай для господина прокурора весьма соблазнительный, но что поделаешь. Самое большее, чем может заниматься наш пан прокурор,— это защищать австрийских министров. Между тем действие моего рассказа происходит не в Австрии и вообще не в какой-либо известной стране, речь идет о государстве мифическом, потому я и назвал это сказкой.

Но приступим к рассказу. Жил-был один король, и был у него министр, человек честный, порядочный, звезд с неба, правда, не хватал, но этого ему никто и не приписывал. Поначалу он мало чем отличался от своих предшественников. Страшно радовался, что к нему стали обращаться «ваше превосходительство», принимал поздравления, важничал и был счастлив.

Но не прошло и месяца, как шефы отделений после докладов его превосходительству стали рассказывать невероятные вещи. Пан министр рассеянно выслушивает их сообщения, целыми часами сидит за письменным столом, устремив задумчивый взгляд в простран-

ство. И становится все чуднее и чуднее. Это превращение не укрылось и от семьи пана министра. Но сколько его ни пытали, что с ним, не занемог ли, не обеспокоен ли чем, он либо отвечал уклончиво, либо попросту отмалчивался. Только однажды, когда господин министр казался веселее обычного, выходя из дому после завтрака, он произнес ужаснувшие госпожу министершу слова:

— Сегодня иду к королю, подаю прошение об отставке.

Пани министерша с досады лишилась чувств, но не успела она еще очухаться, как ее супруг уже предстал перед королем.

— Ваше величество,— сказал он,— прошу освободить меня от должности министра, у меня есть на то серьезные основания.

— Дружище,— сказал король,— ты что, с ума сошел? Где это видано, чтобы кто-то ни с того ни с сего подавал в отставку?

— Причина, ваше величество, у меня есть, но позвольте не рассказывать о ней. Мне слишком тяжело говорить об этом, лучше сквозь землю провалиться.

— Послушай,— спросил король,— что ты там натворил? Приказываю, немедленно изложи мне свои причины.

— Хорошо,— удрученно ответил министр,— раз ваше величество приказывает, что поделаешь.— И чуть слышно добавил: — Прошу освободить меня от должности министра ввиду того, что я решительно не способен исполнять обязанности министра.

Потом он покорно склонил голову, ожидая, что теперь на него обрушатся громы и молнии.

Но поскольку король молчал, он робко поднял глаза и с удивлением увидел, что король смеется, да так, как сроду не смеялся. Министр был поражен.

— Стало быть, милостивый король, моя отставка принята? — спросил он.

— Чтобы я дал тебе отставку? — сказал король.— За то, что ты не способен исполнять свои обязанности? Дружище, тогда мне пришлось бы выставить почти всех моих чиновников. А что касается министров... Да известно ли тебе, что ты вообще первый порядочный министр

из всех, которые у меня были? И знаешь, почему? Ты был искренним. И я отвечу тебе тем же. Насколько мне помнится, способных министров у меня вообще не было. Но ни один еще в том не признавался, хотя это и было ясно, как божий день, для всех в королевстве. И вдруг приходишь ты и требуешь отставки. Это делает тебе честь и радует меня. Ты мой первый порядочный министр. Все остальные прикрывали свою бездарность потоком речей и фраз и ловчили, как бы подольше удержаться у власти. Ты совсем другое дело! И лишиться подобного сокровища?! И не подумаю! Ты останешься министром, мой дорогой, останешься и будешь служить мне до последнего вздоха! Ясно?

И министру пришлось повиноваться. Когда дневные газеты сообщили, что отставка пана министра не принята, пани министерша облегченно вздохнула и приказала приготовить его превосходительству на ужин его любимые блюда.

На этом бы и конец. Но пан министр был задумчивее и печальнее прежнего. И не удивительно. Вопрос, может ли он оставаться министром, занимал все его помыслы и превратился для него в дело чести. Господин министр рассуждал так: «Если я вновь подам в отставку, то это, как сказал король, явится попыткой лишить страну первого порядочного министра, а подобная попытка, по сути дела, государственная измена. Если же я не подам в отставку, хотя и понимаю, что не гожусь в министры,— разве и это не государственная измена, черт меня побери! Выходит, как ни кинь, я совершаю государственную измену. Просто отчаяние берет. Короче говоря, мое место за решеткой, а я сижу здесь, позволяю делать себе комплименты, называть меня, государственного изменника, ваше превосходительство! Ума не приложу, что делать!»

Госпожа министерша полагала: раз король не принял отставку ее супруга, можно рассчитывать на полную министерскую пенсию, а то и на особую денежную награду от короля. И когда пан министр снова принялся излагать ей свои сомнения, ее чуть удар не хватил.

И муж не знал, как поступить, и у нее голова шла кругом. Что делать? Наконец ее осенило. Для чего, собственно, на свете существуют психиатры? Эта мысль ока-

залась спасительной. Да, психиатры должны помочь. Судя по всему, ее муж ненормальный! Бедняжка! Под бременем правительственных забот рассудок его помутился! Так будет сохранена министерская пенсия, обеспечена признательность короля, словом, все!

И вот созвали консилиум лучших психиатров страны.

Пани министерша напряженно ожидала, что они скажут и чем все кончится. Кончилось недурно.

— Выходит, он в самом деле ненормальный? — спросила она.

Врачи пожали плечами.

— Как человек он может и должен быть признан нормальным, ваше превосходительство. Но как министр он поистине ненормальный.

— И это точно?

— Ну еще бы! Разве был когда-нибудь на свете хоть самый безмозглый министр, который считал бы, что сидит не на своем месте? — ответили врачи в один голос.

Пан министр окончил свои дни в психиатрической лечебнице. Такова была трагическая судьба первого порядочного министра в некотором царстве, в некотором государстве, за семью горами, за семью морями.

ВОСКРЕСНОЕ ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Мне поручили редактирование воскресного занимательного приложения к одной газете, и тут я узнал, как беспредельно человеческое самоотвержение. Тысячи людей на свете от всего сердца желают, чтобы тысячи и тысячи им подобных развлекались воскресным утром за кофе или после обеда их рассказами. Человеческая самоотверженность безгранична и охватывает все круги. «Если б только люди могли прочесть мое произведение!» — вот лозунг, заставляющий трепетать все сердца, не только мужские, но и женские.

Сажу в редакции, курю сигару, не предвидя ничего плохого. Кто-то стучится; я не шевелюсь, так как в этой комнатке я — бог. Резко произношу: «Войдите!» — и киваю посетительнице на стул. Стул поставлен так, чтобы посетительница смотрела либо на меня, либо на редакционную корзину.

Я рассматриваю посетительницу. Это дама средних лет; она очень живая, все время беспокойно вертится и, не дав мне времени даже спросить «Что вам угодно?», сразу начинает сама:

— По моему мнению, нашим девушкам надо прежде всего ценить самих себя. Это не эгоизм, пан редактор, и не самомнение. Девушки должны чтить собственную душу свою, потому что она белая, чистая, свою собственную волю, потому что она добрая, свое собственное тело, чтобы оно было нежным жилищем девичьих добродетелей. Девушка, которая верит другим...

— Разрешите...

— ...больше, чем себе,— продолжает она, не останавливаясь,— которая прислушивается к доводам посторонних, а к советственным ощущениям относится безразлично и даже стыдится их,— это не та девушка, которая нужна родине и народу. Это тростинка, колеблемая всеми ветрами, пан редактор,— тростинка, которая в конце концов сломится или упадет в болото. Я хочу, чтобы девушки как можно чаще читали эти мои слова, и поэтому принесла вам, пан редактор, рассказ для воскресного занимательного приложения к вашей газете; там эти слова произносит у меня героиня маленькой любовной истории, узнавшая жизнь.

Вытащив из сумки объемистую рукопись, она продолжает:

— Слова мои продиктованы искренним желанием, чтобы читатели были счастливы, оценив все их значение, поскольку печатное слово имеет большое влияние на формирование характера.

Она встает и осведомляется:

— Когда прийти за гонораром, пан редактор?

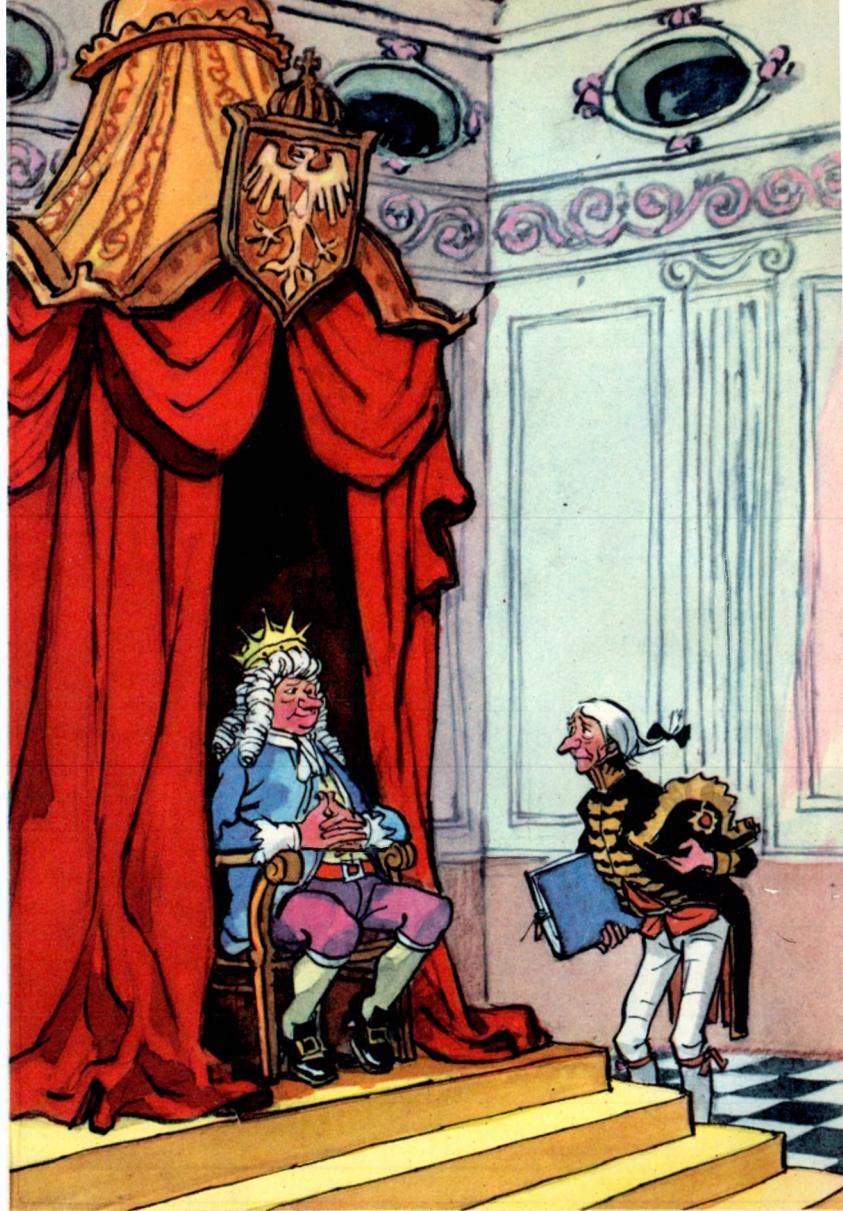
Я тоже встаю и отвечаю, что должен сперва прочесть рукопись, и если она подойдет, то...

— Читать ничего не нужно,— перебивает она.— Отправьте просто в типографию и выпишите, пожалуйста, гонорар. Вы сами выплачиваете или нужно куда-нибудь идти?

Пододвинув стул поближе к столу, она снова садится и открывает сумочку. Хотите верьте, хотите нет, но двум служителям пришлось потрудиться, прежде чем удалось вывести ее вон!

Пяти минут не прошло, явился молодой человек. Зачесанные назад длинные волосы, как у брюссельского карликового пинчера. Почтительно кланяется и говорит, что осмеливается обратиться ко мне с просьбой: не буду ли я так любезен, не окажу ли ему поддержку на его писательском пути, не посоветую ли ему и не отберу ли что-либо из этих вот рассказов, которые он осмелился принести, не переработаю ли я и не улучшу ли... Он чувствует в себе способности, но, не имев до сих пор возможности что-либо напечатать, никому не известен.

Он сел на стул и, разложив вокруг пропасть бумаг, объявил, что берет на себя смелость прочесть начало од-

«Сказка о трагической судьбе одного порядочного министра»

«Преступная авантюра пана Тевлина»

ной новеллы, но предварительно хотел бы коснуться метода, который он применяет в своем творчестве и который представляется ему единственно правильным. Будучи новичком в литературе, он прибегает к помощи известных современных писателей. Творить самостоятельно,— то есть в полном смысле этого слова,— он пока не решается, так как не чувствует еще для этого достаточной силы и способности. Любимец его—д'Аннунцио *, помимо многих других авторов старшего и младшего поколения, пользующихся мировой известностью. Так что он заимствует для своих произведений фразы знаменитейших писателей всех веков — Тацита, Платона и других. Работа тяжелая. Первый рассказ начинается так: «После полудня занятия в шестой роте подходили к концу»,— это из Куприна. «Вот лежит она, вытянувшись, перед конурой, прижав лохматую голову к лапам»,— это д'Аннунцио. «Находившийся поблизости мальчик встал и наполнил водой из колодца полуразбитый горшок» — из Бальзака. «Стоявший рядом молодой юрист поглядел на небо, где не было ни облачка»,— это Мопассан, но «не было ни облачка» — оригинальное выражение.

— Сегодня,— продолжал он,— я нашел у Толстого в повести «Неделя в Тургеневе» * замечательное описание помещичьей усадьбы. Не теряя времени, я поспешил включить этот отрывок в свой текст и написал так: «Солнце, на которое смотрел молодой юрист, озаряло простую помещичью усадьбу», и дальше по Толстому: «Дверь спальни выходила в коридор бывшего помещения для дворни. В конце коридора витая лестница вела наверх, в девять барских покоев, куда теперь никто не ходил». На этом у меня кончается глава. Вторая начинается фразой из книги Руссо «Об общественном договоре»: «Я хочу исследовать, возможны ли в гражданском обществе какая-либо справедливость и твердые правила...»

Я выволок юношу в коридор. Через минуту он вернулся.

— Забыл шляпу,— робко промолвил он, снимая шляпу с вешалки.— Могу я ждать ответа в рубрике «Почтовый ящик»?

Мне пришлось выставлять его вторично.

Через четверть часа — новый посетитель: пожилой господин в потертом, уже начавшем шерститься цилиндре. Держится очень солидно.

— Осмелюсь отнять у вас несколько минут для разговора, — произнес он веско. — Я знаю, что господа редакторы не любят тратить много времени на посетителей, поэтому буду краток. Вы стараетесь дать читателям воскресного занимательного приложения образцы прекрасного, так как многие ваши читатели наделены счастливой способностью чувствовать очарование красоты и охотно отдаются течению, которое выносит их на пути, уводящие в сторону от разумного, трезвого восприятия действительности. Не думаю, господин редактор, чтобы такая точка зрения представляла собой благоприятную почву для критической оценки и анализа понятия прекрасного...

Тут, видимо, желая скорей покончить с этим, он сел на стул и продолжал:

— Но факт тот, что красота рассказа способна производить захватывающее, так сказать, стихийное впечатление; знаю, что можно доставить читателю подлинное блаженство, предложив хорошо написанный рассказ. У меня дома есть поистине замечательные произведения, которые я написал для вашей газеты. Я не захватил их с собой, так как не знал, буду ли в ваших краях. Но, совершенно случайно оказавшись рядом, решил сообщить вам о своем решении опубликовать их именно в вашем занимательном приложении. Чтобы не тратить лишних слов — дайте мне сорок крон в счет гонорара!

Это было уже слишком.

Я резко осадил нахала; он ударил меня палкой. Само собой разумеется, мы с служителем славно отделали его. Но с тех пор я думаю, что лучше быть слугой в какой-нибудь подозрительной гостинице, чем редактировать занимательное приложение к газете при столь распространенном среди людей самоотверженном стремлении тешить душу читателя прекрасным.

ПАН ФЛОРЕНТИН И ХОХОЛКА

Пан Флорентин был учителем, а Хохолка — первоклассником. Пан Флорентин был учителем латинского языка и классным наставником Хохолки, а Хохолка вел отчаянную борьбу с латинским языком, который казался ему ужасней испанских башмаков, употреблявшихся для вящей славы божьей во времена инквизиции. Пан Флорентин смотрел презрительно на испуганное лицо первоклассника Хохолки, который дрожал весь урок латыни так, что буквально продрожал первое и второе склонение, а к третьему склонению дрожь его превратилась в настоящую лихорадку. Когда Флорентин смотрел на него, Хохолка поднимал свои удивленные глаза к потолку и просился выйти из класса. Так он делал всегда, когда до него доходила очередь отвечать урок. Хохолка начинал трястись от страха при одной только мысли о предстоящих письменных работах и о том, как он переживет их.

И вот наступила первая письменная работа по латыни. Когда после молитвы раздали тетрадки с предупреждением, что списывать нельзя, что за одинаковые ошибки виновные получают неудовлетворительную отметку, Хохолка трясущейся рукой стал списывать с доски предложения, которые требовалось перевести на латинский язык. Он думал только о том, чтобы его ошибки отличались от ошибок соседа, ибо иначе грозила двойка. Написав в черновике первое слово, он украдкой заглянул в тетрадь к своему соседу Батеку, который также был известен тем, что звезд с неба не хватал. Увиденное

убедило Хохолку, что оба они погибли: Батек написал то же, что и он. Хохолка испугался и перевел свой взгляд, затуманенный слезами, с печальной картины, на которой были изображены развалины Трои *, на спасительный ключ от уборной, висевший на стене. И точно так же, как в эллинскую эпоху преследуемые преступники искали убежища в храмах, Хохолка ринулся с ключом в руке в уборную, пренебрегая классической образованностью.

На школьной доске красовались мудрые фразы: «Стол не широкий и не высокий», «Пятка есть часть тела», «Пехотинец есть воин», «Мать — это не сестра», «В Риме было много домов», «В саду есть деревья» и тому подобные истины. Все это Хохолка покинул, и его единственной мыслью было засесть в уборной, в этом убежище всех преследуемых первоклассников, и пробыть там до конца урока: пусть его тетрадь останется белой и чистой, без единой ошибки против правил грамматики и духа латинского языка. А когда забывчивый учитель спросит, почему он ничего не перевел, то Хохолка уверенным голосом ответит:

— Я целый час сидел в уборной.

Если же учитель ему не поверит, Хохолка приведет его в уборную и покажет на стене надпись «Вацлав Хохолка, I «А», 16/XI». Он написал эти слова крупными буквами и расположился в своем небольшом, но запертом убежище, если и не совсем спокойно, то не без упорства отчаявшегося. Вдруг кто-то пробежал по коридору, стукнул к нему в двери и закричал:

— Хохолка, велят идти на занятия!

— Не могу,— прозвучал ответ на приказание учителя.

Возвращался уже четырнадцатый посол, а Хохолка продолжал сидеть с важным сознанием того, что этим словом «не могу» он восстал против авторитета классного наставника. Война была объявлена. Через пять минут пятнадцатый посол шел к последнему убежищу первоклассника Хохолки и, стуча в двери, кричал:

— Тебе велено идти на урок!

— Не могу,— снова ответил Хохолка, на этот раз так гордо, как отвечал Леонид в Фермопилах персидским послам *.

Снова наступила тишина, в сумрачном коридоре гимназии каждый шаг отдавался громким эхом. Хохолка считал секунды и насчитал их после последнего приказания учителя около шестисот, что составляло приблизительно десять минут.

Затем раздались тяжелые шаги и громкие удары в дверь.

Хохолка испугался.

— Хохолка, вылезайте оттуда, ведь вы не сделаете письменной работы!

Это был голос самого учителя Флорентина — голос строгий и угрожающий, голос жестокого человека, жаждущего невинной детской крови первоклассника.

— Я не могу, господин учитель, — зазвенел дрожащий и тихий голосок Хохолки.

— Я приказываю вам выйти!

Жестокая борьба началась в душе Хохолки, но дух сопротивления победил.

— Я никак не могу! — сказал он твердым голосом.

— Так вы не хотите выходить?

— Я не могу.

Пан Флорентин побежал в кабинет директора.

— Господин директор, один ученик, по имени Хохолка, от первой письменной работы убежал в уборную, сидит там целый час и не хочет выходить.

Директор встал, глаза его загорелись гневом при мысли о такой распущенности, и оба они важно зашагали к убежищу Хохолки.

Сперва постучал пан Флорентин.

— Хохолка, обратите внимание, тут директор. Выйдите из уборной!

— Послушайте, выходите, — сказал директор, — не сопротивляйтесь, вы пожалеете об этом. Где вы живете?

— Военская улица, 5, господин директор.

— Мать у него прислуга, — заметил учитель.

— Послушайте, Хохолка, — начал уговаривать директор. — Ваша мать — прислуга, и вы, вместо того, чтобы обрадовать вашу бедную мать хорошей отметкой по латинскому сочинению, сидите в уборной. Разве вам не жалко вашей матери? Но довольно разговоров, я приказываю вам выйти и приступить к своим обязанностям.

— Я не могу. Я еще не могу.

— Не валяйте дурака, а то вас запишут в классный журнал.

— Не могу.

— Вам будет сбавлена отметка по поведению.

— Я не могу.

— Вы будете исключены из гимназии.

— Я не могу.

Трудно постичь психологию толпы! У учителя вспыхнули глаза, а директор взревел, как разъяренный олень. Оба объединенными усилиями навалились на дверь уборной. Это была грозная атака, и Хохолка изо всех сил уперся в дверь, чтобы помешать им. Но все усилия его были напрасны. Флорентин с директором мощными телами налегли на дверь крепости. Дверь поддалась, и они вломились внутрь.

Однако крепость оказалась пустой. Чтобы не попасть живым к ним в руки и не писать сочинения, Хохолка, услышав треск дверей, стремглав бросился в дыру уборной.

— Это для него наилучший выход,— сказал учитель Флорентин,— иначе он наделал бы массу грубых ошибок в сочинении.

А директор крикнул в яму, которая поглотила храбреца:

— Хохолка, шесть часов карцера!

ПРЕСТУПНАЯ АВАНТЮРА ПАНА ТЕВЛИНА

Есть такие любопытные люди, что не оставят без внимания ни одного предмета, ни одного события, ни одного уличного происшествия. К подобным людям относился и пан Тевлин. Видит, к примеру, пан Тевлин на улице перед лавкой бочку с селедкой. Остановится, смотрит и ждет, пока работник не откатит ее на место.

Тогда пан Тевлин одобрительно кивает и следует дальше.

Увидит он за углом тележку, стоящую на улице, смотрит на тележку и снова ожидает, кто за ней придет. Его радует, что люди работают, он охотно наблюдает, как укладывают кирпичи и камни, ему по душе мощение дорог и вообще трудовая суета.

Его интересуют все проявления повседневной жизни: лошади, которым не удастся сдвинуть с места поклажу, стрелочники трамвайной линии,— и он всегда как-то приятно взволнован, видя кого-нибудь за работой. Он горазд и на предположения, что собой представляет тот или иной прохожий. Глаза его живо блещут, когда его домыслы вдруг оправдываются.

Он любит ходить по городу. Вот тут-то с ним это и случилось. Вышел он, как обычно, на улицу и в уличной суতোлке заметил стоящий у тротуара велосипед. Одинокий велосипед. Он оглянулся по сторонам. Интересно, кто это так опрометчиво оставляет велосипед на улице? Лавки поблизости не было. «Вряд ли велосипед принадлежит развозчику товаров по магазинам,— поду-

маа он,—скорее всего тут привезли что-то частному лицу». Он также отметил, что вокруг не было ни единой пивной. Велосипед стоял на тротуаре как раз напротив дверей доходного дома.

На противоположном тротуаре стоял полицейский и с интересом присматривался к пану Тевлину, который, продолжая оглядываться по сторонам, не отходил от велосипеда.

Пан Тевлин тем временем пришел к выводу, что весьма неосторожно оставлять велосипед у тротуара, и решил дожидаться возвращения владельца.

«А вдруг на велосипеде есть замок,—подумал он,— и никто не сможет на нем уехать». Он обошел велосипед и оглядел его с другой стороны.

Полицейский смотрел на пана Тевлина с возрастающим интересом и даже сделал шаг в его сторону.

Пан Тевлин убедился, что велосипед без замка.

— Какая беспечность,—вздыхнул он,— вот вскочит кто-нибудь на велосипед и был таков!

Он продолжал осмотр велосипеда. Надо отдать справедливость, сделан он неплохо. И марочное клеймо есть. Он взялся за руль и наклонился, велосипед сдвинулся с места, и пан Тевлин, выпрямляясь, увидел над собой лицо. Строгое, злое и угрожающее. Лицо полицейского.

— Что вы тут делаете с чужим велосипедом? — строго спросил он.

— Рассматриваю марку.

— А зачем взялись за руль?

Вокруг уже собиралась толпа таких же панов тевлинов, интересующихся всем на свете, как пан Тевлин этим злосчастным велосипедом.

— За руль...— жалко залепетал пан Тевлин,— я жду владельца.

— Как фамилия владельца?

— Не знаю.

— А зачем вы ждете?

— Чтоб кто-нибудь не украл у него велосипед.

В толпе послышался смех.

— Наверное, чтоб кто-нибудь *другой* не украл,— иронически произнес полицейский.— Поставьте велоси-

пед туда. где вы взяли его, а вас я именем закона арестую.

Этот полицейский тоже был вроде пана Тевлина. Все привлекало его внимание, каждый предмет, каждое событие, а пан Тевлин тем более.

Отныне уже устарела поговорка «Дрожал, как осиновый лист», с равным успехом можно сказать: «Дрожал, как пан Тевлин».

Он дрожал так, что полицейскому временами приходилось тащить его за собой, как щенка, от дома номер 1912-а, где на тротуаре по-прежнему одиноко стоял велосипед.

Понятно, что дрожь пана Тевлина не прекратилась, когда в комнате полицейского комиссариата он услышал рапорт:

— Разрешите доложить, этот человек пытался украсть велосипед возле дома номер 1912-а.

Полицейский рассказывал, как пан Тевлин пытался украсть велосипед, а пан Тевлин только повторял:

— Что вы, разве я вор, я не умею ездить на велосипеде.

Лучшего оправдания ему не приходило в голову. Он твердил, что не умеет ездить на велосипеде, что незачем ему красть велосипед, ведь при желании он может купить их дюжину.

Было мучительно видеть, как он стоял и долбил одно и то же:

— Право же, поверьте, я не умею ездить на велосипеде.

— Он упал при попытке вскочить на него.

— Да где там вскочить,— сказал пан Тевлин,— я же не умею на нем ездить!

Потом пан Тевлин заявил, что он, видно, порядочный дурак, потому что вечно готов всем помочь.

Тут распахнулись двери, и какой-то крайне перепуганный молодой человек влетел в караульное помещение.

— У меня пропал велосипед! — кричал он.— Он стоял перед домом номер 1912-а, и мне сказали, что кто-то уже пытался его украсть.

Полицейский ткнул пальцем в пана Тевлина.

— Ну, нечего запираяться,— сказал комиссар пану Тевлину,— назовите нам своего сообщника.

— Не могу,— вздохнул пан Тевлин.

— Так посадить его! — приказал комиссар.

Пан Тевлин бухнулся на колени и заорал:

— Бога ради, господи, прошу вас!

На другой день его отвезли в суд.

Судебный следователь пан советник Венцл был человек добрый. Он никогда не старался усугублять вину обвиняемых и делал все возможное, чтобы тщательно разобраться в показаниях, расследуя преступления.

— Хорошо,— сказал он пану Тевлину.— Вы все время твердите, что не умеете ездить на велосипеде. Так вот, завтра у нас судебная комиссия. Мы выведем вас за ворота, и вы сядете на велосипед. Там и выяснится, умеете ли вы ездить.

Наступил сей знаменитый день, и надзиратель в присутствии судебной комиссии посадил пана Тевлина на велосипед на шоссе близ Ольшанского кладбища.

— Упаду! — трусливо кричал пан Тевлин, сроду не сидевший на велосипеде.

Надзиратель по знаку следователя подтолкнул велосипед, и пан Тевлин с криками «упаду» поехал по отлого спускающейся дороге. От страха он нажал на педаль, опасаясь, что расшибется, нажал еще сильнее, и судорожно вцепившись в руль, инстинктивно понесся вниз по шоссе прямо к Страшницам, как самый заядлый спортсмен. И все у него получалось. Он кричал «Упаду!» и мчался на огромной скорости, пока не исчез из глаз судебной комиссии.

Внизу, у Страшниц, ему, наконец, удалось свалиться в канаву, после того как он едва не сбил какую-то еврейку.

Он получил три месяца за то, что лгал, будто не умеет ездить, а на деле пытался даже удрать, усевшись на велосипед. За это, ко всему прочему, он заработал дисциплинарное наказание.

ЧАСТНЫЙ СЫЩИК ГУПФЕЛЬД

Сыщик Гупфельд принадлежал к числу тех агентов сыскной полиции, которых, несмотря на их гениальность, неприятности подстерегают на каждом шагу.

Тем не менее полицейское управление вполне на него полагалось и доверяло ему самые сложные и запутанные дела. При этом гениальность пана Гупфельда всякий раз обнаруживалась в полной мере, но в решающий момент неотвратимый рок, преследовавший славного детектива со дня рождения, сводил на нет все его превосходные, с математической тщательностью продуманные планы. И после отчаянного душевного напряжения, после нескольких дней успешных поисков, он снова оказывался у разбитого корыта, там, откуда начинал плести сеть своих предположений.

Случай проделывал над ним такие дьявольские штучки, что в полиции не было никого, кто бы не сочувствовал этому остроумному и изобретательному человеку.

Наверно, всем памятна история, когда сыщик Гупфельд выследил убийцу баронессы Веселой, продавщицы булок из фирмы Забранского. Целых полгода сжимал Гупфельд кольцо улик вокруг злодея и даже сделался его ближайшим другом.

Ох, уж эти мне тайные агенты! На что только они не идут! За полгода Гупфельд собрал предостаточно материала и засадил-таки своего нового приятеля за решетку. Но на следствии обнаружилось, что арестованный вовсе не убийца, а вполне порядочный человек. Вот так в последнюю минуту глупая случайность смешала все карты нашего несравненного сердцеведа.

Если бы хоть Гупфельд поступал наобум — это еще куда ни шло! — но об этом не может быть и речи. Действия его были осмысленны в высшей степени. Нет, он был не из тех, кто работает нашармачка, как простой ремесленник. Это был мастер своего дела, хотя невезение и подстерегало его на каждом шагу. Если бы не оно, Гупфельд достиг бы колоссальных успехов, и с ним никогда не произошло бы того, что мы называем истинным несчастьем.

Как-то полиция разыскивала весьма ловкую международную авантюристку. Вести столь тонкое дело поручили нашему благородному детективу. Известно было, что выдавшая виды преступница всякий раз появлялась под новым именем.

Тем не менее уже в самом начале расследования Гупфельд установил, что разыскиваемая особа проживает в Чешском Крумлове под именем Клары Фибиховой. Как это ему удалось разузнать — для всех осталось тайной. Сам Гупфельд никогда не распространяется на такие темы, считая это хвастовством, которое не к лицу подлинному мастеру с его самолюбием и авторской гордостью.

Итак, мошенница проживала в Крумлове, куда, по ее словам, вернулась из-за границы.

Тут я не могу еще раз не выразить своего удивления находчивостью и решительностью наших детективов. Пан Гупфельд решил прикинуться влюбленным и представился этой даме рантье Гупфельдом, отдыхающим в Кунвальде на даче. С присущей ему математической точностью он рассчитал, что самое большее через три месяца они поженятся, и, уже на правах супруга, он разузнает о ее связях с авантюристами международного класса.

Гупфельда не остановил ни почтенный возраст, ни внешность авантюристки, хотя возлюбленная его очень смахивала на косматых древнегреческих фурий. Три месяца спустя Гупфельд отпраздновал свадьбу, а на другой день после бракосочетания из полицейского отделения пришла телеграмма. Гупфельда извещали, что разыскиваемая особа схвачена в Берлине, и ему надлежит вернуться в Прагу.

С тех пор Гупфельд живет с этой липкой медузой —

так, кажется, в естествознании величают какой-то вид слизняков. Впрочем, в сравнении с пани Гупфельдовой эта морская нечисть, безусловно, выигрывает.

Словом, и на сей раз рок жестоко подшутил над паном Гупфельдом, именно в тот момент, когда он совсем было достиг заветной цели.

Однако доблесть, проявленная Гупфельдом в деле с авантюристкой, произвела на господ начальников бóльшее впечатление, чем он мог предполагать. Шеф полиции, потрепав его по плечу, объявил, что в ближайшем будущем Гупфельда ждет повышение. Его назначают на должность начальника отделения. Пока же ему поручается одно весьма ответственное задание: он должен установить, кто из пражан вместо сахара потребляет сахарин, ибо в полиции есть серьезное подозрение, что в Прагу контрабандой переправляют великое множество сахарину.

Два месяца пропадал несравненный пан Гупфельд и появился в обществе лишь после того, как его изыскания увенчались сногшибательным успехом. Он представил полиции список всех жителей чешской столицы, страдающих сахарной болезнью: из-за своего недуга они не могли потреблять сахар и были вынуждены доставать сахарин по рецептам в аптеках. Таковых преступников оказалось около 720, и титанический труд Гупфельда завершился тем, что тридцать шесть аптек Праги и ее пригородов, то есть все, кто продавал сахарин по рецептам, сели за решетку. Столь фантастический успех в скором времени был отмечен давно ожидавшимся повышением.

Пан Гупфельд был назначен на должность начальника полицейского отделения.

Задачи нашей государственной полиции всякому известны. Это прежде всего надзор за определенными политическими группировками, которые не разделяют политических воззрений полицейских (а у последних их попросту нет).

Само собой разумеется, наибольшую опасность для Австрии представляют анархисты.

Внезапный расцвет анархизма проявляется у нас не в злоупотреблении динамитом. Отнюдь нет. Производство его чешские анархисты полностью передоверили

наследникам фабрики Нобеля. Анархия ощущается скорее в том, что полиция теперь не церемонясь производит обыски в домах неанархистов.

Но в чешских землях ведутся-таки работы с динамитом и прежде всего в столице, в самой беспокойной Праге, и поблизости от нее, где динамит — важнейшая статья дохода.

И это не какие-нибудь нелепые подозрения, но, к сожалению, истинная правда. Да, да, да, опасное оружие русских революционеров находится в самой Праге, в Хухле, где динамитом рвут известняк. Хотя определенные инстанции еще до Гупфельдовой эры пытались бороться с этим революционным начинанием подрывников, их деятельность — пустяк по сравнению с теми славными подвигами, которые совершил пан Гупфельд после своего восшествия на пост начальника отделения государственной полиции.

Пан Гупфельд обладал незаурядным даром наблюдателя, он детально изучил психологию преступления и считал, что преступники всегда толкуются в тех местах, которые напоминают им о преступных действиях.

Итак, пан Гупфельд приступил к наблюдениям... Целые дни проводил он у каменоломен, и пока рабочие рвали динамитом каменные глыбы, пристально следил за выражением лиц прохожих. Его интересовало, как отражается действие динамита не столько на известняковых породах, сколько на физиономиях зрителей.

Как-то внимание его привлек один господин. Остановившись поодаль и заслышав очередной взрыв, господин кричал: «Вот это ладненько, вот это хорошо!» Глаза у него вдохновенно сияли, и чем выше взлетали камни, тем восторженнее он орал: «Так его, трах-тарарах, так его, так! Вот это красота!»

Чрезмерный восторг господина навел пана Гупфельда на мысль, нет ли тут политических причин. Оставаясь незамеченным, пан Гупфельд последовал за господином, а когда они дошли до Праги, сдал его в участок и велел доставить в канцелярию государственной полиции.

В канцелярии пан Гупфельд, опасливо прохаживаясь вокруг арестанта, шипел на него: «Мы вам покажем, мы вам покажем, мы вам дадим динамит!»

На допросе обнаружилось, что восторженный господин не кто иной, как хозяин каменоломни. Но и эта ошибка обернулась для пана Гупфельда чрезвычайной удачей: спустя две недели, после того как он успел провести обыск в доме не в меру энергичного предпринимателя, его назначили главой пражской тайной полиции.

Во время обыска пану Гупфельду посчастливилось обнаружить родословную восторженного гражданина. Эта находка была последним шедевром славного детектива. Ею завершил он вдохновенную деятельность на посту главы департамента и труд тайного сыскного агента вообще, в коих проявил столько ума и непревзойденной находчивости.

В полицейском управлении он до сих пор слышет мастером своего дела.

Нынешние сыщики ему и в подметки не годятся.

КАК Я ВЫБЫЛ ИЗ НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОЙ ПАРТИИ

I

Прежде всего напрашивается вопрос: как я в ней оказался?! Очень просто. Сначала я служил редактором «Мира животных» *. Прознав об этом, национальные социалисты принялись уговаривать меня изменить свои политические убеждения. Конечно, если бы речь шла о том, чтобы от консерваторов перемахнуть к анархистам, душевные муки были бы во сто крат тяжелее. Но в данном случае никакой пропасти преодолевать не пришлось. Из «Мира животных» я преспокойно перебрался в «Ческе слово», не изменив даже своим политическим убеждениям, — так по крайней мере утверждали все мои знакомые. Просто-напросто я променял своих бульдогов на новую партию. Разница состояла лишь в том, что раньше я кормил бульдогов и догов, а теперь меня самого подкармливала партия. Точнее, не партия, а д-р Гюбшман *.

Кто он такой? Вполне приличный и даже добрый человек — до тех пор, пока у него хватает терпения. Правда, терпеливым его не назовешь. Но зато это, ей-богу, единственный его недостаток. Будь д-р Гюбшман издателем «Мира животных», он наверняка наводнил бы его памфлетами о бедственном положении собак на псарнях, а сам содержал бы псарню и втихомолку торговал собачками. Потому что д-р Гюбшман — в душе торгош. Он, к примеру, не прочь потолковать о страшном повышении

квартплаты, а, между нами говоря, ее сам повышает. Да и с какой стати ему отказываться от этого?

Доктор Гюбшман — депутат. Высокое звание, но и не столь уж обязывающее, как кажется на первый взгляд. Депутат Гюбшман прямо-таки начинен прекрасными идеями, о которых он может доходчиво рассказать массам. Но в душе д-ра Гюбшмана идет непрерывная борьба. Он ведь не только депутат, но еще и человек. Гюбшман-человек прижимает квартиросъемщиков и председательствует в корпорации печатников «Ческе слово». Превосходный человек д-р Гюбшман! Что ж, оно и верно, коли рассудить здраво, — депутатская слава развеется, мандат потеряет силу, а вот деньги останутся. Как-никак, а участие в «Ческом слове» обходится в 50 крон.

Итак, д-р Гюбшман стал моим шефом.

II

Как нам живется в национально-социальной партии? Недурно. Одно время нас объединял ресторан «Золотой гусь» *. Это одна из самых славных страниц нашего движения. И хотя «гусь» звучит как-то не слишком завлекательно, он стал символом национальных социалистов. Во время демонстрации иногда можно увидеть молодцов с молотом и перышком; приглядитесь, под этими значками горделиво поблескивает на булавочке золотой гусь. Это символ нашей партии. Гуси спасли Капитолий, Золотой гусь спасет нашу партию. Этот гусь на булавочке вручался завсегдатаям харчевни «Рыхта», выдувавшим там по несколько кружек пива ежедневно. Золотой гусек, увенчанный скромной славянской трехцветной лентой *, молотом и пером вкупе с красно-белой гвоздикой, вызывающе сверкает на их лацканах, словно бы говоря: «Все мы тут свои люди, национальные социалисты». И ежели под натиском непогод наша партия разлетится, обладатели «гуся» сомкнут поредевшие ряды. Подобно наполеоновской гвардии, которая под Ватерлоо на вызов англичан решительно ответила историческим возгласом: «Дерьмо!», — наши могикане покажут своего «золотого гуся» в петлице, что будет означать: «Хорош гусь!» — и партия прекратит свое существование.

Мирно текли мои дни в редакции «Ческого слова». Там я свел знакомство со многими высокоинтеллигентными людьми. Во-первых, с известными вождями национальных социалистов Богачем, Лоудой, Симонидесом *. Богач — это косметические фабрики; Лоуда мертвой хваткой вцепился в кнедлики, а Симонидес просто служит в одной из приходских касс. Богач — юркий непоседа, ни секунды не постоит на месте. Лоуда вял и ленив, он взирает на окружающий мир устало и равнодушно, а Симонидес постоянно трет себе нос. Красный нос Симонидеса прекрасно выделяется на фоне белых щек и напоминает прелестную цветовую гамму национально-социальной гвоздики.

Подружился я и с депутатами *. С Лысым кутил, с Клофачем кутил, а вот со Стршибрным нет; с Хоцем даже не разговаривал. Как личному врагу Клофача, ему вообще был заказан вход в нашу редакцию. Надо сказать, что Клофач терпеть не может и Фрела. А Стршибрный считает Клофача узурпатором. Лучшее депутат Экснер. Этот толстяк никого не поддерживает, но зато никого и не трогает. Пива в больших количествах не потребляет. Поэтому в партии его тоже недолюбливают. Заглядывает к нам и Бурживал. Этот милейший человек не в чести у депутата Войны. Бурживал отвечает Войне тем же, поскольку и тот и другой знают, что у обоих рыльце в пушку; оба стараются избегать друг друга, а уж если доводится им сойтись на узкой дорожке, то получается прямо как в известной песенке:

А коли встретиться случится,
то заалет он, как роза.

Вообще я замечал, что при встрече друг с другом депутаты национально-социальной партии всегда краснеют. А кое-кто, глядишь, и побледнеет, но и тогда гармония национально-социальных тонов сохраняется. А в целом депутаты этой партии все-таки очень и очень привязаны друг к другу.

Депутата Форманека я в глаза не видел. Форманек — абстинент, поэтому к делу партии равнодушен. Естественно, что и партии на него наплевать.

IV

На правах референта «Ческого слова» я присутствовал на собраниях электриков, где речь шла о том, выходить или не выходить на работу, если управление вместо удовлетворения справедливых требований ограничится обещаниями «вернуться к ним через полгода». Оно, конечно, городское управление вечно твердит одно и то же: «Как-нибудь после, потом». Но тут, на собрании от наших вождей брата Симонидеса *, брата Рогача и др., я своими ушами слышал такие слова: «Забастовка неизбежна!» А брат Лоуда поддакивал: «Да-да-да. Неизбежна».

И на секционных собраниях электриков брат Война и брат Стршибрный в унисон трижды бросали ревущей аудитории звонкий клич: «Забастовка неизбежна!»

Но за это вольнодумство управление электрических предприятий отказало нам, сотрудникам «Ческого слова», в бесплатном годовом билете на трамвай. Стршибрный, Война и др. негодовали. «Наш долг,— бушевал Война,— привлечь на свою сторону банк и торговую палату, пусть и они воздействуют на управление! Ведь речь идет о судьбах наших бесплатных трамвайных билетов». Было решено созвать собрание служащих электрических предприятий. Оно было назначено на час ночи в Ригеровых садах.

V

Служащие были полны решимости не отступить, как и в последнюю забастовку на Стршелецком острове *. Собирались, мрачные и возбужденные. «Так дело не пойдет!» И вот тут-то взял слово брат Война.

Эта сцена до сих пор у меня перед глазами. Взор брата Войны светился убежденностью, что получить бесплатный годовое билет на трамвай — его долг и право.

— Друзья! — вскричал он. — Заткнитесь! Теперь буду говорить я! Образумьтесь, рассудите здраво, подождите окончательного ответа!

— Долой! — крикнул кто-то из наших рядов.

— Друзья, заклинаю вас, — вопил Война. Душу его переполняло убеждение, что бесплатный годовой билет он должен получить во что бы то ни стало. — Не разорвайтесь, или я распушу собрание, посмотрим, какой ответ в конце концов даст управление!

— Вы слюнтяй, господин депутат, — снова раздался чей-то голос. — Я прошу слова!

Голос этот принадлежал мне. Я, организованный член национально-социальной партии, бывший редактор «Мира животных» и нынешний сотрудник «Ческого слова», прервал речь оратора.

— Молчать, идиот! — грохнул Война, председатель исполнительного комитета партии, членом которой я имел честь состоять.

— Сам идиот! — невозмутимо парировал я. — Друзья, высыпем ему!

Всыпать мы ему не высыпали, потому что брат Война успел удрать, но зато мы разорвали свои партийные билеты. А брата Фресла обозвали балбесом.

Я был весьма польщен доверием, оказанным мне в ту ночь.

VI

Ну, а потом меня вышибли из национально-социальной партии. Или, точнее, я вылетел из нее. На следующий день, когда я пришел в редакцию «Ческого слова», намереваясь приняться за общественно полезный труд штатного референта во имя дела, которому было отдано столько сил, меня уже поджидали вожди. Так некогда ждали Мартинаца и Славату* на Градчанах.

Первым, кто схватил меня за шиворот, был д-р Гюбшман. Шефрна, рассыльный редакции (нижайший поклон сему доблестному мужу—я и по сей день должен ему восемь крон), распахнул окно, и председатель исполнительного комитета вкупе с депутатом Фреслом схватил меня

за задницу и спустил с третьего этажа прямо на каток двора Сильва Тарруцци.

— Я тебе покажу, что значит партийная дисциплина! — неслось мне вдогонку.

Больше я ничего не помню.

Таким вот способом вылетел я из партии национальных социалистов и теперь ищу 200 тех служащих, которым за несколько часов до той достопамятной сходки в Ригеровых садах я твердо обещал, что стачка непременно состоится. Я прошу их написать мне по адресу: Вршовице, Палацкого, 363, и приложить марку, чтоб я мог уведомить их, в какой день и час мы сможем высечь исполнительный комитет национально-социальной партии и его председателя брата Войну.

ЧТО ПРОИСХОДИТ, КОГДА ЧЕЛОВЕК ОТРЕКАЕТСЯ ОТ ЦЕРКВИ

На Мысликовой улице в Праге жила богобоязненная супружеская чета купеческого звания. Она была дочерью состоятельного купца, а он унаследовал после отца большую лавку, которую сделал еще доходнее, вложив в предприятие деньги, доставшиеся в приданое его жене.

Так и жили супруги, вознося молитвы богу среди бочек и селедок, мешков кофе с острова Цейлона, индийских пряностей и сахара из Чаковиц *.

Молитвы их приносили плоды. Состояние супругов росло и множилось, и лампадку, висящую над входом, купец Пажоух заправлял уже не обычным лампадным маслом, а самым чистым прованским. Когда они разбогатели еще больше, в лампаде стали жечь ацетилен, а когда Пажоух купил дом, то велел вернуть в лампадку электрическую лампочку; позже, имея уже три филиала в Праге, он повесил в лавке электрический транспарант: «Благослови нас, господи». Вскоре после этого супруга его слегла и родила хорошенького, миленького мальчика, которому при крещении дали имя Богуслав. Дитя крестил сам вышеградский каноник, а богобоязненный купец Пажоух совершил в этот день немало добрых дел и среди прочих послал бедной семье рабочего Конипасека кило сахару.

В отличие от богобоязненного богатого купца рабочий Конипасек, облагодетельствованный Пажоухом, с большим трудом перебивался с хлеба на квас и казался человеком совершенно опустившимся. Случалось, что ему с женою совсем есть было нечего; потому он даже в господа бога верить перестал. И в своей неверии дошел до таких мерзких поступков, что однажды

был арестован на три месяца. Тогда он совсем забыл бога и переметнулся к Ферреру*.

Казненный Феррер стал новым божеством Конипасека; здоровался он и с Бартошеком и Мысликом, Пеланту* говорил «наздар» и «привет» доктору Боучеку*. Зато, когда проезжал архиепископ в своей коляске, Конипасек не только не снимал шапку, но дерзко кричал: почему это, мол, он сам не может кататься в коляске, ведь все мы равны. У него было много неприятностей, но сколько его ни арестовывали, Конипасек не исправлялся, а продолжал гнуть свое, твердя, что желает ездить в архиепископской коляске, и, приветствуя Пеланта, по-прежнему говорил «наздар».

У Конипасека была жена, вначале еще не столь испорченная; тогда еще трудно было предугадать, каким странным образом скажется на судьбе этой женщины известная поговорка, что дурные примеры заразительны. Сначала-то она еще верила в бога. Но вот для нее настали времена, которые называются «ожиданием материнских радостей».

Она смело глядела в будущее, и тут-то ее безнравственный супруг Конипасек начал говорить, что не позволит крестить дитя, и обратился в журнал «Вольна мышленка» за советом — что ему делать: денег на крещение у него нет, и вообще он поднимет скандал — ведь не может же он крестить ребенка, раз это противоречит его убеждениям.

Денег ему в «Вольной мышленке», конечно, не дали, зато подали добрый совет: отречься вместе с женой от церкви и просто заявить в магистрате, что у них родился ребенок и назван так-то.

Конипасек так и сделал. Отрекся с женой от церкви и, подумав, решил дать ребенку имя Феррер — Феррер Конипасек.

Вопреки всякому вероятно, то интересное положение, когда женщины неохотно показываются на улице, слишком затянулось у жены Конипасека. Городская акушерка отказалась ходить за ней; и когда стало известно, что оба супруга отреклись от церкви, а беременность перевалила уже на двенадцатый месяц, повитуха позвала ветеринара.

Ветеринар был раньше капелланом, но, после того

как капелланам отказались увеличить оклад, сложил с себя сан и получил диплом ветеринара.

Осмотрев отрекшуюся от церкви Конипасекову, он заявил, что у нее может родиться только черт мужского пола.

Его слова оправдались. Конипасекова родила чертенка, густо заросшего черными волосами, как грубошерстный пинчер. Язык у чертенка был длиною в четверть метра и светился фосфорическим светом; прекрасно развитые рожки, совершенно как у взрослого черта, прелестно загибались вперед, а хвост у него был бархатный, очень нежный, но вместе с тем, дорогие христиане, необычайно длинный!

Сначала в семье Конипасеков стоял великий стон, супруги увидели в этом перст и наказание божье. Обо всем узнал Пелант и, обзрев черта, упал в обморок. Когда его привели в чувство, он убежал, собрался было вернуться в лоно церкви, да, мучимый угрызениями совести, уехал в Америку.

Об этой истории проведал некий предприимчивый импрессарио всемирно известного паноптикума братьев Вильсон. Импрессарио посетил семью безбожных Конипасеков и предложил двенадцать тысяч фунтов стерлингов в год за показ публике черта Феррера Конипасека, то есть двести восемьдесят восемь тысяч крон.

Конипасеки сделались страшными богачами, зато у семьи богобоязненного купца Пажоуха дела шли все хуже и хуже.

Когда черту Ферреру Конипасеку исполнилось восемнадцать лет, у его родителей, даже при том широком образе жизни, который они вели, состояние перевалило за полтора миллиона. А восемнадцатилетний сын богобоязненных христиан Пажоухов, благочестивый Богуслав, успел тем временем промотать все отцовские деньги и под конец устроился слугой в дом безбожника Конипасека, который совершенно бескорыстно советует каждой семье, где ожидают ребенка: «Отрекитесь от церкви, и увидите, как господь благословит вас!»

Недавно Конипасек усыновил Пеланта, а его первый сын, черт Феррер Конипасек, до сих пор пользуется любовью публики и процветает духом и телом. Нынче он весит вместе с хвостом и языком сто восемьдесят килограммов и читает журнал «Вольна мышленка».

АВСТРИЙСКАЯ ТАМОЖНЯ

И надо же было случиться такому несчастью! Во время прогулки в окрестностях Дрездена я попал под поезд. Меня так основательно помяло, что прошло полтора года, прежде чем я вышел из больницы. Я предполагал, что вернусь в Прагу из Дрездена через четыре дня, а между тем моя прогулка затянулась на полтора года.

Впрочем, всё мы в руке божией, а я, кроме того, побывал еще и в руках медиков.

Вид у меня был ужасный. Я так до сих пор и не знаю, что от меня осталось моего собственного. Мне известно только, что восемнадцать врачей с пятьюдесятью двумя ассистентами искусно собрали меня по частям. И как хорошо собрали! Я получил свидетельство, в котором было указано, из чего именно меня склеили, чтобы дать мне возможность дожить свой век хотя бы инвалидом, — свидетельство на четырнадцать страницах.

Собственного у меня сохранился только кусок мозга, какая-то часть желудка, килограммов пятнадцать мяса да пол-литра крови, все же прочее чужое, кроме сердца, да и то сшито из моего и бычьего. Это настоящий триумф медицины.

Снаружи у меня все искусственное. Об этом тоже упоминается в вышеуказанном свидетельстве. Словом, я прекрасный пример того, как медицина может сотворить чудо, составив из различных частей нового человека.

Выписавшись из клиники, я отправился сначала на центральное кладбище в отделение, где больницы погребают части человеческого тела, и посмотрел на могилу,

где покоились мои останки. Затем я отправился на вокзал и поехал в Прагу с сознанием, что моя прогулка в Дрезден по своей продолжительности превзошла экскурсии всех туристов, когда-либо посетивших этот прекрасный город.

В Дечине мы прошли тщательный таможенный осмотр. Когда австрийские таможенники раскрыли наши чемоданы и уже успели в них порыться, взгляд одного чиновника упал на меня. Пораженный моим видом, он, очевидно, принял меня за человека, который пронесит тайком по меньшей мере сахарин. Я выглядел, как контрабандист, которому намяли бока.

— Возьмите чемодан,— предложил мне чиновник,— и ступайте с ним в канцелярию.

В канцелярии чемодан открыли, перерыли вещи и не нашли ничего подозрительного, но увидели среди других бумаг свидетельство, выданное мне в дрезденской больнице и подписанное восемнадцатью профессорами и пятьюдесятью двумя ассистентами.

— Дружище,— сказал мне, просмотрев свидетельство, чиновник,— зайдите наверх к начальнику. Иначе мы не сможем пропустить вас в Австрию.

Начальник таможни, важный служащий, прекрасно знал свое дело. Посмотрев свидетельство, он сказал:

— Во-первых, как обозначено в этом документе, заднюю часть черепа у вас заменяет серебряная пластинка. Это серебро не имеет пробы, а посему вы заплатите штраф — двенадцать крон за сто двадцать граммов серебра, согласно тарифу шесть и тарифу восемь и параграфу девятьсот сорок шесть таможенной инструкции; вы хотели тайком провезти неклеяемое серебро, следовательно, заплатите штраф в тройном размере, то есть трижды двенадцать крон, итого тридцать шесть крон. Далее следует пошлина за сто двадцать граммов серебра (литеры *b*, *f* и *g*). Согласно международному соглашению тысяча девятьсот второго года, десять геллеров с грамма, то есть со ста двадцати граммов,— двенадцать крон.

Затем левое бедро заменено у вас лошадиной костью. Будем считать это тайным провозом костей крупного скота. Следовательно, мой друг, вы причиняете ущерб австрийской торговле костью.

С какой целью вы носите в себе заграничную лошадиную кость? Чтобы вы могли ходить? Запишем в таком случае в протоколе, что вы используете лошадиные кости в промышленных целях. Не советую вам запира́ться, сударь!

Промышленность — прекрасное дело, но невыгодное для вас, потому что при обнаружении тайного провоза кости в Австрию мы взимаем высокую пошлину. Заплатите двадцать четыре кроны.

Засим здесь имеются сведения, что вместо трех ребер у вас вставлены платиновые проволочки. Вы хотите провезти в Австрию платину? Знаете ли вы, что вас за это ожидает? Штраф в трехсоткратном размере. Если эти проволочки весят двадцать граммов, штраф составит тысячу шестьсот пять крон. Вот до чего доводит преступное легкомыслие!

Но что я вижу! Здесь сказано, что одна из ваших почек, а именно левая, заменена свиной.

Сударь, ввоз свиней в Австрию из-за границы запрещен. Это запрещение распространяется и на отдельные части свиней, а посему, если вам угодно попасть в Чехию, извольте оставить почку в Германии.

Я на это не согласился и потому уже десять лет сижу в Саксонии и жду, когда аграрии, ибо я и сам аграрий, разрешат ввозить свинину в Австрию*. Тогда я вернусь на родину.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ БАРОНА КЛЕЙНГАМПЛА

Барон Клейнгампл был человек дальновидный и проныцательный и, получив в наследство от тети небольшое имение в Бытоухове, всерьез задумался над реорганизацией хозяйства.

Начал он с того, что, призвав управляющего своих новых владений, распорядился пересадить куда-нибудь старые развесистые дубы, которые росли в парке перед замком и загорали вид.

Всю неделю управляющий ходил сам не свой и, едва вспоминал о распоряжении пана барона, ему становилось нехорошо. Неужели пан барон воображает, будто вековые деревья можно пересаживать?

Управляющий пришел к хозяину с докладом и застал его в библиотеке за чтением какого-то, видимо, научного труда. После долгих предисловий управляющий заявил, что столетние дубы пересаживать невозможно и он даже не представляет себе, как это можно сделать, на что барон улыбнулся и попросил управляющего взять из шкафа большую зеленую книгу.

— Это книга о садоводстве, друг мой,— ласково произнес барон,— откройте ее там, где заложено, и вы узнаете, что это проще простого, к этому даже есть картинка. Смотрите, как тут все прекрасно и наглядно объясняется. Читайте!

Управляющий прочел:

— «Пересадка фуксии. Фуксию вынимают из горшка и осторожно, стараясь не повредить корни, опускают в другой горшок».

— Вы убедились, дорогой, как это просто. Вы вынимаете дубы из земли и переносите, куда я вам укажу, опускаете в заранее подготовленные ямы — и дело с концом. У меня грандиозные планы по реорганизации хозяйства, и ваша задача — систематически и неутомимо проводить их в жизнь, в этом залог успеха. Конечно, на первых порах мы столкнемся с трудностями, которые, быть может, даже покажутся нам непреодолимыми, скажем, как эти дубы, но мы располагаем научной литературой по всем вопросам, не говоря уж об энциклопедии, которая всегда к вашим услугам. Начнем с пересадки самого старого дуба, того, что растет перед замком. Главное, не повредить корни, каждый корень надо осторожно вынуть из земли. Дуб пересаживается точно так же, как и фуксия, ведь и то и другое — флора.

Я хочу все дубы рассадить вокруг пруда позади замка, — вдохновенно продолжал барон, и управляющий не посмел его перебивать, — или нет, лучше мы осушим пруд и вместо рыб разведем в нем дубы. По берегам пруда сделаем скамейки, и я буду отдыхать там от своих забот. Кстати, дорогой, когда цветут дубы? Это важно знать, потому что с бутонами пересаживать их нельзя. В этой книге сказано, что даже фуксию не пересаживают в период цветения. Впрочем, сейчас, осенью, мои опасения излишни. Мне пришлось поломать голову вот еще над чем: фуксию можно пересаживать только в теплом помещении. Спрашивается: а как быть с дубами? Дубы ведь тоже чувствительны к холоду. Что же, я нашел практичное и остроумное решение. Перед посадкой мы будем разогревать землю вокруг дубов, для чего поставим в осушенном пруду портативные кирпичные печи; в них же будем греть землю для засыпки корней. Пересаживать будем днем, так как даже фуксию не рекомендуется пересаживать ночью, иначе пожелтеет листва.

Дубам во время пересадки также вреден дождь, поэтому в случае непогоды, когда будем вынимать дерево из земли, работникам придется залезть на вершину и держать там раскрытые зонтики, пока не закончим пересадку.

Да, вот еще о чем я хотел вам сказать. В ямы, оставшиеся после дубов, мы посадим финиковые пальмы. Представляете себе фурор, когда мы снимем первый уро-

жай! А что касается хозяйственного эффекта, то намного выгоднее в дальнейшем вообще разводить только финики. Я много размышлял над этим и понял, как надо понастоящему перестроить наше хозяйство. Скажите, почему у нас никто не сажает финики? Все потому, что лень! А я буду вывозить финики во все страны мира. Ведь земля у нас отличная. Вчера я ходил в поле и был приятно удивлен: вот, говорю, великолепная свекла, а эконом отвечает: «Прошу прощения, пан барон, это не свекла, а картошка». Если картошку нельзя отличить от свеклы, ясно, что земля здесь отличная. Но ботва на картофеле была очень сухая и поломанная. В будущем году каждый картофельный куст надо будет подвязывать на длинные палки, как это делают с хмелем и виноградом. Это тоже даст нам немалый хозяйственный эффект: картофель будет виться вверх по шестам, его не придется выкапывать из земли, а только срывать с веток; собирать такой картофель куда быстрее, да и работа чище. Такое ведение нашего хозяйства любого убедит в его рациональности.

Следует экономнее использовать полевые угодья. Для чего, черт побери, одно поле мы засеваем пшеницей, другое — рожью, третье — овсом, четвертое — ячменем? Распорядитесь сделать так: все эти семена смешайте и засейте ими одно поле. Рядом с пшеницей на нем заколосятся рожь, овес и ячмень. Этим мы, во-первых, добьемся экономии места, а во-вторых, времени, так как нам не придется один день косить только овес, другой — только рожь и так далее. Зимой же, когда в поле делать нечего, работники будут перебирать обмолоченное зерно и раскладывать его на разные кучки. Со временем мы введем и другие усовершенствования, в первую очередь примем меры против града: будем выращивать хлеб под тентом или под большими навесами; на южном склоне разведем какао и кофе, будем сеять пшено и крупу. Хозяйство очень запущено, но я надеюсь, общими усилиями нам в короткие сроки удастся поднять его. Что касается мелкой домашней птицы, мы и тут должны провести кое-какие реформы. Будем разводить крупные породы кур, для этого велите скрестить кур с гусями, а когда наседка бросит водить цыплят, не спускайте с них глаз, чтобы петухи не сожрали их. Боровы это делают с поросся-

тами. Свиньи нечистоплотны, любят валяться в грязи, а это неблагоприятно сказывается на вкусе их мяса. Поэтому прикажите всех поросят покрыть нитролаком и просушить у печки. Ведь почему поросята любят грязь? Они хотят быть черными, а не белыми. Если мы пойдем им навстречу и покроем их лаком, они и думать забудут про грязь и сразу станут жизнерадостными! Для повышения удойности устроим коровам бани, а у чистой здоровой коровы и молоко вкуснее.

Вот так-то, дорогой мой управляющий. Мы должны неуклонно добиваться прогресса. Ну, а теперь всего хорошего, ступайте и поразмыслите обо всем, что я вам сказал.

Управляющий тотчас отправился топиться.

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

Затмение кончилось. Солнце светило все ярче и ярче, и тогда господин судебный советник Юрис в сердцах швырнул на землю зеленое и желтое стекло.

Я стоял рядом с советником в комнате, когда он произнес:

— Я с самого начала подозревал, что это какое-то надувательство. Уже второй раз затмение солнца меня обманывает. В первый раз, это было лет пятнадцать назад, и затмение-то, в общем, было совсем пустяковое, третью часть солнца вряд ли закрыло. Ну, а тоже говорили, что наступит почти полная темнота. Я достал тогда черные очки, но, как сейчас помню, был весьма разочарован. Я, видите ли, очень увлекаюсь астрономией, и этот интерес всецело разделяла со мной и моя супруга, а вместе с ней и господин доктор Кавка. Тот побывал во время своих научных поездок в известных швейцарских обсерваториях. И из обсерватории на Монблане привез даже снимки прохождения Венеры по солнечному диску. У меня была красивейшая вилла в Крушных горах, на лысой вершине большого холма. Чуть пониже, буквально в нескольких шагах, рос лес, а дальше виднелись только горы, которые со всех сторон, словно венцом, охватывали холм с моей вилой. Если вы смотрели вверх, на небесный свод, особенно ночью, вам казалось, что вы видите небо со дна воронки. В этой вилле мы устроили крохотную домашнюю обсерваторию и оттуда наблюдали все 7 тысяч звезд от первой до шестой величины, видимых

простым глазом. А когда мы брали в руки бинокль, небо оказывалось сплошь усыпанным звездами, словно мелкой крупой. Господин доктор Кавка умел научно объяснить все эти небесные явления, и именно это пленяло мою супругу. Мне астрономия тоже доставляла радость и до сих пор интересует меня, но я не утруждаю себя излишними размышлениями на этот счет. Мне даже кажется иногда бессмысленным объяснять, что малюсенькая звездочка седьмой величины, которая светится в созвездии Большой Медведицы, удалена от нас на 340 триллионов километров и что, если можно прибегнуть к такому сравнению, курьерский поезд при скорости 120 километров в час преодолел бы это расстояние за 325 миллионов лет.

Морочить таким образом кому-нибудь голову мне не нравилось, и я вовсе не собирался утолять любопытство моей жены. Впрочем, здесь был доктор Кавка. Ему-то она и задавала сотни своих вопросов. Частенько, сидя поздно вечером на веранде и докуривая свою последнюю сигару, я слышал нежный голосок своей супруги и ее несметные вопросы, которыми она засыпала господина доктора Кавку в саду у подножия террасы, когда они наблюдали какую-нибудь неприметную неподвижную звездочку, затерявшуюся среди бесчисленных светящихся точек на небосводе.

Я слышал, как моя жена спрашивала, долго ли пройдет туда курьерский поезд, товарный поезд, автомобиль, скоро ли доберется туда человек на велосипеде и тому подобное. На это доктор Кавка отвечал: товарный поезд, идущий с такой-то скоростью, достиг бы звезды в такой-то срок. Словом, в ответ на все вопросы он так и сыпал цифрами. Он все подтверждал теориями, и само собой понятно, как я убедился позднее, во всем этом не было и крупинцы истины, поскольку потом он так жестоко обманул меня с солнечным затмением. В саду наступала тишина, потому что молодые люди смотрели на звезды, и мне иногда казалось, что они при этом держали друг друга за руки. Ничего удивительного в этом не было. Моя жена вечно хватала его за руку, представляя себе, что звезда, на которую они смотрят и о которой говорят, летит в пространстве с невиданной скоростью — 30 миллионов километров в сутки. Это хоть кого ошеломит! Голова за-

кружится, как подумаешь об этой ужасной скорости движения небесных тел, и можно упасть, если кто-нибудь вас не схватит в объятия. Это нередко случалось с моей женой, когда она вместе с господином Кавкой смотрела в саду на эту бездну звезд, и господин доктор, словно Фламарион*, сочинял свои астрономические сны. Очень любопытно, как в такие звездные ночи в зрачке человека отражаются звезды, конечно, такие маленькие, что в глазу видны 534 звезды от первой до четвертой величины.

Вот сколько насчитал доктор Кавка, долго глядя в саду звездными ночами в красивые голубые глаза моей супруги! Я тем временем наслаждался сигарой на уютной веранде и, довольный сытным ужином, радовался прекрасной мирной ночи. Ведь у нас была превосходная повариха! Жизнь меня радовала, и я смотрел на небесный купол, на горные вершины вокруг. Их темные силуэты всегда напоминали мне, что за ними лежит город, где можно достать все необходимое для приличного стола. Через день туда ездила наша повариха со служанкой. Там все было так недорого! Цыплята стоили дешевле, чем в деревне, расположенной в соседней долине, и были гораздо крупнее. Кроме того, я представлял себе, как, вероятно, было бы тоскливо пожилому человеку вроде меня, не будь здесь такой молодой веселой жены, как моя, и такого предупредительного друга, как господин доктор Кавка.

Но иногда он приводил меня в недоумение, приходя пожаловаться мне на капризы и прихоти моей супруги. Так, ей вдруг взбрело в голову устроить ночную прогулку на ближнюю горную вершину, откуда открывался сказочный вид, когда все леса и вершины купались в лунном свете. И жена настаивала, чтобы я непременно пошел вместе с ней. Но я отказывался ходить куда бы то ни было, предпочитая спокойно курить свою сигару на веранде в плетеном кресле, а не карабкаться ночью по каким-то каменистым кручам.

Я давал им в прожатые своего пса Барри, но это было лишь раза два, потому что собака всегда ужасно рычала на господина доктора Кавку. И когда они достигали цели прогулки, я узнавал об этом, сидя на веранде, по страшному лаю, который всякий раз подымал Барри.

Однажды он даже вцепился сзади в штаны доктора Кавки.

Так мирно шло это лето, пока не наступил день солнечного затмения. Жена с доктором Кавкой заказали мне в городе черные очки, а себе комбинированные стекла, зеленые и желтые, и съездили даже один раз в Прагу за черной занавесью и биноклем. Всю неделю перед затмением за столом только и разговоров было, что об этом явлении природы. Господин доктор Кавка все время утверждал, что ровно в полдень наступит полная темнота и в двух шагах ничего не будет видно и что все это произойдет внезапно, словом, говорил так, как писали в те дни газеты о полном солнечном затмении, которое, однако, оказалось таким же шарлатанством, как и пятьдесят лет назад.

Когда наконец наступил этот день, мне дали черные очки, сунули бинокль в руки и послали меня в 12 часов 12 минут дня наверх в башенку, где располагалась наша маленькая обсерватория. А жена и доктор Кавка остались внизу и смотрели на небо из столовой в комбинированные стекла. Я мог проглядеть все глаза, ожидая, когда небольшая черная тень, которая была на краю солнечного диска, дойдет до его середины. Я, как дурак, высидел три четверти часа, глядя на солнце, а оно хоть бы что. Я снял очки и спустился вниз — спросить господина доктора Кавку, не ошибся ли он. И вот, видите ли, он чертовски надул меня с этим затмением. Моя жена сидела у него на коленях и застегивала блузку. Но, правда, их лица были бледны, как у покойников. Вот и сегодняшнее затмение опять одно надувательство.

СОСЛОВНОЕ РАЗЛИЧИЕ

Приказчик Никлес и управляющий именем Пасер были закадычные друзья. Каждый день они сидели вместе в просторном деревенском трактире «У Тиски». Там хорошо знали, что их водой не разольешь и что все проделки, баламутившие деревню, устраивались ими обоими совместно. Приказчик Никлес очень любил управляющего Пасера, но кое-что, и притом весьма неприятное, все-таки разделяло их, так что Никлес имел порой весьма хмурый вид. Это было нечто возмутительное, вызывавшее в Никлесе раздражение, на какое только была способна его добрая душа. Всякий раз, как оба они вместе выпьют в трактире и устроят одну из своих веселых проделок, состоявших обычно в том, чтобы схватить ночью общинного сторожа и скинуть его куда-нибудь в канаву, вся деревня твердит в один голос: «Вчера, мол, приказчик Никлес нализался, как свинья, а пан управляющий был немножко навеселе».

На самом деле оба были в одинаково веселом настроении, выпили одинаковое количество, у обоих мозг находился под одинаковым воздействием винных паров. Но что поделаешь? Глас народа утверждал, что «приказчик Никлес нализался, как свинья, а пан управляющий был немножко навеселе».

Не приходится поэтому удивляться, что приказчик Никлес страстно желал, чтобы соотношение изменилось. Оттого-то всякий раз, вспомнив, что о нем говорят в деревне, он становился умеренным и за то время, пока управляющий Пасер выпивал три кружки, сам выпивал

только одну,— так что под конец на счету управляющего было тридцать кружек, а у него только десять, то есть получалось совершенно правильное соотношение 3 : 1, и в такие дни никаких проделок не устраивалось. Никлес поддерживал управляющего, тихий, задумчивый; пан управляющий шумел на всю деревню, ругая трактирщика Тиску, в то время как Никлес вел себя в высшей степени прилично. И тем не менее на другой день он узнавал, что на вопрос, почему они вчера так долго сидели, трактирщик Тиска отвечал:

— Да знаете, приказчик Никлес нализался, как свинья, а пан управляющий был немножко навеселе.

Никлес понимал, что все дело в глубоком социальном противоречии, что тут сказывается глубокое сословное различие: как это он, Никлес, может равняться с паном управляющим! И мало-помалу мечтой его стало услышать хоть раз:

«Да, приказчик был немножко навеселе, а вот пан управляющий нализался, как свинья».

Но желание его оставалось неудовлетворенным. Все, как уже вошло в привычку, выражались почтительно по отношению к пану управляющему, хоть напейся он до положения риз. И по дороге домой в имение, находившееся в получасе ходьбы, Никлесу приходилось выслушивать из уст самого управляющего те жестокие слова, от которых он всегда падал духом:

— Вот опять я нынче навеселе!

В конце концов Никлес был вынужден склониться перед общим мнением и признать, что, как бы ни нагрузились они оба, он, Никлес, непременно «нализался, как свинья», а пан управляющий «был немножко навеселе». Пускай управляющий еле на ногах держится, а он, Никлес, шагает совершенно прямо — все равно пан управляющий «немножко навеселе», а он всегда «нализался».

Как-то раз управляющий и Никлес опять пили наравне, да так, что, по тамошнему выражению, на душе у них птички чирикали. Приказчик пил с горя, на все рукой махнув, а управляющий — с легким сердцем, не опасаясь за свою добрую репутацию. Потом они пошли бродить по деревне и, уже в полубессознательном состоянии, увидев на площади какого-то человека в мундире, столкнули его в пруд. Это была одна из их обычных шу-

ток, за которые пан управляющий каждый вечер угощал общинного сторожа пивом и сигарой. Но, как говорится, от своей судьбы не уйдешь. Не ушли и они. Оказалось, что на этот раз им попался не общинный сторож, а полицейский, совершавший обход и охраняемый параграфом 81-м Уголовного кодекса, где ясно сказано об ответственности за насилие над должностным лицом, находящимся при исполнении служебных обязанностей.

С этого момента над обоими нависла угроза тюрьмы. Такие дела рассматривает окружной суд, — тут уездного недостаточно. И вот оба предстали перед окружным судом в Ичине. Оба сослались на опьянение, назвав в качестве свидетелей трактирщика, старосту и еще трех деревенских, находившихся в тот вечер в трактире и видевших, что они выпили по тридцать кружек пива.

Первым был вызван трактирщик Тиска.

— Расскажите, свидетель, как было дело с подсудимым Никлесом, — спросил председатель суда. — В каком он был состоянии, уходя из вашего заведения?

— Многоуважаемый пан председатель, — солидно ответил Тиска, — вот как перед богом, этот самый Никлес нализался, как свинья.

— Ну, а управляющий Пасер?

— Многоуважаемый пан председатель, — промолвил трактирщик, почтительно глядя на управляющего, — пан управляющий был немного навеселе.

Это было запротоколировано.

Перешли к допросу других свидетелей. Все они отвечали одно и то же: «Приказчик — тот нализался, как свинья, а пан управляющий — ну, был немножко навеселе».

Вопрос был ясен, и приговор напрашивался сам собой. Управляющий, который был только «немножко навеселе», получил месяц тюрьмы, а «нализавшегося, как свинья», Никлеса отпустили на все четыре стороны, поскольку он за свои действия не отвечал. Сверх того, он имел еще удовольствие услышать тотчас вслед за оглашением приговора отчаянный вопль управляющего:

— Господи, да я ведь тоже был как свинья!

Но это не помогло.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОГО РОМАНА

— Без копейки денег Джузеппе Боро приезжает в Триест. Под именем графа Олариха фон Айзенфельса он поселяется в гостинице Битторнеля. У владельца гостиницы красавица дочь Лючия. Она влюбляется в самозваного графа, однако в городе его выслеживает матрос, мерзавец Лоренцо, которому известна тайна из жизни Боро: Боро убил в Риме соблазнителя его сестры и трех его сообщников. Боясь разоблачения, Джузеппе Боро открывается во всем Битторнелю за бокалом вина. Они дают друг другу братскую клятву отравить Лоренцо и успешно справляются с этим, пригласив того выпить с ними. Испытывая затруднения с ликвидацией трупа, они посвящают в дело Лючию и с ее помощью, запрятав труп Лоренцо в мешок, выносят его под покровом ночи из города, задумав бросить тело в горное ущелье. Они достигают обрыва, но тут их нагоняет полицейский. Лючия выручает всех, пронзив сердце полицейского кинжалом в тот момент, когда он спрыгивает с лошади, чтобы выяснить обстановку. Наконец трупы Лоренцо и полицейского благополучно сброшены в ущелье. Но тут внезапно раздается ржание покинутой лошади, слышится приближающийся конский топот, и появляется второй полицейский. Джузеппе Боро укладывает его на месте выстрелом из пистолета, и все преспокойно отправляются по домам. Продолжения у меня пока нет, господин издатель.

И молодой человек, сидевший напротив издателя уголовных романов Томса, виновато взглянул в глаза этому добряку, когда тот воскликнул:

— Ну, знаете ли, господин Крамский, это переходит всякие границы! А что дальше? Куда вы денете остальные трупы? Нет, ваши люди останутся на месте, так как на выстрел явится еще один полицейский патруль. Завяжется жуткая схватка, кому-нибудь свернут шею и так далее. Вот как я себе это представляю, понимаете, молодой человек? А с огнестрельным оружием, между прочим, надо обращаться осмотрительней. Вы затеваете перестрелку среди ночи, имея, можно сказать, на руках труп, от которого вам предстоит отделаться. И это в тот момент, когда одного полицейского вы уже прикончили! Непозволительная ошибка, приятель, непозволительная. Они же сразу себя обнаружат. Если ваша Лючия так ловко орудует кинжалом, пускай она заколет и второго полицейского.

Господин Томс встал, опершись на стол, и в полупустом кафе прозвучал его громкий негодующий голос:

— Почему, я вас спрашиваю, вы не прирезали и второго полицейского? Кинжал в сердце—и делу конец. Разумеется, по шаблону действовать нельзя, номер не пройдет! Ох, и молодежь нынче пошла! Вы же знали покойного Хорвата? Вот кто владел кинжалом! Он начал в 1900 году и подвизался до 1905-го. И где?— В Германии! И применял только яд или кинжал! Скажите — ну кто стреляет ночью? — вы сразу попадетесь; и объясните мне на милость, как вы выпутаетесь затем из такого положения? Говорю вам, как отец. Вы парень понятливый, и я надеюсь, что еще не все потеряно. Выберите подходящий момент и скрывайтесь. Разумеется, после случившегося нечего и думать о возвращении в город. Придется поискать другой выход. Для начала займитесь грабежом. Убивайте женщин и детей. Лючию можно посадить в тюрьму, а после выпустить на свободу. Для этого отправляйтесь в город, где томится за решеткой Лючия, и прихлопните надзирателя. Я бы рекомендовал для этого резиновую дубинку, упаси боже — не револьвер, не то вы опять наделаете шуму и поднимете всех на ноги.

— Даю слово, что стрелять больше не буду,— заверил его молодой человек.— Большое спасибо за совет. Скажите, а яды можно употреблять? Какой яд не оставляет следов?

— Сразу видно, что вы совсем новичок и у вас не было практики, какая, скажем, была у покойного Хорвата. Любой яд оставляет следы, которые обнаруживаются при вскрытии. Это, конечно, ничего, пускай вскрывают и найдут, скажем, стрихнин. Но особенно ядами не увлекайтесь. Отравлять лучше всего богатых родственников и тому подобное, только не сразу, а постепенно, это интереснее. Да, когда ухлопаете надзирателя и все будет в порядке, не забудьте, что наша эпоха требует ограбления банков. Служащих усыпляете хлороформом или незаметно впрыскиваете им в кровь яд кураре. Тяжелые стальные сейфы взрываете при помощи динамита. Тут можно пустить в ход и револьвер, тут уж револьвер незаменим, особенно браунинг — прекрасная вещь! Недурно бы устроить нападение на поезд. Не забывайте и про театры, рестораны, кафе; а всякого, кто вздумает оказать вам сопротивление и не захочет расстаться с деньгами, убивайте безжалостно, как собаку. Как собаку, молодой человек! А теперь желаю успеха.

Они встали из-за стола и с удивлением увидели, что перед ними, подняв руки вверх, стоят на коленях посетители кафе, официант, пикколо, владелец заведения и с немой покорностью судьбе молят о милосердии.

КОНЕЦ СЯТОГО ЮРО

— Отец Мамерт,— обратился ко мне как-то настоятель Йордан,— святой Юро давно уже не творит никаких чудес.

Это была несомненная правда. Меня приняли в Бецковский монастырь младшим членом ордена францисканцев в ту пору, когда у нас объявился грозный конкурент во Фриштакском монастыре доминиканцев*.

То была статуя святой Петронилы. Не прошло и двух дней после моего водворения в общество старых монахов Бецкова, как во Фриштаке, в саду доминиканского аббатства, перед статуей святой Петронилы разверзлась земля, и с тех пор никто уже не обращал внимания на нашего доброго святого Юро. Вода сильной струей била из-под святой Петронилы, и все паломники сворачивали к Фриштаку. И до того грустно становилось нам, когда с башни нашего монастыря мы наблюдали, как по равнинному берегу зеленоватого Вага движутся толпы крестьян с хоругвями и пропадают в синеющей дали, где-то в направлении Фриштака.

А про нас и думать забыли.

Не могли же мы останавливать эти процессии, прошедшие путь от самой Жилины, Ружомберока, Тренчина, а то и из Опавы, и говорить им: «Глупые вы, во Фриштаке есть один парень, который до поступления к доминиканцам учился на геолога. Земля под святой Петронилой разверзлась потому, что он велел вырыть там колодец. Дурни вы мои золотые, оставайтесь у нас, здесь к вашим услугам святой Юро, а это надежный, проверен-

ный святой. Вы уже, конечно, этого не помните, но когда-то, много лет назад, куманы отрубили под Бецковом голову одному священнику, и когда люди с плачем принесли ее вместе с телом в костел и положили перед святым Юро, то голова вдруг снова приросла к туловищу, священник встал и изрек: «Чрезвычайно вам благодарен!» Вот доподлинное чудо святого Юро, и если вам этого мало, то уж другое чудо вы должны хорошо помнить: когда однажды монастырь горел, статуя святого Юро соскочила с пьедестала в костеле, вскарабкалась на колокольню и забила в набат. Так монастырь был спасен от огня. А когда сбежались люди, святой Юро самым преспокойным образом стоял уже на своем месте.

Золотые мои идиотики из Фриштака, вы покупаете за большие деньги немного обыкновенной грязной водицы, а ведь вам гораздо дешевле обошелся бы ножичек с надписью «На память о паломничестве в Бецков». Это предмет вполне практичный, и приобрели бы вы его за какие-нибудь полгульдена. Если вас одолевают любого рода немощи, мы исключительно дешево можем предложить вам различные части человеческого тела, сделанные из воска. (Настоятель рассказал мне однажды, как в лучшие времена подошел к брату-монаху, продававшему восковые конечности, один странничек и говорит: «Я страдаю, ваша милость, у меня только одна нога». Тот дал ему за гульден восковую ногу и уверил, что нога у него снова отрастет. Через год странника подвезли к монастырю в храмовый праздник уже на телеге. Подкатили к тому брату-монаху, тут наш добряк привстал и с горящим взором воскликнул: «Ваша милость, произошло чудо! Моя нога не хотела отрастать. Я начал клясть все на свете, а она все не отрастает и не отрастает. Тут я и молиться совсем бросил. Вот поезд и переехал мне вторую ногу, так что пришлось ее отнять. Покупаю у вас две восковые руки, чтобы господь бог хоть руки-то мне сохранил!»)

Но это только так, между прочим. Разоблачить мошенничество во Фриштаке мы не могли и посему пребывали в скорби. Процессии по-прежнему тянулись мимо нашего монастыря на юг, у нас же никто не останавливался.

В нашем монастыре было довольно большое колбасное производство. Когда-то за наши копченые сосиски паломники готовы были драться. Кто покупал пять сосисок, получал в придачу образок. А того, что вдруг купил бы сотню, стали бы поминать в заупокойной мессе. Чего уж там скрывать: на сосиски шла самая бросовая свинина. И все же, честно говоря, моим монастырским дружкам далеко было до наших соседей-доминиканцев. Наша святая братия не понимала, что такое прогресс. Не умела заманить паломников.

Итак, когда старый настоятель Йордан сказал мне: «Отец Мамерт, святой Юро давно уже не творит никаких чудес», — я только пожал плечами. «Не знаете, нет ли у нас какой-нибудь воды?» — продолжал он. Я снова пожал плечами. В нашем монастырском колодце воды было совсем мало, а найти ее в костеле, который стоит на скале, и вовсе невозможно.

Настоятель Йордан нервно постукивал пальцами по дубовому столу, говоря: «И как только не подумали о такой важной вещи!» Но потом, когда он отпил немного вина, лицо его прояснилось. Он ударил кулаком по столу и воскликнул:

— Святой Юро должен отправиться к воде. Так или иначе, но он должен туда попасть!

Он схватил меня за руку, потащил к окну и показал вниз, где катил свои волны зеленый Ваг. Я все понял.

— Сегодня ночью у меня будет видение, — произнес он многозначительно.

Хотел бы я когда-нибудь увидеть такой прекрасный сон, какой видел нынешней ночью наш старенький аббат Йордан. Среди ночи в его келью, наполнив ее райским благовонием и сиянием, вошел святой Юро и сказал ему:

— Йордан, Йордан! Я должен пойти к воде. Не могу больше смотреть на то, как совсем рядом течет никем не замечаемая чудодейственная вода Вага.

Потом наш аббат услышал необычайно нежную мелодию, а святой Юро вернулся обратно в костел, на свой пьедестал.

Вот мы и отнесли его тогда к Вагу. Это был великолепный праздник. Из Шашчина и даже с Моравы

из Ланжгота прибыли разукрашенные конные процессии.

Теперь у нас была собственная чудотворная вода. И сколько! Целый Ваг, так что воды хватило было на весь христианский мир.

И снова потекли к нам толпы паломников. Мы сделали возле Вага специальный резервуар. Воду продавали втридорога. Кто хотел искупаться, тоже должен был платить денежки. Наконец мы стали даже продавать плавки, а без них в реку никого не пускали.

И надо же случиться такой чертовой напасти — пришел тиф. Тогда стояла большая вода, повсюду было полно илу, и люди покупали этот ил бутылками. Но тут умер у нас один паломник, потом еще двое, люди начали терять к нам доверие. Все было бы не так уж плохо, если бы неожиданно на нас не свалилась страшная весть.

Мы как раз переживали новый расцвет, когда прошел слух, что в доминиканское аббатство во Фриштаке привезли какие-то аппараты. Что бы это могло означать?..

Скоро мы все поняли.

Фриштакские доминиканцы начали вырабатывать содовую чудотворную воду с гарантией от всех вредоносных бактерий!

Мы остались с носом. И было у нашего настоятеля новое видение. Якобы явился ему святой Юро и рек:

— Не нравится мне у воды. Иной раз, когда Ваг выходит из берегов, стоишь несколько дней кряду по колено в воде и ждешь, пока она не спадет. Хочу на свое старое место.

Я отпустил тогда замечаньице насчет того, что, на мой взгляд, все боятся подагры. И снова сидели мы грустные после праздника торжественного перенесения статуи. Хоть бы какие-нибудь жалкие остатки этих толп, идущих к доминиканцам, заманить к себе!

И тут я вспомнил о существовании граммофона. Органа у нас нет, но что, если святой Юро начнет петь какую-нибудь набожную песню?

— Так купите, отец Мамерт, эту дьявольскую машину, — велел мне аббат Йордан, — и еще что-нибудь светское... Очень уж скучно стало у нас в монастыре.

— Слушаюсь, *reverendissime*¹.

И я поехал в Вену покупать граммофон и пластинки.

Когда снова в один из праздников капелла была полна народом, я завел в прикрытой ковриком нише за статуей святого Юро граммофон.

Видно, черт меня попутал или я еще с Вены не протрезвился окончательно, но только до ушей благочестивых паломников вдруг донесся величественный хорал:

«Нор, mei'Mädrle, хор...»²

Не солгу вам: настоятель Йордан, как колода, свалился со скамьи, обитой по случаю праздника красным плюшем.

Для него это было чересчур сильное потрясение.

¹ Ваше преподобие (*лат.*).

² Гоп, моя девочка, гоп... (*нем. диалект.*)

ПОСОБИЕ НЕИМУЩИМ ЛИТЕРАТОРАМ

Карел Яролимек был неплохой и довольно популярный писатель. Поэтому издатели систематически эксплуатировали и обирали его. Когда выходил очередной сборник его рассказов и Яролимек являлся за гонораром, издатель ругал его на чем свет стоит и божился, что сам не знает, кой черт дернул его напечатать такую чепуху.

В рассказах Яролимек благоухали луга, синее небо расстилалось над умолкнувшими рощами, солнце закатывалось в вечерней тишине (в разливе невероятно ярких красок) и затихало пение птиц. Все эти чудесные вещи совершались единственно для того, чтобы Карел Яролимек мог купить себе к ужину копченых сосисок. В процессе творчества Яролимек не забывал подсчитывать строчки и поэтому писал поэтически и пространно. Он перечислял все цветы в поле, долго занимался воробьем, пролетевшим над головой героя, и особенно налегал на диалоги в тех случаях, когда оплата была построчная.

С безмятежностью праведника он писал:

«...Оскар заранее знал, что скажет:

— Да. А разве вы не такого мнения?

— Нет.

— А почему?

— Потому!

— Почему же, Эмилия?»

И Яролимек подсчитывал: «Пять строк по 5 геллеров (больше ему никто не платил)— это как раз пара сосисок. Или, если прибавить геллер, бутылка пльзеньского».

Жизнь Карела Яролимек протекала в борьбе с изда-

телями и редакторами, у которых он с невероятной настойчивостью выклянчивал авансы.

В один прекрасный день он сидел с газетой в кафе, задумчиво потирая лысину. Он прочитал в газете, что министерство просвещения учредило фонд государственных пособий для писателей. Эта мысль возникла в голове добряка министра просвещения. Посоветовавшись с министром финансов, он сказал:

— Бросим им этот куш, пускай жрут.

«Им» значило писателям, этим бумагомаракам, иродову племени.

Не долго думая, Яролимек подал ходатайство о пособии, подкрепив его соответствующими бумагами о том, что он действительно писатель. В ходатайстве он написал, что постарается высоконравственным поведением оправдать доверие властей, коль скоро оно будет ему оказано.

В тот вечер он даже не пошел в кафе, да и потом целых две недели все обдумывал, как распорядиться привалившим ему богатством. В смутных мечтах о будущей безоблачной жизни он уже представлял себе, что отдаст в починку башмаки. Австрийское правительство снабжает чешского писателя средствами на починку сапог! Какая трогательная картина!

Шли недели и месяцы. К концу пятого месяца писатель стал немного нервничать. Миновал год, и Карел Яролимек лишь горько усмехался при упоминании о ходатайстве. Он уже свыкся с мыслью, что зря потратил 25 геллеров на заказное письмо. На это ушел гонорар с пяти строчек по пять геллеров:

«— Оскар!

— Что?

— Ты ничего не знаешь?

— Нет, Ольга.

— Скоро узнаешь, Оскар!»

Прошел еще год, и Карел Яролимек неожиданно получил вызов в полицейский участок. «Никогда ни в чем не был замешан»,—решил он и бросил повестку в огонь. Немного погодя пришла повторная повестка. Ее принес полицейский в штатском платье и, как потом узнал Яролимек, сказал швейцару:

— Не знаю, в чем тут дело, но приглядывайте за этим типом.

— Будьте покойны,— отозвался швейцар.

Эта повестка тоже отправилась в печку. И тут наступили неприятные события. Яролибек вернулся домой в третьем часу ночи и улегся спать. В пять утра в дверь забарабанили, и сонный писатель услышал:

— Именем закона, отворите!

Испуганный, он в кальсонах зашлепал к дверям. В квартиру ворвались двое полицейских.

— Велено забрать вас. Ведь вы Карел Яролибек?

— К сожалению, это я.

— Бросьте глупые шуточки. Велено доставить вас к господину советнику, он вас давно хочет видеть. Ну-ка, прихорашивайтесь поживее, не то мы сами всунем вас в брюки.

— Помилуйте, ведь только пять часов утра, советника на службе нет... и я ни в чем не виноват!

— Ну, пошел хныкать! Заткнись, чертова кукла! Господин советник сказал вчера вахмистру, чтобы послали за вами. А уж мы знаем, как найти человека. Преступника надо брать в кровати. А придешь в восемь часов, так гнездышко уже опустело и птичка — фьюить!

Они нахлобучили на него шляпу и вывели на улицу.

— Пожалуйста, не хватайте меня за шиворот!

— Попридержи-ка язык!

— Я буду жаловаться!

— Мы тебе пожалуемся...

Яролибека привели в участок. Сонный вахмистр курил трубку. Он спросил коротко и ядовито:

— Ага, это вы Карел Яролибек? Тот, который изволит уклоняться от вызовов?

— Д-да.

— А чем занимаетесь?

— П-пи...писатель.

— А что вы пишете? Составляете опись имущества?

Вахмистр лег на койку, зевнул и распорядился:

— Обыскать — и за решетку!

Яролибека обшарили и ввергли в одиночку. Щелкнул ключ, и писатель остался один. Впрочем, одиночество длилось недолго, через несколько минут на него набросилась армия клопов.

Карел Яролимек взбунтовался. Он соскочил с нар и отчаянно заколотил в двери камеры.

— Пустите, я же Карел Яролимек!

— Потому и сидишь тут,— отозвался голос,— а не утихомиришься, наденем смирительную рубашку.

— «Приключения Карела Яролимека», «Похождения Карела Яролимека», «Гибель Карела Яролимека»,— бормотал Карел Яролимек в полнейшем отчаянии, завалившись на нары.— «Злоключения Карела Яролимека», «Как Яролимек попал в беду»...

Он обдумывал название нового рассказа.

Между тем тучи клопов, облепив тело писателя, повели тщательную разведку местности, отчего его кожа покрылась волдырями. Это было ужасное утро.

В половине девятого за ним пришли. Немытого, искусанного и растрепанного, его отвели на второй этаж.

— По вашему распоряжению, господин советник, доставлен Карел Яролимек.

Писатель стоял совершенно ошалелый.

— Прошу садиться,— произнес пожилой советник и указал на стул.

— Прикажете посторожить?— заикнулся было один из полицейских, но, увидев, что господин советник подает преступнику руку, оба отошли на цыпочках.

— Я велел пригласить вас, господин Яролимек, для того, чтобы выяснить ваше материальное положение. Двадцать лет назад вы подавали ходатайство о государственном пособии, не правда ли?

— Виноват, господин советник, не двадцать лет, а два года назад.

— Ага, припоминаю. Двадцать лет назад ходатайствовал некто господин Часал. К сожалению, его не удалось найти. Впрочем, мы установили, справившись в энциклопедии, что он уже девять лет как скончался. Стало быть, это определено не вы.

Советник соболезнующе оглядел Яролимека, который стоял перед ним без воротничка и галстука, неумытый, измятый и истерзанный.

— М-да, видимо, вы действительно нуждаетесь,— произнес он.— Дело вот в чем. В связи с вашим ходатай-

ством министерство просвещения просило нас выяснить ваше материальное положение. Вижу, что вы не богач.

— Вы вполне правы.

— Так вы писатель? Значит, сочиняете?

— Совершенно верно, господин советник.

— Как же, знаю, читал даже ваши произведения. Этакие книжки, прекрасный шрифт, черные буквы. Отлично помню. Смотрел также ваши личные документы. Судимостей у вас нет, это — смягчающее обстоятельство... то есть я хотел сказать, это очень хорошо. Вы хотя и бедный, но вполне приличный человек, несмотря на ваше занятие. Можете идти.

*

Через восемь недель Карел Яролимек получил из Вены пособие — сто двадцать крон из фонда для неимущих литераторов. Он был страшно рад, что все так счастливо кончилось.

«ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ, ТЫ ВСЕМОГУЩА...»

Сперва он стеснялся, но потом при встречах с этой наивной девочкой был уже смелее. Он изъяснялся весьма цветистым и сложным слогом, позаимствованным из диковинных статей в журналах для юных дарований, начинающих там свою литературную карьеру, и из сочинений Ружены Есенской *, деятельность которой завершается тем же, чем начинают семнадцатилетние гимназисты в своих тайных школьных журналах — образами поледниц *, бесшумно шагающих по полевым межам.

Ему было тоже семнадцать лет, и он был гимназистом. Встречаясь с ней, он всегда говорил, что его сердце наполнено радостью, и водил ее на Градчаны слушать вечерний звон. Когда они поднялись к Граду, он сказал:

— Сударыня, вот звуки, которые падают в храмовую тишину, а восклицательные знаки иронизирующих газовых фонарей бросают в наши глаза свет, желанный свет священного освещения, бросают красоту света, света, который светит, пылает, горит в свете светящихся фонарей.

Дальше он не знал, что сказать, а она с восхищением смотрела на него, и так как он ей сказал «сударыня», то она ему ответила тоже: «Да, сударь». Стремясь подражать его прекрасному слогу, она сказала:

— Эти огни светят, освещая темноту, неосвещенную и пустую, как пустыня, по которой проходят печальные люди.

Они шли домой по градчанским улочкам, и он ей говорил о тихой красоте, об интимных уголках под старыми черепичными навесами и вдруг быстро увлек ее

в сторону, потому что заметил в углу надпись: «Всякое загрязнение этого места воспрещается».

По несчастной случайности он в это время показывал рукой как раз в этом направлении, говоря, что душа, грустящая по тишине, прячется в таком вот молчаливом уголке, в полутьме, где предается под старыми арками красоте своей печали. А она, заметив надпись, невинно спросила его, что здесь можно загрязнить.

— Красоту можно осквернить даже одним взглядом,— сказал он.— Кошунственные взгляды, как сатана, впиваются в укромные уголки, и меч разрушения довершает затем дело уничтожения. Пойдемте!

Однако она продолжала удивляться этой надписи.

— «Загрязнение воспрещается»,— прочла она вслух и с оживлением спросила: — А на собак это тоже распространяется?

Он лишь кивнул головой. Ее вопрос уколол его в самое сердце, по-новому осветив перед ним душу этой маленькой невинной девушки.

Он понял, что она уже знает свет во всей его неприглядности, и грустно сказал:

— Как приятно одиночество, как приятна тишина и песнь лесов, где жизнь ничем не загрязнена, где нет надписей, напоминающих о бренности человека! Жизнь, сударыня, это непрестанная борьба, непрестанное запрещение и предупреждение тех или иных действий. Я хотел бы, чтобы эти действия улетели далеко-далеко во вселенную.

Он схватил ее за руку и побежал с ней по ступенькам, ведущим вниз с холма. Но тут ему не повезло: он налетел на своего классного наставника, который медленно поднимался к кафе «Викарка».

Он выпустил руку своей милой, бесценной спутницы и, дрожа от страха, почтительно остановился перед наставником, который провозгласил:

— Как только поднимусь на гору, сейчас же запишу вас в кондуит. Завтра я с вами поговорю, и вы сами, Кноблех, мне напомните. Спокойной ночи, голубчик!

Она этого не заметила, потому что шла впереди. Он догнал ее и сказал:

— Это учитель Врхлицкий, он спросил меня, что я здесь делаю.

При этом на глазах у него выступили слезы.

— Вы плачете, сударь?

— Но он так плохо выглядит, сударыня...

Тихий и опечаленный, он шел с ней по улице и говорил об угасших мечтах. По пути он купил ей апельсин, но она сказала, что есть его не будет, что она его лучше высушит и положит на память в дневник. Затем она спросила, приносит ли апельсин счастье, и он ответил, что апельсин является символом постоянства и совершенства характера, потому что это шар, а шар — это наиболее совершенная форма.

Поэтическое настроение покинуло его, и он спросил, знает ли она, как вычислить объем шара.

Они уже перешли мост и должны были расстаться, чтобы никто не видел ее гуляющей с молодым человеком.

Назначили свидание на следующий день, и она, подавая ему маленькую ручку, сказала:

— Приятного сна, сударь.

А спал он, словно преследуемый по пятам преступник, который убил по крайней мере трех человек.

Ему снилось, что школьные учителя на основе распоряжения окружного педагогического совета ведут его на Градчаны. У всех учителей заряженные ружья с примкнутыми штыками, а сам директор ведет его на веревке. В конце процессии школьник Ванек везет на тележке большой крест. Когда процессия достигает площади Радецкого, Ванек снимает крест с тележки, и с помощью полицейских крест кладут на плечи Кноблоха, и он несет его на Градчаны. А по сторонам всюду стоят шпалерами ученики средних школ, машут платками и по знаку учителей, одетых в форму, кричат: «Распни, распни его!» К ноге ему привязали какого-то маленького первоклашку, который будет распят с ним вместе, потому что на уроке чешского языка написал: «Мяч похож на яйцу». Мальчик плачет, поднимает руки и по дороге громко молится: «Яйцо, яйца, яйцу, яйцо, яйцом, о яйце». При этом он умоляюще смотрит на директора, который говорит ему: «Все напрасно, ничем не могу вам помочь: педагогический совет решил, что вы будете распяты на кресте вместе с Кноблохом». В этот момент он

в ужасе проснулся, и ему показалось, будто в ногах у него сидит классный наставник. Он вскрикнул так дико, что разбудил квартирную хозяйку.

— Ах, какой он был страшный! — захлебываясь, рассказывал он. — Вот здесь сидел, усы у него топорщились, а изо рта вылетал огонь.

Она положила ему на голову компресс, но он не мог уснуть до самого утра и к восьми часам со страхом направился в гимназию.

У него так трепетало сердце, что ему стало нехорошо, и на Штепанской улице он совершил великое благодеяние, разделив свой завтрак с засохшей акацией.

Классный наставник, не успев войти в класс и едва записав что-то в журнал, тотчас вызвал его:

— Кноблех, к доске!

Бледный и дрожащий, Кноблех очутился у доски, и учитель, насмешливо потирая руки, спросил его:

— Не хотите ли вы мне что-нибудь сказать? Не забыли ли вы о каком-нибудь поручении? У вас действительно такая короткая память, что вам не о чем мне напомнить?

Дрожащим голосом Кноблех произнес:

— Да, я должен вам напомнить, что вчера вечером я встретил вас на лестнице около Града.

Весь класс разразился хохотом.

— И это все, Кноблех? Может быть, у вас хватит смелости рассказать нам о некоторых подробностях? С кем это вы, голубчик, шли?

— Со своей кузиной, господин учитель.

— Так, значит, Кноблех, вы приходите мне племянником, это была моя дочь, голубчик. Дабы все в классе знали, что я прерываю родственные связи с вами, записываю вам блестящую отметку по поведению.

Удрученный, возвращался Кноблех домой, и когда он завернул за угол, в нижнем этаже граммофон как раз заиграл: «Любовь, любовь, ты всемогуща...»

У Кноблоха был такой печальный вид, что какая-то бродячая собака, бежавшая мимо, посмотрела на него и из сострадания проводила его до квартиры.

СЫЩИК ПАТОЧКА

Сыщик Паточка долго ничем не проявлял себя. В полицию он поступил по протекции и совершал там одну глупость за другой. Начальство знало, что ни к чему путному он не способен, и поручало ему только пустяковые дела.

В один прекрасный день Паточка получил задание выяснить местожительство парикмахера Яна Краткого, который прежде жил на Тунной улице, 15, у вдовы Пешек. Дело в том, что налоговая управа запросила о нем полицию, поскольку Краткий задолжал за три года воинский сбор в общей сумме 8 (восемь) крон.

Сыщик Паточка с превеликим рвением взялся за дело, ведь оно было его первой самостоятельной миссией. Прежде всего он коротко остриг бородку, надел синюю рабочую блузу, взял из полицейского реквизита долото и клещи, измазал себе лицо и руки сажей и в таком виде постучал у дверей вдовы Пешек. Ему отворила какая-то старушка. Паточка осведомился, здесь ли живет госпожа Кромбгольц, которая потеряла ключ от квартиры и не может попасть домой. Он, мол, слесарь и пришел вскрыть замок. Старушка сказала, что у них нет никакой Кромбгольц, а живет здесь госпожа Новотная. Паточка поблагодарил и, исполнен радости, вернулся домой. Было ясно, что в результате столь неожиданного оборота дело осложняется: теперь нужно искать также и госпожу Пешек; тем самым обнаружение Яна Краткого принесет ему двойную славу.

Основательно отдохнув после напряженного труда, Паточка на следующий день решил, что теперь ему целесообразнее выступить под видом разносчика товаров. Для этой цели он купил десять пачек цикория, положил их в ручной чемоданчик и у ближайшего парикмахера сбрил остаток бороды. Одетый в светлое пальто, он постучался к привратнице того дома, где прежде жила вдова Пешек, а ныне старушка Новотная. Когда привратница открыла, он вынул из чемоданчика все десять пачек и попросил передать их госпоже Пешек, когда она вернется домой,— она, мол, вчера заказала этот цикорий.

— Что вы! — сказала привратница.— Тут, мой милый, ошибка. Пешкова-то померла два года назад, а ее сын в то время получил место на механическом заводе, где-то в Пршемысле, в Галиции. Там он женился, а теперь у него своя мастерская на Высочанах, в Праге.

— Благодарю вас,— сказал Паточка, тщательно записывая эти сведения.— Возьмите себе эти десять пачек цикория за вашу любезность.

В радостном настроении он вернулся домой и с удовлетворением потер руки: теперь ему было вполне ясно, что он становится великим сыщиком. Утром Паточка поехал в Пршемысл, дабы проверить, соответствуют ли действительности показания привратницы. Прибыв туда, он загримировался под польского еврея и послал в пражское полицейское управление шифрованную телеграмму: «Прошу вызвать владельца механической мастерской на Высочанах Пешека и допросить его, в какой фирме в Пршемысле он работал. Адрес сообщите в отель «Русский царь» в Пршемысле. Паточка».

На третий день пришла телеграмма: «Фирма Яна Обульского, Мысленская улица, 10».

Паточка без промедлений направился по этому адресу. Оказалось, однако, что Ян Обульский год назад уехал в Америку. Паточке сказали, что у Обульского теперь большой завод сельскохозяйственных машин в Чикаго.

Словно предвидя такой оборот дела, Паточка перед отъездом из Праги снял с книжки все свои сбережения, восемь тысяч крон; поэтому он теперь без труда смог доехать скорым поездом до Кракова, оттуда экспрессом в Берлин и в Гамбург, где он счастливо поспел на океанский пароход «Кайзер Вильгельм». Через одиннадцать

дней Паточка был уже в Чикаго и, играючи, выяснил, что показания привратницы не расходятся с истиной: у Яна Обульского действительно работал в Пршемысле сын вдовы Пешек, у которой в свое время жил парикмахер Ян Краткий, разыскиваемый полицией.

Выяснив это, обрадованный Паточка пошел побриться в ближайшую парикмахерскую. Там сидело несколько чехов, и парикмахер говорил с ними по-чешски.

— Вы чех? — небрежно осведомился Паточка.

— Ну да. Разве вы не видите вывеску «Ян Краткий»?

Сыщик Паточка вскочил и радостно воскликнул:

— Вы жили у вдовы Пешек в Праге, на Тунной, 14?

— Да.

*

Так находчивый сыщик Паточка отыскал неплательщика Яна Краткого и, увенчав себя славой, вернулся в Прагу, предварительно послав в полицейское управление телеграмму: «Нашел разыскиваемую личность, Яна Краткого, парикмахера, в Чикаго, 315-я улица. Паточка».

За это он получил дворянское звание.

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ЯНЧАР

Янчар и сам толком не знал, как он стал судебным исполнителем. Этот бледный, боязливый молодой человек и мухи бы не обидел, не то что несчастного неплательщика. Куда ему было лезть в судебные исполнители! Эти живоглоты умеют проглотить человека, как кит Иону *. Янчар же был очень робок, чувствителен и поэтически настроен. Его даже исключили из гимназии за сентиментальные стишки: он обожал директора, ужаснейшего типа самого строгого нрава.

Когда Янчара выперли из гимназии, его опекун сдал юношу в рекруты; на военной службе беспомощного, вечно заплаканного Янчара начальство старалось почаще сажать под арест, чтобы он не попадал на плац, потому что при каждой команде на учениях он хныкал, как старая баба.

Когда Янчар отслужил свой срок в армии, возник вопрос, куда же пристроить этого недотепу, чтобы он мог зарабатывать себе на пропитание. Опекун представил его знакомому советнику юстиции, с которого когда-то не требовал карточного долга в 150 крон, и тот по протекции устроил Янчара судебным исполнителем.

Принося присягу, Янчар трясся всем телом, а при последних словах «Помоги мне в этом, всевышний» разревелся так жалобно, что прослезился и начальник судебной канцелярии. Плачущий исполнитель показался ему такой диковинкой, что, глядя на него, невозможно было самому удержаться от слез.

— Молодой человек,—сказал он Янчару,—почему же вы плачете? Ведь мы от вас не потребуем ничего, кроме выполнения обязанностей. Правда, люди будут видеть в вас живодера, но такова уж ваша должность. Не поддавайтесь чувствам. Если вас кто-нибудь оскорбит, доложите по начальству, и обидчика посадят за решетку. Дело ваше очень ответственное, может статься, что вас и побьют... Но вы не плачьте, это пустяки, вашего предшественника проткнули вилами, когда он описывал корову... Успокойтесь же, прошу вас. Так вот, завтра вы пойдете в Бытоухов описывать корову трактирщика Косоглаза. Знаете, как это делается? Опечатайте ей вымя, чтобы ее не могли доить, и с помощью сельского стражника отведите эту корову в суд, поскольку есть опасность бегства.

На другой день подавленный Янчар, взяв бумаги по делу Косоглаза, направился в Бытоухов. Поднявшись на холм, он в последний раз взглянул на город: бог весть, доведется ли ему еще возвратиться туда, ведь в Бытоухове его ждут трактирщик Косоглаз, корова, вилы и бог весть что еще. Янчару уже виделись заголовки в газетах: «Судебный исполнитель проткнут вилами», «Судебный исполнитель избит до смерти», «Заколот судебный исполнитель». Он представил себе, как деревенские собаки влачат его внутренности по деревне...

Вот уже исчезла из виду колокольня, исчезла аллея... Дорога, по которой он навсегда удалялся от спокойной, мирной жизни, неотвратимо вела его в Бытоухов. Быть может, по этой самой дороге везли на телеге его предшественника, проткнутого вилами?.. Янчару мерещились всякие ужасы, но при этом он мысленно внимал наставлениям о том, что надо быть неумолимым и, если понадобится, описать даже родную мать... Он должен всюду налеплять печати, хотя бы и на собственного брата...

Показались первые домики Бытоухова. У исполнителя засосало под ложечкой. Он испуганно озирался и походил на сентиментального отцеубийцу, приговоренного к виселице, который, сбжав из тюрьмы, в последний раз пробирается в родной город, чтобы распрощаться с теми местами, где он убил и ограбил своего родителя.

Черный служебный портфель оттенял бледность его лица, борода торчала, волосы под форменной фуражкой

стояли дыбом, штаны висели. В эти минуты Янчар напоминал неопытного воришку, впервые в жизни отправившегося красть, — прижимая к груди крестик, который мать, лежа на смертном одре, повесила ему на шею, он вспоминает ее последние слова: «Лойзик, Лойзик, не воруй!»

Янчар хотел было спросить, как пройти к трактиру Косоглаза, но раздумал, услышав возглас какой-то бабы: «Ишь как нализался!» В самом деле, походка у него нетвердая, а из кармана торчала бутылка из-под сливянки, которую он в страхе перед тем, что его ожидает, осушил до дна. Такой поступок вполне соответствовал тому, что говорится в монографии доктора Лафлера «Психология преступника»: 58 процентов приговоренных к смерти пожелали перед казнью выпить спиртного, и их последние слова были: «Мрачны последствия утех алкоголя!»

Судебный исполнитель Янчар, пошатываясь, добрался до деревенской площади и увидел там вывеску «Трактир Косоглаза». Он смиренненько вошел в трактир, сказавши: «Слава господу нашему Иисусу Христу», — уселся в уголке и заказал себе пиво. В трактире сидело несколько здоровенных мужчин; на Янчара они не обратили внимания, продолжая разговор с трактирщиком.

Янчар понял, что речь шла о налогах. Трактирщик произнес что-то не очень приличное, а его сосед отозвался:

— Я бы ему руки-ноги переломал!

Было ясно, что речь идет о судебных исполнителях. Другой сосед сказал, что такому паразиту надо свернуть шею. Третий высказался за то, чтобы раскроить ему башку, а четвертому пришло в голову, что неплохо бы живо содрать с него шкуру.

Трактирщик Косоглаз был умереннее и сказал, что он бы только излупил этого мерзавца до полусмерти.

Бедняга Янчар сжался в уголке, подбородок у него дрожал, в носу стало щекотно от страха, и он чихнул.

Все головы повернулись к нему.

— А вы, часом, не из суда, сударь? — осведомился трактирщик Косоглаз. — Похоже на то!

Янчару стало ясно, что пробил его последний час. Вот-вот его мертвое тело повезут на телеге.

— Нет-нет! — в отчаянии воскликнул он. — Я просто жулик.

Ничего другого ему не пришло в голову.

— И что же вы задумали?

— Увести у вас корову.

— И продать?

— С торгов, — вырвалось у насмерть перепуганного Янчара.

Его связали и отвели в суд. Там все выяснилось, и когда Янчар вышел оттуда, на нем уже не было судейской формы.

Потом его самого отдали под суд за нарушение служебной присяги, он спился и от пережитых страхов поседел как лунь. Услышав, что где-то избили судебного исполнителя, он обычно говорит:

— Хорошая должность, но у меня для нее не тот характер...

РАЗГОВОР С МАЛЕНЬКИМ МИЛОЙ

Вот уже четыре месяца, как я сижу в предварительном заключении, а до сих пор не признался в том, что сделал со своим маленьким племянником, четырехлетним Милой Клогнером.

Боюсь сказать, где я оставил его: как бы его не нашли,— тогда уж от него не избавишься. Знаю, что первыми словами его были бы: «Почему ты здесь сидишь?» Ах, это несносное «почему»!

Четыре с лишним месяца тому назад родители сказали Миле, что его дядечка, то есть я, пойдет с ним гулять. Поневоле пришлось идти, пообещав несчастным родителям привести умного мальчика домой в полном порядке.

Как только мы с ним вышли из дому, я сказал ему:

— Держи меня за руку, чтобы с тобой чего не случилось.

— А почему со мной ничего не должно случиться? — таким вопросом сразу озадачило меня это умное дитя.

— Понимаешь, Милушек, тебя могут задавить.

— Почему непременно меня? Почему не тебя?

— Ты еще маленький.

— А почему я маленький?

— Потому что тебе только четыре года.

— А почему мне только четыре года?

— Потому что не пять.

— А что, если бы мне было пять?

— Тогда ты был бы на год старше.

— Что такое — старше?

— Ну, видишь вон ту барышню: она старше.

— Почему ты сказал: «вон ту», дядечка?

— Потому что она не вот эта, которая идет нам навстречу.

— Что это значит «вот эта»?

— Знаешь, лучше помолчи, Милушек!

— Почему мне лучше помолчать?

Я дал ему подзатыльник.

Мальчик заплакал. Я сказал:

— Не реви.

Он вытер глаза рукавом и с невинным видом спросил меня:

— Почему мне не реветь?

— Потому что ты мужчина.

— А почему я мужчина?

— Потому что не девочка.

— А почему не девочка?

— Потому что ты носишь штанишки, а в общем — узнаешь, когда будешь старше.

— Ты тоже носишь штанишки, дядечка?

— Ты же видишь, Милушек.

— А почему ты тоже не мальчик, как я?

— Потому что я вырос.

— И я тоже так вырасту?

— Также вырастешь, а пока перестань болтать.

— Почему мне не болтать?

— Потому что я брошу тебя в реку.

— Вот и хорошо, дядечка!

Тут роль вопрошающего перешла ко мне.

— Почему хорошо, Милушек?

— Потому что я бы сделался пароходиком.

— Как же ты сделался бы пароходиком?

— Я пыхтел бы, дядечка, а по мне бы лазили люди и звонили бы. Я бы стал пароходиком «Хухле» и плевался бы огнем.

Вдруг внимание его привлек человек, поливавший улицу.

— Почему этот дядя поливает улицу?

— Чтобы смыть пыль.

— А почему он нас не обливает?

— Потому что не имеет права.

— Почему не имеет права?

— Потому что тогда он испортит нам одежду.

— Почему испортит одежду?

— Потому что это вода, голубчик.

— Почему вода?

— Потому что он поливает водой, а не пивом.

— А почему не пивом?

— Потому что он от этого стал бы пьяный.

— Почему стал бы пьяный? Ты тоже бываешь пьяный, дядечка, — так мамочка говорит. Почему ты свинья, дядечка?

— Ты этого не понимаешь, Милушек. Замолчи, а то я тебе задам.

— Почему задашь?

— Потому что ты меня ругаешь.

— Почему мне нельзя тебя ругать? Дома ведь тебя тоже ругают.

— Это нехорошо с их стороны.

— А с твоей стороны — тоже нехорошо, дядечка.

Я опять дал ему подзатыльник. Но он, даже не моргнув, сказал:

— Я знаю, плакать не надо. Ты тоже не плачь, когда тебя тетя колотит. А почему она тебя колотит?

Я шлепнул его по спине. Он помолчал, а потом опять как ни в чем не бывало начал:

— Почему у этих домов дверь не сзади, а с этой стороны?

— Потому что тогда в них нельзя было бы войти.

— А зачем туда входить?

— Потому что в домах живут люди.

— Почему они живут в домах?

— Так надо.

— Почему так надо?

— Потому что они не хотят спать на улице.

— А почему не хотят спать на улице?

— Потому что они люди порядочные.

Помолчав, он заключил:

— Значит, ты, дядечка, живешь не в доме?

Далее последовал целый ряд вопросов: почему дерево зовут деревом; почему вот у этого дерева сучья торчат кверху; нельзя ли делать из дерева мыльные пузыри; почему пузырь лопается; почему я похож на пу-

зырь и когда лопну (этот вопрос сопровождался просьбой ко мне лопнуть, когда мы зайдем за угол).

Увидев собаку, он спросил, почему она не кошка (новый подзатыльник). Последовала продолжительная пауза, во время которой у него в головке зародились новые вопросы: «Дядечка, почему из ангела-хранителя не делают сладких булочек?», «Почему я вспотел?», «Дядечка, почему, когда тебе жарко, ты не высываешь язык, как собака?», «Почему ты не собака, а слон?», «Почему, дядечка, у тебя свиное рыло?»

Мы проходили мимо вокзала. Доведенный до отчаяния, я спросил его:

— Хочешь в Венгрию?

— Почему в Венгрию, дядечка?

— Потому что я куплю тебе билет, и мы хорошо с тобой прокатимся. На поезде — понимаешь?

Он захлопал в ладоши и воскликнул:

— Я буду пыхтеть!

— Пыхти себе на здоровье, голубчик.

— И пускать пар.

— Делай что хочешь, Милушек.

Я взял два билета на Мадяр Пушту — до Фюзеш-Дярмат, последней станции посреди необозримой венгерской степи. Отмечу, что умный ребенок все время спрашивал:

— Когда мы доедем? Когда ты меня бросишь?

Наконец он этого дождался. Полтора суток мы шли от станции в глубь степи, и там, в самом ее центре, я велел Миле подождать меня.

— Почему подождать, дядечка?

— Потому что ты умничек...

И я поспешно удалился. За спиной я еще слышал его невинный голосок:

— Почему ты убегаешь, дядечка?

А еще через мгновение:

— Почему, дядечка, меня кусают муравьи?..

Вот моя исповедь.

КАК Я ПРИШИВАЛ ПУГОВИЦУ К БРЮКАМ

Нет ничего мучительней сознания, что твоя одежда не в полном порядке и что это заметно. В иных случаях даже из дому нельзя показаться, так как общество не делает никакой разницы между старым холостяком и человеком женатым, требуя от обоих одинакового соблюдения приличий. Отсутствие одной-двух пуговиц на брюках вызывает у многих предубежденных людей энергичный протест. Общество не старается проникнуть в смысл этого явления и оценить его — как с точки зрения психологической, так и с точки зрения практической—по существу. Оно забывает, что старый холостяк, может быть, тоже человек очень стыдливый — и не решится принести брюки и оторванную пуговицу жене своего семейного приятеля с просьбой: не будет ли она так добра воссоединить то и другое в одно целое, которое свидетельствовало бы о полном порядке?

А обратиться с подобной просьбой и со своими брюками к незамужней дочери своей квартирной хозяйки— как знать, не вызовешь ли в нежной девичьей душе вполне оправданного презрения к своей особе.

Так что если старый холостяк хочет сохранить хорошую репутацию, он вынужден сам пришивать себе пуговицу к брюкам.

Если же кто возразит, что он мог бы обратиться за разрешением этого щекотливого вопроса к тому портному, который шил ему брюки, то это совершенно неправильно, так как, пойдя я и скажи своему портному:

«Вот вам мои брюки, здесь и здесь у меня оторвалась пуговица, будьте добры пришить», — он меня попросту поднимет на смех, так как пришить пуговицу — дело слишком легкое, не только на взгляд профессионала-портного, но и по мнению широкой публики. Каждый искренне удивился бы, услышав, что пуговицу к брюкам должен ему пришивать портной. Получилось бы, что старый холостяк открыто признает себя человеком ни на что не пригодным, изнеженным белоручкой, самолюбленным идиотом и т. п.

Исходя из этих соображений, я решил пришить себе пуговицу к брюкам сам.

Сперва я прикрепил оторванную пуговицу булавкой, но в трамвае эта булавка сквозь материю вдруг впилась мне в тело, и тут я пришел к выводу, что надо будет пуговицу пришить, но ни в коем случае не прикалывать.

Признаюсь совершенно цинично, что на первых порах я в потере пуговицы не увидел ничего особенно трагического. Только ночью, вспомнив взгляды, какие бросали на меня весь вечер посетители кафе и от которых меня не спас даже наглухо застегнутый пиджак, я принял решение прикрепить новую пуговицу, оторвав ее от жилетки. Что жилетка останется без пуговицы — не такая уж беда, если учесть, насколько чувствительнее отсутствие пуговицы на брюках. На жилетке это выглядит так, будто она неаккуратно застегнута, что обычно для старых холостяков, — знаю по собственному опыту. Но окружающих такая мелочь задеть никак не может. Совсем другое дело, когда вопрос касается той части одежды, о которой идет речь.

По этим причинам я приготовился к тому, чтобы пришить эту пуговицу самому. Помню, весь день я волновался; и чем больше думал об этом деле, тем волнение мое становилось сильнее. Спрашивать, как пришивают пуговицы, я ни у кого не хотел, чтобы меня не сочли за дурака, — которым я, конечно, в данном случае был, если честно признаться.

Первым шагом, который я счел необходимым, было пойти в читальню при Музее, взять в руки «Научный словарь» и отыскать там на букву «П» слово «Пришивание».

Решительно протестую против утверждения, будто наш «Научный словарь» — полный. О пришивании пуговиц под буквой «П» там — ни звука. Статья «Пришивание пуговиц» вообще отсутствует! Правда, я нашел под этой буквой слово «Пуговица», но что же там сказано? «Пуговица — деталь, при помощи которой соединяются два предмета одежды. Прикрепление пуговицы происходит при помощи пришивания. Пуговицы были известны еще древним египтянам, тогда как греки и римляне их не знали. У нас, в Чехии, пуговицы появились одновременно с христианством».

Тогда я стал искать каких-нибудь подробностей о пуговицах под словом «Христианство», но не нашел там об этом предмете никаких упоминаний. Если б мне удалось хоть вычитать, как их пришивали древние египтяне! Раскрываю букву «Е», статья «Египет». Читаю: «В Египте умерших жрецов бога Ра хоронили, вложив им в руки золотые пуговицы». А как пришивали — не сказано!

Пришлось рассчитывать только на собственную сообразительность. В результате размышлений я пришел к выводу, что самое лучшее — действовать систематически, продвигаться постепенно. Я стал внимательно рассматривать пуговицы. Обнаружил, что в каждой из них — четыре дырки. Сперва я понять не мог, к чему они, но при дальнейшем исследовании вопроса о том, какую роль могут играть эти дырки, пришел к выводу, что, по всем признакам, сквозь них проходит нитка, вводимая в них специальным инструментом; носящим название иглы. Игла же, как я узнал из «Научного словаря», опять-таки — не что иное, как особая разновидность стального рычага и, в отличие от поросенка, имеет лишь одно ушко. А у меня их два! В это отверстие, как я установил, просовывается нитка; на нитку надо нанизать пуговицу, сделав такое движение, будто поддеваешь что-нибудь рычагом, а потом как-нибудь приладить все это к брюкам и проколоть их.

Воображение мое работало бурно. Зная по слухам, что сталь отличается хрупкостью, я приобрел двенадцать дюжин иголок. Кроме того, дюжину катушек ниток, главным образом черных. Белые нитки я купил на тот случай, если черные себя не оправдают. Были у меня еще кори-

чневые, но я рассчитывал прибегнуть к ним лишь в крайнем случае, если подведут и белые и черные.

В магазине, где я все это покупал, меня спросили, не нужен ли мне наперсток. Я понял по тону, каким был задан вопрос, что это нечто очень важное, и купил двадцать наперстков. Анализ слова «наперсток» убедил меня в том, что этот предмет надевается «на персты», то есть на пальцы. Зачем, с какой целью — это оставалось для меня загадкой. Чтоб исключить всякую возможность ошибки, пришлось купить двадцать штук, так как на ногах у нас десять пальцев и на руках столько же.

Возвращаясь домой со своими приобретениями, я казался себе каким-то волшебником. Дома я велел натопить хорошенько и принести три бутылки доброго вина. Подкрепившись обильным ужином и винцом, я снял несчастные брюки и бодро приступил к делу. До сих пор помню, какая это была ожесточенная, упорная борьба!

Утром меня нашли лежащим на полу, в одном белье, опутанного четырнадцатью тысячами метров разноцветных ниток. Я спал на двухстах иглах. А брюки были пришиты к дивану. На всех пальцах рук и ног у меня было по наперстку, а одну икру свою я пришил к ковру.

Что было делать? Купил себе новые брюки...

Я ВАРЮ ЯЙЦА ВСМЯТКУ

У меня есть добрая старушка тетя. Она иногда испытывает приступ любви к своим родственникам. Лет пятнадцать не дает о себе знать, а потом вдруг почгальон принесет тебе какую-нибудь посылку, отправленную тетей во время одного из таких приступов. Последний раз она, более четырнадцати лет тому назад, прислала мне большую сдобную булку, а теперь, на шестнадцатом году после этого события, ко мне пришла по почте вместительная корзинка, в которой оказалось шесть десятков яиц и следующее трогательное послание:

«Дорогой племянник! Я рада, что могу послать тебе шестьдесят штук яиц из своего хозяйства. Я очень тебя люблю, мой милый мальчик, и, уже не рассчитывая долго жить на свете, думаю, что эта посылка — последнее доказательство моего доброго к тебе отношения. Вари их себе всмятку и не забывай свою старую тетку Анну. Пусть эти шестьдесят яиц пробуждают в тебе воспоминания о маленьком дворике на севере Чехии, где весело кудахтают плимутки, вспоминая о тебе вместе с твоей горячо тебя любящей тетей *Анной*».

Из почтения к тете я решил, что все эти шестьдесят яиц сварю себе всмятку сам.

Ночью мне даже приснился об этом сон. Я никогда не задавался вопросом, как варить яйца всмятку, но по здравом размышлении пришел к выводу, что надо варить их так, чтоб они сварились! Это единственно возможная точка зрения и единственный способ разрешить

столь серьезную задачу, как варка шестидесяти яиц всмятку.

Я очень люблю яички всмятку. Но так как шестьдесят яиц всмятку съесть за один присест мне не под силу, я задумался о способе их консервации.

Долго думал я о том, как бы это сделать. Положение оказалось довольно сложным. Я знаю, в газетах и всяких журналах вечно высмеивают жен и хозяек, не умеющих сварить яйцо всмятку, но о том, как старому холостяку приходится варить яйца, еще ни разу не писали; поэтому я хочу описать подробно все, как было. Это послужит ценным указанием, как надо по-настоящему варить яйца.

Первым делом я купил несколько книг о разведении домашней птицы, рассчитывая найти в них прежде всего сведения о варке яиц.

Но, к сожалению, ни в одном из этих специальных руководств я не нашел такого места, где бы этот вопрос получил надлежащее разрешение. О яйцах там много говорится — например, что из яиц вылупляются цыплята и всякая такая ерунда; нашел я также указание, что яйца надо хранить в сухом месте; потом — насчет того, как их высиживать. Но поскольку тетя прислала мне их для того, чтобы я их варил, а не высиживал, я с раздражением захлопнул книгу.

Не хотелось мне также разузнавать в знакомых семьях, как варят яйца; поэтому я решил сходить в читальню и еще раз заглянуть в «Научный словарь».

Отыскав в нем на букву «Я» слово «Яйцо», я узнал, что яйца — продукт животного мира и что все виды птиц несут яйца. Я невольно погрузился в глубокое раздумье. Конечно, это не было для меня новостью, но напечатанное черным по белому приобрело в глазах моих новую убедительность. Значит, это не просто народное предание, а факт, подтвержденный авторитетом науки и зафиксированный в научной статье.

Я стал искать указаний, как варить яйца. Трудно поверить, что такой сложный вопрос мог совершенно выпасть из поля зрения ученых. Я не нашел ничего имеющего к нему хотя бы отдаленное отношение.

Правда, в «Научном словаре» есть сведения о том, что яйца идут в пищу и готовятся разными

способами, но как именно — это осталось для меня загадкой даже после трехчасовых поисков в «Научном словаре».

Есть там, правда, места, приближающиеся к этой проблеме. Например, такое: «В Англии яйца употребляются в пищу большею частью сырыми, либо вареными вкрутую или всмятку. В каждой порядочной английской семье к завтраку обязательно подаются яйца всмятку. Их едят по каждому поводу».

Но что с ними делают, перед тем как подать на стол, я так и не узнал.

Мне не осталось ничего другого, как произвести опыт, самому нащупать теорию варки яиц, самостоятельно добиться нужных результатов, хотя бы ценой утраты нескольких яиц, которые, возможно, придется выбросить. Я купил спиртовку, пять литров спирта и Папенов котел, употребление которого было мне знакомо с юности, из гимназического курса физики, и приступил к делу. Налил в Папенов котел воды, положил туда десять яиц и зажег спиртовку.

Через четверть часа я вынул яйца из Папенова котла. Расколупал одно—оказалось, оно еще твердое; другое — тоже твердое. Все были еще твердыми. Тогда я совсем облупил их, бросил опять в Папенов котел и варил еще час. Они оказались по-прежнему страшно твердыми. Я варил их до утра: они остались твердыми.

Утром меня нашли лежащим в корзине из-под яиц, куда я свалился от огорчения, видя, что мне не удалось ни одно из них сварить всмятку. Все сплошь были твердые и не обнаруживали никаких признаков размягчения.

СВЯТОТАТЕЦ В ХОТЕБОРЖИ

В уголке ресторана «Дом господ» изо дня в день сидит пожилой человек, с которым никто не разговаривает и которого никто не замечает. Время от времени этот человек пытается вмешаться в разговор, но те, с кем он заговаривает, лишь сплевывают и ничего ему не отвечают. На его лбу, если мы посмотрим на него со стороны, можно увидеть каинову печать отверженного*. Этот человек надругался над всем чешским народом. Ян Павличек имя этого святотатца — крестьянина из Свин. От его надругательства замирает сердце. Дело относится к эпохе, когда пробудившийся чешский народ в 1868 году устраивал многолюдные демонстрации и достославные таборы — митинги под открытым небом*. В ту пору воодушевления и восторгов Ян Павличек выкинул коленце, которое и доныне бросает мрачную тень величайшего кощунства не только на него, но и на все его потомство.

Еще и ныне, когда бы ни вспомнил Павличек о том времени, его подбородок начинает трястись, как у старцев в произведениях Райса*.

Прошло уже столько лет с тех пор, а старик все еще чувствует, что по сей день так и не смыл с себя пятна позора. Много лет назад надругался он над всем чешским народом, когда торжественный кортеж двигался из Хотеборжи на Часлав, где устраивался табор.

Те времена давно миновали. После восторгов 1868 года наступило отрезвление. Потом настало время позитивной политики со всеми ее печальными моральными

последствиями, а Ян Павличек все еще сидит в своем уголке в «Доме господ», и никакие изменения в чешской политике не приносят ему облегчения. Ян Павличек все еще ощущает позор совершенного им надругательства. Он ехал в экипаже, задрапированном в национальные цвета, с компанией хотеборжской молодежи в табор народа под Чаславом. Экипаж мчался по дороге к Либице над Доубравкой, где к торжественному кортежу должны были присоединиться либицкие жители.

В Хотеборжи живы еще очевидцы всего происшествия. Они могут подтвердить вам, что Ян Павличек перед отъездом плотно наелся гороху, напился пахтанья, добавив еще и добрую кружку хотеборжского пива.

Не знаю, было ли тогда хотеборжское пиво такого же замечательного свойства, как ныне, а если было, то остается лишь воскликнуть: «Несчастный Ян Павличек!»

В ту эпоху великого воодушевления еще не знали ряда современных слабительных, и ты, несчастный Ян Павличек, пил тогда графское хотеборжское пиво! И к тому же воодушевление, тряска в деревенской телеге, когда резвые кони с лентами в гривах рысью мчались вниз по шоссе к Либогаю...

Великое воодушевление охватило Яна Павличка. Он первый громким голосом запел «Гей, славяне», и гимн разнесся в предвечерней тишине по долине Доубравки. И вдруг Ян Павличек многозначительно умолк.

— Гром и молния!—вырвалось у него, и пока остальные с энтузиазмом пели: «Напрасна ваша ярость!»,— Ян Павличек схватился за живот.

Есть одна шотландская баллада, в которой поется, как рыцарь Орфанг Чарт, преследуемый муками совести, на всем скаку выпрыгнул из экипажа и спрятался в дубраве.

А здесь дубравы не было. Вдоль дороги торчали лишь одинокие дубы, последние могикане обширных дубрав, росших когда-то под Железными горами.

И, подобно рыцарю Орфангу Чарту, Ян Павличек огромным прыжком выскочил из телеги и скрылся за гигантским стволом одного из развесистых дубов.

В пятидесяти шагах от дуба телега остановилась, и руководитель кортежа оглянулся. И тут он вдруг по-

бледнел и воскликнул: «Господи Иисусе, братья, пойдите к нему!»

Он соскочил на землю, остальные последовали за ним, и все подбежали к дубу.

Однако они опоздали: Ян Павличек уже стоял, и лицо его прояснилось. Руководитель кортежа схватил Павличка за плечо и, показывая вверх на дуб, сказал ледяным голосом: «Читай!»

Измученный Ян Павличек, выпучив глаза, прочитал на табличке, прибитой к дубу: «Под сим дубом отдыхал Жижка *, направляясь в Пршибислав».

Яна Павличка подхватили под руки, чтобы он не упал.

— Святотатец,— сказал ему руководитель,— ты недостойн ходить по земле, вернись же в Хотеборж, в Часлав с нами ты не поедешь!

Пока разукрашенная телега ехала к Либогаю, Павличек плелся в Хотеборж, а вслед ему с телеги неслась песнь: «Кто вы, божьи воины...» *.

Один лишь дуб, под которым отдыхал Жижка по пути к Пршибиславу, казалось, понял предел надругательства, совершенного Павличком над всем народом и чешской историей. Ветви дуба задрожали, и он засыпал желудями землю вокруг себя, милосердно прикрыв все, что было связано с кощунством Павличка.

Я говорил со старым господином Павличком и упомянул также об этом историческом дубе, под которым отдыхал Жижка. Павличек долго пил и затем сказал:

— Отдыхать-то он отдыхал, это мы знаем, но кто его знает, как это выглядело!

И этим Ян Павличек подтвердил пословицу: «Всякая сосна своему бору шумит».

ПОП И МУЛЛА

Большой и Малый Караджинач — две соседние пограничные деревушки. Так они похожи друг на друга и вместе с тем так различны! Дело в том, что Малый Караджинач находится на сербской территории, а Большой Караджинач — на турецкой. Кругом пустынное голодное плоскогорье, и жители обеих деревень работают как волы, чтобы добыть себе пропитание. Главный источник их существования — овес и быстроногие горные козы.

В Малом Караджиначе мужики продавали своих коз для того, чтобы уплатить подать сербскому королю, в Большом — чтобы заплатить оброк падишаху. Разница была только в названии. Православных сажали в холодную за неплатеж податей в срок, мусульман — за неплату оброка.

В Малом Караджиначе была церковь с крестом, покрытым плохонькой желтой позолотой. В Большом Караджиначе такой же позолотой был покрыт полумесяц на мечети. Кресты и полумесяцы продавались в лавке армянина Рекована в соседнем пограничном городке. И православные и мусульмане чрезвычайно гордились этой позолотой.

Увидев, что турки побелили свою мечеть, православные последовали их примеру. А когда христиане поднимали колокольный трезвон, мулла по ту сторону границы старался заглушить его возгласами: «Иль алла!» — Велик аллах!

Окончив свой обряд, мулла слезал с минарета и, закурив трубку, отправлялся побеседовать с православным попом Богумириным. Они встречались у водопада, на горном ручье, который отделял Оттоманскую империю от Сербского королевства. Поп Богумиринов тоже дымил трубкой.

Разговор обычно начинался с перебранки.

— А-а, приковылял, басурман!

— А что у тебя за синяки под глазами, ты, распутный христианин?!

Потом беседа принимала более мирный характер: аллаха и Христа оттесняли козы. Оба священнослужителя разводили коз и любили прихвастнуть своим стадом, ибо это были не просто козы, но козы мусульманские и православные.

— Мои козы жирнее твоих, мулла! — торжествующе восклицал поп.

— Как бы не так! А есть у тебя такая коза, как моя черная Мири? Знаешь ее? Какова красавица! Рога у нее что у венгерской коровы...

И правда, Мири приносила изумительное потомство. Глаза ее, по уверениям муллы, были красивее очей красавицы Кюлют, дочери старосты. Приходя в экстаз, мулла даже утверждал, что в ней живет душа гурии, подвергшейся заклятию. Поп Богумиринов мечтал заполучить эту козу, чтобы улучшить породу своего стада. Сейчас оно паслось перед ним среди скал и огромных валунов.

Шумел водопад, блеснули первые звезды.

— Слушай, мулла, — возразил поп Богумиринов, — твоя коза не такое уж сокровище, но мне она нужна. У меня, видишь ли, пала моя лучшая матка. Господь бог призвал ее к себе...

Поп перекрестился.

— Аллах велик, — произнес мулла, — но моя коза не продается.

— Слушай, мулла, — продолжал поп, — твой аллах не так велик, как православный бог. Творил ли он чудеса? Посылал ли он вам чудотворцев? Мой бог, например, может своей волей сделать меня чудотворцем. Ты же навеки останешься презренным язычником. Захочет бог — и я буду воскрешать мертвецов. А ты всю жизнь

будешь кричать с минарета «Алла иль алла!» и кружиться на месте, точно овца, заболевшая вертячкой.

Эти слова рассердили Изрима.

— Глупости ты болтаешь, поп! — закричал он. — Наш Магомет не велит будить мертвых. А ваш бог и в гробу не дает вам покоя. Вот что: если хочешь, чтоб я продал тебе козу, признай передо мной сейчас же, что ты не можешь воскрешать мертвых.

Поп призадумался. Коза Мири давно была его мечтой, но уступить в вопросах веры поганому басурману тоже не шутка.

Мулла хладнокровно курил свою трубку. Синеватый дымок вился в тихом вечернем воздухе и стелился по скалам. В душе попа происходила великая борьба: скотовод боролся в нем с духовным пастырем.

— Мулла Изрим, жалкий, презренный язычник, — сказал наконец поп, — я признаю и соглашаюсь, что даже волей божьей не могу воскрешать мертвых. — Он перекрестился. — Гм... Ну, сколько же ты хочешь за козу?

Начался долгий торг. Мулла требовал за Мири две козы и сто пиастров в придачу. Поп давал одну козу и пятьдесят пиастров. Потом он накинул еще пятьдесят, но с условием, что мулла заявит вслух: аллах вовсе не бог.

И поп, в свою очередь, стал спокойно покуривать трубку.

— Аллах вовсе не бог, — согласился мулла, — ибо сто пиастров — изрядные деньги, — прибавил он.

Так поп Богумиров приобрел козу у муллы Изрима.

Был ясный, солнечный осенний день. В такой день у человека легко на душе. Особенно легко было попу Богумирову, ибо он вел на веревке свою новую козу Мири, отныне гордость его стада. В радужном настроении шагал он с ней наверх, к горному ключу, где начинается ручей.

Добравшись туда, он погрузил козу в воду и загнусавил:

— Господи помилуй, господи помилуй!..

Ибо нельзя же было оставлять козу мусульманкой.

И поп Богумиров окрестил отчаянно брыкавшееся животное.

ПЯТНАДЦАТЫЙ НОМЕР

И у почтенных граждан бывают свои маленькие скандалы. Подобный скандал предшествовал свадьбе окружного начальника Мужика.

Окружные начальники обычно люди добродетельные. Окружной начальник Мужик, беря в жены барышню Бурдову, даже краснел при разговоре о том, в какой гостинице они проведут ночь перед свадьбой. Жених, свидетели, невеста. Господин окружной школьный советник что-то нашептывал ему на ухо, а он с досадой отмахивался.

И что о нем люди думают! У каждого будет отдельный номер — у жениха, у свидетелей, у невесты.

Барышня Бурдова тоже заливалась краской, когда ей что-то шептала барышня Лилингова. Никогда! У каждого будет отдельный номер. У нее, у свидетелей, у жениха. Решили, что свадьба будет в Праге. Окружной начальник перед отъездом приказал позвать к нему канцелярского служителя и дал ему двадцать крон.

При этом господин окружной начальник держал к нему речь, чтобы тот выпил за его новое счастье, но не напивался бы, как свинья. Служитель пообещал, но, само собой разумеется, слова не сдержал.

Потом господин окружной начальник отправился в пивную и, выслушав в который раз щекотливые анекдоты, пошел к своей невесте и свидетелям.

Свидетелей он нашел в черном платье и розовом настроении.

Среди участников свадебного кортежа, отбывавшего в Прагу, царило веселье!

Разместились они в первоклассной гостинице, где как раз начинал свою деятельность слуга Ваничек. Человек необычайно добросовестный. Его обязанностью было чистить ботинки, и Ваничек оказался тем самым человеком, кто придумал новый метод, чтобы ботинки не перепутались, когда он брал их у пронумерованных дверей с видом усердного садовника, собирающего фрукты.

Вел он себя при этом весьма достойно. Большим куском мела писал на каждой паре ботинок номер той комнаты, откуда их выставили, и, согласно этому номеру, утром вновь ставил ботинки перед дверью, с важным и серьезным видом ожидая вознаграждения. Надрывая ботинки, он обычно напевал вполголоса какой-нибудь военный марш.

Как правило, он пел:

Марширует Грневиль
К Прашной бране на шпацир*.

И в такт водил щеткой по ботинкам и туфлям. Ваничек мог бы порассказать немало историй, но был нем, как печи в номерах. Он умел хранить секреты, как хранят их ночные столики.

Лишь порой при каком-нибудь воспоминании слабая усмешка скользила по его лицу, чтобы тут же исчезнуть в ваксе для ботинок.

Вся его жизнь заключалась в чистке ботинок. Все его мысли кружились вокруг ботинок, и все воспоминания были неразрывно связаны с щетками, грубыми для грязи и нежными для наведения окончательного блеска.

Ваничек был мастером своего дела. Когда по утрам он шел по коридорам и у каждой двери ему улыбались сверкающие ботинки и туфли, побывавшие в его руках, то прямо отцовское чувство охватывало Ваничка, из кармана он вытаскивал бутылку и основательно прикладывался.

И сапоги, ботинки, туфли всплывали в его памяти, но он молчал об их владельцах. Лишь однажды случилась неприятная история, когда внизу, в буфете, зашла речь об одной чужеземной примадонне и все стали пре-

возносить ее прелести, искусство и красоту. И тут он вставил словечко: дескать, ноги у нее, как у слона. Но тут же замолчал, покраснел, уплатил деньги и больше в буфете не появлялся.

Сегодня его порадовали новые гости. Окружной начальник заказал для каждого отдельный номер: для себя, для свидетелей, для невесты.

Сейчас они все внизу, в ресторане, ужинают, пьют веславское вино и смеются. Скажет кто-нибудь какую-либо глупость, и они так и заходятся от смеха, просто оттого, что счастливы. В одиннадцать часов все отправляются спать. Каждый в свой отдельный номер: жених, свидетели, невеста.

В половине двенадцатого Ванечек собирает ботинки. Перед каждой дверью совершает свой обряд. Мелом пишет на подметках номер комнаты, идет дальше по коридору со своей добычей и ровно в двенадцать уже быстро водит по ботинкам щеткой и тихо напевает:

Марширует Грневиль
К Прашной бране на шпацир.

И вот наступает свадьба. Торжественное настроение царит в костеле. С грохотом подъезжают коляски. Бабушки у дверей наводят критику. Окружной начальник с невестой приближаются к амвону. Сам господин священник взял на себя заботу об этой роскошной свадьбе.

Жених с невестой опускаются на колени. И когда они стоят на коленях, в этот торжественный момент все видят их подметки, а на них, на удивление всем, крупно написанный мелом *гятнадцатый номер*. Как у жениха, так и у невесты.

По костелу проносится тихий шепот: скандал, скандал!

И у почтенных граждан бывают свои маленькие скандалы.

ТРАУР ДВОРНИКА ЯКУБЕКА

Дворник Якубек служил своему хозяину верой и правдой. Раз как-то он даже разбил голову одному художнику-пейзажисту, который ничего не платил и не хотел освободить квартиру. Якубек просидел три недели под арестом, но зато получил одобрение от своего хозяина и награду за пережитые страдания в виде пачки дешевого табаку ценою в восемь геллеров.

Это событие доставило Якубеку большую радость, так как он с великим почтением относился к своему хозяину Флайшику, который не уставал ему рассказывать, что во время военной службы у него был денщик с такой же глупой физиономией, как у Якубека.

Якубека радовали малейшие признаки благосклонности хозяина, и когда наконец хозяин заболел, Якубек не перестал служить ему верой и правдой. Утром, подметая лестницу, он плакал, как старая баба, со слезами на глазах отпирал он подъезд.

— Ох, и чувствительный же человек!— говорил о нем лавочник, к которому Якубек ходил покупать ром.— Расплатится у меня тут в лавке, чуть глаза свои не выплachtet.

То же самое утверждал и доктор, который ежедневно встречался с Якубеком. Дворник всегда приходил к нему с заплаканными глазами и скромно спрашивал его, как долго еще будет хворать хозяин.

Однажды Якубек пришел к доктору и стал просить, чтобы тот сказал ему всю правду, что он, мол, подготовлен ко всему. В квартире же на верхнем этаже, у хо-

зяина, он со вздохами, свидетельствовавшими о его большом горе, говорил, что, наверное, господь-бог скоро возьмет к себе таксго хорошего человека, как хозяин, а вот разные негодяи, как, например, сам он, дворник Якубек, еще долго будут коптить небо. Особенно трогательно было, когда Якубек на кухне у хозяев упал в обморок. Он получил перед этим чашку кофе и когда выпил его, то сказал:

— Сударыня, не пугайтесь, но если господь-бог допустит и вы останетесь вдовою, то я, сударыня, не переживу этого.

При этих словах он свалился, словно сразу выпил два литра водки. Его привели в чувство пятью рюмками коньяку. После первой он облизнулся, после второй снова потерял сознание, после третьей облизнулся опять и вновь сделал вид, будто не может пошевелиться, после четвертой только чуть-чуть приоткрыл глаза, чтобы посмотреть, не осталось ли что-нибудь в бутылке, и, увидев на дне остаток с рюмку, попытался привстать, а когда его посадили, то попросил дрожащим голосом немного коньяку. Выпив последнюю, пятую рюмку, Якубек принялся плакать и говорил, что никто так не любит хозяина, как он. Затем он хотел еще раз упасть в обморок, но, посмотрев на пустую бутылку, решил отложить это на завтра.

На другой день Якубек снова был у постели больного и говорил:

— Сударь, вы не поверите, как я вас люблю!

— Знай, Якубек,—сказал хозяин слабым голосом,— я тебя тоже не забыл в своем завещании. Я тебе за верную службу завещаю кое-что на траур.

Голос хозяина слабел, он положил руку под голову и уснул. Когда его стали будить, то обнаружили, что он уже остыл. Якубек хотел было упасть в обморок, но вспомнил, что бутылка пуста, и ушел с печальным, заплаканным лицом. На душе у него было весело, потому что он все время думал о последних словах хозяина: «Я тебя тоже не забыл в своем завещании. Я тебе за верную службу завещаю кое-что на траур».

Итак, он кое-что получит. Якубек хотел уже было выразить громко свой восторг, но, вспомнив, что во вре-

мя траура этого делать нельзя, отложил изъявление радости до пивной за углом.

Здесь он всем поведал, что хозяин завещал ему кое-что на траур. Он долго рассказывал про свою верную службу и выпил в долг двадцать поллитровых кружек пива.

Затем пошел домой и на лестнице принялся плакать, причитая:

— О мой хозяин, какой это был золотой человек!

Завещание вскрыли через три дня после похорон, во время которых Якубек пытался прыгнуть в могилу вслед за гробом своего хозяина и кричал:

— Пустите меня, я хочу умереть вместе с ним!

В завещании стяло:

«А своему верному дворнику Антонину Якубеку я завещаю на траур 10 крон за его верную службу».

— Проклятый грабитель! — воскликнул Якубек, когда получил десять крон. — Это называется завещать на траур? Ну, так пусть будет траур!

И он направился в ближайший кабаk пропить эти деньги, а вернувшись ночью домой, оставил двери открытыми в благой надежде, что кто-нибудь заберется в дом и обкрадет семью покойного, который завещал ему, Якубеку, объявившему траур еще при жизни хозяина, всего-навсего десять крон. Было грустно, что он так просчитался.

Скоро пришел адвокат, друг дома Камилл Штейн, ведший дела по наследству, и велел Якубеку послать в суд расписку в том, что он действительно получил указанные десять крон.

Якубек написал расписку:

«В окружной суд Нового города в Праге. Настоящим подтверждаю, что я получил десять крон, завещанные мне Франтишком Флайшиком, домовладельцем дома № 1012, Прага, 11, где я служу дворником. Заявляю, что этой суммы мало, так как я пятнадцать лет убирался в доме и на лестницах и вообще служил хозяину верой и правдой».

Через неделю Якубек получил повестку из финансовой части прокуратуры: ему предлагалось лично явить-

ся для допроса по делу о наследстве домовладельца Флайшика.

— Я так и знал,— говорил Якубек,— что получу что-нибудь еще на траур.

Когда он прибыл в прокуратуру, ему объявили, что расписка составлена не по форме и к тому же с него причитается гербовый сбор; кроме того, Якубек должен уплатить налог восемь процентов с завещанной суммы.

— Ничего я вам не заплачу, продажные души! Мне приходилось больше! — воскликнул в ярости Якубек.

В результате к двухнедельному трауру ему добавили пять дней ареста за оскорбление властей, а податной инспектор наложил арест на его имущество, чтобы получить с него штраф в шестнадцатикратном размере за гербовый сбор, а также восьмипроцентный налог с наследства.

Вот что получил Якубек на траур.

ПАН МАРЖИНЕК БОИТСЯ МОБИЛИЗАЦИИ

Торговцу Маржинеку кто-то сказал, что он пополнел, прекрасно выглядит и, если при нынешней международной ситуации* что-нибудь произойдет, то, хотя он никогда не бывал на военной службе, его непременно заберут и отправят на передовую, где им будут затыкать разрушенные окопы. А один добрый друг предсказал пану Маржинеку, что его отошлют на границу в качестве пушечного мяса.

Раньше Маржинек не был охотник до газет. Он утверждал, что вся пресса — сплошное вранье. Но с тех пор, как он услышал про себя такое, вряд ли кто покупал ежедневно столько газет, как пан Маржинек. Он залезал с газетами в постель и со страхом просматривал одну за другой, не объявлена ли война.

А так как в газетах ничего похожего не было, он с подозрением говорил:

— Ну ясно, они не смеют об этом писать.

Стоило Маржинеку поглядеться в зеркало, как он начинал жалобно сморкаться. Конечно, таким толстяком удобно затыкать разрушенные окопы. Опуская глаза на свой живот, он говорил хозяйке:

— Пани Катя, сколько пуль может в меня войти! Я-то думал на старости лет спокойно сидеть дома, а меня собираются превратить в решето.

Он твердил, что его используют в качестве затычки, и пани Катя ходила по соседкам и жаловалась, что пан Маржинек сходит с ума. То же самое думали о нем и приказчики его магазина.

Маржинек являлся в магазин бледный и, расхаживая между прилавками, без конца твердил:

— Да, любезные, скоро вы лишитесь своего кормильца. Отправят меня на границу. Я было собрался в этом году на маскарад перчаточников, а придется, видно, лечь в мать-сыру землю.

И он обратился к старшему приказчику со словами:

— Пан Фердинанд, как вы думаете, забреют меня или нет?

Фердинанд молчал, не зная, что ответить на такой странный вопрос. Старику-то уже пятьдесят пять лет!

— Вы меня не проведете, негодяи!— кричал пан Маржинек.— Вы от меня скрываете! Ничего, у вас еще поубавится спеси, когда мной начнут затыкать разрушенные окопы. Они мной законопатят дыру, и я, прохвосты вы этакие, не выживу, и останетесь вы без куска хлеба!

Маржинек, между прочим, торгует и ватой, которой конопатят окна на зиму. И вот подходит он к ящикам, выбрасывает из самого большого пачки ваты, садится в него сам и кричит:

— Вот где мое место! Я теперь затычка, голь вы перекатная! Но кило такой затычки стоит немало, я хорошо откормлен, я отлично питаюсь!

Приказчики рассказали об этом пани Кате. Выслушав их, она отправилась к доктору, жившему по соседству.

— Со временем это пройдет,— сказал доктор.— Положите ему лед на голову. Подобных случаев теперь немало.

И однажды, когда пан Маржинек жалобно сморкался и ныл перед своей хозяйкой: «Уважаемая, посмотрите на меня! Разве я могу карабкаться по скалам? Я свалюсь, непременно свалюсь прямо на вражеские штыки! А ведь штык, как в масло, войдет в меня!»— та предложила:

— Не сбегать ли за льдом, сударь?

Маржинек недоуменно посмотрел на свою хозяйку, постучал ей по лбу и заметил:

— Вы, видно, тоже спятили из-за этой мобилизации!

В один прекрасный день, взглянув на себя в зеркало, он воскликнул:

— Так просто я им не дамся!— и тут же поспешно вышел из дома. В лавке старьевщика пан Маржинек

купил старое игольчатое ружье со штыком и вернулся домой.

Дома он истыкал штыком все двери. Хозяйка заперлась в кухне и без передышки читала молитвы «Отче наш» и «Богородице дево, радуйся».

Теперь каждый день приносил пану Маржинеку что-нибудь интересное.

Прежде он был почти абсолютный трезвенник, а сейчас медленно, но верно становился алкоголиком. Он ходил в трактир, прислушивался к разговорам и сам вступал в беседу, правда, не всегда удачно. Собеседники принимали его за шпика и думали, что он хочет разнюхать их мысли. А однажды его самого забрал шпик, усмотрев в нем неблагонадежную личность.

На допросе в полиции выяснилось, что пан Маржинек просто несусветный болван, и его отпустили.

— В следующий раз держите язык за зубами,— предупредил комиссар и выставил его за дверь.

С тех пор Маржинек твердо уверовал в то, что в полиции обо всем хорошо осведомлены и только боятся, как бы страшное известие не стало достоянием гласности раньше времени.

На следующий день, проходя мимо полицейского управления, Маржинек увидел в одном окне свет.

«Это окно,— подумал он,— до сих пор не было освещено, значит, дело решено, уже пишут».

И он отправился в ближайший трактир.

— Ну, все ясно,— еще с порога объявил он.— Завтра получим повестки!

Он осушал кружку за кружкой, слушая, как люди на все лады обсуждают принесенную им новость.

— Теперь начнут драть деньги,— заметил один из завсегдатаев трактира, на что его собеседник ответил:

— Все будут драть! Шкуру сдерут!

Маржинек к этому времени так налился, что уразумел только одно: «Шкуру сдерут». Зато запомнил это крепко и извозчику, ствозившему его домой, сказал:

— Шкуру сдерут, дружище!

Добравшись до своей квартиры, пан Маржинек с криком: «Шкуру сдерут!» — содрал с хозяйки одеяло, а затем ободрал огромного черного ангорского кота.

Утром его увезли.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ДИПЛОМАТА

Поговаривают, особенно в последнее время, что дипломаты — народ безголовый. Это утверждение, однако, опровергается воистину классической деятельностью дипломата графа Рудольфа из Камел. У того была голова на плечах, большого ума был человек, в чем вы сейчас и убедитесь.

Граф Рудольф из Камел принадлежал к старинному дворянскому роду, подарившему человечеству самого прославленного идиота на земле — пана Яна из Камел, человека поистине мирового масштаба, написавшего книгу, в которой утверждалось, что земля не вертится. Умер он послом при русском дворе и был современными историками назван «величайшим идиотом вселенной», что по-чешски звучит «největší idiot vesmíru».

У пана Яна из Камел был сын Карел, которого преследовала навязчивая идея, что он станет придворной дамой. Лечили его от этого холодными примочками на голову. После себя он оставил сына Йозефа Антонина, который в младенческом возрасте упал в замке с лестницы и проломил себе череп, отчего и развился у него так называемый травматический невроз. Поэтому он не дотянул выше генерала; его-то сыном и был упомянутый Рудольф.

Когда родился Рудольф, семейный совет решил, что он должен будет посвятить себя дипломатической деятельности, дабы восстановить былое влияние в империи прославленного графского рода из Камел. Малютка Ру-

дольф не сказал на это ни слова, только пришлось сменить ему пеленки.

Это был его первый самостоятельный шаг на дипломатическом поприще. Позднее оказалось, что много воды утечет, прежде чем он научится говорить,— почти до восьми лет он все называл словом «папа», только по отношению к жилету, кофе и супу употреблял слово «мама».

К десяти годам, однако, уже был замечен значительный прогресс. Понемногу, но все более уверенно, он начал различать предметы и научился благодаря шести учителям к пятнадцати годам подписываться без чужой помощи и читать свое имя. Ему пригласили еще трех учителей, которым доставило немало хлопот готовить его к жизни. В восемнадцать лет благородный юноша мог уже без ошибки и быстро ответить, что существует пять частей света, и лишь изредка при их перечислении забывал одну или две. Было видно, что его интеллект растет не по дням, а по часам, и учителя признали: для того, чтобы из него получился настоящий дипломат, ему нужно еще усвоить, что на свете существуют и кое-какие государства. Благодаря своей сообразительности и неудержимой тяге к образованию он знал к двадцати пяти годам, то есть через каких-то семь неполных лет, названия всех государств Европы, а в тридцать лет уже был на государственной службе, так как научился играть в макао и баккара, к чему проявил прирожденный талант. Его определили в министерство иностранных дел, куда он теперь каждый раз приезжал высыпаться после бессонных ночей.

Однажды министр иностранных дел похлопал его по плечу и сказал, что посылает с секретным посланием в столицу соседней империи. Тайным посланием был большой лист бумаги с различными каракулями, и в этом зашифрованном документе предлагалось заключение какого-то договора между обоими государствами против третьего, которое за последнее время глубоко увязло в долгах, стремясь перещеголять всех количеством пушек.

Граф Рудольф из Камел взял портфель с важным дипломатическим документом и без промедления отбыл в соседнее государство.

Отъезжая с привокзальной площади чужого столичного города в отель, он почувствовал, что чего-то ему не хватает. И действительно, он забыл портфель в вагоне.

Однако ни за что на свете не мог он вспомнить, что именно потерял и что вообще с ним происходит, а когда приехал в гостиницу, был совершенно не в силах представить себе, зачем он здесь и что должен в этом чужом городе делать. Даже владелец гостиницы, которого он потребовал позвать к телефону, не мог дать на его вопрос никакого вразумительного ответа.

Тогда граф отправился в город, и ему пришло в голову, что раз уж он здесь, то может хотя бы выкурить сигару. Он завернул в ближайший магазин и потребовал коробку дорогих сигар.

— Прошу прощения, — почтительно промолвил владелец лавки, — наша фирма имеет дело с металлическими изделиями, у нас нет ни одного табачного киоска. Мы продаем всевозможные винты, гвозди, гайки, самовары, из них настоятельно рекомендуем вам патентованный «Креос» для керосина.

— Это — жестокое оскорбление, — воскликнул граф Рудольф из Камел, — вы отказываетесь продать сигары мне, представителю иностранной державы!..

— Патентованный «Креос» для керосина, — заикался напуганный торговец, — честное слово, дорогой пан, здесь магазин металлоизделий.

— Это будет означать войну, — орал граф Рудольф, — наша страна не оставит безнаказанным такое поведение! Мы вас разнесем в клочья, вы еще, господин, заплатите миллиард контрибуции.

В ярости выскочил граф из магазина и ночным поездом возвратился на родину, где среди ночи поднял с постели министра иностранных дел.

Пан министр выглядел очень заспанным и, когда граф Рудольф из Камел выложил, как ему отказались в чужом государстве продать сигары, зевнул и сказал:

— Дорогой граф, пошлите им резкую ноту, а пока спокойной ночи.

Всю ночь граф Рудольф повторял:

— Послать резкую ноту, послать резкую ноту, черт возьми, что это может значить?

Утром он поехал в город; размышляя, что это за нота, и вдруг увидел на одном магазине вывеску «Notenhandlung»¹.

Он немедленно выскочил из автомобиля и ворвался в магазин.

— Дайте мне какую-нибудь резкую ноту,— орал он на продавщицу,— что-нибудь очень резкое, черт вас побери!

— В таком случае дадим вам «Марш Ракоци»*,— решила продавщица.

Граф швырнул на прилавок деньги, схватил ноты и помчался домой, где их собственноручно запаковал и надписал адрес соседней страны.

После этого, скрежеща зубами, граф самолично отнес пакет с нотами «Марша Ракоци» на почту.

Это и был самый блистательный акт в его дипломатической практике.

¹ Продажа нот (нем.).

ГИД ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ В ШВАБСКОМ ГОРОДЕ НЕЙБУРГЕ

Гид для иностранцев в швабском городе Нейбурге на Дунае, г-н Иогель Клоптер, оценивал свои услуги — показ городских достопримечательностей с соответствующими объяснениями — следующим образом:

— Четыре марки да закуска с выпивкой.

Это последнее условие вызвало во мне неприятное чувство. У г-на Иогеля Клоптера живот был ненормальных размеров, даже по баварским представлениям о человеческой толщине. А обычное баварское представление об этом предмете не спускается ниже девяноста килограммов живого веса.

Турист заинтересован в полной договоренности с гидом. Я сразу взял быка за рога:

— У вас, видимо, хороший аппетит. Вам похудеть бы...

Господин Иогель омрачился.

— Куда ж еще худеть-то? — вздохнул он. — Господи, если б вы видели моего покойного отца, а то еще покойного дедушку! Он съедал разом целый окорок, миску клецок и горшок капусты. Это, так сказать, на закуску.

— Я накину три марки: буду платить вам семь марок в день.

— Герр готт! — возразил г-н Иогель с чисто немецкой учтивостью. — Если вы так скупы, ходите по городу

один да не попадитесь мне на дороге. Вы что ж, сударь, думаете, Йогель Клоптер грабит иностранцев? Мне довольно какого-нибудь литра пива да кое-какой закуски.

Когда он вторично произнес слово «закуска», у меня забегали мурашки по спине, но я сдержался, вспомнив, что турист в пути должен создавать себе как можно меньше врагов, особенно такого атлетического сложения; поэтому мы ударили по рукам, он получил четыре марки и угостил меня кружкой пива.

Таков обычай всех баварских гидов: маленькие подарки укрепляют дружбу; но он сдерет с вас стоимость этого маленького подарка раз двадцать за день.

*

В Нейбурге бывает мало туристов. Может быть, в этом повинен г-н Йогель Клоптер, но туристы вообще редко посещают «Швобенланд»¹.

Окрестности Нейбурга не представляют ничего особенно привлекательного. Все городишки, все деревни в Швабии — на один образец. Если кое-где сохранились какие-нибудь развалины старинного замка — они реставрированы и превращены в пивоварню. В этом отношении баварцы весьма предприимчивы. Так обстоит дело, например, в Гендеркингене, Мертингене, Дюрцленкингене, Берсхеймингене, Иргельсхеймингене и прочих и прочих «ингенах». Названия там однообразны, как швабские газеты. Общественная жизнь во всех этих «ингенах» сводится к вражде между отдельными «ингенами» да жестоким трактирным дракам в каждом из «ингенов». Особенно это относится к району Нейбурга. А г-н Йогель Клоптер вырос как раз в тамошней суровой обстановке.

Сам Нейбург — старинный город, как и остальные баварские города. Если бы я вел путевой дневник, я отметил бы, что там двое ворот; а так скажу лишь, что однажды вечером я вошел в одни ворота, а на другой день после полудня вышел в другие. Последнее — по вине г-на Йогеля Клоптера...

¹ Швабия (искаж. нем.).

В Нейбурге есть крепостные стены, которые находятся в жалком состоянии. Несколько столетий тому назад стены эти были разрушены шведами, и с тех пор нейбуржцы сохраняют их в таком виде. Это объясняется отчасти тем, что они выбирают всегда консервативного депутата.

Как каждый порядочный баварский город, Нейбург имеет ратушу в старонемецком стиле. А в ратуше есть высокая лестница. Это все, что сообщил мне о ней г-н Иогель Клоптер. Дунай образует здесь два рукава. На эту достопримечательность обратил мое внимание также г-н Иогель. А когда мы шли по мосту, он объяснил мне, что этот мост деревянный.

У входа на мост стоит часовой в шлеме. Зачем он стоит там, г-н Иогель не знал, да и сам солдат, вероятно, не имел об этом ни малейшего представления.

Когда мы перешли на другой берег, г-н Иогель объявил, что здесь мост кончается. Вы, конечно, думаете, что, кроме ратуши и деревянного моста, он больше мне ничего уже не показывал. Ошибаетесь. Между ратушей и мостом находится пять пивоварен и восемь гостиниц... Последняя гостиница — у самых ворот, и через них-то я и вышел из города, где находится архив Швабии и где живет г-н Иогель Клоптер, которого я горячо рекомендую всем туристам...

*

Когда мы вышли из гостиницы, где я ночевал, и перешли мост, мой гид сказал:

— Теперь я покажу вам старую гостиницу «У корабля».

С внешней стороны она была неказиста.

— Придется зайти,— прибавил г-н Иогель.— Надо подождать одного человека.

Это было сказано так добродушно, что я не сомневался: гид мой хочет выпить, вернув с процентами то, что потратил на меня в момент заключения нашего договора; а ожидание «одного человека» — только предлог для того, чтобы применить на практике пункт договора: «Закуска с выпивкой».

«Как я пришивал пуговицу к брюкам»

«Поп и мулла»

Я велел подать пива. Выпив, г-н Иогель заговорил:
— Жду одного негодяя. Это такой швейнкерль, такой швейнбубль¹!

Он произнес еще несколько существительных в милом сочетании со словом «швейн», опять выпил и продолжал:

— У меня с ним свои счета, сударь. Да еще какие! Пускай только придет, я с ним поговорю. Он — из Дюрцленкингена, а я из Берсхеймингена. Мы, берсхеймингенские, «*goh, awer gutmütlich*»², а дюрцленкингенцы — только «*goh*»; добродушие в них ни на грош. У них в Дюрцленкингене все сакрады³ и швейнбубли.

— Швейнкерли,— сказал я, чтобы поддержать разговор.

— Ну да, швейнкерли,— ответил г-н Иогель.— А хуже всех Иоганн Бевигн.

Он допил кружку и заказал другую.

— Мы,— с раздражением продолжал он,— мы, берсхеймингенские, всегда были в скверных отношениях с этими дюрцленкингенскими безобразниками. У нас, знаете, во всех деревнях свой говор, но в Дюрцленкингене он такой поганый, что наши берсхеймингенцы не понимают. Отец мой был в Берсхеймингене «па-а», а Иоганн, швейнбубль, вечно надо мной смеется: не знаю, мол, что это такое.

— Простите, господин Иогель, а что, собственно, значит: па-а?

— Па-а значит па-а, сударь; как же можно сказать по-немецки яснее?

(Я до сих пор не знаю, что значит: па-а, так что по терминологии г-на Иогеля — являюсь швейнбублем.)

— Хо, хо! Знаете, этот самый бездельник Иоганн Бевигн явился в Нейбург, чтоб конкуренцию мне делать, и болтает повсюду, будто я пьяница. А сам-то, нечего сказать, хорош гид! Как подвернется ему какой турист, так он с ним вместе и напьется. Скотина! Поэтому-то мы и ждем его. Я ему скажу: «Видишь, швейнбубль, никакого ты вреда мне сделать не мог: мои господа туристы получше твоих, бродяга ты дюрцленкингенский!» А не

¹ Скотина, свинья (нем.).

² Грубы, но добродушны (нем. диалект.).

³ Мерзавцы (нем.).

дождемся здесь, так найдем его в Бургсхеймовской пивоварне; а нет, так уж, верно, в трактире «У большого чубука». Коли и там нету, так в каком-нибудь трактире возле ратуши либо в пивоварне возле крепости. А ежели и там не окажется — заглянем в трактир «У последних ворот».

— Ну, а если и там его не будет?

Мой гид ударил кулаком по столу.

— До самого Дюрцленкингена дойдем!

Как видите, очень приятный господин этот Иогель Клоптер.

А для иностранцев просто неоценимый. Ему известно все до мельчайшей подробности. Он решительно ничего не пропускал, все объяснял, все показывал. Выйдя из «Корабля», мы пошли с ним по узкой улице. Завернув за угол, он остановил меня перед каким-то старым домом.

— Здесь в прошлом году убили мясника из Вейдинга,— глухо промолвил он, указывая на этот дом.— Это Бургсхеймова пивоварня.

— Кто его убил, господин Иогель?

— Дюрцленкингенские, сударь. Они здесь собираются. Может, и конкурент мой Иоганн Бевигн здесь сидит. Проходите первый.

Когда мы с ним сели за столик, г-н Иогель окинул опытным взглядом нескольких здоровых парней, бранившихся в полутемном углу.

— Его тут нет,— разочарованно промолвил он.— Те двое, направо, живут на Регенбургской улице, а те двое, налево,— на Аугсбургском шоссе. Они будут ругаться еще час, пока схлестнутся. Это неинтересно. Вот, жаль, нету никого с площади Фридриха и с Пфальцской улицы: те умеют драться. А то еще из Лесхеймского предместья да из Гейна.

Он презрительно сплюнул.

— А эти,— продолжал он уныло,— никогда и ножа-то не видали. На них бы наших, берсхеймингенских, напустить! Мясника этого вейдингского здорово пырнули. Со мной бы этого не случилось. Жаль, нету Иоганна Бевигна, но мы его найдем, сударь. И только скажи он нам что — вправим ему мозги!

Как мы видим, г-н Иогель Клоптер не экономит время на туристах, не в пример многим гидам, которые проводят иностранцев по городу чуть не бегом, чтобы только поскорей отделаться.

*

Нейбург, как сказано, — старинный город. Там много старых домов; и в одном из этих красивых домов с аркерами и черепичными крышами помещается трактир «У большого чубука». Внутри этого заведения — надпись: «Проят расплачиваться наличными немедленно!» Помещение мрачное, хмурое, со старым сводчатым потолком, угрожающим обрушится на посетителя; ввиду этого потолок подперт двумя деревянными столбами. Какой-нибудь берсхеймингенский Самсон, хорошенько натужившись, мог бы пошатнуть столбы и таким образом похоронить целую шайку дюрцленкингенцев. Именно такие библейские аналогии приходили в голову г-ну Иогелю.

— Если б они пошли на меня всей оравой, — промолвил он, прищурившись, — я знал бы, что делать. Поступил бы как Самсон.

Иоганна Бевигна не было и здесь. После долгого ожидания мы пошли дальше.

— Пойдемте в монастырскую пивоварню, — предложил мой гид. — Она замечательна тем...

«Ага, — подумал я, — сейчас начнется скучная лекция в таком духе: «Здание относится к шестнадцатому столетию и т. д.»

— Вы уже кушали в Нейбурге ливерную колбасу? — прервал мою мысль г-н Иогель.

— Ел. Вчера в гостинице, где ночевал.

— Так вы не знаете, что такое настоящая ливерная колбаса! Монастырская пивоварня замечательна тем, что отцы францисканцы делают такую славную ливерную колбасу, которая привлекает богомольцев со всей Швабии, не хуже ихней чудотворной иконы св. Илиодора. Да не то что со всей Швабии, а даже из Верхнего Пфальца приезжают. Иной раз в пивоварне две процессии встретятся — и давай драться. Так что отцы

францисканцы делают? В ливерной колбасе им отказывают. И драке сразу конец.

(Продолжение беседы протекало уже в монастырской пивоварне.)

— А из-за чего происходят ссоры, господин Иогель?

— Да из-за иконы св. Илиодора, сударь. Каждая процессия старается первой к ней приложиться; поскорее за пиво и ливерную колбасу норовят приняться, потому что лучше этой закуски ничего быть не может.

Господин Иогель съел ее два фунта.

Тут нам вообще повезло. Мы узнали, что конкурент г-на Иогеля — Иоганн — всего за полчаса перед тем ушел отсюда с одним туристом в какую-то пивоварню возле крепости; при этом он спрашивал о г-не Иогеле...

— О ничтожный! — патетически воскликнул г-н Иогель. — Зацапал какого-то жалкого туриста!.. Ничего не поделаешь, придется идти за ним туда. Видно, испугались нас.

С каждой минутой г-н Иогель проникался ко мне все большим доверием.

— Туриста вы возьмете на себя, — сказал он. Это было сказано решительным тоном, в котором слышалось: «Кто не со мной, тот против меня».

Мы отправились к крепостной стене.

К крепости прильнуло пять пивоварен, как цыплята к наседке. Нейбуржцы с помощью крепостных стен охраняли самое дорогое свое достояние.

Во время Тридцатилетней войны к Нейбургской крепости прорвался отряд шведов и после ожесточенного сражения захватил одну пивоварню. Там победители нализались как свиньи. Узнав об этом, гарнизон крепости произвел вылазку; но на пути находилась другая пивоварня. Защитники не устояли; тщательно обдумав положение и придя к выводу, что если сами они не выпьют тамошних запасов, то это сделают шведские ландскнехты, они, вместо того чтобы атаковать шведов в первой пивоварне, атаковали бочки во второй. И одержали победу: осушили их до дна. Тем временем шведы очухались и пошли приступом на вторую пивоварню. Обнаружив, что она оккупирована, направились к третьей, где пили до тех пор, пока не перепились еще сильнее, чем в первой. Пили без отказа. А тем временем во

второй пивоварне защитники крепости очухались и двинулись оборонять третью. Но было уже поздно: они нашли там лишь спящих шведов да пустые бочки. Разъяренные видом пустых бочек, они перебили всех шведов. Это и есть так называемая нейбургская победа, о которой сообщает надпись под фреской на крепостных воротах.

— Поделом им,— важно промолвил г-н Иогель, остановившись под этой фреской.— Шведы вообще наделали тогда больших бед. В книгах говорится, что до Тридцатилетней войны в Швабии было гораздо больше пивоварен, чем теперь.

В настоящее время возле крепостных стен, как уже сказано, их всего пять.

Ни в одном из этих исторических мест г-н Иогель не нашел конкурирующего с ним гида, г-на Иоганна, а я — конкурирующего со мной туриста.

— Самое главное,— промолвил наставительно г-н Иогель, с разочарованным видом выходя из последней пивоварни,— никого не подпускать к себе близко. Схватил кружку — кинул, схватил стул — кинул, отломил ножку у стола — кинул. Вот как надо.

— У меня еще кое-какая надежда,— сказал он, когда мы подходили к воротам,— что мы найдем этих мерзавцев в трактире «У последних ворот». Что они, в кошки-мышки с нами играют?!

Никогда не теряйте надежду! Мы нашли их «У последних ворот». Конкурирующий турист озирался по сторонам испуганно, а г-н Иоганн — вызывающе.

Мы сели напротив них. Между гуристом и г-ном Иоганном установились, видимо, самые короткие отношения. Они говорили друг другу «ты».

— Слушай,— громко сказал г-н Иоганн робкому туристу,— ты подойдешь к этому приезжему и дашь ему в морду, а с Иогелем расправлюсь я сам.

И тотчас загремел г-н Иогель:

— В Дюрцленкингене — одни швейнкерли!

— А в Берсхеймингене — швейнбубли! — крикнул в ответ г-н Иоганн.

Тут в г-на Иоганна полетела кружка г-на Иогеля, а в г-на Иогеля — кружка г-на Иоганна. И пошла потеха;

там было несколько человек из пригорода Лесхейм и пригорода Гейн, которые обрадовались случаю разбить друг другу головы.

Воспользовавшись суматохой, я шмыгнул к дверям и столкнулся там с конкурирующим туристом.

— Мы искали вас по всем пивоварням и трактирам,— сказал он.— Иоганн говорит, что ему надо свести счеты с Иогелем за то, что тот хлеб у него отбивает.

Мы вышли из ворот Нейбурга.

— Славный городок,— с воодушевлением промолвил турист.— У нас в Вюртемберге такая скука...

Вот каковы немцы и каковы гиды для иностранцев в швабском городе Нейбурге на Дунае...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОРА ШЕЙБЫ

Вор Шейба дал запереть себя на ночь в доме № 15. Он был специалистом по ограблению чердаков и сегоднешнюю ночь решил посвятить этому занятию, избрав богатый квартал. А то перед тем он работал в бедном квартале; там ему удалось стащить всего два передника, три нижние юбки да побитый молю платок. За все вместе ему дали бы шесть месяцев, если б поймали, а еврей заплатил крону.

Шейба стоял в подвале, прислонившись к притолоке, и прислушивался к шагам привратницы, которая погасила свет, заперла входную дверь и теперь уходила. Верно, молодая: Шейба слышал, как она что-то тихонько напевает. Это показалось ему добрым знаком. Сегодня после полудня он встретил воз сена — тоже хорошее предзнаменование. Кроме того, он видел трубочиста и послал ему воздушный поцелуй — это тоже приносит счастье.

Шейба вытащил из кармана бутылку с дешевым ромом и сделал глоток. Дешевый ром — это после бедного квартала. Здесь будет совсем по-другому. До обеда он осматривал новое поле деятельности и установил, что до второго этажа лестница устлана ковром. Сразу видно, здесь живут представители привилегированного класса; уж у них на чердаке что-нибудь да найдется. Ну, скажем, перины, одежда. Шейба сделал большой глоток, запив ромом свою мечту о счастье, и сел на ступеньку. Он устал: сегодня в заречном квартале его чуть не пой-

мали полицейские. Неприятность вышла из-за ручной тележки, на которой не было фамилии владельца; кто-то оставил ее на улице. Не успел Шейба сделать с ней несколько шагов, как ему пришлось бросить ее и уди- рать. И он, слава богу, удрал, но теперь чувствовал се- бя так, словно его избили. Нет на свете справедливости. В деревне за тобой гонится стражник, в городе — поли- цейский. Шейба опять глотнул рому и вздохнул.

В доме царили тьма и покой. Здесь, в подвале, было не тепло и не холодно. Но у Шейбы, заметившего, что его вздохи доносятся в ночной тишине чуть ли не до чет- вертого этажа, мороз пробежал по коже при мысли, что с ним будет, если его схватят. Хоть поймали бы по край- ней мере ближе к зиме! Он уже несколько зим провел в тюрьме. В некоторых тюрьмах есть центральное отоп- ление. Тепло, ешь досыта, только водки не хватает. А ку- рево уж как-нибудь да раздобудешь.

В подвале мяукнула кошка. Шейба чуть не сказал «кис-кис», но вовремя спохватился. Зачем играть с ог- нем? В доме, конечно, еще не все спят; чего доброго, при- вратница услышит — а тогда конец! Еще, может, и по- колотят.

Он слышал, как за дверью ходила, мяукая, кошка, как она влезла на грудку угля и тот с шумом осыпался вниз. Проклятая! Шумит, а прохожие на улице поду- мают, что в подвале вор.

Шейбу возмущало, что могут подумать, будто он спо- собен ограбить подвал. Очистить подвал — это сумеет каждый. Совсем другое дело чердак!

Он невольно пошевелился; в кармане звякнули от- мычки. Кошка за дверью испугалась, и Шейба услышал, как она, убегая, столкнула какой-то тяжелый предмет. Загремело.

Шейба весь сжался, прислушиваясь. Эхо прокатилось по дому и постепенно затихло. В доме никто не отозвал- ся. Он успокоился и отпил из бутылки. Если его, не дай бог, поймают, пусть лучше бутылка будет пуста. Допить ведь не дадут. Раздался звонок.

«Звонят привратнице», — подумал Шейба и опять сжался, словно не желая ничего видеть.

Из двери привратничьей проник свет; послышалось шарканье и шуршанье юбки.

Привратница пошла открывать. Шейба затаил дыхание, боясь выдать себя.

Полоса света, разбившись о лестничные перила, падала на ступеньки подвала, достигая Шейбы.

— В подвале какой-то шум,— произнес голос на лестнице.— Не забрались ли воры?

— Это кошки, пан советник,— ответила привратница.— Каждый день поднимают страшный шум. А на чердаке что вытворяют! Носятся так, будто черти свадьбу играют.

У Шейбы камень с сердца свалился. Он слышал, как привратница ушла к себе, а на третьем этаже зазвенел в двери ключ. Он воспользовался этим шумом, чтобы потянуться и глотнуть рому.

Свет погас; наступила полная тьма. Шейба стал думать о своем деле. Поздно вечером он прокрадется на чердак, откроет отмычкой замок, возьмет все стоящее, а утром, как только откроют входную дверь, выберется наружу. В этот час полицейские редко появляются на улицах. Дальше пойдет все как по маслу. Выручив деньги, он заплатит за жилье и еду: он задолжал уже за неделю. А хозяева — бедняки и притом знают о нем кое-что такое, что может ему повредить. Зимой еще куда ни шло, он простил бы им донос, но сейчас хочется побыть на воле. Интересно: когда кругом все зелено, нет никакого желания садиться за решетку.

Шейба был в каком-то лирическом настроении. Услыхав опять доносящееся из подвала мяуканье, он не удержался и тихо позвал в замочную скважину: «Кис-кис!» Кошка подбежала к дверям, замяукала громче. Шейба слышал, как она скреблась в дверь, потом села и заурчала; видно, ей было скучно одной в подвале, и она обрадовалась, что у нее есть товарищ, хоть и отделенный от нее непреодолимой преградой.

«А что, если выпить за ее здоровье?»—подумал Шейба и немедленно претворил в жизнь эту приятную мысль. Он сразу почувствовал себя в большей безопасности и вытянул ноги, произведя еле слышный шум.

Чтобы потом не забыть, он снял ботинки. Это ему удалось сделать беззвучно. Обрадованный, он снова глотнул рому. Потом ласково погладил бутылку. Она уже три раза сопровождала его во время его походов.

А когда на вырученные деньги Шейба опять наполнял ее ромом, у него было такое чувство, будто он делит с ней свой успех.

Бутылка была единственным другом, с которым он мог поговорить во время бесконечно тоскливого ожидания в чужих домах, когда не знаешь, что с тобой будет через минуту.

Держа бутылку у рта, Шейба по бульканью определил, что в ней осталось не больше четверти содержимого. Вот когда уже ни капли не останется — тогда он пойдет наверх, а завтра опять наполнит ее. «Ты вела себя хорошо, душечка!»

От рома по всему телу Шейбы разлилось приятное тепло, и он мысленно перенесся на чердак. Богатый дом, богатый чердак. Вспомнил чердаки в бедном районе города и плюнул в сторону двери. Два передника, три нижних юбки да побитый молью платок. Одно горе! Жить становится все труднее. Не хватает еще, чтобы водка подорожала, — тогда хоть в петлю полезай!

Он выпил еще, и к нему вернулось хорошее настроение. Может, на чердаке найдутся перины. Нынче пух еще в цене. Остались только две вещи, ради которых стоит трудиться: это телеграфные провода и перины. Как мало их ни укради — все равно суд присяжных. А сколько ради него пришлось тащить передников, нижних юбок и изъеденных молью платков! Суд присяжных лучше, чем сенатский суд! Суд присяжных все-таки почетней. По крайней мере товарищи скажут: «Молодец, парень. У него за спиной суд присяжных!»

«Выпью за суд присяжных», — подумал Шейба и допил остаток рома. Ну, еще минутку отдохнуть и — наверх. Полегоньку, потихоньку... Только не шуметь! Ботинки — в руки, пойдет босиком. За что ему на себя сердиться? Пойдет тихохонько... Только еще минутку подождет, все обдумает... Почему бы не прочесть «Отче наш»? Вот помолится и пойдет.

Шейба прокрался на второй этаж. Ботинки в руке. На каждой ступеньке остановка. Осторожность прежде всего.

Шейба крадется медленно и тихо, как кошка. Второй этаж. Он хочет нащупать перила, а трогает какую-то дверь. Ах да, перила дальше — налево. Протянул руку,

но опять наталкивается на дверь... Звенит звонок. Видно, он нажал кнопку. У него немеют ноги, он не может пошевелиться. Дверь открывается, чья-то рука хватается его за воротник и втаскивает в квартиру.

Кромешная тьма. Шейба слышит грозный женский голос:

— Дыхни!

Шейба дыхнул; жесткая рука по-прежнему держит его за шиворот.

— Ты даже ром хлещешь! — слышит он грозный скрипучий голос.

— Да, — отвечает Шейба. — На лучшее у меня денег нет.

— А тебе надо было все пропить и в конце концов перейти на ром, тебе — председателю суда Дорну!

Страшная женщина провела рукой по его лицу.

«Эге, — думает Шейба, — она приняла меня за председателя суда Дорна, который меня недавно судил».

— Зажгите, пожалуйста, свет, — просит Шейба.

— Зажечь свет, чтобы служанка увидела, в каком виде возвращается домой председатель суда? — кричит женщина. — Каков! И ты, мерзавец, обращаешься на «вы» ко мне, к своей законной жене, которая не спит и ждет тебя с двенадцати часов? Что у тебя в руке?

— Ботинки, сударыня, — заикаясь, отвечает Шейба.

Страшная рука снова проводит по его лицу.

— Сударыня! Думаешь, я сошла с ума? Да еще сбрил, негодяй, свою бороду! Бритый, как арестант, мать божия! Ну и отколочу же я его сейчас! Вот почему он хотел, чтобы я зажгла свет! Небось, думал, бездельник, что я испугаюсь, в обморок упаду, а он запрется в комнате!

Шейба чувствует, что его молотят по спине кулаками.

— Хорош! Председатель сенатского суда, а вид как у арестанта. Что у тебя на голове?

— Кепка.

— Боже мой, до того напился, что потерял цилиндр и купил себе кепку! А может быть, украл?

— Украл, — покаянным тоном отвечает Шейба.

Новый удар по уху. Женщина кричит, выталкивая Шейбу за дверь:

— До утра проторчишь на лестнице! Пускай весь дом полюбуется, каков председатель сенатского суда Дорн!

Она толкает его с такой силой, что он падает и разбивает себе нос; дверь захлопывается.

«Слава богу,— думает Шейба, поднимаясь вверх,— все кончилось благополучно. Жаль только — ботинки она отняла». Ему кажется, что босые ноги слегка белеют в темноте.

Шейба тихо крадется вверх. Слава богу, вот он уже у первой двери на третьем этаже... Вдруг чья-то рука хватает его за шиворот и вталкивает в квартиру!

Здесь еще темнее, чем во втором этаже. Шейбе без всякого предисловия дают пощечину, и он слышит женский голос:

— Целуй мне руку.

Он целует.

— Где твои ботинки? — спрашивает женщина.

Шейба молчит. Теплая рука, которую он только что поцеловал, ощупывает его босые ноги.

Потом он получает такой удар в спину, что у него из глаз искры сыплются.

— Так! Значит, судебному следователю, доктору Пелашу, не стыдно являться домой к жене босым и пьяным? — кричит женщина.— Где твои носки, негодяй?

Шейба молчит, соображая. Судебный следователь доктор Пелаш вел его последнее дело.

— Где твои носки, негодяй? — слышит он тот же вопрос.

— Я их сроду не носил,— отвечает Шейба.

— А, ты изменил голос, негодяй? И даже не соображаешь, что говоришь?..

Женщина изо всех сил трясет Шейбу; у него падают из карманов отмычки.

— Это что такое?

— Ключи от чердака,— упавшим голосом отвечает Шейба.

Не успел он это произнести, как его вышвыривают на лестницу. Вслед ему летят отмычки и гремит голос:

— Нализался до белой горячки!

Шейба хочет встать, но кто-то хватает его за руки, пинает и кричит:

— Нет, это просто ужасно! Он поднимет на ноги весь дом! Напился и лезет в квартиру к соседям. Что о тебе подумает жена следователя?

И чья-то женская рука тащит его в дверь напротив, втаскивает в переднюю, а оттуда в комнату и бросает его на диван; потом женщина уходит в соседнюю комнату и запирает за собой дверь со словами:

— Какая гадость! Посмотрел бы на тебя заведующий. «Хороший у меня кассир, нечего сказать», — подумал бы он. Сегодня будешь спать на диване!

Через четверть часа вор Шейба открыл дверь и, словно спасаясь от пожара, со всех ног помчался вон из проклятого дома. Он до сих пор не знает, привиделось ему все это во сне или произошло на самом деле.

Шейба не читает газет и не знает поэтому, в каком доме нашли его ботинки, отмычки и пустую бутылку из-под рома.

КАК Я СПАС ЖИЗНЬ ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Самым горячим моим желанием издавна было спасти кому-нибудь жизнь. Мысль о спасении человека особенно согревала меня, когда я сидел в нетопленной комнате. Кроме того, у меня врожденное корыстолюбие (мой дедушка по матери раз пятнадцать был осужден за лихоимство), а я часто читал в газетах, что в награду за спасение утопающего от муниципалитета вручают пятьдесят крон. Один человек, рискуя своей жизнью, вытащил из воды самоубийцу, и за это ему выдали награду в пятьдесят крон. Он так обрадовался этой награде, что умер от разрыва сердца. И опять же — удовольствие попасть в газеты!.. Правда, я попадал в газеты, и весьма часто, но, увы, это нисколько не радует ни моего тестя, ни мою супругу Ярмилу. Однажды обо мне написали в связи с неприятным случаем, когда полицейский по несчастной случайности ударился головой о мою палку. В другой раз обо мне была заметка под заглавием «Дрался с солдатами». Насколько помнится, она началась довольно многообещающе: «Вчера в пивную «Канонир» явился...» Заглавия газетных сообщений одно за другим всплывают в моей памяти: «Остановил пароход», «Приставал к полицейским», «Выброшен в Турнове» и т. д. и т. д. Тяжелые воспоминания — лучше и не рассказывать! Не удивительно, что у меня появилось сильное желание хотя бы один раз попасть в газеты в качестве благородного и примерного человека.

Меня обуяло тщеславное стремление реабилитировать свое прошлое.

Я уже ясно представлял себе напечатанный крупным шрифтом заголовок: «Мужественный поступок». Я даже видел мысленно, как это набрано в разбивку: «Мужественный поступок».

На пятьдесят крон, которые я получу, я куплю себе ботинки и порцию устриц в вокзальном ресторане, а на остаток? Само собою разумеется, не комплект «Вестника абстинентов».

Взвесив все обстоятельства, я ежедневно ходил возле реки, осматривая излюбленные места самоубийц, особенно Карлов мост, с которого бросаются главным образом бережливые самоубийцы, с целью избежать платы в два геллера за переход по мосту.

Однако у меня оказалось много конкурентов. Внизу, под мостом, в течение целого дня сновал на своей лодке человек, живший исключительно спасением утопающих. На чердаке у него хранилось уже шестьдесят восемь благодарственных свидетельств и наград. Как паук, поджидающий мух, притаился он под мостом, а в последнее время соорудил даже сеть для ловли самоубийц.

Одним словом, слоняться возле Карлова моста было бесполезно. Тогда я стал ходить на мост у Элишкиной улицы, и там мне однажды представился счастливый случай: как раз на моих глазах прыгнул в воду какой-то человек, бросив перед этим письмо следующего содержания:

Дорогая Боженка!

Сто раз говорил я тебе, чтобы ты не солила свиной печенки перед тем, как поставить ее в духовку. Потом она становится твердой, как подметка, отчего я и заболел неизлечимым катаром желудка. Кроме того, я узнал о твоих интимных связях с моим конторщиком, который обокрал меня на шестнадцать тысяч крон. Теперь я банкрот. Прощай!

Твой Йозеф.

Прежде чем я успел прочесть письмо, самоубийцу вытащили около запруды целого и невредимого. Оказалось, что он умел плавать, как рыба; еще немного — и он побил бы нынешний мировой рекорд венгерского пловца Какони.

Таким образом, на мостах мне не везло. Я стал ходить в Карлин *. Там, под железнодорожной насыпью, река демонически красива. С Карлинской скотобойни доносится запах потрохов, всевозможные ароматы окрестных фабрик висят над Менинами. Река течет черная и задумчивая, как старик перевозчик возле Роганского острова. Об этом старике рассказывают, что люди ему должны полторы тысячи крон и всё по два геллера *. Чайки кричат над рекою и задевают крыльями водную гладь. Летучая мышь со свистом пролетит и скроется (собственно, я не знаю, свистят ли летучие мыши, но это неважно). К вечеру эта часть города представляет такую печальную картину, что обойтись без бутылки коньяку никак нельзя. Кроме того, здесь тренируются саперы, и у берега всегда стоят их понтоны.

Эта часть города как раз соответствовала моим намерениям. Почти около месяца я шатался по этим местам, выпив более восьми литров коньяку. И — никаких происшествий! Наконец в один грустный вечер, когда деревья скрипели ветвями от злости, что осенний ветер сорвал с них листья и они уже не могут вдохновлять поэтов, на берегу реки появился молодой человек. Я несколько раз прошел возле него и заметил, что ему около шестнадцати лет и на самоубийство он идет без особой охоты. Он торчал тут битых два часа, вздыхал, сморкался, плакал, смотрел в небо, на воду, затем вынул из кармана какую-то фотографическую карточку, поцеловал ее, разорвал, вытер носовым платком пыль со своих ботинок и, наконец, бросился в речку. Сделал это он возле маленьких лодок, принадлежащих военному ведомству. Я быстро взял камень, подбежал к лодкам, сломал замок, которым запирается цепь, схватил весла и поплыл туда, где барахтался молодой человек и кричал: «Спасите, спасите!» И вот я уже держу его за шиворот, втаскиваю в лодку, даю ему два подзатыльника и гребу к берегу. Когда мы плыли, он целовал мне ботинки, но как только высадились на берег, бросился бежать. Напрасно я старался догнать его. Выбившись из сил, я ворвался в первый попавшийся полицейский участок. Строгий начальник, подозрительно поглядывая на меня, спросил:

— Вам что угодно?

— Я сбил замок... — вырвалось у меня.

— Колечко! — крикнул начальник. — Обыщите его и посадите в карцер.

— Но, позвольте, я объясню...

— Молчать!

— Но, позвольте, это было так: я должен был сломать замок...

Больше я говорить не мог: Колечко открыл ключом камеру заключения, втолкнул меня туда и снова запер.

С ужасом я услышал громкий голос начальника участка:

— Колечко, телеграфируйте в полицейское управление, что мы поймали человека, который ломает замки. — И немного спустя: — Так вам уже ответили? Завтра передадим его в суд.

Я начал стучать в дверь и в ответ на это услышал снова голос начальника:

— Колечко, наденьте на него смирительную рубашку.

Утром рано меня направили в суд, где меня спросили:

— Кто вас научил ломать замки?

— Я сам, — сказал я робко, так как смирительная рубашка за ночь превратила меня в совершенного ягненка.

Следователь оказался хорошим человеком. Мне удалось наконец ему объяснить, с какой целью я сломал замок. Тем не менее меня оставили под стражей, так как, сломав замок, я совершил порчу казенного имущества. Теперь я в меланхолическом настроении сижу на нарах, и меня утешает только мысль о том, что предварительное заключение мне будет зачтено в счет наказания, а имя мое попадет-таки в газеты — на этот раз в отдел судебной хроники.

БАРОН И ЕГО ПЕС

На пятом этаже многоквартирного дома, затерянного на городской окраине, была порыжелая от времени дверь против входа на чердак, украшенная визитной карточкой:

БАРОН ДЕККЕР ИЗ ПРШЕГОРЖОВА.

Служанки, то и дело ходившие на чердак вешать белье, часто останавливались перед этой дверью послушать разговоры знатных жильцов.

— Как ваше здоровье, граф? — слышалось из-за двери.

— Благодарю вас, барон, — отвечал тот же голос. — Я вижу, ваша светлость в отличном настроении. Уж не выиграли ли вы вчера в макао, милый князь?..

— Пари держу, причиной здесь — прекрасная графиня, — возражал все тот же голос. — Не поехать ли нам кататься, господа?

— Лошади поданы. Allons! ¹. Где моя свора гончих? Зебор, auf ².

Тут служанки, заслышав щелканье замка, торопились проскользнуть в чердачную дверь, а на пороге появлялся барон Деккер в сопровождении своего престарелого пса Зебора. Если поношенный сюртук барона производил впечатление почти нового, то шуба легавого казалась купленной у старьевщика.

Будь это не пес, а лошадь, перед нами была бы точная копия Дон-Кихстова Росинанта. Во всяком случае, у него была примерно та же участь: тащиться за своим

¹ Едем! (франц.)

² Вставай! (нем.)

хозяином по этой юдоли слез, еле передвигая ноги, но не забывая в то же время о том, как должна вести себя собака, получившая аристократическое воспитание.

В этом Зебор брал пример с хозяина.

На людях барон преображался до неузнаваемости: всем давал почувствовать, что значит баронский титул. Но вечером, вернувшись домой, старик в своей одинокой конуре долго кряхтел и охал, а потом садился за стол писать прошения представителям всей родовой и титулованной знати.

Пес сидел рядом и то приподнимал одно ухо, то с аристократическим изяществом принимался ловить блох.

Ах, эти блохи! В минуту дружеской откровенности, когда забываешь разницу в общественном положении, легавый Зебор сказал таксе, жившей у соседней лавочницы:

— Поверите ли, эти блохи отняли у меня десять лет жизни!

Заслышав скрип пера, Зебор перестает грызть свою ляжку, поднимает одно ухо и смотрит на барона слезящимися глазами, словно человек, у которого насморк.

Между тем старика, составляющего прошение некоему графу, ротмистру, осеняет блестящая мысль: будто он проиграл восемьдесят тысяч крон на честное слово, с обязательством заплатить не позже как через неделю. Отложив перо, он начинает быстро ходить по комнате, громко восклицая:

— Как же я нарушу честное слово, дорогой граф? Ведь об этом между джентльменами не может быть речи!

Пес, фыркая, ходит за ним как тень; а когда барон опять садится за стол продолжать письмо, он тоже садится рядом и принимается искать у себя в шерсти свое скромное скудное лакомство. Отправив письмо, оба ложатся. Зебор, взобравшись на кровать, устраивается в ногах у хозяина. В холодной, неудобной комнате слышен дрожащий голос барона:

— Зебор, Зебор! До чего мы с тобой дожили!

Зебор садится на постели и чихает.

В такие минуты сердечного доверия они все, все говорили друг другу. Не думайте, что пес только слу-

шал,— он тоже разговаривал. Поворчит-поворчит и промолвит с укоризной:

— Эх, сударь, не надо было так сорить деньгами!

— Видишь ли, Зебор, признаться, мы были порядочными идиотами. Ну к чему было, скажи, ради бога, содержать сразу столько танцовщиц?

— С вашего разрешения, сударь,— ворчал в ответ легавый,— я не содержал ни одной. А вы, сударь, помимо всего прочего, еще и в карты играли. Вспомните: разве я играл в *trente et quarante*?¹ Нет, сударь. Я только за зайцами гонялся. Помните, как я искусал лесничего?

— Ах, Зебор, Зебор! — вздыхает барон, стараясь потеплей укрыться старой периной.— Если б ты знал, какое наслаждение — устрицы! Хорошенько покапаешь на нее лимоном... Просто хоть плачь! А после, после запьешь хорошим вином... *Parbleu!*² Я сейчас зареву!

— Поплачем вместе, хозяин! — говорит Зебор.

И оба скулят, уткнувшись в перину.

— Хоть бы нам когда-нибудь в лотерею выиграть, Зебор! — говорит барон, засыпая.

У Зебора слипаются глаза, но он приподнимается на голос хозяина.

«К вашим услугам, сударь», — мелькает у него в мозгу, и он, улегшись опять, засыпает.

Так лежат они, не евши, двое суток, пока почтальон не приносит двадцать крон, посланных ротмистром.

Тогда оба совершают свой туалет—то есть Зебор вылизывает себя всюду, где достанет, а барон напяливает свой выцветший сюртук — и с важным видом выходят на улицу.

Обоих согревает мысль о двадцати кронах. Зебору понятно: раз они обогнули этот угол и зашагали по переулку, значит, путь их лежит на другой конец города, к одной лавке. Там на вывеске изображена лошадиная голова и написано:

ПРОДАЖА КОНИНЫ

Шествуя, оба видят перед собой копченую конину — и какую!

¹ Тридцать и сорок (франц.).

² Черт возьми! (франц.)

На этот раз Зебора не остановит никакая встреча с собакой. О чем говорить с этим нищим сбродом! Сегодня они с хозяином — господа; они держат путь в ту лавочку с нарисованной лошадиной головой!

В лавке барон, как обычно, приходит в смущение. Он долго объясняет, что ему нужно три кило конины для одной бедной многолетней вдовы. Он охотно купил бы ей говядины, но считает, что лучше, сэкономив на мясе, употребить остальное на покупку чулок для нее самой и детей.

Пока барон плетет свои небылицы, его легавый рассказывает собаке мясника:

— Знаешь, голубчик, у нас вчера подавали за обедом поросенка. А я один убрал полгуса.

И гордо удаляется вслед за своим хозяином, который несет три кило конины.

В этот день, после сытного обеда, обоим снятся скачки.

КАК БАЛУШКА НАУЧИЛСЯ ВРАТЬ

В одном Балужка превосходил своих одноклассников: в пламенном патриотизме. Конечно, товарищи его тоже были большими патриотами: они, как истые подскаловские, пылали ненавистью к смиховским *. Но ни один из них не защищал честь правобережной Влтавы с таким мужеством, как Балужка. Когда наступало время славных боев, происходивших ежегодно, как только Влтава замерзала и оба народа получали возможность сойтись, когда из улицы в улицу передавался клич: «Вали!»— Балужка крал ремешки от извозчичьих кнутов и мастерил рогатки. Его рогатки били дальше всех. Он всегда, набив карманы камнями, с ужасными угрозами и проклятиями бросался на смиховских, а затем, истощив запас снарядов, стремглав кидался, зажав в руке ремень с большою пряжкой, на испуганные толпы врагов. Теперь шли в ход ремни. Сам Балужка как-то раз взял в плен пятерых смиховских, и подскаловские повели их, ликуя, на свой берег, на свою подскаловскую родину. Привели под конвоем к деревянному забору старого Подскалья и там, в сторонке, обыскали. Пленники шли ни живы ни мертвы, зная, что от страшного противника, предводительствуемого Балужкой, пощады не жди. Добычи особенной не было: рогатки, два-три четырехкрейцеровых перочинных ножика, вставка для пера, прилипающая к пальцам (значит, ценой в один крейцер), полсигареты, монета, три шурупа, гвозди, ремень и маленькие образки, полученные этими пай-мальчиками от законоучителя, прежде чем выступить после

уроков в поход. Впрочем, они вовсе не считали, что эти образки ограждают от врага, а просто брали их с собой, рассчитывая выменять в районе военных действий на резинку или краски. Теперь все это у них отняли. Ограбленные, стояли они среди издевающихся врагов, с тоской ожидая порки, которая не заставила себя долго ждать. После экзекуции Балужка наслюнил чернильный карандаш, помазал слюной лбы пленников и вывел на лбу у каждого, со всевозможным старанием, почти неизгладимую надпись: «Смиховские — вонючки».

Потом им пришлось поцеловать подскаловское знамя, сшитое из нижней юбки Балужкиной сестры (кража, обнаруженная в доме позже), после чего они получили возможность вернуться к своему народу под конвоем подскаловских бойцов, которые по дороге не переставали их избивать. У моста они были отпущены и кинулись со всех ног мимо сборщика, а подскаловские бойцы кричали им вслед:

— У них нет на мостовую пошлину, пан полицейский! Не пускайте их!

Смиховские обращались со своими пленниками не менее свирепо и тоже мучили их. Сам Балужка испытал это на себе, когда напоролся на неприятелей за Императорским лугом.

Они не знали его; это были просто грабители — из тех, что тащатся по следам армии, сражаясь на свой страх и риск.

— Откуда? — грубо спросили они его.

Балужка мог бы выпутаться из этой переделки, соврав; но он был герой, настоящий Муций Сцевола, и с ледяным спокойствием гордо ответил:

— Я подскаловский, подлые смиховцы!

Подвергнутый унижениям, обысканный и обобраный до нитки, вернулся Балужка к своим.

У него даже рогатку отняли. Кто не имел рогатки, тот не поймет, какая это потеря.

Из рогатки можно стрелять в воробьев и в султаны полицейских. С нею охотятся на кошек, и, кроме того, ее можно в любой школе обменять по существующим ценам на большую картину, изображающую первое причастие, либо на целую серию образков наших святых патронов стоимостью в десять сигарет.

— Надо было соврать,— сказали ему товарищи, узнав от него, как было дело.— Ты дал маху, дурак. Говорил бы: «Я смиховский».

— Не умею я врать,— признался Балужка.— У меня и дома из-за этого неприятности. Недавно я взял у папы из письменного стола пятак. На меня напустились: это ты взял, говорят. Вижу: дело плохо. Пришлось штаны снимать. И вчера тоже сознался, что последнюю булку съел, которую дедушке оставили.

— Надо научиться,— сказал долговязый Витек.— Сперва у меня тоже всегда был такой дурацкий вид и кровь в лицо бросалась — сразу можно было догадаться. А теперь вру, глазом не моргнув. Что дома ни разобью, все на сестру сваливаю — ну ей и всыпят, дуре этой, Нанке; а она ходит, ревет.

— Да у меня не выходит,— возразил Балужка.— Начну сейчас же запинаться и запутаюсь либо такую понесу околесицу, что они говорят: ты, мол, спятил. Раз нечаянно тюфяк поджег, а папе сказал, будто это — мама.

Многоопытный Витек задумался.

— Не горюй. Попадешь по-настоящему в скверную историю — научишься.

Наступила весна.

Оба народа лишились возможности продолжать военные действия; поэтому подскаловские, чтобы не сидеть без дела, выступили против родных своих братьев — подоляков*.

Балужка опять попал в плен, опять признался противнику, что он подскаловский, и опять поплатился за это.

Отец Балужки держал трактир у реки. В один прекрасный день, когда так ясно светило солнышко и подскаловские засели на скалах над Вышеградом, чтобы захватить врасплох подоляков, Балужка, печальный, пошел в Прагу, куда отец послал его за сосисками для трактира.

Душой он был с соратниками. Возвращаясь со свертком сосисок в руках, он заметил в узком переулке между заборами какого-то мальчишку, который нахально свистел. Догнав дерзкого, он обнаружил, что это парень с

Завадилки на Подоле. То есть ярый враг. Уловив в глазах Балужки угрозу, подольский лазутчик скорчил представителю коренного населения рожу и пустился было наутек. Но Балужка, толкнув его с криком: «Чего толкаешься?» — тут же вступил с ним в единоборство.

Сверток с сосисками упал на землю, раскрылся, и оттуда выкатились две отличные сосиски; Балужка, занятый боем, не успел поднять; он увидел только, как из калитки выбежала собака, схватила их и, радостно махая хвостом, побежала по направлению к Эмаузскому монастырю*.

Балужка оставил противника, поднял сверток и побежал за собакой. Но куда там — поминай как звали! А когда он наконец догнал ее, она только удовлетворенно облизывалась.

Балужка вернулся домой совсем расстроенный и принялся усердно развешивать связки сосисок возле буфетной стойки.

— Ты все принес? — спросил отец и аккуратно пересчитал сосиски. — Двух не хватает, — сухо промолвил он и кивнул Балужке: — Идем в комнаты.

Балужка последовал за отцом, окончательно упав духом и на ходу отстегивая штаны.

— Нет, нет, милый. Скажи сперва, зачем ты их съел?

— Я не ел.

— А кто же?

— Собака.

— Не ври.

— Собака съела, когда они высыпались, — захныкал Балужка.

— Так ты научился врать! — закричал отец. — Мать, пойди-ка сюда, послушай, что этот мальчишка плетет. Я тебе всегда говорил: не пробуй врать. А раз начал выдумывать, я тебя проучу. Ты у меня сознаешься. Будешь стоять на коленях на горохе, пока не отучишься врать!

И Балужка стоял на коленях. Он чувствовал каждую горошину. А напротив сидела мать и читала «Святого Войтехы»*.

Время от времени она поднимала глаза на Балужку и спрашивала:

— Ты съел?

— Нет.

Когда в трактире никого не было, приходил отец и спрашивал грозно:

— Говори правду! Ты съел?

И Балушка каждый раз отвечал со слезами:

— Нет.

Наступил вечер, подали ужин, а Балушка все стояла на коленях и по-прежнему отвечал на роковой вопрос:

— Нет!

Колбаса с кнедликом так вкусно пахнет, а Балушка все стоит коленями на горохе. Наконец он не выдержал: только дожидаться бы, когда спросят опять.

И тут очень кстати отец объявил:

— Последний раз говорю: не ври. Ты съел?

— Я,— ответил Балушка, не краснея.

— Ну так и быть, снимай штаны,— благодушно промолвил отец, и Балушка поспешил радостно лечь на ласковое отцовское колено.

Вслед за чем получил колбасу с кнедликом.

А потом, ложась в постель после перенесенной порки и глядя на образ ангела-хранителя у изголовья, он прошептал:

— Слава богу, теперь я умею врать!

КОГДА ЦВЕТУТ ЧЕРЕШНИ

Все было так, как и в предыдущие годы. Цвели черешни. Из города люди ходили смотреть на эту красоту, и большинство из них возвращалось обратно без шапок, которые были отобраны сторожами в черешневых аллеях.

Иногда такие экскурсии заканчивались полным фиаско. Вот в полдень из города спокойно вышла семья. Все кругом смеялось, с деревьев на их головы сыпались белые цветы... А к вечеру вся семья оказывалась разброшенной по разным местам: мальчишек похватили сторожа, отца отвели в участок, а дочерей до поздней ночи еще искали по полям. Грустные картины и малеькие трагедии...

Происходили и другие, еще более печальные сцены.

В стороне, под цветущими деревьями, на свежей зеленой траве сидят влюбленные. Она говорит о божьей природе, а он, болван, беспечно клюет на эту удочку. Она говорит ему, что ползут жучки; он и сам видит, что ползут, но, когда это произносит она, ему вдруг начинает казаться, что это и в самом деле нечто необыкновенно прекрасное и непостижимое. Она смотрит ему в глаза и лепечет что-то насчет божьих коровок и других насекомых, которых проходят во втором классе начальной школы.

Потом она любит долиной, в особенности если там есть какой-нибудь ручеек, и тащит его вниз; там они садятся. Она сообщает ему, что здесь очень красиво, и уже снова лезет на гору, как горная коза, и просит, чтобы он ей помог. При этом она смеется, а он подает ей руку и... и все в порядке. Все в порядке, высокочтимые господа ро-

дители, которые в это время в загородном ресторане вытаскивают мух из теплого пива и толкуют, что на приданое придется, пожалуй, израсходовать страховой полис.

Само собой разумеется, что потом мамаша, завидя возвращающуюся дочку, скажет супругу: «Этот болван уже держится за нее!»

Вот это самое верное слово — болван; и я был им когда-то. Но ведь все говорят: «Природа! Идите на лоно природы! Изучайте природу!»

Хорошо еще, что у учителя Бенке оказался твердый характер, иначе он тоже был бы среди тех...

Семейство Дитмаровых вытасило его однажды в будничнейший день на «божью природу», посмотреть на черешневую аллею, или, как говорил пан Дитмар, «нюхнуть этого». В вагоне молодого естествоиспытателя они втиснулись рядом со своей дочкой Маней.

Дорогой пан Дитмар толковал о будейовицком пиве, болтал разные глупости и рассказывал безобидные анекдоты. Потом он вдруг вспомнил о своем покойном отце и сообщил, что тот к старости — царство ему небесное! — немного свихнулся и нищенствовал, чтобы набрать себе на тминную водку.

Его никто не решался перебить, потому что рассказывал он это таким плачущим голосом и так печально трубил время от времени в свой носовой платок, что все в вагоне оглядывались на их купе.

Затем разговорилась пани Дитмарова. Она описывала какую-то вышивку, которую видела у супруги пана таможенного инспектора, того самого — с красным носом и бородавками на носу.

С бородавок она перешла на омлет с рубленой бараниной, но была прервана восклицанием пана учителя, который тащил Маню к окну и кричал:

— Посмотрите-ка, пожалуйста, на этого теленка, там, в поле: какие у него распухшие ноги! Могу поспорить, что у него паралич или суставной ревматизм. Основной симптом — затрудненная походка. Будьте добры, барышня, взгляните на это. При ощупывании теленок испытывает чувство боли; кожа на суставах теплее.

После этого он снова сел и в наступившей тишине начал говорить о болезнях и всякого рода изъянах домашних животных. А когда выходили из вагона, он заявил,

что хотел бы получить место приват-доцента на ветеринарном отделении университета.

С вокзала они двинулись по пыльной дороге к холмам, где в аллеях цвели черешни, где зеленела трава и где даже жалкий терновник был осыпан роскошными белыми цветами.

Над дорогой, подобно триумфальной арке, возвышалась на двух деревянных столбах огромная доска с надписью: «Загородный черешневый ресторан».

Пиво там было вроде компота из черешни. Но пан Дитмар был рад, что есть хоть такое, и пил с энтузиазмом. Жучков и мушек, которые падали в его кружку, он сушил на солнышке на скатерти; когда же они приходили в себя и пытались снова двигаться, он с наслаждением давил их, приговаривая при этом: «Маленькие голодранцы, малюсенькие».

Учитель молчал и смотрел на Манину прическу. Там что-то ползало, и это что-то была, как он установил, зеленая тля. Она так захватила его, что он даже живо представил себе, как на эту тлю облизываются муравьи. И, наверно, он долго бы еще наблюдал за ней, если бы барышня Маня не сказала, что хотела бы немного пройти.

— Иди с паном учителем,— разрешила пани Дитмарова.

Молодые люди встали. При этом учитель не сказал даже «пожалуйста», и, лишь когда они были уже у выхода, он пробормотал про себя: «Arphis малый, тля зеленая».

Маня потащила его на холм и, усевшись на траву, предложила место возле себя.

Там было безлюдно, только кустарники, деревья, трава и муравьи.

Маня сказала, что это необыкновенно красиво, когда цветы падают, и что ей хотелось бы петь, и что это майская сказка, и что трава такая зеленая и свежая.

— Но скоту,— произнес пан учитель,— такая трава, как здесь, очень вредна. «Ветры» и колики у кобыл начинаются обычно как раз после такого вызывающего брожение корма. Особенно у них раздувается желудок.

Наивернейшим средством в таких случаях,— добавил он задумчиво,— является введение табачного раствора

в пропорции один к десяти. Это очень интересная манипуляция.

Он замолчал, что дало ей возможность собраться с духом и снова обратить его внимание на ясное голубое небо и красоту окружающей природы. Она сказала также, что ей хотелось бы обнять целый свет.

На это он заметил, что обнимание есть механизм чувственной способности и что в переносной форме этот механизм проявляется при вырастании кристаллов в насыщенном растворе.

Только теперь она почувствовала, что ее кусают муравьи, и предложила пересесть на другое место. Он установил, что это красные муравьи и что она сидела на муравейнике.

Они пошли по гребню холма, и она снова начала настойчиво твердить о том, как это красиво, когда цветут черешни, и что нужно приблизиться к этой красоте, вчувствоваться в нее, и что сердце, все тело...

— Если вы имеете в виду создания природы, барышня Маня, — прервал ее молодой ученый, — то я вполне согласен с вами. В природе все стремится приблизиться к наисовершеннейшим образцам. Здесь, например, я проделываю это с помощью чувства, но еще более существенным является материальное приближение. Возьмем хотя бы необычайную близость между обезьяной и человеком. Недоношенная горилла, например...

Он был страшно поражен, когда почувствовал, что нежное создание вдруг изо всей силы ударило его по лицу, да так, что даже разбило пенсне.

Без стекол он был как слепой посреди всей этой красоты и кричал вслед ей, плачущей и убегающей к своим родителям:

— Но, позвольте, барышня Маня, недоношенная горилла действительно...

Ответа не было. Только белые цветы падали на голову несчастного ученого, переполненную недоношенными гориллами.

ПОСЛЕ КОРОНАЦИИ

Королевская трагедия в Албании

Новоиспеченный король, посаженный на албанский трон великими державами, только что проснулся. Вчера была коронация, высочайшая голова еще тяжеловата после шампанского, его величество тянется к звонку, чтобы вызвать привезенного с собой камердинера. Но звонка никак не найти, и король подходит к окну и кричит во двор:

— Эй, люди, подите сюда!

Через минуту входит придворный церемониймейстер.

Албанский король. Я хотел позвонить камердинеру, но никак не найду звонка.

Церемониймейстер. Прискорбное обстоятельство, ваше величество. К сожалению, не могу скрыть от вас правду: звонок украден.

Албанский король: А почему пришли вы, а не мой камердинер?

Церемониймейстер. Все это связано одно с другим, все милостивейший король. Дело в том, что ночью, в спешке, не могли найти веревку, чтобы повесить вашего камердинера, и воспользовались проволокой от электрического звонка вашего величества.

Албанский король. Но, боже мой, почему же его повесили?

Церемониймейстер. Уж очень он отдавал Европой... а главное, вчера вечером он не поздоровался с гла-

варем разбойников Мезни-беем, которого по случаю коронации вы соизволили выпустить из тюрьмы.

Албанский король. Господи, как же мне теперь быть?

Церемониймейстер: Пока что соблаговолите одеться, ваше величество, я вызову здешнего камердинера, албанца. *(Уходит и возвращается.)* Ваше величество, вынужден вам сообщить, что местный камердинер сбежал. Ему удалось захватить с собой коронационные реликвии.

Король: Что же делала стража, которая их охраняет?

Церемониймейстер: Сбежала вместе с ним. Не пачьте, ваше величество, привыкнете ко всему.

Король: Так вы думаете, что мне надо одеться?

Церемониймейстер. Попробовать, во всяком случае, следует, ваше величество. Я велю лакею принести вашу одежду. *(Входит лакей, несет только жилетку.)*

Лакей: Сохрани вас аллах, ваше величество. Одежда исчезла, обувь тоже. Люди говорят, что сапоги вашего величества носит начальник нашей полиции. С утра он уже был в мечети, чтобы возблагодарить аллаха за то, что волею пророка может ходить в сапогах первого албанского монарха. Осталась только жилетка, ваше величество, потому что это колдовское изобретение... так все говорят, ваше величество. Жилетку выдумали немцы.

За окном раздаются выстрелы. Король посылает церемониймейстера узнать, что случилось. Тот через минуту возвращается и радостно объявляет:

— Отрадные новости, ваше величество! Население салюует вам выстрелами. К сожалению, по недосмотру залп был дан по часовым у ворот дворца, так что в данный момент они уже наслаждаются в раю Магомета с прелестнейшими гуриями.

Король *(мрачно)*: Могу я поговорить с моей супругой?

Церемониймейстер. Временно я не советовал бы этого вашему величеству. Дело в том, что в горах над Тираной по утрам очень прохладно. Кроме того, я не рекомендовал бы вашему величеству вступать в конфликт

«Гид для иностранцев в швабском городе
Нейбурге»

«Барон и его пес»

с нашим военным министром, который так предан королеве, что похитил ее и увез в горы.

Король падает без чувств, а когда приходит в себя, видит кругом море огня.

Церемониймейстер. Не извольте беспокоиться, ваше величество, это всего лишь праздничная иллюминация в вашу честь. Ваши подданные только что подождли дворец.

Король смотрит из окна в сад, коленки у него подкашиваются.

— А что это за дерево, украшенное флагами с албанским орлом?

Церемониймейстер. Сук на нем предназначен для вас, ваше величество. Это будет «Дерево первого албанского короля». (С поклоном подает королю руку.)
Прошу вас проследовать, ваше величество.

Занавес милосердно опускается.

ИЗ ЗАПИСОК АВСТРИЙСКОГО ОФИЦЕРА

Дали мне нового денщика по фамилии Тюрмулин. Его предшественник от меня сбежал. Здесь, в пограничных галицийских гарнизонах, это как-то вошло в привычку: год или два эти олухи мирятся с тем, что их лупишь по морде, потом задают деру.

Прихожу я как-то домой под градусом, велю ему снять с меня сапоги. Он стал снимать, но очень неловко. Ткнул я его носком сапога в рыло, а он заплакал: «Больно, господин капитан!»

— Не ори, сукин сын,— ласково говорю я.— А то совсем разобью тебе сопатку. С вами иначе нельзя — только в морду, сукины дети. А вы, едва покажется капля крови, уже орете, как зарезанные. Написать бы на вас рапорт да упрятать в подвал, чтобы вы там сгнили, как старая картошка. Какой же ты солдат, коли боишься капельки крови? Вот погоди, будет война с Россией, казаки тебе отрежут уши.

Он заплакал еще громче, потом разинул рот и говорит:

— Я не из-за того плачу, господин капитан, а потому что душа болит.

Я люблю потолковать с дураками, вот и говорю ему:

— А почему же у тебя душа болит, сукин ты сын, Тюрмулин?

Он вытянулся, как в строю, взял под козырек, слизал кровь с губы и говорит:

— Осмелюсь доложить, душа болит по дому да по Андрейке.

Я закурил.

— А кто он такой, твой Андрейка, сукин ты сын?

Он снова взял под козырек, смехота, и только! А я лежу на диване и пускаю дым колечками.

— Осмелюсь доложить, господин капитан, Андрейка — это мой младший брат. Прикажете рассказывать дальше, господин капитан?

— Рассказывай, дубина.

Смешно было глядеть, как он рассказывает. Стоит навытяжку, словно на параде, и таращит на меня глаза.

— Родом я из Малинова, господин капитан. Маленькая такая, ладная деревушка, кругом дубовые и березовые рощи да луга. В степи пруд. Солнце зайдет, осока на пруду золотится, пахнет так сладко, лошади в траве скачут... Придет Андрейка, мой братишка, я посажу его на коня, и едем мы с ним к пруду. Осмелюсь доложить, господин капитан, Андрейка — пригожий паренек: волосы русые, мягкие, глаза голубые. По воскресеньям мы с ним ходим гулять. Сапожки я ему стачал, высокие голенища, идет важно, как поп, и меня держит за руку. Андрейка, голубок мой...

Опять он захныкал. Не удержался я, пихнул его логонько ногой в брюхо. И засмеялся.

— Осмелюсь доложить, господин капитан, плачу я не только по Андрейке, а и по нашей матушке. Она с ним дома одна... Скоро сенокос, жалко мне ее, матушку милую. Стара уже, седая, вся высохла, зубов нет, есть может только кашу. Меня взяли в солдаты, на ней дома все заботы остались...

Я наблюдаю Тюргулина. Он сейчас глядит в окно, там видна равнина, широкая, бескрайняя, кругом трава да низкие курганы с могилами.

— Вот аисты летят, господин капитан, к нам летят в Малиново. Сейчас их там на лугах полным-полно, по вечерам кричат в голос.

Опять он заплакал и стал жаловаться на судьбу. Так расхныкался, что пришлось всгать и дать ему по шее.

— Ну хватит, дурак. Вот тебе корона, сбегай за сигаретами.

Он взял под козырек, утер нос и ушел. Я заснул, а когда проснулся, было уже темно.

— Тюргулин, сукин сын, зажги лампу!

Ни ответа, ни привета. Я встал и сам пошел зажечь свет.

А Тюрмулина нигде нет. Удрал, сволоочь. Смылся из батальона, сукин сын.

Через месяц его привели, и он просил дать ему поговорить со мной.

Ну, я, как его увидел, размахнулся и дал ему по морде.

— Господин капитан,— говорит он.— Я ту крону положил на кухне в старый башмак.

И заплакал.

— Так у меня болела душа, осмелюсь доложить, господин капитан. Аисты, вольные птицы, летят к нам в Малиново, и меня потянуло.

— Понятно, понятно, голубок,— сказал фельдфебель, державший его за шиворот.— Потянуло тебя к вашим девкам! — И саданул его под ребро, так что Тюрмулин икнул и заохал.

— Никак нет, господин фельдфебель. Мне только захотелось вольно пожить, по дому у меня душа болела.

— И по водке, сучий сын,— ухмыльнулся фельдфебель.— Каналья ты этакая, гайдамак гуцульский!

Тюрмулин опять вздохнул:

— У меня душа человечья... Почему же птица может летать свободно?

— Ужо, голубок, в гарнизоне тебе все растолкуют,— сказал я.— Там из тебя эту самую душу вытрясут.— Я помахал пальцем у него перед носом.— У нас душа не положена, у нас полагается дисциплина, маршировка, вот что. Уведите его!

Тюрмулина увели, а я пошел в кухню поглядеть, врет ли он насчет той кроны. И вправду она лежала в старом башмаке, завернутая в бумажку, на которой было коряво написано: «Виноват, господин капитан...»

БЕСКОРЫСТІЕ ДРУЖБЫ

Когда домовладельцу Турному сообщили, что его старый друг Плетанек появился в Праге и уже у пяти знакомых занял по двадцать крон, Турный стремглав бросился домой, чтобы должным образом подготовиться к встрече. Он, задыхаясь, вбежал в квартиру и первым делом запер комнаты. Потом спустился к привратнику, попросил у него старый чубук от трубки и сбегал в табачную лавочку за мундштуком. Там он заодно достал кусочек пемзы, закоптил ее на огне и хорошенько натер ею трубку, чтобы она выглядела погрязнее.

Подумав, он надломил мундштук, обернул его бумажкой и завязал веревочкой. Теперь трубка выглядела так, будто была принесена с помойки. Турный торопливо собрал и выкинул все сигарные окурки, а коробку с сигарами выставил за окно.

Натянув старый костюм, в котором он летом возился в цветнике, Турный упрятал хорошее платье в шкаф. Кошелек он бросил на стол, оставив в нем мелочь — не более кроны.

На доске у черного хода он написал мелом: «Долги: угольщику 2 кроны 45 геллеров, мяснику — 12 кр. 50 гел., за керосин — 24 гел.»

Покончив с этим, он снова спустился в швейцарскую — предупредить, что скоро к нему явится один человек, так чтобы не говорили «барин дома»; пусть его называют просто господин Турный и, в случае чего, скажут, что он давно уже не домовладелец.

Поднявшись к себе, он остановился в кухне и с облегчением вздохнул. Потом бегло осмотрел все при-

готовления и остался доволен. «Теперь пусть приходит этот Плетанек».

И тот пришел. Ввалился в кухню сумрачный, со страдальческим видом, и Турный тотчас заметил свежую заплату у него на локте. Материя немного отпоролась, и под заплатой было видно совершенно целое, отличное сукно.

— Вижу, ты процветаешь? — спросил Плетанек. — Давненько мы не виделись. Ты стал домовладельцем, а в меня, если можно так выразиться, жизнь запустила свои когти.

Турный покашлял.

— Процветаю? Я уже больше не процветаю. Дом продан.

Плетанек усмехнулся.

— Что ж, это, может быть, к лучшему. А вот мне не везет. Придется переезжать в Прагу. Собственно, у меня уж и багаж в дороге. А на переезд нужно триста крон. Как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Столько бед, столько неудач, что и не поверишь.

«Время орудовать с трубкой», — подумал Турный.

— Эт-то трубка? — ужаснулся Плетанек, увидев жуткое сооружение. — Да ведь у тебя был отличный чубук!

— Был... действительно был, — жалобно вздохнул Турный. — Только уж та трубка — ау! Пришлось продать. Да, дружище, времена изменились. Теперь мне не по средствам даже приличный мундштук. У тебя случаем нет ли табачку?

Плетанек мрачно усмехнулся.

— У меня табак! Откуда? Я не курил уже целую вечность. За что все это, о господи? Где я найду деньги, где, я спрашиваю?

— Я бы дал тебе покурить, дружище, — продолжал обыгрывать трубку Турный, — да уж больно плоха у меня трубка. Никак не соберу денег на новый мундштук. Подправил вот кое-где, а нагар никак не снять. Погляди, какая грязь. Уж второй год. А где, спрашивается, взять денег на новую? Вон на столе кошелек. Загляни в него, что ты там увидишь? Сорок пять геллеров. И это — все мое состояние. Нужно прожить на них месяц, два месяца!

— Какой тупик! Какой ужасный тупик!— скулил между тем Плетанек.— Прямо стреляться в пору. Если не достану сегодня двенадцать крон, конец всему. А с этой суммой можно, пожалуй, начать новую жизнь. Одеть детей, накормить их...

— У тебя дети? Откуда?

— Долгая история. Пятеро. Шестого мать родила перед кончиной. И все болеют. Сейчас вот старший лежит с наростом в пищеводе. Операция стоит сто двадцать крон. А где их взять? Как спасти жизнь несчастному ребенку? Одна надежда на друзей, на старых товарищей, которые...

— Подожди-ка, я закурю,— прервал его Турный и принялся шарить по карманам. Вынув два окурка, он раскрошил их и набил трубку.— Это из почтамта,— пояснил он,— я всегда там подбираю. Там всегда много. И еще около немецкого театра.

Плетанек снова захныкал:

— У тебя хоть есть на это время. А что я, отец шести ребят? Несчастья прямо сыплются одно за другим. Как усмотреть за детьми? Почему, ты думаешь, я приехал в Прагу? А потому, что один из моих мальчиков нечаянно поджег сарай соседа. Приходится платить восемьсот крон. Вот я и пришел к тебе, старому другу...

— Минуточку,— спохватился Турный,— я чуть не забыл кое-что.— Он подошел к дощечке у дверей и, покосившись на наблюдающего гостя, написал мелом: «Бакалейщику за спички — 2 гел.».

— Ох, ох, долгов набралось сколько! Как только расплачусь с ними!..

Раздался стук, и в кухню вошел почтальон с денежной сумкой.

— Почтение владельцу дома!— возгласил он.— Распишитесь, пожалуйста, господин Турный.

И пока несчастный дрожащей рукой расписывался в получении 470 крон очередного дивиденда от маргариновой фабрики в Либени, почтальон выложил на стол пачку новеньких ассигнаций.

Когда он вышел, Турный тупо посмотрел на гостя, махнул рукой и простонал:

— Бери отсюда сколько хочешь, ты, душегубец!

И заревел как белуга.

ФИОЛЕТОВЫЙ ГРОМ

Фиолетовый гром был в 1596 году на том самом соборе кардиналов в Риме, который провозгласил, что богохульники будут караться небесной молнией.

Поскольку обсуждаемый вопрос касался его специальности, Фиолетовый гром, как уже было сказано, внезапно и явился на церковный собор.

Возвратившись на небо, он стал сокрушаться, что чересчур стремительно ворвался в общество господ кардиналов, в результате чего двум из них придется устраивать похороны. Но тут же он заметил, между прочим, что с удовольствием посмотрел бы на похоронную процессию, которая будет, наверно, очень торжественной. Долго святой Петр втолковывал ему, что получится не очень красиво, если при погребении опять произойдет несчастье. Вот если бы хоронили какого-нибудь тайного еретика, тогда бы его святой обязанностью было ударить туда как следует.

Фиолетовый гром принужден был наблюдать с неба, но держался при этом чрезвычайно спесиво. Он свысока поплевывал на маленькие громики, которые играли и резвились под ним,— ведь эти сопляки не были на соборе кардиналов в Риме.

Но тут его позвали к господину богу. Вернулся он оттуда совершенно расстроенным, получив шесть недель домашнего ареста за то, что ударил в кардиналов на Римском соборе. А был как раз сезон летних гроз...

Напрасно он пытался оправдаться тем, что собор об-суждал вопрос, касающийся непосредственно его специ-альности, его профессиональных интересов, что он просто не мог не присутствовать там.

Архангел же Гавриил даже сказал ему при встрече:

— Вы совершили величайший промах! Вы знаете, что убили самого толстого нашего кардинала, который больше всех внушал почтения верующим? Это было просто свинство с вашей стороны!

С той поры Фиолетовый гром очень внимательно следил за собой, чтобы не натворить какого-нибудь но-вого свинства.

Однажды некий святой, которого он не знал по име-ни, прилег к нему на тучу и начал болтать, рассказывая, как его заживо поджаривали в масле и какой при этом шел запах.

Фиолетовому грому надоели эти разговоры, и он ска-зал святому:

— Извините, но мне это уже опротивело. Сегодня утром я встретил по крайней мере пятерых мучени-ков, и все они рассказывали, что с ними делали, пока они не попали сюда, на небо. Нам всем это просто осто-чтертело. Вначале было ново и интересно, но слушать од-но и то же без перерыва полторы тысячи лет... Это уж, простите, совсем не небесная радость!

— Но позвольте,—возразил мученик.— Я этого еще никому не рассказывал, потому что никак не мог вспомнить, на каком масле меня поджаривали. А сегодня я как раз вспомнил: это было конопляное.

— Отстаньте от меня, ради бога!— разозлился Фио-летовый гром.— Кому все это нужно!

— Но это же очень занимательно,— не сдавался му-ченик.— Как вы думаете, какая нога поджарилась у меня на этом масле первой: правая или левая?

Фиолетовый гром не мог уже больше переносить эту болтовню и, чтобы удрать от святого мученика, съе-хал вниз, на землю.

Съехал он по прямой линии и, когда очутился над крышей какого-то храма, уже не мог удержаться: про-рвался сквозь крышу и ударил в кафедру. Он хотел вежливо извиниться перед проповедником за неждан-ное вторжение, поэтому на минуточку задержался в нем.

но, увидев, что тот горит, испугался, удрал через какую-то даму в землю и исчез в ней.

В полном отчаянии поднимался он к небу.

«Господи! — твердил он про себя. — Что я опять на-творил! Снова опростоволосился! Хоть бы по крайней мере кому-нибудь пришло в голову провозгласить, что за проповедником была прислана с неба огненная колесница, как когда-то было с пророком Ильей. Я тогда тоже выкинул штуку. Хорошо еще, что в тот раз на земле все так ловко затушевали. А теперь... — Он вздохнул. — Проповедник появится на небе. Сейчас же начнет жаловаться на меня. Новое наказание! Может быть, он будет наверху даже раньше, чем я...»

Но опасения Фиолетового грома оказались напрасными. Из адской канцелярии было получено извещение: «Только что прибыл сюда некий иезуитский проповедник. До сих пор он еще не подвергнут допросу, так как все не может прийти в себя от потрясения».

— Гм,— сказал святой Петр, услышав об этой истории.— Еще одного абонента лишились.

Фиолетовый гром был так рад благополучному исходу дела, что целый день с улыбкой выслушивал разглашательства какого-то старичка, который с воодушевлением рассказывал, как вытягивали из него кишки. При этом он явно привирал, так как толковал что-то о трехстах семидесяти двух метрах.

Однако вскоре поступила новая бумага из ада, в которой сообщалось, что виноват во всем Фиолетовый гром.

Но сверх всякого ожидания он получил даже нечто вроде похвалы.

— Не стоило бы вас хвалить: подрываете веру в священнослужителей,— сказано было ему при аудиенции,— но сделано чисто. Можете теперь рассчитывать на лучшую работу. Будете поражать богохульников.

— В осуществление решений Римского собора,— добавил Фиолетовый гром и отправился на разведку.

Он нашел себе приличную тучу, с которой все внизу было хорошо видно. Акустика там также была великолепная: было слышно каждое слово на земле.

«Ага,— подумал про себя Фиолетовый гром, когда

минуточку прислушался,— здесь меня ожидает работа».— И начал внимательно изучать обстановку.

Внизу, в старой халупе, лежал на постели рыжий парень, а возле него сидел какой-то мужчина, судя по внешнему облику, священник.

— Постарайтесь исправиться, Макоун! Видите, господь бог наказал вас: не можете даже пошевелиться.

— У меня это в спине. И ногами тоже не владею.

— А при этом еще ругаетесь.

— Эх, кабы уж гром вдарил, что ли! Разве это жизнь? Сто чертей, тысяча громов!

Тут уж Фиолетовый гром не мог удержаться и ринулся вниз на рыжего парня.

Он ударил в халупу — бум! Упал на больного, но съехал вниз по чему-то скользкому на постели. Пытаясь удержаться, он схватил за руку исповедника. Тот упал. А Фиолетовый гром с испугу удрал в хлев.

Оттуда он переправился на небо и начал высматривать, что же он натворил.

В это время исповедника вынесли из дома, а на колокольне начал звонить похоронный колокол. Макоун же ходил по комнате и кричал:

— Черт возьми! Я уже могу двигаться! Паралич меня отпустил!

Когда Фиолетовый гром рассказал об этом старому опытному святому, тот напустился на него:

— Неужели вы не знаете, что того, кто лежит на перинах, бесполезно поражать молнией? Неужели не слышали, что перины — плохой, а священники — хороший проводник электричества?

— Да, но Макоун в довершение ко всему еще выздоровел и начал ходить.

— Так как же ему не ходить, если вы устроили ему такую мощную электрическую ванну! — нервно ответил старый опытный святой.

Фиолетовый гром принялся громко рыдать.

В БЮРО СЫСКА

В частном бюро сыска «У луча «х» дела шли из рук вон плохо. Просто-напросто не было никакой клиентуры. Два месяца назад один почтенный отец семейства решил установить наблюдение за дочерью с ежедневной оплатой в пять крон, и с тех пор ничего.

Директор бюро сыска Паточка в эти плохие времена питался солониной и запивал ее сливовицей — последним воспоминанием о добром папаше, который, когда было установлено, что его дочь не посещает ателье одного подозрительного художника, в приливе радости добавил к пяти кронам три бутылки сливовицы и большой кусок солонины из своей лавочки колониальных товаров.

В дурном настроении директор бюро сыска разрезал последний кусок солонины и закрыл окно, чтобы не слышать, как чей-то лишенный приятности тенор выводит напротив одну и ту же руладу:

«Ах, это был блаженства час...»

Покончив с солониной, пан Паточка вновь принялся переписывать адреса. Да, его бюро сыска «У луча «х» пало так низко, что ему приходилось зарабатывать на жизнь переписыванием адресов для одной фабрики.

Раздался стук. Пан Паточка не ответил, он любил, чтобы посетители подолгу ждали у дверей. Не спеша собрав адреса, он прикрыл их газетой, пригладил усы и брови и сухо сказал: «Войдите!»

В кабинет ввалился элегантно одетый молодой человек. Не дожидаясь приглашения, он уселся на стул и стал нервно барабанить пальцами по коленям.

— Простите,— сказал он,— я очень взволнован.— В его глазах блеснули слезы.

— Простите, уважаемый,— продолжал он возбужденно.— Меня обманывает жена, моя собственная жена, супруга. Я прошу у вас совета, помощи.

— Рассказывайте,— сухо сказал господин директор, с удовольствием глядя на несчастного молодого человека.

— У меня в Праге две фабрики,— начал тот выкладывать свое горе,— одна фабрика в Высочанах, другая в Бржевнове. В результате я должен ездить из Высочан в Бржевнов.

Молодой человек вновь принялся рыдать, бросая вокруг печальные взоры. Наконец он пришел в себя и продолжал:

— Поскольку для присмотра за делами на фабриках мне приходится ездить из Высочан в Бржевнов и наоборот, я теряю много времени и порой по целым дням не вижу свою супругу. Моя супруга... Ах, где те времена, когда я мог ее так называть, тогда я еще ездил из Высочан в Бржевнов и из Бржевнова в Высочаны. Потом я построил еще одну фабрику, в Годвичках. Теперь свою жену Отилию я стал видеть еще меньше, ведь я ездил из Высочан в Годвички, из Годвичек в Бржевнов, а из Бржевнова в Высочаны. Хотел было я построить еще одну фабрику, в Радлицах, но тогда у меня осталось бы еще меньше времени, и я бы не раскрыл, что она меня обманывает.

Я расскажу вам, как я пришел к этой мысли. Я продал фабрику в Бржевнове и отправился домой положить в сейф договор о продаже. Являюсь, прислуга мне долго не открывает, за дверью я слышу какой-то шепот, разговор, наконец мне открыли, вхожу в гостиную и вижу, что там никого нет, кроме моей собственной жены. Я не показываю вида, иду в спальню, заглядываю под кровать — и там никого. Иду в переднюю, смотрю на вешалку. На ней ни чужого пальто, ни чужой мужской шляпы. Верите, я даже не нашел никого в туалете? И в шкафу никого не было, и за шторами, а эта змея, эта мерзавка вела себя так спокойно! Только после того, как я начал орать «где же? где?», она ударилась в слезы и спросила, что со мной случилось. Само собой разумеется, я не подал виду и сказал, что ищу спички.

Потом мне пришлось улечься в постель, на голову мне положили холодный компресс, и жена попросила меня уснуть. Я решил, что это неспроста, что она кого-то ожидает, и, конечно, я не спал, а был настороже. Ей пришлось сидеть возле меня целый день, и я видел, что она была как на углях. В этот день ей ничего не удалось.

Скоро я сдал внаем фабрику в Годвичках, и когда в полдень я отправился с контрактом домой, чтобы убрать его в сейф, то всю дорогу ехал в таком нетерпении, словно предчувствовал, что случится что-нибудь. И опять прислуга не сразу открыла мне дверь на мой звонок, и за дверью я опять слышал шепот и разговор. Я вбегаю в гостиную, и, верите, супруга моя испугалась! Кидаюсь в спальню, заглядываю под кровать, и опять там никого. Плохое предчувствие росло во мне, и я заглянул в шкаф, за шторы, и там никого. Только жена вся в слезах протянула мне коробку спичек, говоря: «Вот они, смотри, что же ты ищешь?» И опять же я не подал виду и только сказал: «Я ищу зажигалку». А знаете, как я все открыл?..— И молодой человек вновь зарыдал.— Об этом вам расскажет мой брат, он ждет внизу. До свиданья, я пошлю его к вам наверх, чтобы он дорассказал, а то я очень волнуюсь.

Молодой человек с плачем бросился на шею директору бюро сыска, обнял его в отчаянии и ушел...

Когда брат несчастного не пришел через четверть часа, не пришел и через полчаса, директор бюро сыска в растерянности сунул руку в карман жилета и, к своему ужасу, установил, что из жилета исчезли золотые часы, последняя ценная вещь, которую он как раз сегодня собирался заложить.

И директор бюро сыска побежал в полицию.

СТАРШИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ КОМИССАР ВАГНЕР

Старшего полицейского комиссара Вагнера вы, очевидно, знаете. Это тот самый господин, который приобрел широкую славу во время розысков грабителя Миржички. Он даже играл с ним в карты, и воруяга Миржичка просадил все награбленные деньги.

А потом Миржичка отколол такой номер, какой дружки ему вовек не забудут. Заявился в полицейский участок и назвал свое имя. Он сказал, что ему осточертели и жизнь и свобода, ибо вот уже целых четырнадцать дней ему идет мерзкая карта.

Случилось так, что в отделении, когда агенты привели кающегося Миржичку, дежурил комиссар Вагнер. Оба в страшном изумлении посмотрели друг на друга, а когда вор сказал: «Я Миржичка»,— старший полицейский комиссар, слегка покраснев, ответил твердым голосом: «Я это знал». Но после того, как агенты с Миржичкой ушли, он подумал: «Ну, кто бы мог сказать!»

Когда спустя час к нему явился журналист, желая разузнать о какой-то краже и тому подобных вещах, которые обожают читатели ежедневных газет, он абсолютно спокойным, серьезным и торжественным тоном проговорил:

— Пишите, господа.

Потом вы, наверное, читали в газетах, как старший полицейский комиссар Вагнер напал на след известного вора Миржички: он играл с ним в карты, и причем столь успешно, что пострадавшие смогли получить обратно всю похищенную сумму.

Правда, с покупкой мотоцикла, о котором тайно мечтал комиссар Вагнер, играя с этим элегантным господином в макао, дело прогорело, но газеты об этом так и не сообщили. Однако, не приобретя мотоцикла, господин Вагнер приобрел заслуженную благосклонность господина шефа полиции, что дало ему, правда, неоплачиваемую, должность управляющего полицейским музеем.

По сути говоря, теперь он был хорошо знаком с самыми тонкими приемами преступников, а это уже было сродни должности шефа в отделе безопасности.

Однажды, когда старший полицейский комиссар Вагнер прохаживался среди роскошных коллекций отмычек, молотков, просверленных касс, когда он расхаживал по залу, где со стен вызывающе ухмылялись портреты различных преступников и косились фотографии убийц, он вдруг подумал: «А ведь подходящий случай!»

И так это пришлось ему по душе, что он тут же занялся тщательным изучением альбома преступников. Теперь в полиции про него говорили не иначе, как «старик Вагнер опять бьет баклуши с преступниками».

Удобно расположившись на диване в комнате, где находилась эта коллекция, он внимательно рассматривал фотографии, бормоча себе под нос:

— Смотрите-ка, вот это физиономия! А у тебя, паренек, нос-то набок. А у тебя, старый лев, нет зубов.

И все знали, что у Вагнера отличное настроение. В такую минуту он всегда приходил в канцелярию и, собрав сыщиков и полицейских, говорил им: «Пошли, ребятки». Они отправлялись на проверку подозрительных ресторанчиков, погребков и гостиниц.

Он называл это «охотой на людей». И в самом деле: они возвращались будто из дальней экспедиции за рабами в Африку, гоня перед собой целую кучу сомнительных личностей женского и мужского пола. Если кому-либо из случайных зрителей это приходилось не по вкусу, полицейские прихватывали заодно и их. Причем старший полицейский комиссар Вагнер вел себя крайне любезно. Похлопав обычно такого субъекта по плечу, он говорил ласково:

— Дополните-ка, пожалуйста, нашу колонну.— И процессия шла дальше.

В полицейском управлении раздавались так называемые премии. Все приведенные выстраивались в ряд, а господин Вагнер, прохаживаясь перед ними, делал выбор. Похлопав, например, по плечу какую-нибудь гулящую девицу, он говорил ласково:

— А вы, барышня, отправитесь мыть нужники.

Так он раздавал премии. Иной отделялся простым наказанием в участке, а кого и отдавали под суд за бродяжничество. Награждая таким образом премиями, он говорил своим ребятам:

— Главное, чтобы все было по чести.

Однажды ночью среди многих других прихватили молодую девицу, и господин Вагнер, задержавшись возле нее, проговорил с грустью:

— А эта барышня будет убирать полицейский музей.

Когда девица убрала полицейский музей и стерла пыль со всех фотографий, он приказал ее выпустить. А после ее ухода снова принялся рассматривать фотографии, причем одна дама показалась ему страшно знакомой. Под фотографией стоял номер полицейского протокола и рядом имя: «Катарина Берк».

Это была фотография известной аферистки Берк, симпатичной на вид юной дамы с весьма достойной внешностью.

«Где же я ее видел?»— подумал старший полицейский комиссар Вагнер, не спуская глаз с портрета. И у него росла уверенность, что та проворная девица, которая еще два часа назад сновала с мокрой тряпкой в руке, и есть Катарина Берк.

Выскочив из полицейского музея с фотографией в руке, он ворвался в канцелярию к двум сыщикам.

— Ребята, а вы знаете, кто она, ну та, что убирала наш музей? Смотрите-ка!

— Катарина Берк,— сообщили ему те, о чем он и сам догадался минуту назад. Вагнер запнулся, а потом проговорил торжественно:

— Вот видите, это я ее нашел. Она только что была здесь.

Всех это сообщение наполнило великой радостью, оставалась всего ступенька до места шефа в отделе безопасности.

Причем шеф полиции оказался настолько порядочным человеком, что заметил старшему полицейскому комиссару:

— Еще одно такое ловкое дельце, вы и в самом деле получите место шефа отдела безопасности.

Милейший господин Вагнер и в самом деле был на седьмом небе от радости. Это нашло свое выражение в том, что он опять, спустя длительное время взглянув на фотографию Катарины Берк в полицейском альбоме, воскликнул: «Вот так случай!»

Он был вполне доволен собой, и ему казалось, что все он делает отлично.

И действительно, он жил только своей работой. После обеда он сладко дремал на диване в полицейском музее, нисколько не волнуясь о собственном доме. Какое ему было дело, например, до того, что у его супруги опять новая служанка.

Когда он однажды увидел эту новую служанку, она показалась ему удивительно знакомой, и ему даже в голову не пришло, что это новая служанка.

Однажды, когда он вернулся домой, ему сообщили, что служанка исчезла, а вместе с ней и кое-что из столового серебра и украшения.

Вагнер был буквально ошеломлен и воскликнул в отчаянии:

— Вот это случай!

Но этот случай не относился к числу его прежних счастливых случаев.

— Как ее фамилия? — спросил он в сильном волнении. Но жена сказала, что это ей неизвестно, и вообще она полагала, что он сам взял ее книжку. Вагнер рассердился, заявив, что это ее дело, ведь она ведет хозяйство.

И отправился заявить в полицию. Однако уже к вечеру девицу отыскал какой-то частный агент из Вены, который сам приехал разыскивать следы некой Берк, совершившей полгода назад мошенничество в Вене. И вот он наткнулся на эту девицу и, допросив ее, обнаружил, что она не только Катарина Берк, но вдобавок и служанка старшего полицейского комиссара Вагнера, которая его обокрала.

— Вот так случай!— воскликнул, чрезвычайно обрадовавшись старший полицейский комиссар, но тут же вновь нахмурился.

Но ведь я не заявил в полицию, когда она у меня работала в музее!— воскликнул он в отчаянии, очутившись вновь в одиночестве и окруженный любезными сердцу коллекциями отмычек в помещении музея.

И, потрясенный, он склонился над одним из альбомов преступников, а когда наконец поднял свои измученные глаза, то принял решение как лицо вполне официальное. Он учинит сам себе допрос, предъявив себе обвинение в сокрытии преступника.

Очутившись в канцелярии, он уселся напротив зеркала и обратился сам к себе с речью. Вначале он задал вопрос о национальности, затем спросил, не привлекался ли он ранее к суду.

— Это хорошо, что вы совершили такой поступок впервые,— сказал он сам себе в зеркале,— иначе мне пришлось бы подвергнуть вас наказанию по всей строгости закона. На этот раз вы освобождаетесь от штрафа, ибо, во-первых, вы сами заявили о своей виновности соответствующим органам, а во-вторых, как я уже говорил, вы совершили это впервые и есть надежда, что впредь это не повторится. Можете идти, господин старший комиссар Вагнер!

И, взяв свою саблю, он отправился домой. На лестнице он встретил шефа полиции, который напомнил ему о его обязанности посетить одно политическое собрание.

Взглянув на него, господин Вагнер спокойно ответил:

— Простите, но мне как раз сейчас сказали в канцелярии, что я могу идти домой.

И, загадочно улыбаясь, пошел дальше. Вскоре по причине внезапного маразма его выпроводили на пенсию.

ОБ ИСКРЕННОЙ ДРУЖБЕ

Есть у иных людей такая слабость: стоит им встретить знакомого, как они тут же в первом порыве нежности приглашают его к себе домой. И вспоминают при этом всякие пустяки, ну, скажем, как они вместе глазели из окон пивной на упавшую напротив лошадь. Потом разговор заходит о таких вещах, которые вряд ли делают честь собеседникам, но, поскольку эти случаи глубже всего врезались в память, разумеется, приходит и их черед.

— А помнишь, как мы по-свински поступили с барышней Эденкой?

И столько в этом теплоты, столько воспоминаний о былой дружбе, когда все эти совместные проделки вновь проходят перед глазами. Друзья признаются, что за время былой дружбы они не совершили ни единого благородного поступка, но тот, кто зовет к себе в гости, начнет вдруг отмежевываться от своего прошлого, утверждая, что теперь-то, разумеется, все иначе, он женат, у него двое мальчишек, и его супруга и в самом деле чрезвычайно обрадуется, увидев друга юности своего мужа.

В таких случаях, как правило, заверяют, что он, мол, ей часто рассказывал о своем друге массу приятных вещей.

Однако каждому известно, что рассказывают женам о своих друзьях. Себя в таких случаях мы представляем сущими ангелами. Лично я своей жене о каждом знакомом говорил одно: хлещет ром. Иногда, впрочем, делал

исключение и, перемены ради, заявляя, что тот или иной из моих приятелей безнравственный человек.

Расхаживая по комнате, я при этом следил, чтобы карманы моего пиджака не задевали об острые углы подставок у статуэток, ибо в одном кармане хранилась бутылка коньяку, а в другом — письмо от некоей гимназистки.

Просто удивительно, чего только не помнят супруги о приятелях своего мужа.

Вышли мы однажды на прогулку с женой, и, когда с нами поздоровался проходящий мимо мужчина, я сказал, что это, мол, молодой Крамский.

— Знаю,— отозвалась жена.— Это тот самый, что отравил официантку, с которой находился в близких отношениях.

— Кто это тебе наплел такую ерунду, душенька! — воскликнул я в изумлении.

— Ты же сам мне об этом рассказывал.

Вспыхнула ссора, и когда я заявил, что в этом нет ни грана правды, она накинулась на меня: не хватало, мол, защищать такого негодяя!

Учитывая подобные, старые как мир, обстоятельства, я отнюдь не испытывал восторга, когда профессор Гардовский (фамилию я умышленно изменяю, чтобы не краснеть за себя) появился на нашем пути — мы странствовали с моим другом Биллем * по средней Европе — и стал убеждать меня, что он рассказывал массу приятных вещей обо мне своей супруге и что она, несомненно, от души обрадуется, познакомившись со мной и с моим приягелем лично.

Затем последовали нескончаемые потоки восторженных фраз по поводу нашей неожиданной встречи. Он заявил, что я окажу ему великую честь, если появлюсь у него, и он надеется, что это — дело решенное. И кроме того, у него двое мальчишек, и нам будет приятно на них посмотреть. Пиво, правда, здесь не ахти какое, но мы можем тут же заглянуть в одну пивную, где как раз у хозяина умерла жена. И он сейчас в таком отчаянии, что ему и в голову не придет разбавлять пиво. Сегодня там соберется весь город. Подобный совет в дороге — неоценимая вещь. Мой друг Гардовский в этой небольшой пивной размяк окончательно. Мы договори-

лись до того, будто однажды в Праге я собирался выбросить его из одной пивной. А он вспомнил, как в тот раз чуть было не швырнул мне в физиономию кружку. Кроме того, оказалось, что он прекрасно знает приятеля Билля по газетам и даже в свое время подрался с ним в пивной «У Брейшки» из-за какой-то планеты. В дружеской беседе мы засиделись далеко за полночь, когда приятель Гардовский сказал, что он, мол, забыл предупредить дома о нашем приходе и поэтому там несколько не подготовлены. Впрочем, не беда, здесь на втором этаже есть комнаты для иностранцев, и лучше ко всему заранее быть готовым. К тому же его жена, пожалуй, уже спит: ей что-то целый день нездоровилось.

В час ночи он вспомнил, что это даже и неплохо, что мы не идем вместе, а то не дай бог еще бабушка испугается.

— Бабушка, которая именно сегодня приехала,— заметил я, как человек сведущий в таких делах.

— А откуда ты знаешь? — спросил он без тени смущения.

— Так уж водится. Обычно старики родители сваливаются как снег на голову.

— Ты прав,— отозвался он,— дедушка тоже приехал. Впрочем, это неважно, заходите ко мне завтра. Если придет тетушка, мы ее куда-нибудь уложим.

— Да, мы ее куда-нибудь пристроим,— сказал хладнокровно Билль.— Обожаю таких старых тетушек, они всегда заявляются, стоит только позвать кого-нибудь в гости.

В два часа ночи, заверив нас в своей дружбе, наш друг Гардовский намекнул, что завтра как раз он собирался рисовать своих родственников. Я сказал:

— Это ничего, мне лично нравится наблюдать, когда рисуют.

В половине третьего он пролепетал что-то о приехавшем позавчера дядюшке, явно приплетая какие-то несусветные родственные связи.

Мы ему сказали, что, очевидно, это вовсе не его родственник, он, мол, попал в лапы аферистов и пусть их просто безжалостно вышвырнет вон. Гардовский побожился, что именно так и поступит.

Потом он с нами простился, причем так тепло и сердечно, что остальные гости были буквально растроганы. Не переставая обнимать и целовать нас, он тащил нас к дверям и кричал:

— Так завтра вас обязательно жду!

Еще долго с улицы доносилось до нас:

— Как только проснетесь — сразу же ко мне, ребята, я буду страшно рад!

Едва открыв глаза, мы, разумеется, отправились к нему. Он жил тут же, около пивной, где мы провели ночь на лавках, ибо оказалось, что наш приятель Гардовский в пылу восторгов от встречи с закадычными друзьями придумал эти комнаты для иностранцев на втором этаже. Нам даже самим стало стыдно, и как это нас угораздило ночью не разглядеть, вернее, не заметить, что дом-то одноэтажный!

Дверь нам открыла жена Гардовского. Мы представились и ввалились в прихожую, нас, мол, приглашал Франтик.

Она энергично загородила дорогу.

— Мой муж ничего мне о вас не говорил, господа. Я вас не знаю. А муж отправился рано утром в город.

Она добавила также, что не знает, когда он вернется. Скорее всего после обеда.

Из соседней комнаты донеслось знакомое покашливание друга Гардовского. Мы покосились в том направлении.

— Там спит собака, — смущенно пояснила жена профессора.

— Вчера нам как раз Гардовский рассказывал о ней. Они оба этим летом схватили насморк, уважаемая сударыня. И это не мудрено, — сказал я. — А когда же все-таки вернется ваш супруг?

— Сказал, после обеда. Вы останетесь в городе или уедете на поезде, который отправляется как раз сейчас, около одиннадцати?

— Что вы, сударыня, мы задержимся здесь на целую неделю, как и обещали вашему уважаемому супругу.

Стало видно, как жена Гардовского побледнела. Она открыла свои прекрасные уста, чтобы перевести дух, и после некоторого колебания спросила, где мы собираемся обедать. Когда мы объяснили, что в соседнем ре-

сторанчике, она обещала прислать туда одного из сыновей, если неожиданно вернется муж. Оба мальчугана нашего друга Гардовского, на которых, по его словам, нам будет приятно посмотреть, взирали на нас с угрюмой неприязнью.

В подобных случаях лучше всего не показывать и виду, что ты неприятно разочарован или просто ничему не веришь. И я спокойно ответил, что мы будем ждать приглашения, когда нам можно будет прийти.

И мы даже погладили обоих отпрысков по голове, причем они скорчили такую гримасу, будто собирались нас укусить.

Супруга профессора, когда мы выходили за дверь, уже успокоилась, и, чтобы испортить ей радость, я вернулся и добавил, что хотя ее муж и обещал нам комнату рядом со спальней, но мы отлично можем устроиться позади кухни. Спускаясь с лестницы, мы услышали за дверями квартиры Гардовского всхлипывания. Такие рыдания взახлеб бывают, когда женщина плачет от злости.

За шторами окна на втором этаже, в квартире нашего приятеля мелькнуло его пенсне, а за пенсне — пара испуганных глаз нашего дорогого друга. С такой смертельной тоской взирали отроки христиан на башибузуков во время дикой резни. Бедняга оказался наивным, как овечка. Спустя некоторое время, когда мы уже сидели в пивной, возле нашего стола объявился светловосый мальчуган, один из дражайших экземпляров нашего друга Гардовского. Он прокрался к столу и, с дерзким видом представ перед нами, сухо проговорил:

— Папа просил передать, что уехал в Прагу.

После этих слов он вознамерился удрать. Схватив мальчишку у стойки, мы поволокли его обратно в зал. Он бешено сопротивлялся, но, покорившись неизбежности, горестно огляделся.

— Слушай, паренек,— заявил друг Билль.— Мы тебе вырвем ногти, если ты не скажешь правды. Нам все известно.

— Папа уехал в Прагу!

Мы дали ему «леща», но он, стиснув зубы, пробормотал:

— Папа уехал в Прагу!

Тогда приятель Билль взялся за него с другого конца. Показав ему крону мелочью, он посулил:

— Все получишь, если скажешь, что делает отец.

Некоторое время душа юного Гардовского билась в сомнениях и, наконец, предав отца, соблазнилась мамоной.

— Отец дома, он спит,— промолвил он чуть слышно и заревел.

Любопытный психологический момент. Он заревел, когда мы не дали ему этой кроны. А потом сообщил, что его зовут Карличек.

— Карличек хочет эту крону. Все равно папа про вас сказал, когда вернулся ночью, что вы негодяи.—Таковы были слова этого невинного дитяти.

Мы отпустили его с миром, и он, точно Иуда, побрел не домой, а к реке. А мы собрались и направились к другу Гардовскому. Супруга профессора встретила нас столь холодно и с таким торжествующим видом, что сразу было видно, какое удовольствие ей доставляет удачная отговорка.

— Милостивая сударыня,— начал я,— мы пришли убедиться, действительно ли ваш супруг уехал в Прагу.

— Он уехал еще утром.

— В таком случае, милостивая сударыня, ваш супруг вас обманывает. Он спит здесь, в квартире, а вы об этом даже не подозреваете.

Она побледнела.

— Кто вам сказал такую ерунду?

— Ваш сынишка.

Она начала, заикаясь, бормотать, что он, мол, имел в виду, будто это Карличек спит, а Карличек действительно спит.

— Милостивая сударыня, это опять-таки заблуждение. Нам обо всем рассказал именно он сам, ваш Карличек.

Не успели мы договорить, как распахнулась дверь комнаты и ворвался наш друг Гардовский.

— Вот негодяй!—Он бросился к нам, сказав жене:— Все! Мы проиграли, сдаюсь, входите, ребята. Принеси-ка нам, Доринка, бутылочку вина.

И в качестве извинения стал нам рассказывать, что однажды в Пльзени его пригласил к себе знакомый ре-

дактор. А когда он к нему пришел, то редактор холодно заявил, что у него, дескать, уйма работы и они увидятся на обеде в ресторанчике «На старой почте». Там он прождал его битых три часа, а когда явился в редакцию, ему сказали, что пан редактор уехал на выставку в Лейпциг.

— Вот видите, какую глупость велел он мне передать,— вздохнул наш друг Гардовский, подходя к окну.

Бьюсь об заклад, что, когда он повернулся, мы увидели в его глазах слезы — слезы бессилия, отчаяния, а может быть, и самопознания.

МОЙ ДРУГ ГАНУШКА

Нашу первую встречу никак не назовешь веселой. Я находился под следствием по поводу того, что во время уличной демонстрации один полицейский по несчастному стечению обстоятельств ударился головой как раз о мою трость*.

Надзиратель Новоместской тюрьмы Говорка, который был отцом для всех заключенных, поместил меня в подследственное отделение вместе с «разными элементами». По большей части эти «элементы» были профессиональные воры.

Один из них звался Ганушка, и я еще не знал, что он станет моим другом. Понял я это, когда он, исполненный сочувствия к моей доле, заявил, что, когда будет его очередь дежурить, он пронесет для меня сигарку в ведре с похлебкой. У Ганушки были добрые голубые глаза, приветливое лицо, а эти качества заставляют забыть глупые правила общества, согласно которым дружить с вором — дурной тон.

Ганушка пронес для меня сигарку, и Ганушка расстрогал меня своей печальной судьбой.

Последнее дело, за которое он торчал тут, было необычайно трагичным. Он рассказал нам эту историю тихим, грустным голосом в долгий, скучный вечер, когда в коридоре все утихло и мы укладывались на нары.

— Понимаете, дружки,—говорил Ганушка,—раз как-то подумал я, что пора опять подыскать какое-нибудь

дельце. И еще мне пришло в голову, что хорошо бы переменить товар. До этого я работал по перинам и был уже сыт ими по горло, ну и решил поработать с обувью. Ночью — дело было во вторник — иду это я по Вацлавской площади и вижу стеклянный ящик с ботинками, выставленный у входа в один крупный обувной магазин. Я огляделся, снял ящик с подставки и потащил его прочь. Шел я все главными улицами, там хоть на полицейского не наткнешься: все полицейские ночью уходят в боковые улицы и дрыхнут там, стоя у ворот. Допер я свой ящик до самого Богдальца, разбил стекло и вытаскиваю ботинки. Вытащил один — красота, замечательный экземпляр! Примерил — он был на левую ногу. Беру другой — и тот на левую, и третий тоже... Царица небесная, все были на левую ногу! Увязал я их в узелок, думаю: снесу-ка я их к одному знакомому сапожнику, может, купит Христа ради да сошьет к ним правые. Когда шел я через Вршовице, встречается мне сыщик Гатина, ну и — крышка. Думаю, три месяца дадут.

Ганушка вытащил из кармана обрывок тряпки и вытер глаза, свои добрые голубые глаза, на которые навернулись слезы, и стал рассказывать своим проникновенным голосом, как он однажды царапнул слегка одного купца, упокой господи его душу, и как из-за этого его хотели обвинить в убийстве с целью грабежа, спасибо, эти двенадцать господ сказали «нет». Он тогда учтиво поцеловал руку защитнику и учтиво поблагодарил присяжных.

Под говор Ганушки мы стали уже засыпать. Вдруг подходит он ко мне со своей соломенной подушкой и тихо говорит:

— Яроушек, возьми мою подушку, чтобы голове помягче было, я-то привык спать безо всего, а ты человек образованный, и нехорошо будет, коли мысли помнутся.

Напрасно уверял я его, что с меня хватит одной подушки. Ганушка стоял на том, что он, ворюга окаянный, может спать хоть на камне.

— Или в камне,—сострил один еще не уснувший вор, намекая на тюремные стены.

Ганушка улыбнулся и полез на свои нары.

Блохи не давали мне спать, и Ганушка попросил:

— Знаешь что, Яроушек, расскажи мне про индейцев...

Так Ганушка стал моим другом.

Прошло три года, я скитался по Германии. Иду раз в Хайлигенгрунде по липовой аллее, вдруг навстречу мне попадается не кто иной, как Ганушка.

То была случайная, удивительная встреча двух знакомых людей среди миллионов незнакомых. Оказывается, Ганушка почел за благо, пока не забудется дело об ограблении некоей виллы в Чехии, отправиться в путешествие под строжайшим инкогнито, с чужой рабочей книжкой на руках.

Все время, пока мы разговаривали, он суетился и отгонял от меня мух какой-то тряпицей.

— Проклятые, так и лезут на тебя, Яроушек!

И я видел в глазах его прежнюю любовь, и голос у него дрожал от чувств, и он лепетал:

— Как я рад, что мы встретились в этой Баварии! Погоди-ка, я сейчас... Постой тут, я мигом обернусь.

Я недоуменно смотрел ему вслед, а он вернулся через четверть часа, таща за собой зарезанную козу.

— Подлец такой,— проговорил он,— кулачина деревенский, не пустил меня ночевать, вот я и зарезал у него козу. У тебя-то не хватило бы духу, а я могу, я могу...

Последние слова он произнес таким добродушным тоном, и голубые его глаза сияли такой любовью, как если бы он рассказывал о благороднейшем деянии.

— Козу мы продадим,— продолжал он,— и ты купишь себе ботинки, Яроушек, твои-то совсем износились, в них ты далеко не уйдешь.

На беду, пока мы так беседовали, проходил мимо баварский полицейский. Ганушка держался как истый рыцарь. На ломаном немецком языке он объяснил полицейскому, что я вовсе с ним не знаком и что он просто кланчил у меня подавание.

Тут он сказал мне по-чешски:

— Не будь дураком, Яроушек, подтверди, что это правда.

Полицейский ни о чем меня не стал спрашивать, он забрал только Ганушку, который уныло волочил труп козы.

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду — коза, полицейский и мой самоотверженный друг Ганушка.

Потом я долго-долго ничего о нем не слышал. Недавно иду по Майзелову переулку, вдруг из винного погребка выскакивает мой друг Ганушка, тащит меня внутрь и кричит подавальщице:

— Ну-ка, одного «молодца» для Яроушка!

А «молодец» — это восьмушка хлебной водки с ромом.

В каком виде был бедняга Ганушка! Он рассказал мне, что никак не подыщет ничего подходящего, ночует в каком-то разрушенном доме, и сыщики гонятся за ним по пятам, и обносился он вдрызг, так что ходил как-то ночью за Хухле и там сорвал лохмотья с двух огородных пугал и составил себе из этого гардероб. Вид его подтверждал это.

Ганушка был потрепан, как боевое знамя, которое проносят на торжестве трехсотлетия какого-нибудь очень драчливого полка.

Я спросил, что я могу для него сделать, и он сказал, что был бы счастлив, если б я взял его с собой в пивной зал «У Флеков».

И вот в тот день я привел Ганушку в пивную «У Флеков», туда, где, облизываясь, потягивали пиво пражские толстосумы, — Ганушку, который лелеял единственную мечту, единственное желание: увидеть хоть раз сей источник чешской политики, сей заповедник чешских буржуев.

Там было несколько моих знакомых, и они не понимали, что Ганушкам тоже хочется иметь какую-то радость в жизни. Когда я привел его, они решили, что это, видно, такое пари, а пан Ганушка удивил мир каким-нибудь великим деянием.

Тут принесли кружку для сбора средств на одежду для неимущих школьников; толстосумы стали пихать в щелочку по одному геллеру, тогда Ганушка вынул из своих лохмотьев монетку в целых десять геллеров — последнее свое достояние — и опустил в кружку со словами:

— Что ж, пусть им будет, бедняжкам...

Я позвал его ночевать ко мне, хотел дать ему старые мои костюмы. Он очень обрадовался, и вот, нагледевшись на довольных пражан в пивной «У Флеков», он, этот вечно преследуемый бедняга, вышел со мною на улицу.

На углу Мысликовой улицы попались нам навстречу два господина; один из них хлопнул Ганушку по плечу (это был все тот же сыщик Гатина) и сказал:

— Пойдете со мной, Ганушка, мы вас ищем по поводу того маргарина...

Так в половине одиннадцатого вечера 27 августа я снова потерял моего друга Ганушку.

КАК БЕРЕЖЛИВЫЕ СПАСЛИ ОТЧАЯВШЕГОСЯ

Недавно на набережной Палацкого полицейские задержали прилично одетого пожилого человека, который явился причиной огромного стечения народа. Этот человек начал с того, что скакал посреди улицы на одной ножке, без усталости выкрикивая:

— Я спасен! Уж теперь-то я не пойду топиться! Ура бережливым!

А когда вокруг него столпились вагоновожатые и кондукторы двух десятков трамваев, остановившихся длинной чередой на мосту и на противоположной набережной вплоть до самого Национального театра, и команды всех пароходов, стоявших у пристани, и землекопы, и рыбаки, и старухи с корзинками, и мальчишки от сапожников, и прочая смешанная публика, человек прекратил свои странные прыжки, стал посреди толпы, развязал большой узел, который держал в руке, вынул из него и разложил на мостовой множество самых разнообразных предметов, как-то: старую сапожную щетку, пачку старых газет, скребок трубочиста, круглую жестяную коробку, мешок, кучку тряпья,— и заговорил с самым серьезным видом:

— Кто намерен застрелиться, отравиться, повеситься, утопиться, кто впал в отчаяние из-за недостатка денег, тесных сапог, сварливой жены, несчастной любви, кому надоела жизнь, кто уже купил револьвер, которым и курицу не убьешь, кто уже испытывает прочность веревки и крюка в стене, кто ждет на берегу, когда вода будет

потеплей,— вообще всякий кандидат в самоубийцы,— подумайте еще раз хорошенько в последнюю минуту, да зайдите в Общество бережливых, где дают советы отчаявшимся! Это вам говорю я, несчастный, я, который еще сегодня утром не подозревал, что жаждет застрелиться, но тем не менее был спасен бережливыми!

Загадочный человек помолчал, вытер слезу, скатившуюся при последних словах, и поведал притихшей толпе такую историю:

— Я коллекционирую окурки сигар. У меня накопилось уже пять коробок по тысяче штук, и, не зная, на какое доброе дело их обратить, я пошел нынче утром спросить совета в Общество бережливых. Вхожу, здороваюсь вежливо и говорю: хочу, мол, с вами посоветоваться... Больше я ничего не сказал, потому что мне не дали рта раскрыть. Солидный седой господин сейчас же стал меня уверять, что отчаиваться не надо даже в самых тяжелых обстоятельствах. Я хотел было объяснить, зачем пришел, но седой господин не дал мне такой возможности. Он ласково взял меня за руку и сказал, чтоб я ничего не говорил, что незачем зря волноваться и беречь душу, и я все же не должен утруждать себя, так как у него достаточно опыта, и он прочел по моему лицу, что у меня несчастье. Так как мне и после этого не удалось вставить слово и объяснить, что привело меня к ним не несчастье, а окурки сигар, то я решил уже молчать как могла. А ласковый господин продолжал:

«Об одном я прошу вас, успокойтесь. Всякое горе, всякая боль проходит, вспомните только прекрасные слова Болеслава Яблонского *:

Ни разу солнце не зашло,
Чтобы снова не взошло...—

и откажитесь от черных помыслов о самоубийстве. По вашему виду я заключаю, что причина у вас—денежные затруднения. Для несчастной любви вы, так сказать, перезрели, а поскольку пуговицы у ваших брюк все на месте и белье в порядке, я делаю вывод, что у вас добрая жена; следовательно, остается недостаток денег. Это вещь скверная, но с ней можно справиться. На то и мы, чтобы посоветовать, помочь. Однако первое условие

спасения — мужество, дорогой друг. Слышали вы когда-нибудь об американском миллионере Карнеджи? В юном возрасте он бродил по улицам Нью-Йорка голодный, без гроша в кармане. Но счастье ему улыбнулось, и он нашел на улице старую сапожную щетку. Он встал на ближайшем углу, предлагая свои услуги прохожим. Первым своим клиентам он чистил ботинки слюнями, и лишь на первый заработок смог купить гуталин. Но прилежный молодой человек с любовью отдавался новому делу и дошел до того, что теперь он «стальной король», а на текущем счету у него несколько миллиардов. Видите, дорогой друг, как можно разбогатеть. Мы же хотим помочь вам сделать подобную карьеру. Чтоб избавить вас от поисков сапожной щетки на улицах, мы вам ее даем. И даем вам рекомендательное письмо в полицию, чтоб вам выгнали разрешение на чистку сапог, а я вдобавок советую вам сделать первую попытку у Староместской ратуши. Отцы города питают слабость к чистой обуви. Руки можно спрятать в карманы, а ботинки всем видны».

Седой господин ласково положил мне на колени вполне сохранившуюся сапожную щетку, но речи не прервал. Он поведал мне, как «нефтяной король» Рокфеллер начал с того, что собирал старую бумагу по домам, расписал мне все прелести этого занятия и его огромное культурное значение и дал для почину пачку старых газет. Прочитав небольшую лекцию об Асторе, который начал свою карьеру собиранием собачьего кала в Чикаго, и пояснив роль навоза в национальной экономике, он вручил мне вот этот железный скребок и коробку из-под рольмопсов; после рассказа о жизни Вандербильда я получил кучку тряпья, а после воспоминаний о покойном Моргане-отце—две старые лейки и дырявый таз, потому что знаменитый американец в свое время скупал старое железо...

Тут спасенный самоубийца заплакал, преклонил колена на холодной мостовой и попросил публику, большая часть которой тоже плакала, помолиться вместе с ним за процветание Общества бережливых и его консультации для отчаявшихся. Просьба была выполнена, и с набережной Палацкого вознеслась к небу волна чистого восторга перед любовью к ближнему.

Между тем подоспела полиция, разогнала незаконный митинг и арестовала таинственного человека. Он заявил полицейским, что был некогда паном Мрквичкой, почтовым служащим на пенсии и коллекционером сигарных окурков, ныне же он спасенный самоубийца и кандидат в миллионеры; еще он горячо уговаривал полицейских не отчаиваться, потому что величайший чешский поэт Болеслав Яблонский написал, что солнце будет всходить каждый день, а в Обществе бережливых есть еще старые сапожные щетки и прочие полезные предметы. После медицинского освидетельствования в полиции пана Мрквичку передали в лечебницу для душевнобольных. А председатель Общества бережливых записал на первой странице большой красивой книги: «Йозеф Мрквичка, почтовый служащий в отставке, сложный случай финансовых затруднений, благополучно спасен». Затем он (образно говоря) возвел очи к небесам и глубоко вздохнул.

ИСТОРИЯ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ ПАРТИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ КРУГАМИ

По возвращении из своего паломничества на Святую Гору пан Копейтко явился в полицию и донес на нас, сообщив, что мы играем в запрещенные игры, поносим господу бога и верховную власть того и этого света.

С той поры у нас объявился пан Маркуп...

Кто был этот пан Маркуп? Добрый малый, служил в комиссариате полиции, имел ничтожное жалованье и шесть человек детей. В то время как раз назревали великие бои за всеобщее избирательное право *, и люди такого сорта зарабатывали деньги доносами своему начальству, которое, в свою очередь, переправляло их государственной полиции в Вену. Кроме того, дело было вскоре после посещения Праги его величеством. Пану Маркупу нужно было подзаработать. Помнится, еще Шатобриан в свое время говорил, что полиция всегда романтична *.

Итак, пан Копейтко заявил в отделе безопасности, что больше уже невыносимо терпеть те речи, что ведутся в нашем трактире, и полиция направила туда пана Маркупа, невзирая на то, что он был отцом шестерых детей. Ведь когда пан комиссар спросил набожного Копейтко: «А что там за люди?», — тот ответил: «Бандиты, ваше благородие!». И вот теперь отец шестерых детей должен был идти к этим бандитам.

И он пошел... Подобно римскому легионеру, отправляющемуся в неведомую Британию, он шел, чтобы занять форпост во мгле чужого острова, и был уверен, что его

никто не знает. Но племянник директора полиции, который был в нашей компании *, узнал его и в первый же вечер, как только пан Маркуп удалился, сказал:

— Да это же Маркуп!

То, что он нам о нем поведал, было не очень утешительно. Сей муж охотно принимает пощечины, ибо за каждую получает в виде компенсации две кроны (как-никак полдюжины детей!). Обычно же за каждое посещение разбойничьего логова ему платят по пять крон.

На следующий вечер пан Маркуп пришел раньше нас и сел к нашему столу, излучая вокруг себя сияние доброты. Когда мы появились, он извинился и выразил желание пересесть за другой стол. Но его уговорили остаться, убеждая, что его общество для нас необычайно приятно и что, хотя мы и говорим о политике, это, надо полагать, ему не помешает.

— Значит, договорились,— тихонько, но так, чтобы было слышно пану Маркупу, шепнул мне Маген *.

— Да,— сказал я,— заканчиваем последние приготовления.

— А знают об этом на Мораве?— нагнулся к нам инженер Кун *.

— На Мораве уже обо всем известно! — громко ответил я.

Пан Маркуп вздрогнул.

— Прошу извинить, я хорошо знаю Мораву,— вмешался он.— Морава всегда стояла плечом к плечу с Чехией.

— Ну, уж это вы ошибаетесь,— возразил я.

— Позвольте, господа,— не отставал пан Маркуп,— все же извольте вспомнить, сколько мораван пало у «Гвезды»*.

— Это для нас новость! — провозгласил Опоченский*.— А вы знаете, что об этом нельзя говорить, что вы можете ввязаться в опасную историю? Начали бы, например, толковать об императоре Фердинанде... *

Пан Маркуп снисходительно усмехнулся:

— А что! Неужели вы и в самом деле думаете, господа, что император Фердинанд был выдающимся человеком?

— Ну, разумеется,— сказал я серьезно.— Муж, который сумел в 1620 году наступить на горло гидре мяте-

жа, поистине был мужем выдающимся. Особенно, если мы учтем, что он принадлежал к благородной династии Габсбургов.

— Да, но все же он велел казнить столько чешских дворян на Староместской площади*, — не сдавался пан Маркуп.

— А вы сожалеете об этом, милостивый государь?! — бешено завопил я. — То было всего лишь умеренное наказание этим бунтовщикам, которые выбросили из окон Пражского Града * королевских советников, а своего собственного короля ссадили с трона и призвали в Чехию чужеземца! И у своего собственного короля побили в битвах свыше двадцати тысяч воинов. Вы собираетесь защищать этих людей? И это чех! Не стыдно вам?

Я вижу, что через минуту вы начнете говорить о венгерской революции 1848 года, и восхвалять Кошута *, и твердить, какой это был молодец! А между тем этот бандит подделывал кредитные билеты и поднял всех горных пастухов против Габсбургской династии. А когда его должны были повесить, так этот негодяй скрылся! А вы нынче спокойно приходите сюда и начинаете прославлять Кошута, и воспевать хвалу венгерской революции, и кричать здесь: «Да здравствует революция!»

— Помилуйте, господа, ведь я ничего такого не говорил!

Я торжественно поднялся.

— Присутствующие здесь господа — свидетели, что вы это сказали! Говорил он это, друзья?

— Говорил, говорил! — раздался дружный крик. — Произносил и еще более страшные вещи!

Маген встал.

— Вы, милостивый государь, втерлись в наше почтенное общество, чтобы пропагандировать изменнические взгляды! Вы здесь, у этого стола, где сидят сыновья набожных католических родителей, хулили господа бога, кричали, что не верите в бога! Вы издевательски отзывались о непогрешимости папы римского! Вы хотели нас, порядочных граждан, свести на путь блуда и неверия! На это есть один ответ — тюрьма! Пан трактирщик, позовите полицию!

— Но, господа...

— Никаких «но»! Полицейский должен будет установить вашу личность, а мы обвиняем вас в богохульстве и оскорблении Величества! А такие вещи... Сами понимаете! Наш лозунг «За бога, отечество и короля!». И вы хотите отвлечь нас от этого! И вам не стыдно! А еще образованный человек!

Тут появился полицейский.

— Будьте любезны, господин полицейский, установите имя этого человека. Он непочтительно отзывался о всемогущем боге, о папе, об императорской династии! Хотел нас морально развратить! Хотел сделать из нас анархистов, террористов и безбожников!

Пан Маркуп встал и произнес спокойно и веско:

— Я полицейский чиновник.

Племянник директора полиции выступил вперед.

— Вы лжете, почтеннейший! Предъявите ваше удостоверение! О, если бы об этом узнал мой бедный дядюшка!

Пан Маркуп начал судорожно рыться в карманах.

— Прошу прощения, я забыл удостоверение дома,— сокрушенно прохрипел он.

Племянник директора полиции подошел к полицейскому, показал ему свой документ с известным каждому стражнику именем и произнес величественно:

— Ваш шеф, директор полиции,— мой дядя.— И, указывая на несчастного пана Маркупа, распорядился:— Отвести его.

В то время как полицейский отводил поверженного пана Маркупа, вслед ему торжественно звучал наш благочестивый хорал:

Мираву никому от веры не отторгнуть.
Наследье отчее нам сохрани, господь...

...Пан Маркуп у нас больше не показывался, его переместили в полицейскую регистратуру стирать пыль со старых папок.

ПАРТИЯ РАСТЕТ, НО ЕЕ БЬЮТ

От каждой новой политической партии требуется энтузиазм. Но энтузиазм есть и у других политических партий, не только у новой; и если новая партия столкнется с более старой в политической борьбе, то из этого неизбежно, а лучше сказать, обычно следует, что те, кто оказывается в меньшинстве, провозглашают миру, будто на их стороне моральная победа. Моральную победу одерживает всякий, кому противник переломает ноги. Толстой когда-то сказал, что моральная победа—это нечто необычайно светлое, Масарик прославлял моральную победу. Но Толстого и Масарика никогда не избивали. Итак, желающему пропагандировать принципы только что народившейся партии обычно приходится удовлетвориться моральной победой и воскликнуть: «Мы победили», натирая себе при этом спину оподельдохом, ибо оподельдок—отличное средство от ушибов, ссадин и кровоподтеков. Так что каждая новая политическая партия, а тем более каждый апостол новой политической идеи должны рассчитывать на оподельдок. Тому, кто хочет внушить другой политической партии свои политические убеждения, рекомендуется всегда носить при себе склянку с этой смесью, если поблизости нет пункта медицинской помощи. Каждому такому политическому оратору следует помнить, что опухоли лечатся коларской водой; когда после пощечины отчет лицо, то отек исчезнет, если натирать его смесью хлороформа с оливковым маслом, добавив немного камфарного спирта. Это средство отлично парализует действие новых политических лозун-

гов и ораторских приемов. Раны, нанесенные арапником, не надо натирать, — полезно накладывать на них холодный компресс. Что же касается разбитых голов, то их вам залатают в любой хирургической клинике, ибо с ростом количества политических партий наблюдается прогресс в хирургии.

Если вам как оратору плюнут в глаза, не вытирайте их рукою, рукавом или платком: можете получить воспаление роговицы. Здесь вам поможет теплая вода. Если же политический противник выбьет вам зуб, не приходите в отчаяние: св. Екатерине политические противники выбили все зубы, и она стала святою. Но поскольку в наши дни церковь такими святыми, как вы, не интересуется, спокойно отправляйтесь к врачу, и он вставит вам новый зуб. Если ваши слушатели на собрании оторвут вам ухо, подберите его и, не стремясь закончить речь, скорее бегите к ближайшему врачу, чтобы он пришел вам его. А если вам оторвут голову, не поднимайте ее: в политике она не нужна... Вот те принципы, несомненно, очень разумные, с которыми мы, члены комитета партии умеренного прогресса в рамках закона, прибыли на собрание национально-социальной партии, состоявшееся в танцевальном зале «У Банзетов» в Нуслях. Шли мы туда весело, как люди, осознающие, что того, кто сидит на печи, никогда не узнает мир. А мы хотели расти, как всякая другая партия. Так хотели расти старочехи, а между тем росли младочехи. Так росла национально-социальная партия именно в то время, когда собирались расти младочехи. А социал-демократы выросли, пока национально-социальная партия воображала, что растет она одна.

Из всех политических партий мы были наилучшего мнения о самих себе, поскольку утверждали, что вырастем; а ведь наибольшей победой в политике является такая, о какой говорят в будущем времени.

Так шли мы к «Банзетам» с твердой верой, что если у национальных социалистов есть программа, то она может быть и у нас. И если одним из пунктов их программы является свобода слова, то и мы хотим иметь свободу слова, — а это означает, что они будут слушать, а мы будем говорить. Этому памятного вечера мы обязаны тем, что смогли внести в свою программу новый

пункт, который мы переняли от них: «Долой свободу слова!».

Итак, мы пришли в танцевальный зал «У Банзетов», и я взял слово после главного оратора, которому аплодировали после каждого слова, каждого взгляда и взмаха руки; ему рукоплескали, когда он взбирался на трибуну и когда слезал с нее. Но странное дело: когда я вышел на трибуну, аплодировало всего шесть человек, и то только члены комитета нашей партии, а остальные девятьсот мужей и юношей смотрели на меня с таким грозным выражением, словно хотели сказать: «Целым ты отсюда не выберешься!»

От таких взглядов делается больно. Больно, как всякому апостолу. В первой же фразе я сказал им об этом. Ибо человек обязан быть откровенным! Я начал так:

— Уважаемое собрание! Я удивлен тем, что вы мне не аплодируете. Чем я хуже предыдущего оратора? Ведь он еще не успевал открыть рот, а вы уже начинали хлопать...

— Ах, проходимец! — раздался голос сзади; и вдруг все слушатели разом словно взбесились и бросились к трибуне с возгласами, предвещавшими мне моральную победу!

— Пошел вон, вонючка! Убирайся, скотина! Вацлав, двинь его! Эй, соцан *, не пяль свои идиотские буркалы!

А какой-то высокий человек атлетического сложения схватил меня своей мускулистой рукой за ворот пиджака и, неся через разъяренную толпу, кричал:

— Ты пришел сюда, чтобы сорвать собрание, так мы тебя проучим!

От стола президиума раздался голос:

— Не бейте его, братья!

Но этот голос заглушила буря протеста против руководства партии:

— Ничего, секи его, братва!

Руку этих людей я ощущаю до сих пор. Они измолотили меня, высекли весь комитет партии умеренного прогресса в рамках закона и, выбросив нас на улицу, вернулись обратно, чтобы продолжать обсуждение вопросов культуры. Такова горькая правда...

ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ СОБРАНИЙ НОВОЙ ПАРТИИ

Всякая политическая партия располагает для собраний множеством помещений, причем отнюдь не в частных домах, но в питейных заведениях. Чем сильнее шумит в голове алкоголь, тем успешнее делается политика. Взять, к примеру, митинги, большие собрания где-нибудь в просторных залах: тут во время речи народного вождя, вождя партии не посмеешь кашлянуть либо чихнуть — на вас тотчас зашикают. Но официант, который разносит кружки с пивом, беспрепятственно кричит в толпу: «Кто хочет пива, платите сразу!» Тогда умолкает даже оратор, ожидая, пока пиво будет роздано, собрание угомонится...

И смелые идеи снова
Нас поведут на бой суровый...

Алкоголь действует возбуждающе на политическое самосознание, вызывает этакое приятное волнение в душе, и она становится восприимчивей к словам оратора: алкоголь—это своего рода предпосылка для сохранения дисциплины в политических партиях. Ради кружки пива человек отдаст за вас душу. Так бывало когда-то. Нынешние политические вожди сами пьют пиво за чужой счет. Таким образом, деятельность политических группировок всегда ограничена трактиром, и совершеннейшими утопистами являются те, кто воображает, будто можно построить просторные здания со специальными залами для народных собраний и лекций, где не подавались бы народные напитки, в особенности ви-

но и пиво. Это означало бы конец политических партий. Политика отошла бы в область минувшего, ибо на такое собрание являлся бы только оратор, да и то с бутылкой коньяку в кармане. Сегодня без пива устраивают сходки одни реалисты *. У них, собственно, тоже был свой зал в одном из ресторанов, но их трезвенность погубила ресторан — и вот почему: стоило заглянуть сюда нереалисту и увидеть на столах одну содовую воду, как его осеняла мысль: «Черт побери, тут, наверное, отвратительное пиво». Кроме того, реалисты и за содовую-то воду задолжали, а некоторые не заказывали даже содовой, а приносили с собой бутылочку кефира. Ко всему прочему в реалистической партии в ту пору возникло вдруг направление чешских братьев и вегетарианцев. Чешские братья употребляли в пищу овощи и страдали расстройством желудка; они осаждали уборную. С такой компанией дело иметь хлопотно, и трактирщик их выставил.

Таким образом, идея собраний и докладов без алкоголя не увенчалась успехом. Самые великолепные доклады могут наполнить радостью душу трактирщика лишь в том случае, когда у него есть основание воскликнуть: «Ах, если бы народ всегда так жаждал образования, как вчера, — сколько пива можно было б распродать!»

Я подчеркиваю все это только потому, что и в те времена, когда возникала наша партия, трезвенники всем внушали отвращение, их преследовали, и мы, члены новой партии, не желая бросать вызов всеобщему мнению о необходимости алкоголизма, тоже плыли по течению и снимали залы для собраний там, где подавали хорошее пиво. Это было неременным условием. Если новорожденный вспоен густым молоком, то он здоров душой и телом. Каждая новорожденная партия должна избирать для своих собраний исключительно те заведения, где есть пиво высшего качества, иначе она не только не умножит число своих членов, но, наоборот, растеряет имеющихся, ибо алкоголь — млеко политики.

Почему у христианских социалистов так мало приверженцев в Праге? Потому что они собираются там, где продается пиво виноградское или коширжское. Если бы христианские социалисты перебрались в трактир с пивом велкопоповицким, смиховским или браницким, то

и католический дух глубже проник бы в нутро тех, кто сейчас относится к вере прохладно, питая предубеждение против виноградского пива. Дайте им смиховское пиво — и они грудью встанут за веру отцов!

Любопытно, что национально-социальная партия собирается в трактирах с надписью над входом: «Выдержанное смиховское пиво»; а уже под этой вывеской значится: «Местная организация национально-социальной партии».

Конечно, не каждый год смиховскому пивоваренному заводу удастся выпустить первосортное пиво.

Во времена, когда учреждалась наша партия, члены партии государственного права и радикалы — это необходимо отметить как характерный факт политической ситуации той эпохи — обосновались в трех пражских пивных, где подавалось прачское пиво. Иностранец не поймет игры слов: «радикал» и «прач»¹.

А какое пиво выбрала для своих политических целей партия умеренного прогресса в рамках закона? Велкопоповицкое, смиховское и пльзеньское. Позже, по мере роста партии, мы пивали и другое пиво, но всегда высшего качества. Из вин наша партия пила: далматские, итальянские, крепкие испанские, тонкие австрийские, а иногда и венгерские. Из ликеров и водок мы употребляли сливовицу, ром и брусничную наливку. Заглавные буквы этих слов составляют СРБ, и мы говорили: «Хлебнем-ка Свободы, Равенства и Братства». Наши центры находились в ресторане «У золотого литра» на улице Манеса, «У свечки» и в «Славянском кафе».

«У золотого литра» мы собирались все. Три потока сливались в единое могучее целое, и тут дебатировались различнейшие вопросы. Это были наши общие собрания. Взяв в основу заметки тогдашнего протоколиста комитета партии Боучека * (он же владелец «Нового издания» * и собрания превосходных книг), я и обрисовал одно из таких наших собраний.

¹ Драчун, забияка (чешск.).

КАЗНАЧЕЙ ПАРТИИ ЭДУАРД ДРОБИЛЕК *

Я вынужден с сожалением констатировать, что ни один из тех литераторов, которые принадлежали к нашей компании, не завоевал такого безграничного уважения, какое выпало на долю простому человеку из народа, моему другу Эдуарду Дробилеку.

Прошрое его было необычайно пестрым. Рано потеряв родителей (это обстоятельство всегда сопутствует пестрому прошлому, когда жизнеописанием выдающегося человека занимается такой прославленный писатель, каковым являюсь я), он остался один-одинешенек посреди бурного водоворота жизни и в один прекрасный день отправился пешком к своему дядюшке, куда-то за Лабу, около Мельника.

И с чем же встретился он на своем пути? Ожидало ли его романтическое приключение в той ночной мгле, которая окутывала прилабскую долину, когда Лаба, вышедшая из берегов, бушевала, разбивая свои волны о берега, коих, собственно говоря, не имела, поскольку еще не вошла в берега? Дробилек встретился с жандармом.

— Куда изволите? — спросил он Дробилека с тем тонким сарказмом, на какой способен только жандарм, столкнувшийся в ночное время с подозрительным субъектом, за какого явно можно было почитать и моего приятеля.

Дробилек же весьма учтиво произнес:

— А вы куда путь держите, ваше благородие?

— Я иду в Нератовицы, — ответил удивленный жандарм.

— О, это поразительное совпадение: я иду как раз из Нератовиц.

— Скажите,— спросил жандарм,— как там, у Сеземских, трактир еще открыт?

— Вы хотите идти в трактир! — воскликнул Дробилек.— Вы осмеливаетесь пренебречь распоряжением военного министерства, согласно которому прямая обязанность жандарма днем и ночью, без перерыва, быть на ногах, отказавшись от всяких светских удовольствий, ибо как раз в этих светских радостях и коренится опасность, что из-за них он будет не в состоянии исправно нести свою службу!

Вот, например, сейчас вы спросили у меня, открыт ли еще трактир у Сеземских. А ведь вы, милостивый государь, даже не знаете, кто я. И я вправе предположить, что вы вовсе и не жандарм, а переодетый мошенник. Потому что, будь вы жандармом, вы ни за что ни у кого не стали бы спрашивать ночью на дороге, открыт ли где бы то ни было трактир. Вашим первейшим святым долгом было потребовать у меня документы и, если бы таковых не оказалось, арестовать меня и отвести в ближайшую жандармскую караулку, составить там на меня протокол, и если бы выяснилось, что я подозрительная личность и бездельник, вы обязаны были бы, согласно инструкции, доставить меня к окрестному суду, где я и был бы судим за бродяжничество... Я буду на вас жаловаться!

— Но, ваша милость...

— Никаких титулов! Я пока еще разговариваю с вами, как ваш друг... Вы военного министра знаете?

— Не имел чести, ваша милость.

— Тем хуже для вас! И вам не известно его последнее предписание от 12 мая 1901 года?

— Прошу прощения, ваша милость, не известно.

— Так вы, следовательно, не знаете того самого предписания, в котором сказано, что если жандарм встречается ночью на своем участке неизвестную ему подозрительную личность, он обязан не только потребовать у нее документы, но и осведомиться: «Сколько изволите иметь при себе денег?»

И тут я вытащил бы свой кошелек и сказал: «У меня всего два крейцера, или, вернее,— исходя из министер-

ского распоряжения о новых денежных знаках от третьего мая 1900 года,— четыре геллера».

И вы, значит, не знаете также, что у нас, в Австрии, каждый путешествующий обязан иметь при себе по крайней мере четыре кроны пятьдесят геллеров? А поскольку у меня всего лишь четыре геллера, мне недостает до оной, установленной законом суммы четыре кроны сорок шесть геллеров, которые вы и должны сейчас мне предоставить, хотя я вас и не знаю и мне лишь известно, что вы не выполняете как следует своих обязанностей, за что можете получить дисциплинарное взыскание.

— У меня с собой только пятикронка,— малодушно произнес жандарм.

— И вот ее вам и придется отдать,— ответил Дробилек.

Жандарм достал свой кошелек и вдруг победоносно воскликнул:

— Оказывается, тут есть еще и мелочь! Сколько, изволили вы сказать, вам недостает до установленной законом суммы?

— Четыре кроны сорок шесть геллеров.

И при свете карманного электрического фонарика жандарм полностью выплатил Дробилеку требуемую сумму.

Вот так и явился Дробилек к своему дядюшке с жандармским «пособием» в кармане...

Говорят, что с той поры этот жандарм — а зовут его Франтишек Когоут — оделяет всех подозрительных субъектов, встречающихся ему ночью во время служебного обхода, по четыре кроны сорок шесть геллеров и что за время, пока существует наша партия умеренного прогресса в рамках закона, он полностью разорился и собирается в ближайшее же время уйти из жандармерии и изображать по ночам подозрительную личность.

БАРЫШНЯ ЗЮССОВА *,
ЧЕШСКАЯ ДЕВА ОРЛЕАНСКАЯ

У Жанны Д'Арк нашлась последовательница и в Чехии. Партия умеренного прогресса росла, и нам, как явствует из двух предыдущих глав, приходилось бороться за жизнь этой партии на всем обширном пространстве, отделяющем чешскую землю от Адриатического моря.

А в это время в доме под вывеской «У золотого литра» восседала спокойно барышня Зюссова.

«Süss», или, как теперь пишется, «Sis», означает в немецком языке нечто сладкое, точнее, саму сладость.

Но когда барышня Зюссова начала выступать в чешской литературе, получив волею судьбы в свои руки журнал Выдры «Беседы», ее голос внезапно изменился.

Говорят, в Китае бывают случаи, когда курица становится петухом. Так и барышня Зюссова, став редактором «Бесед», сказала вдруг Г. Р. Опоченскому, входящему в ее редакционный кабинет, громоподобным басом: «Прошу».

«Что это за мужчина за дверью?» — подумал Г. Р. Опоченский, явившийся в редакцию «Бесед» со своими стихотворениями о несчастной любви, и постучал снова.

— Прошу войти, — снова раздался раскатистый низкий бас за дверью.

Опоченский вошел и, к удивлению, установил, что за письменным столом восседают особа мужского пола в женском платье с коротко стриженными волосами, вновь спросившая низким голосом:

— Что вам угодно?

Как сообщил нам позже Г. Р. Опоченский, он никак не мог объяснить себе странное поведение упомянутой особы мужского пола, переодетой в женское платье, и ему пришло в голову, что барышня Зюссова попросила своего младшего брата, редактора младочехов, заменить ее на какое-то время. И этот преданный брат переоделся в женское платье, даже подложил бюст и в таком виде принимал редакционных посетителей.

Г. Р. Опоченский обратился к переодетому подобным образом брату барышни Зюссовой:

— Разрешите попросить вас, уважаемый господин редактор, любезно передать мои стихи вашей сестре.

— Сестрой этого упомянутого брата являюсь я сама,— заявила басом особа за письменным столом,— и что это вам в голову пришло, не спятили ли вы?

Исполненный ужаса, Опоченский подал этому загадочному существу свои стихи и мгновенно скрылся.

На улице он пришел в себя и подумал, что заходил, собственно, за авансом.

Тогда Густав Р. Опоченский вернулся, снова постучал в дверь, и снова ему басом сказали:

— Войдите!

Опоченский вошел, дрожа всем телом.

— Я бы попросил, господин редактор, пardon, госпожа редактор, небольшой авансик. Как раз сейчас я испытываю...

— Финансовые затруднения,— прозвучал бас за письменным столом.

— Совершенно верно, финансовые затруднения.

— И вы, господин Опоченский, хотите получить аванс за стихи?

— Очень хочу, как не хотеть.

— Достаточно вам, господин Опоченский, пятнадцати крон?— вновь сказали ему басом.

— Разумеется, достаточно, господин редактор, пardon, барышня редактор.

— Вот вам чек, и помните, что я женщина!

— Буду помнить, что вы изволите быть женщиной,— сказал Г. Р. Опоченский, сжимая в руке чек на пятнадцать крон.

И, подойдя поближе к существу, сидевшему за письменным столом, приложился к его руке и сказал:

— Целую ручку, барышня.

Эта барышня была не кто иная, как чешская дева Орлеанская, чешская Жанна Д'Арк, барышня редактор и писательница, женщина, презиращая всякие флирты, добродетельная и как литератор и как редактор, святая дева Зюссова.

Рассказывают, что как-то на нее напали трое грабителей. «Барышня!» — промолвил один из них. «Что вам от меня угодно, негодяи?..» — воскликнула она низким голосом, от которого тополя дрожат, как осиновый лист.

Грабители в испуге скрылись, оставив свои чемоданы.

И еще одно чудо свершилось с чешской девой Орлеанской.

Однажды, бродя в одиночестве по лесу, она распевала арию из «Далибора» *. Поблизости оказался директор оперы Национального театра, который собирал в лесу грибы и услышал это прекрасное пение. И по сей день он разыскивает этот бас, мечтая предоставить ему ангажемент в Национальном театре.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПИСАТЕЛЬ ЧЕШСКИЙ ЯРОСЛАВ ГАШЕК

Поскольку, описывая историю партии умеренного прогресса в рамках закона, я не раз касался своей особы, то теперь чувствую необходимость отбросить ненужную скромность и перед лицом всей общественности подвергнуть себя беспристрастной критике.

Как руководитель партии умеренного прогресса в рамках закона и ее кандидат, я должен оценить свои дела как можно объективнее и, одновременно, как можно обстоятельнее, чтобы не упустить ни одной примечательной черты моего характера. В моей жизни действительно бывают минуты, когда я, в восторге от какого-нибудь своего деяния, шепчу про себя: «Боже мой, какой я молодец!» Но какой мне от этого прок, если о том не узнает мир? Мир должен прийти к тому же выводу, и человечество должно оценить меня по заслугам: не только мое замечательное дарование и огромные способности, но главным образом мой чудесный талант и необыкновенно цельный характер. Конечно, могут спросить, почему я не попросил кого-нибудь другого написать панегирик обо мне, почему я, насилуя свою скромность, восхваляю себя сам?

Отвечаю: потому что я знаю себя лучше и наверняка не напишу о себе ничего, что не отвечало бы правде,— ибо смешно писать о самом себе, преувеличивая. Поэтому, когда надо похвалить себя, я употребляю самые скромные выражения; однако я решительно придерживаюсь того мнения, что скромность украшает мужчину,

а настоящий мужчина не нуждается в приукрашивании, следовательно мы не должны быть скромными чрезмерно. Отбросим наконец всякую сентиментальность, из-за которой нас прозвали «голубиным народом» *, и станем настоящими мужчинами. Признаемся открыто, без ложного стыда в своих чудесных качествах! Как прекрасно, что я смело могу сказать: «Сударь, я — гений!» В то время как неуместно скромный человек сказал бы: «Сударь, я — осел».

Умный и ловкий человек всегда лезет вперед и сам разносит о себе славу, а застенчивый сидит в клозете, пока его более счастливый собрат, оценив себя по заслугам, находит себе применение в общественной жизни. Застенчивость — худшая черта человеческого характера. Это — обман, прикрытый личиной скромности; и с моей стороны — со стороны человека, имеющего огромные заслуги в развитии всей чешской литературы и общественной жизни,— было бы позором и преступлением перед чешским народом оставить его в неизвестности, гений я или нет.

Поэтому я скажу очень просто: в истории человечества можно назвать только одного всесторонне одаренного человека, и это — я.

Вспомните хотя бы некоторые из моих необычайно талантливых рассказов. Что вы увидите, перелистав страницу за страницей? В каждой фразе заключен глубокий смысл, каждое слово на своем месте, все в полном согласии с действительностью; если я рисую пейзаж, вы видите его как на фотографии, а герои, которых я показываю вам в изумительно запутанном действии, стоят перед вами словно живые. Язык моих произведений великолепен — он превосходит своей чистотой даже язык Кралицкой библии *. Истинное наслаждение прочитать хотя бы строчку из моих трудов; и если вы сделаете это, то почувствуете, какое приятное чувство снисходит в вашу душу, как тепло станет вам на сердце,— и с этой минуты вы со счастливой улыбкой на устах всегда будете носить при себе мою книгу. Я не раз был свидетелем того, как люди с презрением откладывали журнал, если в нем не было ни одной моей строчки. Да и сам я нередко так делал, ибо также принадлежу к числу своих поклонников и нисколько в том не таюсь. Каждый мой

труд, выпущенный из печати, читает мне вслух моя супруга Ярмила, самая милая и интеллигентная женщина на свете; и нет такой фразы, которая не вызвала бы у меня возгласа вполне заслуженного восхищения: «Великолепно, прекрасно! Что за голова у этого Ярослава Гашека!»

Я останавливаюсь на этом мимоходом и только потому, что это — превосходное доказательство того, с каким восторгом встречают мои литературные труды широкие круги читателей. Я убежден, что тысячи читателей издадут, как и я сам, возгласы восхищения; и это восхищение дорого мне потому, что оно исходит из сердец глубоко интеллигентных людей, для которых я навсегда останусь величайшим писателем мира. Я — живое доказательство того, насколько лживы утверждения, распространяемые нашими недобросовестными критиками, будто в Чехии нет ни одного писателя с мировым именем.

Теперь я приступаю к краткой оценке моего характера. Человек, пишущий прекрасные вещи, как я, должен обладать и прекрасной душой. На будущих выборах в имперский совет мне несомненно представится возможность как депутату, избранному единогласно от одного или нескольких округов, избавить австрийский парламент от позора, который заключается в том, что среди австрийских депутатов еще ни разу не заседал благороднейший муж Австро-венгерской империи! Я думаю, нет нужды пояснять, что, говоря о благороднейшем муже, я подразумеваю себя. В заключение я со всей определенностью заявляю, что все написанное здесь также является одним из моих великих благородных деяний, ибо что может быть прекраснее, чем деяние, когда человек совершенно бескорыстно возносит кого-нибудь на вершину славы? Сия глава несомненно откроет глаза многим, кто, может быть, рассматривает эту книгу, эту великую летопись лишь как собрание пасквилей, порочащих многочисленных общественных деятелей. Если эти строчки покажутся вам пасквилем — тогда, честное слово, я не знаю, что такое пасквиль!

АФЕРА ПЕЛАНТА

Спросите о Кареле Пеланте любую старушку из тех, что подписываются на «Святого Войтеха», «Крест» или «Марию»*, — она сначала перекрестится, высморкается и только после этого прошепелявит, что уж неведомо сколько времени молит господа о спасении души этого разбойника.

Неужели Карел Пелант был разбойником? Ответ на этот вопрос не представляет особого труда: он не верил в бога и в то время, о котором идет речь, как раз собирался выехать в Америку, чтобы отвратить окрещенных индейцев от веры в этого так тяжело им доставшегося господа бога. Деньги на сей вояж он получил от «Свободной мысли», которая была тогда в зените своей славы, поскольку в Праге только что прошел съезд свободомыслящих и приуроченная к нему грандиозная демонстрация, которую возглавляли Пелант, Лоскот, Бартошек и Юлиус Мыслик...

Итак, в один прекрасный день по улицам столицы двинулась процессия чешского католического люда, направлявшегося на Градчаны, чтобы почтить архиепископа. Это была манифестация стариков и старух, министрантов и ризничих; гнусавые голоса тянули: «Тебе бога хвалим!»

Процессию сопровождали четыреста полицейских. Я видел даже одного стражника, который, идя возле людского потока, настолько забыл о своих обязанностях, что по доброте душевной тоже начал подтягивать: «Тебе бога хвалим!»

Но в то же самое время по Праге шествовало и около тридцати тысяч иных людей, которые пели социалистические песни и кричали: «Слава небесным козам!» *

Набожные старушки, осмелевшие под бдительной охраной полиции, грозили им зонтиками... Но на углу Проспекта Фердинанда один молодой полицейский чиновник, решивший, что старухи грозят ему, приказал шествие разогнать.

Противники господа бога воспользовались этим и, смешавшись с благочестивыми душами, начали бурно протестовать против действий стражников и кричать: «Шествие к архиепископскому дворцу было разрешено полицией!»

И два потока слились воедино. Только теперь уже верующие и неверующие шли не отдельно друг от друга: «безверцы» подхватили под руки старых бабушек и дедушек и под пение «Красного знамени» дружно двинулись на Градчаны, к архиепископскому дворцу.

Я сам тащил за собой сторожа из костела св. Степана. Дедок громко читал вслух «Отче наш». А когда мы ревушей громадой, из которой время от времени неслись выкрики «Долой церковь!», приближались к Карлову мосту, он решил, что пришла его последняя минута, и затрясся, как осина, ожидая, что вот-вот все верующие будут сброшены в реку подобно Яну Непомуцкому *.

Пелант вел под руку пожилую даму с огромным крестом на груди — тертиарку ордена «Доминиканской розы» и уговаривал ее порвать с религией. А та в ответ пищала:

— Люди добрые, этот безверец все время пристает ко мне!

Наконец эта буйная толпа, под грозный рев антирелигиозных песен, протащилась через Нерудову улицу и, разлившись вширь и вдаль перед архиепископским дворцом, моментально стихла. Толпа тоже может иногда быть юмористом!

Старые бабки, костельные ризничии и члены Марианской конгрегации *, рассеянные среди гнусных безверцев, подобно белым водяным лилиям на смердящей воде пруда, возвели глаза к окнам дворца, и над площадью Града разнеслось пение папского гимна.

Так было предусмотрено программой. Это пение должно было послужить архиепископу сигналом покинуть свое укрытие за портьерами и выйти на балкон. Он так и сделал. Но как только этот добрый пастырь появился на балконе, раздалось громовое «Позор!», и архиепископ посылал свое пастырское благословение многотысячной толпе, грянувшей враз, как по команде, «Красное знамя».

Неожиданно в этот хаос звуков ворвался писклявый голос убогой дамы-тертиарки, которая, подняв свои слезящиеся глаза на освещенную солнцем фигуру его святейшества, возопила:

— Ваше преподобие, он меня щиплет!

Одновременно прозвучал негодующий протест Пеланта:

— Это неправда, граждане!

Тут в толпу врзались конные полицейские и стали ее разгонять. Они немилосердно расправлялись со всеми, невзирая на то, веруют они в бога или не веруют. И дивным промыслом Божиим захваченные ими пятнадцать человек все, как на подбор, оказались членами Марианской конгрегации.

Трогательно было видеть, как мужественно двинулись эти окруженные стражниками мученики к полицейскому участку. Шествие страстотерпцев возглавлял муж, который всю свою жизнь посвятил охране католической религии; два стражника вынуждены были держать его за шиворот, а он, вырываясь из их цепких рук, продолжал петь «Тебе бога хвалим!».

— Вы своего господа бога хвалите дома! — внушали ему полицейские. — А здесь не орите!

Вскоре внизу, под Градчанами, произошла новая стычка. В общей свалке Пелант потерял свою даму, а часть верующих, алчущих после перенесенных испытаний духовной утечи, хлынула в Тынский храм на Староместской площади и застыла там в благоговейной молитве, пока по храму не распространилась ужасающая вонь от разбрасываемых кем-то среди благочестивой толпы вонючих бомбочек. Служба была прервана...

Впоследствии «Чех»* утверждал, что виновником сего святотатства был Пелант.

Это и была афера Пеланта.

РЕВОЛЮЦИОНЕР ЗИГЛОЗЕР *

В период нового политического оживления мы, первые члены новой партии, не раз встречались с революционером Зиглозером. Это был очень подвижный человек, регулярно посещавший «Славянское кафе», где он с большим интересом следил за нашими разговорами, каждый раз заканчивая беседу словами:

— Да, вот когда я был в «Омладине»...

Элегантно одетый, с тщательно нафиксатуренными усами, в элегантных ботинках, в костюме самого модного покроя, из самого модного материала, он умел изысканными манерами, словечком «камрад», которому придавал легкий оттенок дружеской преданности, расположить к себе многих, тем более, что о нем говорили: «Этот был в «Омладине»!» Помню, несколько лет назад, когда наша партия еще не существовала, мы с приятелем Станиславом Минаржиком *, — в то время его только что выгнали из Коммерческой академии, — и Гаеком из Домажлиц сидели в кафе у Тумы. Минаржик вперил взгляд в одну точку: точкой этой был революционер Зиглозер, который в тот момент протирал пенсне. Вдруг Минаржик воскликнул:

— Да это же Зиглозер из «Омладины»! Будь в Чехии побольше таких людей, Коммерческой академии была бы крышка.

Зиглозер между тем спокойно допивал свою чашку черного кофе, и все его революционное существо было поглощено одной мыслью: к какой фирме направиться с предложением партии коньяка, ибо, хотя в душе он и оставался революционером, в практической жизни у него было другое занятие — посредничество при продаже

коньяка и этикеток на всякого рода товары и, кроме того, издание журнала «Женское обозрение».

Как он до этого дошел — история хотя и мрачная, но отнюдь не революционная. Кому-кому, а уж Зиглозеру лучше знать, к какой уловке он прибег, чтобы заполучить этот журнал из рук первоначального владельца. Как бы там ни было, но этот старый революционер стал владельцем «Женского обозрения» и привлек к работе в журнале нескольких дамочек и учительниц, которым нечего было делать, кроме как решать женский вопрос — весьма забавное занятие, если принять во внимание, что о мужском вопросе никто даже и не помышляет. При всем том Зиглозер правильно рассчитал, что положение владельца этого журнала дает ему доступ в круги, провозглашающие право и справедливость; и вот, обходя различные фирмы в качестве торгового представителя, он добивался свидания с владельцами чешских магазинов, — если там еще помнили историю «Омладины», — и ошеломлял доверчивого человека такой примерно тирадой:

— Простите за смелость, но мне хотелось бы узнать, что стало с вашим двоюродным братом Карелом Ваньгой? Ах, у вас никогда не было никакого двоюродного брата Карела Ваньги? Но ведь еще так недавно нас вместе с ним судили по делу «Омладины». Странно, неужели я ошибся... Ведь мы оба (моя фамилия Зиглозер) — старые омладинцы. Да, то было время юношеской восторженности, но, увы, многим из этих восторженных молодых людей пришлось за это горько поплатиться. Мрачные тюремные своды вызывали у них самые различные болезни; там не только не заботились о том, чтобы молодые люди получали здоровую, укрепляющую пищу, они не имели там даже надлежащего врачебного наблюдения!

Из всех нас более или менее повезло одному лишь Карелу Ваньге. Бледный молодой человек с высоким лбом, он завоевал симпатии тюремного врача в Борах, и тот прописал ему литр молока с коньяком в день. Карел попивал молоко с коньяком, и все шло хорошо, как вдруг однажды в сопровождении тюремного врача в камеру явился сам начальник тюрьмы. Как сейчас помню, тюремный врач потянул носом воздух раз-другой и говорит: «Тут пахнет самой настоящей сивухой!» Подходит он ближе к столику, на котором стояло молоко с конья-

ком, прописанное другу Карелу, нюхает посудину, подзывает директора,— директор пробует содержимое и прямо при нас открыто распекает старшего тюремного надзирателя за то, что это самый заурядный венгерский коньяк, а вовсе не дистиллят из вина какой бы то ни было фирмы и что сюда добавляют еще чистый спирт. Тогда я впервые услышал, что самые лучшие коньяки— французские, и, выйдя из тюрьмы, позаботился получить исчерпывающую информацию. У меня было много приятелей, которые познакомили меня с главным торговым представителем крупной французской фирмы «Братья Моншон»,— и я, ввиду сложившихся тогда обстоятельств, был вынужден, по крайней мере для начала, принять его предложение о сотрудничестве — с целью пропаганды французского коньяка в Чехии. Ибо вы не можете себе представить, милостивый государь, какими глазами смотрели на нас, когда мы после долгих страданий вышли на свободу! С течением времени я, разумеется, привык к своему новому занятию и продолжаю его скорее из чувства пиетета к прежнему юношескому воодушевлению и к провозвестникам тех здоровых политических тенденций, которые ныне проявляются в действиях любой политической партии, ибо то было, по существу, время возрождения чешской политики. И я твердо, по собственному опыту, знаю, что в настоящее время коньяк фирмы «Братья Моншон»— самый лучший и по цене может конкурировать с самыми дешевыми венгерскими коньяками. По всем этим причинам позволю себе рекомендовать вам, как опытному специалисту, следующие марки: коньяк двадцатилетней выдержки, литр — четыре кроны двадцать геллеров *franko emballage*¹, десятилетней выдержки — четыре кроны, пятилетней — две кроны восемьдесят геллеров, *franko* Прага. За посуду берется полпроцента. Оплата производится и прензии принимаются в Праге.

И, устремив на торговца взгляд своих добрых глаз, сей старый революционер и оmlадинец говорил:

— Итак, запишем пока для пробы по пятьдесят литров каждого сорта. Идет? — И с подписанным заказом он выходил из магазина, насвистывая «Марсельезу».

¹ С доставкой на дом (франц.).

МАНИФЕСТ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА, ИЗДАННЫЙ К ПОСЛЕДНИМ ВЫБОРАМ

Сразу после роспуска имперского совета наш исполнительный комитет (помещается он в «Кравине»* на Краловских Виноградах) решил принять самое активное участие в избирательной кампании и выставить собственного кандидата; так в «Кравине» появился следующий манифест:

«Народ чешский!

Еще в 1492 году Колумб отплыл из *Янова* с целью открыть Америку. С тех пор прошло несколько столетий, и если мы видим ныне прогресс в стране, открытой Колумбом, то можем с полным правом утверждать, что прогресс этот не мог произойти внезапно, насильственным путем, и что с того исторического момента, когда знаменитый чех Колумб открыл Америку и отплыл из *Яновиц*¹, прогресс развивался мирным путем, в рамках закона, и что Америка ни в коем случае не достигла бы своего теперешнего уровня цивилизации, если б она не была открыта Колумбом. Но Колумб не побоялся ее открыть и уже тогда, руководствуясь принципом «умеренного прогресса в рамках закона», испросил раз-

¹ Игра слов: Янов — по-чешски Генуя, Яновицы — местечко в юго-западной Чехии.

решения властей и, чтобы не доводить дело до крайности, подплыл всего лишь к окраине Америки. Только после него какой-то американец открыл весь материк, названный в честь него Америкой. Потом еще надо было истребить индейцев, ввести рабство и таким образом постепенно, понемногу, всюду внедрить прогресс; и теперь, наконец, мы видим, что через несколько столетий Эдисону удалось изобрести фонограф. Если бы Колумб не отправился в Америку и вообще не решился бы на свой туристический поход, индейцы и по сей день дрались бы друг с другом, у нас не было бы даже фонографа, а у вышеупомянутого государства — источника доходов и табачной монополии; простой народ по деревням не мог бы варить своих картофельных клецок, мы не знали бы, что такое картошка и водка из нее, — короче говоря, на земле не настало бы благоденствие.

Но Колумб решился и открыл Америку, ибо ему был известен прекрасный девиз чехов: «Решился — и попал пальцем в небо».

Вот и мы предлагаем тебе, народ чешский, новую программу, и мы решили создать новую политическую партию, — и уверены, что все пойдет так, как сказано в польской пословице: «Из маленькой искры можно раздуть большой пожар».

Народ чешский! Чехи! Соотечественники!

Колумб тоже не знал, какие плоды принесет его путешествие в Америку, чем кончится его предприятие, какие великие исторические события его ознаменуют. Он не знал, что его экспедиция к берегам неизвестной Америки будет увенчана миллиардным завещанием благородного Карнеджи * в пользу американских университетов.

Так и мы, создав новую политическую партию, еще не знаем, да и не можем знать, что хорошего совершит она для человечества и особенно для тебя, дорогой народ чешский!

Всех вас, наверное, интересует политическое кредо нашей партии, ее программа. Что же может быть прекраснее лозунга, который наша новая партия начертала на своих знаменах: «Умеренный прогресс в рамках закона».

Граждане! Чехи!

Памятуя, что закон охраняет каждого человека от насилия, мы вверили нашу программу хранительным крылам закона, а так как все законы с течением времени претерпевают у нас изменения — то есть развиваются рука об руку с умеренным прогрессом,— то сей умеренный прогресс стал центром нашей программы. Ибо совершенно немыслимо, чтобы младенец превратился во взрослого мужчину каким-то насильственным способом,— он может стать им лишь путем естественного развития, вырастая день за днем, год за годом.

Народ чешский!

Прежде чем ты попал под власть Габсбургов, должны были появиться на свет Пршемысловичи, Ягеллоны, Люксембурги *, и только впоследствии, через века, ты очутился под владычеством Габсбургов. Точно так же и мост Сватоплука Чеха * построен не за одну ночь, а сначала должен был родиться, стать знаменитым и умереть Сватоплук Чех, потом уже провели благоустройство береговых участков и только после этого построили мост Сватоплука Чеха.

Народ чешский!

Чешская нация может похвалиться многими партиями, которые будут тебе твердить, что все это может произойти сразу, внезапно! Другие же партии, наоборот, скажут, что это вообще невозможно! Кому верить? Конечно, тем, кто заверяет тебя, что все это свершалось путем умеренного прогресса в рамках закона.

Прага, апрель, год 1911.

За исполнительный комитет партии умеренного прогресса в рамках закона: Эдуард Дробилек, Драйшу, Ярослав Гашек, Йозеф Скружный *, Йозеф Лада *, д-р Богумир Шмераль *, Эмануэль Шкатула *, инж. Кун, д-р Новак, д-р Слабый *, полицейский комиссар».

ЛЕКЦИЯ О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖИВОТНЫХ

Уважаемое собрание, друзья, чехи, земляки!

Мы стали свидетелями поистине замечательного явления: в Чехии нашлась партия, у которой хватило смелости выступить с новой программой! Один из пунктов этой программы гласит: «Животные должны быть в конце концов реабилитированы!»

До сих пор животные обычно пользовались дурной славой.

Взять, к примеру, свинью. Свинья издавна слыла грязнулей. Если говорили: «Ты грязнуля»,— то это означало: «Ты свинья»,— и наоборот. Были даже целые нации, бойкотировавшие свиней,— например, евреи. Их пророк Моисей некогда утверждал, что употребление в пищу свинины влечет за собой половые недуги. Во времена Моисея многие евреи оправдывались именно этим. Только под влиянием христианства, уничтожившего все иудейские законы, свинина вошла в обиход, а католическая церковь, желая доказать, что Моисей был неправ, ввела даже трапезы из свинины.

Несмотря на это, свинья и поныне считается нечистоплотным животным, так как валяется в грязи, что, впрочем, бальнеологи рекомендуют и людям. Вспомним хотя бы Пиштяны и пиштянские грязи. В этих грязях для укрепления здоровья валяется даже аристократия, а ведь никому и в голову не придет назвать свиньей аристократа; д-р Кучера *, рекомендуящий этот способ лечения, тоже не грязнуля. И все же свиньи, давшие столь блистательный пример страждущему человечеству, про-

зьябают в презрении, а их имя — особенно теперь, в дни выборов, — служит ругательством, к которому прибегают многие, желая назвать своего противника бесчестным.

Но случалось ли вам когда-нибудь, уважаемые избиратели, видеть бесчестную свинью?

Посмотрите на розового поросенка за витриной мясной лавки — он даже после смерти улыбается тем, кто его съест. Разве в этом не проявляется недвусмысленно его характер? Хотелось бы мне знать, что сделали бы вы на его месте!

Не лучше обстоит дело и с другими животными, которых люди используют на благо себе, а кандидаты в депутаты — для ругательств. Те, кто часто посещает собрания избирателей, наверняка слышали возгласы, вроде: «Молчите вы, упрямый вол!»

Такие выкрики оскорбительны для определенного вида животных. (Я имею в виду, конечно, не кандидата в депутаты, — наоборот, я хочу сказать, что подобный эпитет, собственно, восхваляет кандидата, которому он адресован, ибо вол ценится гораздо дороже, чем кандидат. Вол весит по меньшей мере семьсот килограммов, кандидат не потянет и восьмидесяти. Продать вола вы можете за четыре сотни крон, а за кандидата не получите ни полушки.)

Мне пришлось также слышать, как на одном политическом собрании какому-то кандидату крикнули: «Собака!» Случись это со мной, я бы только поблагодарил за то, что меня удостоили имени благороднейшего из существ, и обещал бы, следуя примеру этого животного, таскать из Вены все ходатайства наших избирателей в виде поноски.

Итак, человеческое общество способно лишь на то, чтобы систематически оскорблять животных, скромным, славным собакам оно присваивает имена различных монархов: пса из молочной лавки, который терпеливо и добросовестно тянет тележку, назвали Нероном; крошечного крысолова, который никого не обижает и не тиранит, именуют Цезарем.

О собаках говорится с наибольшим презрением, потому что «собаками» обзывают людей. А ведь мы видим, что полицейские собаки, верно несущие службу безопасности, приносят огромную пользу всему человечеству.

ву. Следует поэтому реабилитировать животных, хотя бы в лице наиболее разумных представителей их царства... Неплохо было бы также привлекать к ответственности людей, оскорбивших полицейского пса, и наказывать их как за оскорбление должностного лица.

Так приложим же все усилия к тому, чтобы в будущем каждая политическая партия относилась к животным с истинным уважением и никогда не использовала их имен для разнузданной агитации в период избирательной кампании.

ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Ни одна политическая партия не развертывала такой агитации, как мы. Беседы и собрания избирателей происходили ежедневно, пока не настал тот памятный день, когда избиратели на Виноградах должны были доказать свою политическую зрелость, отдав голоса кандидату партии умеренного прогресса в рамках закона. Но, к сожалению, все, кто на первый взгляд сочувствовал новой партии, в последнюю минуту трусливо изменили знамени, которому присягали в «Кравине», и голосовали против. Только тридцать восемь человек в нашем избирательном округе держались мужественно и стойко до конца, не поддались на увещания кандидатов национальных социалистов и социал-демократов или партии государственного права * и отдали свои голоса кандидату партии умеренного прогресса в рамках закона, почетные функции которого возложили на меня.

Об этой горстке избирателей я всегда буду говорить с величайшим уважением, везде и всюду заявлять, что они вели себя как настоящие мужчины и приверженцы нашей партии. Этим тридцати восьми неподкупным борцам противостояло две тысячи девятьсот шестьдесят два фанатика, принадлежащих к трем вышеупомянутым политическим лагерям. Но тридцать восемь героев, исполненные гордости и воодушевления, уверенно шествовали к избирательной урне, чтобы, несмотря на все препятствия, продемонстрировать свои убеждения.

Я смело могу сказать, что они были пионерами новых идей, прекрасные, как Аполлон, и гордые, как... ну просто не знаю, как кто. История, вероятно, никогда не узнает их имена, хотя герои эти заслужили, чтобы человечество поставило им памятник,— людям, которые предвидели, что останутся на поле боя вместе со своим предводителем. Однако наше поражение во время по-

следних выборов — лишь залог будущих побед. Мы хотя и были разбиты, но все же одержали моральную победу, как выражаются реалисты, нас разделили под орех, но это было, как говорят младочехи, предвестием счастливого будущего. Только тридцать восемь человек голосовали за кандидата партии умеренного прогресса в рамках закона. Но я могу воскликнуть, как восклицает партия клерикалов, когда ее бьют, а именно: эти тридцать восемь голосов свидетельствуют о могучем росте нашей партии! Наше положение в «Кравине» напоминало положение укротителя хищных зверей. Напротив, с Коронной улицы, на нас смотрели окна избирательного участка партии государственного права, сплошь залепленного призывами: «Голосуйте за Виктора Дыка!» * На заднюю стену нашего избирательного участка в «Кравине» угрожающе скалились окна избирательного участка национально-социальной партии с сумасбродными воззваниями: «Голосуйте за Вацлава Хоца *!», «Голосуйте за самого лучшего человека на Кралоульских Виноградах!» А наш голос был гласом вопиющего в пустыне, где вокруг рычат львы; мы были как ароматный цветок, который со всех сторон душат сорняки. Мы были похожи на безвинного младенца, стоящего на крыше дома, вокруг которого бушуют грязные и мутные волны, готовясь потопить его. Мы казались себе невинной девой, попавшей в грязный притон и окруженной своднями. Нас охватило чувство, которое испытывает человек без штанов, нечаянно севший на ежа. А вокруг нашей маленькой цитадели гремели возбужденные голоса политических обскурантов, которые, прельстившись великопоповицким пивом, голосовали за Хоца или, соблазнившись смиховским пивом в трактире «У Либалов», выбирали Виктора Дыка. На нашем избирательном участке, к несчастью, угощали виноградским пивом, отчего нашим агитаторам приходилось то и дело бегать в уборную, — к этому и свелась вся их предвыборная агитация. Вдобавок наш избирательный участок помещался в трактире с названием «Кравин». Теперь представьте себе картину в целом: уборная, коровник ¹, партия умеренного прогресса в рамках закона, кандидат с сорванным голо-

¹ «К р а в и н» в переводе с чешского — коровник.

сом, непривычная политическая программа. Все это могло привести только к тому, что можно выразить французским словом «*débaclé*» — разгром. Тщетны были все наши призывы, развешанные и наклеенные на всех окнах избирательных участков: «Избиратели, протестуйте своими бюллетенями против землетрясения в Мексике!», «Раздадим нашим избирателям триста билетов сербской государственной лотереи, на которые можно выиграть пятнадцать миллионов франков золотом!..», «Каждый наш избиратель получит карманный аквариум», «Не голосуйте за бурша!..», «Избиратели! То, чего вы ждете от Вены, получите и от меня!»

Все оказалось напрасным. Перед нашим избирательным участком, правда, теснилась толпа, иной раз входили избиратели, выпивали кружку пива, бежали в уборную — и, вместо обещания отдать свой голос только мне, оставляли после себя лишь немного вони. А с соседних избирательных участков сообщали, что партии наших противников развернули бешеную агитацию. Нам пришлось вывесить плакат следующего содержания: «Требуется высоко нравственный юноша для распространения клеветы против наших конкурентов!».

Близился полдень. За окном появился большой лист бумаги с надписью: «Сегодняшнее меню, составленное исключительно для наших избирателей! Супы: королевский, шерри. Лосось под майонезом. Десерт: заливной хобот слона, бодяга, тушеный верблюжий хвост с морскими рачками, жареный морской конек с печеными водорослями. Фаршированный желудок кенгуру. Печень акулы. Заяц под голубым соусом. Паштет из соловьиных языков. Гнезда ласточки-салангана. Настоящие русские пироги. Сливочные кнедлики под шоколадным соусом. Татарский сыр из кумыса. Австрийские и венгерские вина. Виноградское пиво».

В час дня пришел один избиратель и заказал сырок. Это было плохим признаком. А в шесть часов мы потерпели поражение: перевес в пользу противника был огромен и составлял две тысячи девятьсот девяносто два голоса. И вместо того, чтобы принести нас на щите, нашего единственного избирателя увезли в гробу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Четвертый том Собрания сочинений Гашека включает в себя его рассказы 1910—1913 годов. В это время особенно заметное место в творчестве писателя занимает политическая сатира — отклики на текущие события политической жизни страны, сатирические портреты лидеров буржуазных партий, резкая критика австрийского милитаризма.

Несмотря на отсутствие у Гашека в предвоенные годы четкой политической платформы, критика буржуазных партий и австрийского правительства велась им с демократических позиций. Не удивительно поэтому, что в канун первой мировой войны Гашек начинает все активнее сотрудничать в социал-демократической печати, которая сближала его с рабочим читателем. Здесь он помещал наиболее значительные свои произведения («Забастовка преступников», «Чаган-Куренский рассказ» и др.).

Блестящим образцом сатиры писателя в канун первой мировой войны была его «Политическая и социальная история партии умеренного прогресса в рамках закона». Рассказы из этой книги выделены нами в особый раздел.

СПАСЕН

Журнал «Карикатуры» № 13, 5.I.1910 г.

НЕПРИЛИЧНЫЕ КАЛЕНДАРИ

Журнал «Карикатуры» № 14, 11.I.1910 г.
На русский язык переводится впервые.

Стр. 9. *...австрийский Катон* — Катон Старший, Марк Порций (234—149 до н. э.) — римский полководец, государственный деятель и писатель, прославился своей борьбой с Карфагеном, а также выступлениями против распушенности нравов римских патрициев. Его имя стало символом непримиримости к любым нарушениям законов морали.

...Тройственный союз — военно-политический союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, возникший в 1882 году; был направлен против России и Франции. Договор о Тройственном союзе возобновлялся в 1887, 1891, 1902 и 1912 годах.

...из-за Триеста и Тридента.— Триест — город на северо-востоке Италии, крупный торговый порт. Тридент — старинное римское название города Триента (в настоящее время — Тренто) в Северной Италии; со второй половины X века он входил в состав «Священной Римской империи», с 1810 по 1813 год находился под властью Франции, с 1813 по 1919 год принадлежал Австрии.

...новая Кустоцца.— В битве у Кустоццы — селения в Ломбардии — 24 июня 1866 года австрийские войска нанесли решительное поражение итальянской армии.

ВЕНА, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ МИНИСТРУ ФИНАНСОВ,
РЫЦАРЮ БИЛИНСКОМУ

Журнал «Карикатуры» № 15, 18.I.1910 г.

Стр. 12. Билинский, Леон (1846—1922) — министр финансов Австро-Венгрии в кабинете Бинерта (ноябрь 1908 — июнь 1911).

Стр. 14. ...на все земли Австро-Венгерского государства.— В состав Австро-Венгрии входили формально автономные области (земли): Чехия, Моравия, Галиция, Буковина, Венгрия, Словакия, Хорватия и др.

КАМЕНЬ ЖИЗНИ

Журнал «Карикатуры» № 16, 21.I.1910 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ХАМА,
СЫНА НОЯ

Журнал «Карикатуры» № 20, 22.II.1910 г.

Имитируя газетный отчет о судебных заседаниях, Гашек иронически обыгрывает библейскую легенду о всемирном потопе, во время которого на земле якобы погибло все живое, за исключением семейства Ноя и животных, спасенных им, по внушению бога, в своем ковчеге.

Стр. 21. Мафусаил, согласно библии, прожил 969 лет. Отсюда выражение «мафусаилов век» (долголетие).

В ЗАБРОШЕННОЙ УБОРНОЙ

Журнал «Карикатуры» № 21, 28.II.1910 г.

В ГАВЛИЧКОВЫХ САДАХ

Журнал «Весела Прага» № 4, 1.IV. и № 5, 1. V.1910 г.
На русский язык переводится впервые.

Стр. 28. «У Флеков» — старинная пражская пивная, упоминаемая уже в документах XV века; славится своим знаменитым черным «флековским» пивом.

Стр. 30. ...князь Виндишгрец, Альфред (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, командующий контрреволюционной армии

ей Габсбургов, посланной для подавления революции 1848—1849 годов в Австрии, Чехии, Венгрии.

Ригеровы сады расположены в восточной части Праги на стыке районов Жижков и Краловские Винограды.

МОНАСТЫРЬ В ВЕЦКОВЕ

Журнал «Карикатуры» № 26, 5.IV.1910 г.

Стр. 36. *Францисканцы* — члены католического так называемого нищенствующего монашеского ордена, возникшего в Италии в начале XIII века.

...в поисках остатков куманов.— Куманами в Западной Европе называли половцев — кочевой народ, появившийся на европейской территории в XI веке.

ТРАГИЧЕСКАЯ КОНЧИНА ГИМНАЗИСТА ПЕТИШКИ

Журнал «Карикатуры» № 29, 25.IV.1910 г.

Стр. 41. *Пршемысловичи* — древнейший чешский княжеский род, ведущий свое начало от первого чешского князя Пршемысла — супруга легендарной княгини Либуши. Ряд историков, относят его правление к VIII веку н. э.

«*Май*» — еженедельный литературный журнал (1902—1914) — орган издательского товарищества писателей «Май».

...пишет под псевдонимом «*Ян Трнита из Чимелиц*». *Аристократ*, так сказать.— «*Из Чимелиц*» — форма, указывающая на дворянское происхождение.

Павсаний — древнегреческий полководец (V век до н. э.); во время греко-персидских войн прославился победой над персами при Платеях.

...влюбился в дельфийскую прорицательницу — жрицу храма Аполлона в Дельфах (Древняя Греция), вещавшую от имени дельфийского оракула пророчества, обычно составляемые жрецами храма.

...приказал бичевать море.— Историческое предание приписывает «бичевание моря» не Павсанию, а персидскому царю Ксерксу (486—465 до н. э.), который во время похода на Грецию велел хлестать море плетью «в наказание» за то, что буря разметала его флот.

Стр. 42. *Нове Место* — один из центральных районов Праги на правом берегу Влтавы; с 1348 по 1784 год был самостоятельным городом.

Отовальский, Арношт — австрийский офицер, который во время Тридцатилетней войны (1618—1648) перешел на сторону шведов и помог им овладеть Малой Страной (в настоящее время — один из районов Праги на левом берегу Влтавы).

Стр. 43. ...убил нового *Кв. М. Выскочила*.— Квидо Мария Выскочил — чешский писатель, современник Гашека, которого Гашек неоднократно высмеивал в своих рассказах за сентиментальные, вычурные, далекие от жизни произведения.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ПАНА КАУБЛЕ

Журнал «Карикатуры» № 42, 26.VII.1910 г.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Журнал «Карикатуры» № 45, 15.VIII.1910 г.

СОЛИТЕР КНЯГИНИ

Журнал «Карикатуры» № 47, 29.VIII.1910 г.

СУП ДЛЯ БЕДНЫХ ДЕТЕЙ

Журнал «Карикатуры» № 49, 12.IX.1910 г.

ЗАБАСТОВКА ПРЕСТУПНИКОВ

Журнал «Копршивы» № 20, 29.IX. 1910 г.

Стр. 64. «*Право лиду*» — центральный орган чешской социал-демократической партии (1893—1948).

«*Зарже*» («*Заря*») — социал-демократический журнал (1897—1904), выходил три раза в месяц.

«*Копршивы*» («*Крапива*») — социал-демократический сатирический еженедельный журнал. Начал выходить с 1909 года. Перед первой мировой войной в нем сотрудничали крупнейшие чешские писатели: М. Майерова, И. Ольбрахт, И. С. Махар, Яр. Гашек, братья Карел и Йозеф Чапеки и др.

«*Пражске уржедни листы*» — правительственная газета.

Стр. 65. «*Народни политика*» — буржуазная бульварная газета (1883—1945).

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Журнал «Карикатуры» № 53, 10.X.1910 г.

Стр. 69. *Альпинс-Монтан* — крупное монополистическое объединение, сосредоточивавшее в своих руках значительную часть горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности Австрии.

Бедржиховские заводы — сталелитейные заводы в Моравии.

Зброевка — крупный военный завод в Брно.

Стр. 71. ...*завода доктора Кольбена* — крупный завод электротехнического акционерного общества в Праге.

ПОИСКИ УБИИЦЫ

Журнал «Карикатуры» № 55, 24.X.1910 г.

Журнал «Карикатуры» № 55, 24.X.1910 г.
На русский язык переводится впервые.

ТРАГИЧЕСКОЕ ФИАСКО ПЕВИЦЫ КАРНЕВАЛЬ

Журнал «Копршивы» № 22, 27.X.1910 г.

ПАДЕНИЕ КАБИНЕТА БИНЕРТА

Журнал «Карикатуры» № 1, 31.XII.1910 г.
На русский язык переводится впервые.

Стр. 88. ...как падение кабинета Бинерта.— Бинерт, Рихард (1863—1918) — австрийский государственный деятель, с 1908 по 1911 год — премьер-министр. Как и его предшественники (а с 1893 по 1906 год в империи сменилось девять правительственных кабинетов), Бинерт оказался не в состоянии примирить враждующие в парламенте партии, борьба которых отражала острые национальные противоречия, раздиравшие Австро-Венгрию, и вследствие оппозиции его пронемецкой политике со стороны депутатов славянских народов (главным образом чехов и поляков) вынужден был подать в отставку.

Иронически сопоставляя очередной правительственный кризис с любовными похождениями мелкого чиновника Юречка, а падение кабинета Бинерта — с «падением» барышни Блажены, Гашек высмеивает эту правительственную чехарду.

Венизелос, Элефтерий (1864—1936) — греческий буржуазный политический деятель, премьер-министр Греции в годы 1910—1915, 1917—1920, 1924, 1928—1932 и 1933.

...поляки в своем клубе дискутировали о водных путях.— Речь идет о сооружении канала между Дунаем и Одером, проект которого был принят в парламенте еще в 1901 году. Когда при утверждении бюджета на 1911 год верхняя палата отклонила статью расходов на строительство канала, Польский клуб (объединяющий депутатов всех представленных в парламенте польских партий) постановил настаивать на утверждении этой статьи. Парламентские споры о канале Дунай — Одер были одной из причин падения кабинета Бинерта.

Гломбиньский, Станислав (1862—1943) — польский экономист и политик, один из организаторов польской национал-демократической партии в Галиции и первый ее председатель. В 1902—1918 годах — депутат австрийского парламента и председатель национал-демократической парламентской фракции, в 1911 году — австрийский министр железных дорог.

Стр. 89. Фессалийские горы расположены в северо-восточной части Греции.

Крамарж, Карел (1860—1937) — крупный чешский фабрикант, депутат от младочешской партии в австрийском парламенте.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Журнал «Копршивы» № 1, 5.I.1911 г.

Стр. 90. ...князь *Оксенгаузенский*.— Оксенгаузен — бывшее свободное имперское аббатство в Германии, близ Вюртемберга. Гашека, несомненно, привлекла возможность использовать в сатирических целях смысловое значение этого названия («Ochs» по-немецки «бык», в переносном значении — «дурак», «глупец»).

Стр. 91. ...*после Турции и Португалии пришел черед княжества Оксенгаузен*.— 27 апреля 1909 года Национальное собрание Турции низложило султана Абдул-Хамида; в Португалии 1 февраля 1908 года был убит вместе с наследным принцем король Карлуш. Об этом событии Гашек упоминает в письме к своей невесте Ярилле Майеровой от 2 февраля 1908 года: «Посылаю тебе последний номер «Светозора» с моей американской юмореской и сообщешие об убийстве португальских тиранов».

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ

Журнал «Карикатуры» № 1, 9.I.1911 г.

Стр. 95. *Верхняя палата* австрийского Имперского совета (рейхсрата), созданная на основе конституции 1861 года, состояла из принцев крови, князей церкви, высшего дворянства, а также членов, пожизненно назначавшихся императором «за оказанные церкви и государству услуги».

Виндишгрец, Альфред (1851—1927) — президент верхней палаты австрийского Имперского совета в 1897—1918 годах, внук фельдмаршала Виндишгреца — душителя революции 1848 года.

МЯТЕЖ В АВСТРИЙСКОМ ФЛОТЕ

Журнал «Карикатуры» № 4, 24.I.1911 г.

Стр. 99. ...*моряки военного флота совершили в Португалии переворот*.— Речь идет о буржуазной революции в Португалии, в результате которой король Мануэл II (1889—1932) бежал в Англию, а в Португалии была провозглашена республика (5 октября 1910 года). Восстание во флоте было одним из эпизодов начинавшейся буржуазной революции.

...и в *Бразилии моряки военного флота пытались поднять мятеж*.— Имеется в виду восстание матросов бразильских военных кораблей 23 октября 1910 года.

Стр. 100. ...*австрийские мореплаватели открыли в Арктике Шпицберген и Землю Франца-Иосифа*.— Шпицберген открыт в XV веке русскими поморами, назвавшими его «Грумант». В 1596 году произошло так называемое вторичное его открытие голландским мореплавателем В. Баренцем. Австрийская экспедиция попала на Шпицберген лишь в 1871 году. Земля Франца-Иосифа была открыта в 1873 году австро-венгерской экспедицией, возглавляемой К. Вайпрехтом и Ю. Пайером.

Стр. 101. *Давле* — городок на реке Влтаве,

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИИ ЮБИЛЕЙ ГАЗЕТЫ
«НАРОДНИ ЛИСТЫ»

Журнал «Карикатуры» № 5, 30.I.1911 г.

«Народни листы» — чешская буржуазная газета (1861—1941); с 1874 года — центральный орган национальной партии свободомыслящих (младочежи).

Стр. 104. Кочий, Бедржих (1869—1955) — чешский издатель; в 1910—1915 годах — директор газеты «Народни листы».

СМЕРТЬ САТАНЫ

Журнал «Копршивы» № 5, 2.III. 1911 г.

Стр. 111. ...монахиня 3-го ордена св. Франциска.— Речь идет об организации «тертиариев» — особого направления внутри ордена францисканцев, члены которого не уходили в монастырь, а жили «в миру», обязуясь соблюдать определенные религиозные и нравственные правила.

В АДУ

Журнал «Карикатуры» № 11, 13.III.1911 г.

Стр. 115. ...в папеновых котлах... Папенов котел — паровой котел с предохранительным клапаном, изобретенный французским физиком Дени Папеном (1647—1714).

КАК ПАН МАЗУХА МСТИЛ ЗА ПОРУГАННУЮ
СУПРУЖЕСКУЮ ЧЕСТЬ

Еженедельник «Гумористицке листы» № 17, 14.IV.1911 г.
На русский язык переводится впервые.

НАСЛЕДСТВО ШАФРАНЕКА

Журнал «Карикатуры» № 17, 24.IV.1911 г.

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Журнал «Карикатуры» № 17, 24.IV.1911 г.

Стр. 124. ...князь Фридрих, властитель Вальдецкого княжества... Вальдек — небольшое княжество в Средней Германии; князь Фридрих правил им с 1893 по 1918 год.

СЕРДЕЧНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ИМЕНИНАМИ

Журнал «Добра копа» № 26, 5.V.1911 г.
На русский язык переводится впервые.

СЛУЖЕБНОЕ РВЕНИЕ ШТЕПАНА БРИХА,
СВОРЩИКА ПОШЛИНЫ НА ПРАЖСКОМ МОСТУ

Еженедельник «Гумористицке листы» № 21, 22.V.1911 г.

Стр. 131. *Брут*, Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, борец за республику, один из инициаторов заговора против Цезаря, принимавший участие в его убийстве. Имя Брута — символ принципиальности и неподкупности.

Стр. 132. *Марат*, Жан Поль (1743—1793) — выдающийся деятель Французской буржуазной революции, прославившийся своей непримиримостью к контрреволюционерам.

ИСПОВЕДЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗМЕННИКА,
ИЛИ ТАИНА ПЕТРШИНСКОГО БАСТИОНА

Журнал «Карикатуры» № 23, 5.VI.1911 г.

Стр. 135. *Петршин* — один из пражских холмов, находящийся на левом берегу Влтавы; здесь располагался бастион городских укреплений.

Страгов — холм в Праге, на котором построен Страговский монастырь (в настоящее время — Музей чешской письменности).

Стр. 137. «*Трибуна*» — итальянская газета (1882—1930).
Небозизек — парк на восточном склоне Петршина, бывший королевский заповедник.

ХВАЛА БОГУ

Журнал «Карикатуры» № 23, 5.VI.1911 г.

Стр. 139. *Сулея* — плоская бутылка.

ДОВОСОВЕСТНЫЙ ЦЕНЗОР СВОБОДА

Журнал «Карикатуры» № 25, 19.VI.1911 г.

Стр. 141. «*Delirium confiscationicum canonicum*» — «конфискационное бешенство». — Придуманное Гашеком ироническое «научное» определение «болезни» австрийской цензуры, пытавшейся запрещениями и конфискациями прекратить распространение национально-освободительных и революционных идей.

ЧАГАН-КУРЕНСКИЙ РАССКАЗ

Журнал «Копршывы» № 13, 22.VI.1911 г.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ С КОТОМ

Еженедельник «Гумористицке листы» № 27, 23.VI.1911 г.

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ КАТОЛИК
ДЕДУШКА ШАФЛЕР В ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Журнал «Карикатуры» № 27, 3.VII.1911 г.

Стр. 153. *Христианские социалисты* — члены христианско-социалистической партии, возникшей в Чехии в 1904 году.

Монашки — свечки из угольного порошка с душистыми смолами.

Стр. 154. *Святой Вацлав* — один из первых чешских князей (906—929), способствовал распространению в Чехии христианства, за что был причислен церковью к лику святых; считался святым покровителем Чехии.

Стр. 155. *Ян Непомуцкий* — католический святой, культ которого усиленно насаждался католической церковью в противовес почитанию Яна Гуса. Наряду со святым Вацлавом был провозглашен покровителем Чехии.

НЕМЕЦКИЕ АСТРОНОМЫ

Еженедельник «Гумористицке листы» № 36, 25.VIII.1911 г.

КОГДА СНОСИЛИ СТАРЫЕ СТЕНЫ

Журнал «Карикатуры» № 37, 19. IX. 1911 г.
На русский язык переводится впервые.

СПОСОБ ГОСПОДИНА ПОЛИЦМЕИСТЕРА

Журнал «Копршивы» № 20, 28.IX. 1911 г.

ПОМОЛВКА В НАШЕЙ СЕМЬЕ

Журнал «Весела Прага» № 11, 1.XI.1911 г.

ИНТЕРВЬЮ СВЯЗАННОГО ОФИЦЕРА

Журнал «Карикатуры» № 41, 13.XI.1911 г.

В русском переводе публикуется впервые.

Рассказ написан Гашеком на основе подлинного события, о котором, в частности, сообщала газета «Ческе слово» (в трех номерах: 3 ноября, 28 декабря, 29 декабря 1911 года). Не исключена возможность, что заметки в «Ческом слове» писались также Гашеком. Цензура изъяла из рассказа ряд мест, содержащих «оскорбление офицерского состава австрийской армии». Восстановить изъятые абзацы не удалось.

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ВОКЗАЛЬНОЙ МИССИИ

Журнал «Карикатуры» № 42, 27.XI.1911 г.

Стр. 183. ...пригласили ...из кармелитского монастыря.— Кармелиты — члены католического монашеского ордена, основанного в XII веке в Палестине. Орден кармелитов ведет систематическую религиозную пропаганду среди населения через свои периодические издания и сеть учебных заведений в разных странах Европы.

Стр. 184. Гауч фон Франкентурн, Пауль (1851—1918) — австрийский реакционный государственный деятель; в 1897—1898, в 1905—1906 и в 1911 году — премьер-министр.

Стр. 186. ...как это делает мой друг Гаек.— Гаек-Домажлицкий, Ладислав (1884—1943) — чешский журналист и писатель, друг Гашека, написавший о нем книгу «Из моих воспоминаний о Ярославе Гашеке, авторе «Бравого солдата Швейка» и превосходном юмористе» (Прага, 1925). 1 октября 1911 года Гаек напечатал некролог о Вацлаве Фуксе — издателя журнала «Свет звиржат» («Мир животных»), который Гаек тогда редактировал. Некоторое время в этом журнале работал и Гашек. После смерти Фукса издание «Света звиржат» перешло к Гаеку.

СКАЗКА О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ОДНОГО ПОРЯДОЧНОГО МИНИСТРА

Журнал «Копршивы» № 3, 1. II. 1912 г.

ВОСКРЕСНОЕ ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Журнал «Весела Прага» № 2, 1. II. 1912 г.

Стр. 193. ... *Д'Аннунцио*, Габриеле (1863—1938) — итальянский писатель декадентского направления, идеолог империалистической агрессии.

...«Неделя в Тургеневе». — Такой повести у Л. Толстого нет.

ПАН ФЛОРЕНТИН И ХОХОЛКА

Журнал «Весела Прага» № 3, 1. III. 1912 г.

Стр. 196. ...развалины Троя.— Троя — древний город на северо-западе Малой Азии. Известен по древнегреческим поэмам о Троянской войне «Илиаде» и «Одиссее». По данным археологических раскопок, основан на рубеже 4—3-го тысячелетия до н. э.

...Как отвечал Леонид в Фермопилах персидским послам.— Речь идет об одном из эпизодов греко-персидских войн 500—449 годов до н. э., когда греческая армия под начальством спартанского царя Леонида героически обороняла Фермопильский горный проход от наступающих войск персидского царя Ксеркса (480 до н. э.). Несмотря на превосходящие силы противника, Леонид не сдался на милость победителя и погиб вместе со своим отрядом.

ПРЕСТУПНАЯ АВАНТЮРА ПАНА ТЕВЛИНА

Журнал «Весела Прага» № 3, 1. III. 1912 г.

Журнал «Карикатуры» № 5, 12.III. 1912 г.
На русский язык переводится впервые.

КАК Я ВЫБЫЛ ИЗ НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОЙ ПАРТИИ

Журнал «Копршивы» № 6, 14.III.1912 г.
На русский язык переводится впервые.

Рассказ этот очень важен для уяснения отношения Гашека к буржуазным партиям, в печатных органах которых ему приходится сотрудничать.

Национально-социальная партия, возникшая в 1898 году, была детищем чешской буржуазии, которая, стремясь подчинить своему влиянию рабочий класс, воспользовалась ошибками чешской социал-демократии в национальном вопросе и выдвинула его в своей программе на первый план. Во главе партии стал Вацлав Ярослав Клофач. Центральным органом партии была газета «Ческе слово». В ней Гашек работал с ноября 1911 по февраль 1912 года. Писатель осмеивает и разоблачает в рассказе демагогический характер политики национально-социальной партии, ее заигрывание с рабочими и беспринципные сделки с правящими кругами. Такой смысл имеет и описанная им история его недолгой «карьеры» в «Ческом слове». Направленный редакцией на собрание бастующих пражских трамвайщиков, Гашек вместо поддержки лидеров национально-социальной партии, настаивавших на прекращении забастовки, публично обвинил их в предательстве интересов рабочих и в сговоре с предпринимателями. Подробно об этом эпизоде рассказывает первый биограф Гашека Вацлав Менгер в книге «Человеческий облик Ярослава Гашека» (Прага, 1946).

Стр. 208. ...редактором «Мира животных». — В журнал «Свет звиржат» («Мир животных») Гашек поступил по рекомендации своего друга Ладислава Гаека. Работал в нем в 1909—1910 годах.

Чтобы «оживить» журнал и дать простор своим юмористическим наклонностям, Гашек начал печатать в нем «научные статьи», «изыскания» и сообщения об «открытиях», в которых информировал о самых невероятных, выдуманных им животных (о мухе с шестнадцатью крыльями, которыми она, как веером, обмахивается во время жары; о «счастливом открытии» доисторической «прабохи» и т. п.). Выведенный из терпения этими проделками, которые не раз становились предметом обсуждения и насмешек в печати, издатель Фукс вынужден был уволить Гашека и просить Гаека взять на себя руководство журналом. О своей работе в «Свете звиржат» Гашек, устами вольноопределяющегося Марека, рассказывает в романе «Похождения бравого солдата Швейка». Подробно пишет об этом и друг Гашека Йозеф Лада в книге «Хроника моей жизни» (Прага, 1954).

...д-р Гюбшман, Отакар — адвокат и депутат парламента от национально-социальной партии.

Стр. 209. «Золотой гусь» («Злата гуса») — гостиница и ресторан на Вацлавской площади в Праге; некоторое время — резиденция руководства национально-социальной партии.

Славянской трехцветной лентой — славянским трехцветием — считалось сочетание красного, синего и белого цветов.

Стр. 210. *Богач, Лоуда, Симоидес* — деятели национально-социальной партии. *Богач* работал в пражской ратуше, *Симоидес* был одним из редакторов «Ческого слова», позднее заведовал Общедоступной больничной кассой.

Подружился я и с депутатами... — *Лысый, Клофач, Стршибрный, Хоц, Фресл, Экснер, Бурживал, Война, Форманек* — депутаты парламента от национально-социальной партии.

Стр. 211. *Брата Симоидеса...* — Члены национально-социальной партии называли друг друга «братьями».

Стршелецкий остров. — Остров на Влтаве, где раньше проводились рабочие сходки и собрания.

Стр. 212. ...так некогда ждали *Мартиница и Славату на Градчанах.* — *Ярослав Боржита* из *Мартиниц* и *Вилем Славата* из *Хлума* — чешские дворяне, королевские советники, изменившие своему народу и продавшиеся *Габсбургам* во время Тридцатилетней войны (1618—1648), за что были восставшими чешскими дворянами выброшены из окон Пражского Града.

ЧТО ПРОИСХОДИТ, КОГДА ЧЕЛОВЕК ОТРЕКАЕТСЯ ОТ ЦЕРКВИ

Журнал «Карикатуры» № 6, 27.III.1912 г.

Стр. 214. *Чаковице* — городок близ Праги.

Стр. 215. *Феррер*, *Гуардиа Франциско* (1859—1909) — видный испанский просветитель-антиклерикал и педагог. В 1909 году казнен по ложному обвинению в организации антиправительственного восстания в Барселоне. *Феррер* был участником проходившего в Праге конгресса Всемирного Союза свободомыслящих — международной атеистической организации, созданной в Брюсселе в 1880 году. Движение «Свободная мысль» в Чехии конституировалось в 1906 году. Его органом стал журнал «Вольна мышленка» (1905—1910).

Бартошек, Мыслик, Пелант — основатели и руководители движения «Свободная мысль» в Чехии. *Бартошек, Теодор* (1877—1954) — пражский адвокат, прогрессивный общественный деятель, позднее — член Компартии Чехословакии. *Мыслик, Юлиус* (р. 1877) — первый председатель «Свободной мысли» в Чехии, редактор журналов «Вольна мышленка» и «Гавличек» (1908—1914, 1920—1921). *Пелант, Карел* (1874—1925) — журналист, редактор «Вольной мышленки».

Боучек, Вацлав (1869—1940) — адвокат и общественный деятель, активный участник движения «Свободная мысль».

АВСТРИЙСКАЯ ТАМОЖНЯ

Журнал «Карикатуры» № 6, 27.III.1912 г.

Стр. 219. ...когда аграрии ...разрешат ввозить свинину в Австрию. — Аграрная партия основана в Чехии в 1899 году, после пар-

ламентских выборов 1907 года стала одной из самых влиятельных чешских буржуазных партий. Через парламент и печать аграрии добивались повышения пошлин на ввозимые в страну сельскохозяйственные продукты и увеличения государственных дотаций на развитие сельского хозяйства.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ БАРОНА КЛЕЙНГАМПЛА

Журнал «Весела Прага» № 4, 1. IV. 1912 г.

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

Журнал «Добра копа» № 23, 26. IV. 1912 г.

На русский язык переводится впервые.

Стр. 226. *Фламарион*, Камиль (1842—1925) — французский астроном, автор ряда научно-популярных книг по астрономии, а также работ по метеорологии и физике.

СОСЛОВНОЕ РАЗЛИЧИЕ

Журнал «Весела Прага» № 5, 1. V. 1912 г.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОГО РОМАНА

Журнал «Весела Прага» № 5, 1. V. 1912 г.

КОНЕЦ СВЯТОГО ЮРО

Журнал «Карикатуры» № 10, 20. V. 1912 г.

Стр. 234. *...во Фриштакском монастыре доминиканцев.* — Доминиканцы — католический монашеский орден, основанный в XIII веке.

ПОСОБИЕ НЕИМУЩИМ ЛИТЕРАТОРАМ

Газета «Право лиду» № 140, 22. V. 1912 г.

«ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ, ТЫ ВСЕМОГУЩА»

Журнал «Весела Прага» № 6, 1. VI. 1912 г.

Стр. 244. *Ружена Есснска* — чешская писательница (1863—1940).

Поледницы — образ из чешской народной мифологии. Народное поверье приписывало поледницам похищение младенцев в полуденное время.

СЫЩИК ПАТОЧКА

Журнал «Весела Прага» № 6, 1. VI. 1912 г.

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ЯНЧАР

Журнал «Карикатуры» № 12, 17.VI.1912 г.

На русский язык переводится впервые.

Стр. 251. ...проглотить человека, как кит *Иону*.— Согласно библейскому преданию, пророк *Иона* был проглочен китом, пробыл в его чреве несколько дней, затем «по воле божией» был извергнут живым и невредимым.

РАЗГОВОР С МАЛЕНЬКИМ МИЛОИ

Еженедельник «Гумористицке листы» № 27, 21.VI.1912 г.

КАК Я ПРИШИВАЛ ПУГОВИЦУ К БРЮКАМ

Рассказ входит в цикл юморесок, объединенных общим названием «Исповедь старого холостяка», которые печатались в журнале «Весела Прага» в №№ 7—12 (июль — декабрь) 1912 года.

Я ВАРЮ ЯИЦА ВСМЯТКУ

Как и предыдущий рассказ, входит в цикл «Исповедь старого холостяка» («Весела Прага» №№ 7—12 (июль — декабрь) 1912 года).

СВЯТОТАТЕЦ В ХОТЕБОРЖИ

Журнал «Копршивы» № 21, 10.X.1912 г.

Стр. 266. *Каинова печать отвержснного*.— Согласно библейской легенде, *Каин* — сын *Адама* и *Евы* — убил своего брата *Авеля*, и бог, чтобы отметить первого на земле убийцу, запечатлел на его челе «знамение». Выражение «каинова печать» обозначает клеймо преступления.

...*таборы — митинги под открытым небом*.— Имеется в виду широкое народное движение в Чехии конца 60-х годов XIX века, которое было выражением протеста против создания двуединого государства Австро-Венгрии (1867), закрепившего господствующее положение немцев и венгров в стране. На таборах 1868 года выдвигались главным образом требования национального равноправия, уравнивания в правах немецкого и чешского языков, избрания чешского сейма и др.

...*как у старцев в произведениях Райса*.— *Райс*, *Карел Вацлав* (1859—1926) — чешский писатель, посвятивший значительную часть своего творчества изображению чешских патриотов («властенцев») из глухих местечек горной Чехии, борющихся против онемечения, за сохранение родного языка, национальных обычаев и культуры. Над идиллическими образами старых «властенцев» *Райса* *Гашек* нередко иронизировал в своих рассказах.

Стр. 268. *Жижка*, *Ян* из *Троцнова* (ок. 1360—1424) — выдающийся чешский полководец и политический деятель эпохи гуситских войн, национальный герой чешского народа.

«*Кто вы, божьи воины?*» — гуситский гимн,

ПОП И МУЛЛА

«Дельница бесидка» — приложение к газете «Право лиду», № 42, 13.X.1912 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ НОМЕР

«Дельница бесидка» — приложение к газете «Право лиду», № 45, 3.XI.1912 г.

Стр. 273. ...«*Марширует Грневиль...*» — чешская солдатская песня.

Прашна брана — Пороховые ворота, остатки укреплений Старого Места (в настоящее время — района Праги); построены в 1475 году. В башне над воротами раньше хранился порох, отсюда их название — «Пороховые».

ТРАУР ДВОРНИКА ЯКУБЕКА

Журнал «Весела Прага» № 12, 1.XII.1912 г.

ПАН МАРЖИНЕК БОИТСЯ МОБИЛИЗАЦИИ

Журнал «Карикатуры» № 22, 9.XII.1912 г.

Стр. 279. ...*при нынешней международной ситуации.* — Имеется в виду международный политический кризис, вызванный первой Балканской войной (1912—1913).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ДИПЛОМАТА

Журнал «Карикатуры» № 23, 23.XII.1912 г.

Стр. 285. «*Марш Ракоци*» — Ракоци, Ференц (1676—1735) — руководитель национально-освободительного движения в Венгрии начала XVIII века, направленного против господства Габсбургов. «*Марш Ракоци*» (или «*Ракоци-марш*») — создание безвестных венгерских композиторов; в 1848—1849 годах стал гимном народно-освободительной армии венгерского народа.

ГИД ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ В ШВАБСКОМ ГОРОДЕ НЕЙБУРГЕ

Впервые напечатан в сборнике рассказов Гашека «Гид для иностранцев и другие сатиры» (Гейда и Тучек, Прага, 1913).

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОРА ШЕЙБЫ

Впервые напечатан в сборнике рассказов Гашека «Гид для иностранцев и другие сатиры» (Гейда и Тучек, Прага, 1913).

КАК Я СПАС ЖИЗНЬ ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Еженедельник «Гумористицке листы» № 4, 10.I.1913 г.

Стр. 304. ...*Карлин* — самое старое пражское предместье на правом берегу Влтавы, в настоящее время район Праги.

...*полторы тысячи крон и все по два геллера*. — Одна крона равна ста геллерам.

БАРОН И ЕГО ПЕС

Журнал «Свет зvirжат» № 3, 1.II.1913 г.

КАК БАЛУШКА НАУЧИЛСЯ ВРАТЬ

«Дельница бесидка» — приложение к газете «Право лиду», № 9, 2.III.1913 г.

Рассказ основан на детских воспоминаниях Гашека. О «боях» между ребятами разных улиц и разных районов Праги он писал также в юморесках «Предательство Балужки», «Великий день Фолманки» и др. По свидетельству друзей, Гашек собирался подготовить целую книгу рассказов о детях.

Стр. 310. ...они, как истые подскаловские, пылали ненавистью к смиховским. — Подскалье — старый квартал города на правом берегу Влтавы, в настоящее время входит в район Праги Нове Место. Смихов — рабочий район Праги, расположен на левом берегу Влтавы.

Стр. 312. ...*против родных своих братьев — подоляков*. — Подол — часть района Праги Нове Место на правом берегу Влтавы.

Стр. 313. *Эмаувский монастырь* расположен на правом берегу Влтавы, в районе Нове Место.

«Святой Войтех» — еженедельный клерикальный журнал, выходил в Оломоуце с 1905 года.

КОГДА ЦВЕТУТ ЧЕРЕШНИ

Еженедельник «Гумористицке листы» № 20, 2.V.1913 г.

ПОСЛЕ КОРОНАЦИИ

Журнал «Свет сполеченский» № 15, 8.V.1913 г.

На русский язык переводится впервые.

Рассказ был откликом Гашека на события, связанные с освобождением Албании от турецкого ига. Независимость Албании была провозглашена на Лондонской конференции послов великих держав 20 декабря 1912 года. Но албанский народ не получил желаемой свободы, так как империалистические державы поручили управление страной немецкому князьку Вильгельму Виду. Борьбу против навязанного силой «властиителя» народ начал с первых же моментов его вступления на албанскую землю.

ИЗ ЗАПИСОК АВСТРИЙСКОГО ОФИЦЕРА

«Сборник социал-демократической молодежи» № 12, 5.VI. 1913 г.

На русский язык переводится впервые.

БЕСКОРЫСТИЕ ДРУЖБЫ

Еженедельник «Гумористичке листы» № 30, 11.VII.1913 г.

ФИОЛЕТОВЫЙ ГРОМ

Журнал «Копршивы» № 16, 31.VII.1913 г.

В БЮРО СЫСКА

Журнал «Весела Прага» № 8, 1.VIII.1913 г.

СТАРШИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ КОМИССАР ВАГНЕР

Газета «Право лиду» № 227, 19.VIII. 1913 г.

ОБ ИСКРЕННЕЙ ДРУЖБЕ

Журнал «Злата Прага» № 1, 19.IX.1913 г.

Стр. 341. ...с моим другом Биллем.— Имеется в виду друг Гашека писатель Эденек Матей Кудей (1881—1955), который только что вернулся тогда из Америки и получил от приятелей прозвище Билль. О своих странствованиях с Гашеком в 1913 и 1914 годах Кудей рассказал в книге «Вдвоем шагаются лучше» (Прага, 1923).

МОИ ДРУГ ГАНУШКА

«Дельница бесидка», приложение к газете «Право лиду», № 40, 5.X.1913 г.

Стр. 347. ...по несчастному стечению обстоятельств один полицейский ударился головой как раз о мою трость.— Об этом событии Гашек упоминает и в рассказе «Как я спас жизнь одному человеку». Речь идет о его участии в первоймайской демонстрации анархистов (1 мая 1907 года), когда он действительно ударил полицейского и был присужден к месячному тюремному заключению (см. Эд. Анчик «О жизни Ярослава Гашека», Прага, 1953).

КАК БЕРЕЖЛИВЫЕ СПАСЛИ ОТЧАЯВШЕГОСЯ

Журнал «Копршивы» № 22, 23.X.1913 г.

Стр. 353. ...Болеслав Яблонский — К. Э. Тупый (1813—1881) — чешский поэт и автор многочисленных сентиментально-нравоучительных повестей и рассказов.

ИСТОРИЯ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА

В жизни Гашека и его политической сатире предвоенных лет большую роль играла созданная им «партия умеренного прогресса»

са в рамках закона». Это была остроумная и злая пародия на большинство тогдашних политических партий Чехии.

Гашек хорошо знал их все, и не только по официальным программам и лозунгам, но и по их подлинным делам. С анархистами писатель провел свои юношеские годы — время его «бурн и натиска» (1904—1908). С деятелями национально-социальной партии он близко познакомился еще во времена сотрудничества в журнале «Карикатуры», который издавался этой партией, хотя Йозеф Лада, превративший журнал в одно из самых прогрессивных сатирических изданий тех лет, далеко отступал от официальной партийной программы. Недолгая работа Гашека в газете «Ческе слово» (1911—1912) позволила ему заглянуть и за кулисы этой партии, которую он позднее назовет «партией полицейских шпиков».

Немало сотрудничал Гашек и в социал-демократической прессе, был дружен с рядом социал-демократических лидеров и журналистов. Справедливо осмеивая реформизм и оппортунистическую тактику многих социал-демократических лидеров, Гашек в то же время явно недооценивал историческое значение самостоятельной организации рабочего класса и определенные заслуги чешской социал-демократии.

С «реалистической» партией Т. Г. Масарика, государственно-правовой, аграрной, клерикальной и другими партиями писатель нередко приходил в столкновение на собраниях, в полемике на страницах газет и журналов, наблюдал их деятельность в провинции во время своих странствований.

Многолетний опыт и позволял писателю уловить общие черты оппортунизма, трусости, оторванности от подлинных интересов народа, которые были присущи в то время многим чешским партиям, и в своей «партии умеренного прогресса» в пародийной, иронической форме обобщенно воспроизвести их облик.

Трудно с достаточной точностью определить, когда возникла эта партия, так как сам Гашек относит время ее создания то к 1904, то к 1908 году. Но, во всяком случае, уже в 1906—1907 годах в маленькой кофейне «У слованске Праги», а затем, позднее, в трактире «У золотого литра» на Виноградах постоянно собиралась по вечерам большая компания пражской богемы — молодые писатели, поэты, художники, артисты, которые за кружкой пива вели бесконечные бурные дебаты о современных политических событиях, литературных новинках и т. д. Здесь же рождались острые пародии, стихи, песни. В этой компании, участником и душой которой был Гашек, и родилась идея создать пародийную партию.

Состав ее не был постоянным, но «ядро» было устойчивым: писатели Йозеф Мах, Густав Опоченский, Иржи Маген, Франтишек Лангер, художники Ярослав Кубин и Йозеф Лада, чиновник Эдуард Дробилек, инженер Вилем Кун.

Расцвет «партии умеренного прогресса в рамках закона» относится к 1911 году, когда в связи с выборами в австрийский парламент она развернула бурную «предвыборную кампанию», выдвинув даже своего кандидата — Ярослава Гашека.

На «предвыборные собрания» новой партии, происходившие в ресторане «Кравин» на Краловских Виноградах, сходилась «вся

Прага», и Гашек почти ежедневно выступал перед «избирателями», причем не скупился на обещания самых невероятных вещей: от «карманного аквариума» и «избирательного гуляша» до «предотвращения землетрясения в Мексике», пародируя тем самым щедрые и столь же невыполнимые обещания официальных кандидатов.

Его выступления, блещущие остроумием, иронией, пересыпанные прозрачными намеками, вырастали в уничтожающую сатиру на политическую жизнь Чехии.

Гашек, конечно, не был избран в парламент и даже официально не баллотировался, хотя, как он сообщил позднее публике, за него и было подано тридцать восемь голосов.

В 1912 году Гашек начал писать «историю» своей партии, пышно озаглавив ее «Политическая и социальная история партии умеренного прогресса в рамках закона». Сюда вошли его речи на «предвыборных собраниях» и «официальные документы» партии (вроде «Манифеста»), эпизоды из деятельности партии, сатирические портреты политических деятелей Чехии той поры, писателей, художников и т. п.

Острота сатиры, меткость политических характеристик, умение передать дух времени, точные его приметы, делают «Историю» Гашека самым значительным его произведением предвоенной поры, позволяя угадать в авторе писателя, способного на широкие обобщения, на создание целостной картины эпохи.

Гашек не закончил своей «Истории» и отдал рукопись издателю журнала «Весела Прага» Карелу Лочаку. Но Лочак не решился напечатать книгу и продал ее другу Гашека Алоису Гатине, который в 1924—1925 годах опубликовал несколько глав из нее в своей газете «Смер». Позднее рукопись попала в руки биографа Гашека Вацлава Менгера и была частично использована им в книге «Ярослав Гашек дома». Некоторые главы он передал Юлиусу Фучику для публикации в газете «Руде право».

Фучик высоко оценил сатирическую остроту гашековской «Истории», написав в небольшом введении к публикуемым главам, что она «представляет собой действительно великолепную сатирическую историю чешской жизни последних лет перед войной» и «занимает в творчестве Гашека особое место, очень многое объясняя во всем развитии писателя (не говоря уже о том, что — хотя и в сатирической форме — объясняет многие иные вещи)».

Впервые, спустя более чем полвека после ее написания, «История партии умеренного прогресса» в полном объеме появилась в IX томе Собрания сочинений писателя (1963).

Из нее мы печатаем ряд сатирических очерков.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ ПАРТИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ КРУГАМИ

Газета «Руде право» № 160, 11.VII.1937 г.

«Руде право» — ежедневная газета, начала выходить с 1920 года как орган левого крыла социал-демократической партии, с 1921 года — центральный орган Компартии Чехословакии.

Стр. 356. ...великие бои за всеобщее избирательное право.— Борьба чешского народа за всеобщее избирательное право нача-

лась еще в 60-х годах XIX века. Под влиянием русской революции 1905 года она приняла подлинно революционный характер и в 1905—1906 годах охватила всю страну. По Чехии прокатилась волна забастовок и демонстраций, которые в начале ноября 1905 года завершились настоящими сражениями демонстрантов с полицией и правительственными войсками. Вынужденное пойти на уступки, австрийское правительство разработало проект закона о всеобщем избирательном праве, и 26 мая 1907 года он был подписан императором.

...Шатобриан... говорил, что полиция всегда романтична.— Шатобриан, Франсуа Рене (1768—1848) — французский писатель-романтик реакционного направления. Гашек приписывает ему фразу, которую придумал сам.

Стр. 357. ...племянник дирсггора полиции, который был в нишей компании.— Речь идет о молодом поэте Луи Кршикаве (1873—1920), который, используя положение своего дядюшки (директора полиции Кршикавы), нередко выручал друзей при их столкновениях с «блюстителем порядка».

...шепнул мне Маген.— Маген, Иржи — Антонин Ванчур (1882—1939) — писатель, драматург и один из организаторов библиотечного дела в Чехии, друг Гашека.

...инженер Кун.— Кун, Вилем — широко образованный человек, занимавшийся, помимо своей основной профессии, переводами с французского и итальянского языков.

...сколько мораван пало у «Гвезды». — Замок «Гвезда» расположен на Белой Горе под Прагой. Здесь в 1620 году произошла битва между восставшими чешскими дворянами и войсками Фердинанда Габсбурга, положившая конец самостоятельности Чехии. Мораване действительно принимали активное участие в восстании 1618—1620 годов.

Опоченский, Густав (1881—1949) — чешский поэт и писатель, друг Гашека, написал о нем книгу воспоминаний «Четверть столетия с Ярославом Гашеком» (Вимперк, 1948).

Фердинанд II Габсбург (1578—1637) — император «Священной Римской империи» (1619—1637); с 1617 года — король Чехии. Проводил политику жестокого национального и религиозного угнетения, которая и привела к чешскому восстанию 1618—1620 годов, закончившемуся битвой у Белой Горы.

Стр. 358. ...казнить столько чешских дворян на Староместской площади.— Речь идет о казни 27 руководителей восстания 21 июня 1621 года.

...выбросили из окон Пражского Града.— 23 мая 1618 года в ходе восстания были выброшены из окон Пражского Града несколько королевских советников.

...восхвалять Кошута.— Кошут, Лайош (1802—1894) — венгерский политический деятель, руководитель венгерской революции 1848—1849 годов.

ПАРТИЯ РАСТЕТ, НО ЕЕ БЬЮТ

«Руде право» № 178, I.VIII.1937 г.

Стр. 362. Соцан — презрительное прозвище социал-демократов, пущенное в ход буржуазными партиями.

ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ СОБРАНИЙ НОВОЙ ПАРТИИ

«Руде право» № 160, 11.VII. 1937 г.

Стр. 364. ...без пива устраивают сходки одни реалисты.— Имеются в виду члены чешской народной партии («реалистов»), созданной в 1900 году профессором Пражского университета Т. Г. Масариком (1850—1937). Эта партия отражала интересы чешской либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции.

Стр. 365. Боучек, Антонин (1880—1947) — журналист, участник анархистского движения, друг Гашека; написал о нем книгу «Пятьдесят историй из жизни Ярослава Гашека» (Прага, 1923). «Новое издание» — «Библиотека современных писателей и классиков», издававшаяся Боучеком в 1909—1912 годах.

КАЗНАЧЕЙ ПАРТИИ ЭДУАРД ДРОБИЛЕК

Впервые опубликовано в Собрании сочинений Гашека, т. IX, стр. 54—56 (Прага, 1963).

Стр. 366. Эдуард Дробилек — чиновник, друг Гашека, человек необычайно остроумный и изобретательный, был одним из основателей партии умеренного прогресса. Гашек посвятил ему несколько рассказов и иногда подписывался его именем.

ВАРЫШНЯ ЗЮССОВА, ЧЕШСКАЯ ДЕВА ОРЛЕАНСКАЯ

Газета «Смер» № 16, 17.IV.1925 г.

На русский язык переводится впервые.

Стр. 369. Зюссова, позднее — Сисова, Милослава (1887 — 1947) — младочешская журналистка.

Стр. 371. ...арию из «Далибора» — «Далибор» — опера знаменитого чешского композитора Бедржиха Сметаны (1824—1884),

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПИСАТЕЛЬ ЧЕШСКИЙ ЯРОСЛАВ ГАШЕК

«Руде право» № 202, 28. VIII. 1937 г.

Стр. 373. ...голубиный народ.— Так назвал свой народ крупнейший поэт чешско-словацкого национального возрождения Ян Коллар (1793—1852) в поэме «Дочь Славы».

Кралицкая библия — перевод библии с древнееврейского оригинала на чешский язык, выполненный в 1579—1593 годах в Кралицах членами общины «Чешских братьев» — чешской религиозной организации, созданной после разгрома гуситского движения. Написанная простым, ясным и образным языком, «Кралицкая библия» сыграла большую роль в развитии чешского литературного языка.

АФЕРА ПЕЛАНТА

Газета «Смер» № 12, 1925 г.

Стр. 375. ...«Святой Войтех», «Крест», «Мария» — названия вышедших в то время в Чехии католических газет и журналов.

Стр. 376. «Небесные козы» — презрительное прозвище религиозных ханжей и богомолок в Чехии,

...подобно Яну Непомуцкому.— Согласно преданию, священник Ян из Помук (ум. 1393) был по приказанию чешского короля Вацлава IV брошен в реку Влтаву за то, что не выдал ему тайны исповеди королевы. Католическая церковь причислила его к лику святых и канонизировала под именем Яна Непомуцкого.

...члены *Марианской конгрегации*.— Конгрегации — религиозные организации («братства»), создаваемые католической церковью в целях распространения своего влияния; в их состав входили как духовные лица, так и миряне.

Стр. 377. «Чех» — реакционная католическая газета, главный орган чешского клерикализма (1869—1932).

РЕВОЛЮЦИОНЕР ЗИГЛОЗЕР

Газета «Смер» № 2, 11. XII. 1924 г.

Стр. 378. ...*Зиглозер*, Ян (1875—1955) — чешский журналист и издатель; в начале 90-х годов участвовал в радикальном молодежном движении («Омладина»), которое было разгромлено австрийскими властями. В результате процесса над омладинцами (1893—1894) большое число участников движения было осуждено на длительные сроки тюремного заключения. Зиглозер был приговорен к 9 годам. Впоследствии он начал издавать журнал «Женски обзор» («Женское обозрение»), в котором принимал участие и Гашек.

Станислав Минаржик (1884—1944) — издатель и переводчик славянофильского направления; приятель Гашека по Коммерческому училищу.

МАНИФЕСТ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА, ИЗДАННЫЙ К ПОСЛЕДНИМ ВЫБОРАМ

«Руде право» № 166, 18.VII.1937 г.

Это образец «официального документа» партии умеренного прогресса. В иронической, пародийной форме в нем отразились и некоторые черты оппортунистической политики тогдашней социал-демократии с ее ставкой на «законные действия» и сущность «научно обоснованной» программы масариковской реалистической партии с ее идеей «естественного развития» (умеренного прогресса); а в неоднократных торжественных обращениях («Народ чешский!», «Чехи!», «Соотечественники!», «Граждане чехи!» и т. п.) явственно звучат интонации воззваний национально-социальной партии или младочехов, пытавшихся внушить избирателям, что они выступают от имени всего чешского народа.

Стр. 381. ...в «Кравине» — трактир на Краловских Виноградах, где проходили «предвыборные собрания» партии умеренного прогресса.

Стр. 382. *Карнеджи*, Эндрью (1835—1919) — американский миллиардер.

Стр. 383. ...должны были появиться на свет *Пршемысловичи*, *Ягеллоны*, *Люксембурги*...— Ягеллоны — литовско-польская королевская династия, представители которой занимали чешский пре-

стол с 1471 по 1526 год; Люксембурги — королевская династия, правившая Чехией с 1310 по 1437 год.

Сватоплек Чех (1846—1908) — известный чешский поэт.

Йозеф Скружный (1871—1948) — журналист и издатель, редактор еженедельника «Гумористицке листы».

Йозеф Лада (1887—1957) — художник и писатель, в 1910—1911 годах — ответственный редактор журнала «Карикатуры», друг Гашека, впоследствии прославленный иллюстратор его «Похождений храброго солдата Швейка» и народный художник Чехословакии.

Богумир Шмераль (1880—1941) — выдающийся деятель чехословацкого и международного рабочего движения, один из вождей левого, революционного крыла чешской социал-демократии, впоследствии один из основателей и первый председатель Коммунистической партии Чехословакии.

Эмануэль Шкатула (р. 1878) — депутат от социал-демократической партии в парламенте, в 1908—1919 годах — редактор газеты «Право лиду», в 1919—1920 годах — генеральный секретарь социал-демократической партии.

Слабый — полицейский комиссар, под наблюдением которого проходили собрания партии умеренного прогресса.

ЛЕКЦИЯ О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖИВОТНЫХ

«Руде право» № 103, 1.V.1937 г.

Образец выступления Гашека на собрании партии умеренного прогресса.

Стр. 384. *Кучера*, Вратислав (1865—1946) — врач-бальнеолог, долгое время был главным врачом курорта Пиштяны в Словакии.

ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Газета «Смер» № 46, 12. XI. 1925 г.

Стр. 387. *Партия государственного права* — выделялась в 1889 году из партии младочехов; объединяла главным образом буржуазную интеллигенцию; ее основное программное требование — осуществление «чешского государственного права» в рамках Австрийской империи.

Стр. 388. *Виктор Дык* (1877—1931) — чешский поэт, в годы первой мировой войны автор патриотических стихов, член радикально-государственно-правовой партии, от которой баллотировался в 1911 году в парламент в том же округе, где проводил свою «избирательную кампанию» Ярослав Гашек. На выборах Дык потерпел поражение.

Вацлав Хоу — один из руководителей национально-социальной партии. Баллотировался в том же округе, что и Дык, получил большинство голосов.

С. Востокова

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

1910—1913

Спасен. Перевод Ю. Молочковского	5
Неприличные календари. Перевод Ю. Молочковского . .	9
Вена, его превосходительству министру финансов, рыцарю Билинскому. Перевод Н. Роговой	12
Камень жизни. Перевод Д. Горбова	15
Судебный процесс по делу Хама, сына Ноя. Пере- вод Ю. Молочковского	19
В заброшенной уборной. Перевод С. Востоковой	24
В Гавличковых садах. Перевод Л. Касюги	27
Монастырь в Бецкове. Перевод С. Востоковой	36
Трагическая кончина гимназиста Петишки. Перевод В. Савицкого	39
Благотворительный фонд пана Каубле. Перевод Ил. Гриковой	44
В родных местах. Перевод Л. Касюги	49
Солигер княгини. Перевод Д. Горбова	54
Суп для бедных детей. Перевод Д. Горбова	59
Забастовка преступников. Перевод С. Востоковой	63
Финансовый кризис. Перевод В. Чешихиной	69
Поиски убийцы. Перевод Ил. Граковой	72
Проблема любви. Перевод Н. Арсевой	80
Трагическое фиаско певицы Карневаль. Перевод Ю. Молочковского	83
Падение кабинета Бинерта. Перевод Н. Арсевой	88
Дело государственной важности. Перевод Т. Аксель	90
Заседание верхней палаты. Перевод В. Чешихиной	95
Мятеж в австрийском флоте. Перевод Т. Аксель	99
Пятидесятилетний юбилей газеты «Народни листы». Пере- вод Л. Касюги	104
Смерть сатаны. Перевод Д. Горбова	109

В аду. Перевод Н. Роговой	113
Как пан Мазуха мстил за поруганную супружескую честь. Перевод Н. Аросевой	117
Наследство Шафранека. Перевод Т. Аксель	120
Анонимное письмо. Перевод В. Петровой	124
Сердечное поздравление с именинами. Перевод В. Мартемьяновой	127
Службное рвение Штепана Бриха, сборщика пошлины на пражском мосту. Перевод В. Мартемьяновой	131
Исповедь государственного изменника, или тайна Петршинского бастиона. Перевод Ю. Гаврилова	135
Хвала богу. Перевод Ю. Молочковского	138
Добросовестный цензор Свобода. Перевод Д. Горбова	141
Чаган-Куренский рассказ. Перевод Д. Горбова	144
Печальная история с котом. Перевод М. Скачкова	149
Непоколебимый католик дедушка Шафлер в день выборов. Перевод Д. Горбова	153
Немецкие астрономы. Перевод Н. Качуровского	157
Когда сносили старые стены. Перевод В. Чешихиной	161
Способ господина полицмейстера. Перевод Д. Горбова	168
Помолвка в нашей семье. Перевод А. Касюги	173
Интервью связанного офицера. Перевод Л. Касюги	178
Печальная участь вокзальной миссии. Перевод Ю. Гаврилова	182
Сказка о трагической судьбе одного порядочного министра. Перевод Ил. Граковой	187
Воскресное занимательное приложение. Перевод Д. Горбова	191
Пан Флорентин и Хохолка. Перевод М. Скачкова	195
Преступная авантюра пана Тевлина. Перевод Ил. Граковой	199
Частный сыщик Гупфельд. Перевод В. Мартемьяновой	203
Как я выбыл из национально-социальной партии. Перевод В. Мартемьяновой	208
Что происходит, когда человек отрекается от церкви. Перевод А. Касюги	214
Австрийская таможня. Перевод В. Чешихиной	217
Хозяйственные реформы барона Клейнгампла. Перевод И. Ивановой	220
Затмение солнца. Перевод В. Чешихиной	224
Сословное различие. Перевод Д. Горбова	228
Краткое содержание уголовного романа. Перевод И. Ивановой	231
Конец святого Юро. Перевод О. Малевича	234
Пособие неимущим литераторам. Перевод Ю. Молочковского	239
«Любовь, любовь, ты всемогуща». Перевод М. Скачкова	244
Сыщик Паточка. Перевод Ю. Молочковского	248
Судебный исполнитель Янчар. Перевод Ю. Молочковского	251
Разговор с маленьким Милой. Перевод Д. Горбова	255
Как я пришивал пуговицу к брюкам. Перевод Д. Горбова	259
Я варю яйца всмятку. Перевод Д. Горбова	263
Святотатец в Хотеборжи. Перевод В. Чешихиной	266
Поп и мулла. Перевод Ю. Молочковского	269
Пятнадцатый номер. Перевод А. Касюги	272
Траур дворника Якубека. Перевод М. Скачкова	275
Пан Маржинек боится мобилизации. Перевод Е. Аникст	279

Деятельность современного дипломата. Перевод Г. Фокева	282
Гид для иностранцев в швабском городе Нейбурге. Перевод Д. Горбова	286
Приключение вора Шейбы. Перевод Н. Роговой	295
Как я спас жизнь одному человеку. Перевод М. Скачкова	302
Барон и его пес. Перевод Д. Горбова	306
Как Балушка научился врать. Перевод Д. Горбова	310
Когда цветет черешни. Перевод С. Востоковой	315
После коронации. Перевод Ю. Молочковского	319
Из записок австрийского офицера. Перевод Ю. Молочковского	322
Бескорыстие дружбы. Перевод Ю. Молочковского	325
Фиолетовый гром. Перевод С. Востоковой	328
В бюро сыска. Перевод Л. Касюги	332
Старший полицейский комиссар Вагнер. Перевод Л. Касюги	335
Об искренней дружбе. Перевод Л. Касюги	340
Мой друг Ганушка. Перевод Н. Аросевой	347
Как бережливые спасли отчаявшегося. Перевод Н. Аросевой	352

ИСТОРИЯ ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА

Преследование новой партии правительственными кругами. Перевод С. Востоковой	356
Партия растет, но ее бьют. Перевод Ю. Гаврилова	360
Помещения для собраний новой партии. Перевод В. Петровой	363
Казначей партии Эдуард Дробилек. Перевод С. Востоковой	366
Барышня Зюссова, чешская дева Орлеанская. Перевод Л. Касюги	369
Величайший писатель чешский Ярослав Гашек. Перевод Л. Касюги	372
Афера Пеланта. Перевод С. Востоковой	375
Революционер Зиглозер. Перевод Е. Брайниной	378
Манифест партии умеренного прогресса в рамках закона. Перевод Л. Касюги	381
Лекция о реабилитации животных. Перевод Л. Касюги	384
День выборов. Перевод Л. Касюги	387
Примечания	390

Ярослав Г а ш е н.
Собрание сочинений в 5 томах.
Том IV.

Редактор тома
С. Н и к о л ь с к и й.

Технический редактор
А. Ш а г а р и н а.

Подп. к печ. 4/V 1966 г. Тираж 210 000 экз.
Изд. № 950. Зак. 178. Форм. бум. 84×108^{1/32}.
Физ. печ. л. 13,0 + 4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 20,46.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица
«Правды», 24.